

«Русский должен умереть, чтобы мы жили» — так считали фашисты и не щадили ни фрески, ни живых людей.

На снимках:
Новгород. Расстрелянная фреска в Николо-Дворищенском соборе.
Белорусские беженцы 1941 года.

МГ 1991 6

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

3 руб.
[по подписке — 1 р. 25 к.]

Индекс 70544

23/1-14

Памятник А. С. Пушкину в г. Твери работы скульптора О. К. Комова. Памятник стоит на берегу Волги на фоне моста, взорванного фашистами и восстановленного после освобождения города.

Фото А. Аникина

1991 6 МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1991
6
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

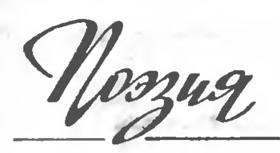

Живи и помни!

«Молодая гвардия», 1991, № 6, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-90-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Владимир ЦЫБИН

ЖЕРТВЕННЫЙ ЧАС

* * *

Край века — нет ни неба, ни земли;
под сердце мое мину подвели.
В забытой, летаргической стране
не слышно, как живет она во мне.
На этом поле времени слепом
и мне упасть — былинкой под серпом.

Аттила — век, где тысячи племен
могил своих не помнят и имен.
В железном небе высыхают сны,
и надписи с надгробий сметены.

Но, даже мертвый, тихо помолюсь
за то, что ты святой осталась, Русь...

Вот смерклось сердце и погас маяк,
душа столетья втиснута в сквозняк.

* * *

Вылейте семь чаш гнева
Божьего на землю.

Апокалипсис

Позвала эпоха всех к ответу —
страшное разомкнуто звено.
В покаянья черную анкету
все ли до конца занесено?

И темны пред совестью вселенской
имена, что проклянут в веках,
волей чьей заморен был Флоренский
на железной койке в Соловках.

Стужа продувала серый ватник,
в будке грелся бдительный конвой,
вслушиваясь, как метель-лунатик
шарила во тьме глухонемой.

Но, как свято сказано в Завете,
умер ли гонитель иль затих,
но есть дети —
как им жить на свете? —
Гумилева кровь горит на них.

Наши дети на кресте распяты,
сердце зажурилось — невпрогляд.
Нет, не лги — не все мы виноваты.
Кто хвалил и бдил — тот виноват.

Пусть судить его бессильны судьи —
веет смертной ржой от кумача.
Некому покаяться Иуде —
нету на Иуду палача.

Неужели горького посева
жертвенный еще не минул час? —
выльется семь чаш на землю гнева
Божьего — семь раскаленных чаш.

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ ПЕЙЗАЖ

Вползая в серо-зеленую грязь,
тени рани сиры и неясны,
и, за тощие флаги зацепясь,
вязкая тишь задыхается в астме.

А были ведь рани теплы и свежи —
ах, какая была кругосветная замять!
Но куда-то — в отлив все мои миражи
по косым полушариям сердца
сползают.

Набухает железом и черной росой
больная трава двадцатого века,
и ворон — от уличной соли босой —
бессонницу прячет
под заплывшее веко...

ПОГАСШИЕ ЛЮДИ

Когда-нибудь время рассудит
те строки, что сгинут во мгле,
где жили погасшие люди
на Богом забытой земле.

Когда под хвастливые сводки
хитро хоронилась беда,
кто с черной тоски,
кто от водки
без смысла погас навсегда.

О счастье в речах беспокоясь,
как будто о вечной вдове,
витийствует
мертвая совесть,
мертвеет коньяк в голове.

Рассветы безмолвные серы
над мглою,
где, молча крича,
погасла без славы и веры
душа, словно черту свеча.

Но можно сказать напрямую
себе самому же во зло —

за что нас в беспросветь такую,
в такую тоску занесло?

Ведь больше не мучит, не ранит
забота, что горше всего:
не страшно, что счастье обманет,
а страшно, что нету его.

Хотя нас усердно гасили,
дана нам надежда, как дань,
что все ж над закланьем России
блеснет заповедная рань.

Останется вечным укором
то время, где каждый забыт,
где ветер
над русским простором
железною вьюгой звенит.

Испытанный на лесоповале,
таскавший руду на горбу,
опять я вверяю державе
и сердце свое, и судьбу.

К чему этот страх бесполезный,
к чему этот песенный чад,
ведь даль обрывается бездной,
и кони без кучера мчат...

* * *

В закат эпохи мы заточены,
словно в четыре каменных стены

Не продохнуть —
холодная, как ртуть,
душа забальзамировалась в грудь.

В глухих, бесколокольных временах
иссохло слово в тесных пеленах

Раскрыты хляби и темна земля,
в клубок свернулось время, как змея.

Не знают, что такое тьма и страх,
два камешка у мумии в глазах.

Неужто наши думы унесет
туда, где изваяет их песок?

И там узнаем, что на плоть земли
сквозь кожу наши души протекли.

Мы наглухо закрыты в жизнь и смерть,
и нет ключа, чтоб небо отпереть.

Неужто мы когда-нибудь сюда
вернемся после Страшного суда?..

РАДИАЦИЯ

Не звучат последние звонки —
словно дан молчания обет.
Слышишь, как сжимает позвонки
обручем потусторонний свет?

Мох густеет, ржавый от росы,
белорунный светится туман,
нить за нитью звезды и кресты
вышивает медленно уран.

И не знают пепел и зола,
погружаясь в этот свет седой,
как земля прекрасна и бела
с теплой, распеленутой водой...

Время ветры вымели, смели,
отключились, лопнув, тормоза.
Слышишь, как в тоске на край земли
пятятся бобруйские леса?

Неужели нам за суетой
ни спасенья, ни защиты нет?..
Человек, став страшною звездой,
излучает в космос черный свет.

Где-то там, в пространствах мировых
над другой, нездешнею травой
полетим — похожи на святых, —
излучая нимб над головой...

Москва

Трибуна публициста

А. КУЗЬМИЧ,
кандидат юридических наук

КАТАСТРОФА РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

РАСПЯТАЯ СТРАНА

Рынок России в свете нового законодательства

В российском и союзном парламентах идут острые дебаты, споры, ломаются копья о программы Шаталина, Абалкина и других перехода СССР и России к рыночной экономике.

Зрители ТВ переживают: кто кого?

Разыгрывается невиданный фарс в утеху его организаторам, в котором зрителям отводится роль «массы», манипулируемой умелыми «операторами».

Скажите, какая разница в том, как вас бьют: в лоб или по лбу?

Фарисейство наших «отцов-законодателей» проявляется в том, что они делают вид, будто от них нечто зависит и они определяют направление развития России и СССР. Просиживание штанов — это еще не признак законодательных полномочий.

Сразу же поставим точки над i и выявим, чью волю оформляют законодатели.

Переход СССР к структурной и социальной перестройке был определен еще в 1983 году Всемирным банком и Международным валютным фондом (МВФ). Тот факт, как заявил один депутат в парламенте СССР, что МВФ не выделит средств под развитие рынка в СССР, пока мы точно не определимся в программах перехода на рельсы частной собственности, говорит сам за себя. Целью перестройки, как отмечено в документах международных банков и организаций, является перемещение промышленных мощностей в Россию и превращение ее из аграрно-сырьевой колонии мира в индустриальную колонию, «нижний этаж» научно-информационных обществ с развитой рыночной экономикой, с переработкой сырья на месте и вывозом готовых полуфабрикатов, комплектующих изделий, запасных частей и т. д.

В этих целях еще с 1983 года стали создаваться совместные консорциумы с участием как ведущих стран, так и других колониальных анклавов в Латинской Америке, Азии и Африке.

Частная собственность, к которой стремятся некоторые депутаты, по содержанию будет иной, чем в XIX веке. Собственникам ставится задача: максимально добыть и переработать сырье в условиях территориальных объемов СССР и самой дешевой в мире рабочей силы. Финансисты мира считают, что старая система жесткой плановой централизации уже не способна обеспечить эффективный производительный труд рабов и ее следует заменить на конкуренцию внутреннего рынка, но с жестким контролем центра над сырьевыми запасами, ценами на них, с максимальным ограничением потребительского спроса на сырье для населения СССР, а также для отдельных «вольных стрелков» предпринимательского рынка на Западе. Все должно быть сконцентрировано на едином мировом центре, согласно планам которого намечается установление мирового правительства к 2005 году.

Сейчас готовится заговор, чтобы нанести последний удар. То, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к этой катастрофе. Целью реформы является насаждение, «выращивание», по выражению одного члена правительства, небольшой кучки собственников и превращение остальных в пролетариев.

Рассмотрим в этом свете текущее законодательство.

Весь законодательный процесс в СССР можно разделить на несколько этапов, начиная с 1987 года.

1-й этап. Этап первоначального накопления капиталов. 1 января 1987 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о частичной отмене монополии внешней торговли и разрешении продавать за рубеж предприятиям и отдельным лицам товары без дифференцированных валютных коэффициентов (ДВК). Вот список товаров: драгметаллы, товары бытового назначения, комплектующие изделия, продовольственные товары, минеральное сырье, химтовары, пушнина, лесоматериалы, топливно-энергетические товары, ювелирные алмазы, бриллианты, удобрения... Это создало незаинтересованность во внутреннем рынке, началось вымывание товаров из страны. Соотношение между долларом и рублем от 0,6 доллара к 1,0 рублю быстро начало снижаться в ущерб рублю: 1 : 1, 1 : 2, 1 : 5 и сейчас уже по рыночным ценам соотношение 1 : 28.

В сентябре и октябре 1987 года вышли постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по обязательному, так называемому «директивному плану продажи государственными предприятиями товаров на валюту». На июньском Пленуме ЦК КПСС был принят новый план экспортной деятельности, а в июле 1987 года СССР подписал соглашение в рамках ООН «Об учреждении мирового сырьевого фонда».

В 1987 году были утверждены новые законы о совместных предприятиях с иностранными фирмами — СП, где иностранцам предлагались льготные условия: 80 процентов прибыли вывозить за рубеж.

В 1988 году был принят Закон о кооперации в СССР, на осно-

* Статьи перепечатываются из русской независимой газеты «Воскресение» (№№ 5, 6 и 7). Общий заголовок — наш. — **Ред.**

вании ст. 28 п. 2 им было предоставлено право «осуществлять свои операции по экспорту и импорту товаров (работ, услуг) на договорной основе через соответствующие внешнеторговые организации».

На основании Закона о государственных предприятиях от 30 июня 1987 года «предприятие обеспечивает поставку на экспорт продукции в первую очередь» (ст. 19, п. 1).

2 декабря 1988 года постановлением Совмина СССР № 1405 «О дальнейшем развитии государственных, кооперативных и иных общественных организаций» были отменены ДВК и разрешено с 1 апреля 1989 года беспрепятственно гнать товары за рубеж всем кому не лень. Моментально опустели полки магазинов, невиданно подскочили рыночные цены в советских рублях, началась крупномасштабная международная спекуляция. По данным нашей печати и спецорганов, в зарубежных банках уже скопилось от 400 до 500 миллиардов от старта первоначального накопления. Эта «золотая мина» стала с нетерпением ожидать нового закона о собственности в СССР.

Дело в том, что внедрить эти деньги, золото в сферу западной экономики невозможно. Западу нужны не бумажные сертификаты, а натуральное сырье и товары, территориальные объемы, живая рабочая сила. К тому же, новые жесткие законы Запада не позволяют развертывать на их территориях экологически грязные (кстати, самые прибыльные!) предприятия, а отчисления производителям (рабочим, служащим) должны составлять не менее 70 процентов от прибыли, что для работодателя не дает возможности извлечь более высокую ренту. И, наконец, жестокая конкуренция в «джунглях» Нью-Йорка, Рима, Парижа, Лондона, Токио. Остается единственный выход: пока капиталы не обесценились, двинуть их в «прерии» СССР и захватить рынок сырья, товаров, рабочей силы (самой дешевой в мире). В этой смертельной схватке столкнулись кровные интересы советских нуворишей, западных предпринимателей, транснациональных корпораций (советских и зарубежных).

Движущие силы нашей «революции сверху» пришли в активное движение.

Вот один факт. «Действующий в Ленинграде — зоне свободного предпринимательства — завод «Источник» продает сейчас за рубеж свою продукцию — аккумуляторные пластины, игнорируя интересы заказчиков. В результате — 26 тысяч единиц уборочной техники на Северном Кавказе простаивает, погиб богатый урожай» («Советская Россия», 15 сентября 1990 г., № 215).

Нормативную и теоретическую базу нашей «революции» составляют такие фундаментальные труды, как труд известного юриста профессора И. Д. Левина «Суверенитет». Хотя книга отражает давние годы, но резюме ее актуально сейчас: «Суверенное государство является юридически неограниченным в том смысле.. что суверенное государство, строго говоря, не несет юридических обязанностей в отношении своих граждан, а имеет только права» (с. 100), а следовательно, «неограниченность юридического суверенитета означает юридически неограниченную свободу установления права государством» (с. 101). Кем? — «Суверенитет мыслится как верховная власть центрального органа государства» (с. 101).

В статье 104 Конституции РСФСР сказано, что «высшим органом государственной власти является Съезд народных депутатов

РСФСР». Но тогда на каком основании Верховный Совет РСФСР 13 сентября 1990 года заложил основы продажи сырья России своим постановлением «О создании зон свободного предпринимательства» без санкции Съезда? Ответа на этот вопрос никто не дает, ибо исходят из первоначальной формулировки о том, что государство якобы не несет обязанностей, а имеет одни права: «Что хочу — то и ворочу!»

2-й этап. Второй этап законодательной деятельности характеризуется: 1) углублением кризиса в стране путем разбазаривания народного достояния; 2) захватом государственных предприятий под накопленный капитал.

Открывает эту колею постановление Совмина СССР № 203 от 7 марта 1989 года «Меры государственного регулирования по декларации товаров, оперативное регулирование» (вступило в силу с 1 сентября 1989 года). Сущность его в том, если отбросить привычные штампы демагогии и фарисейства, что разрешается продажа природных ресурсов республикам, ведомствам. Квотирование и лицензирование товаров за рубеж осуществляет «свой парень» — сами министерства, а перевозку осуществляет «Союзвнештранс». Чтобы волки были сыты, а овцы далеко не разбегались, постановление передало республиканским ведомствам право на собственную продажу (даже Главохоте).

Результат не замедлил сказаться. Продали 12 тонн лягушек в Краснодаре, всю икру морских ежей в Приморье, оставив их без потомства, змей в Хабаровском крае, земельный чернозем с Орловщины, сайгаков в степях Казахстана, даже от живого товара — «проституток» получили доход 1 млрд. долларов (газета «Коммерсантъ»). Но это все мелочи жизни. Далее игры разворачивались в крупном плане..

Постановлением № 1104 от 11 декабря 1989 года на экспорт срочно погнали «лошадей мясных», лишив наше мусульманское население деликатесов. А постановлением № 1189 от 30 декабря 1989 года учредили на территории СССР правовой статус «Международной топливно-энергетической ассоциации» (МТЭА). В соответствии со статусом ее деятели полностью освобождаются от налогов, пошлин, платежей и сборов, взимаемых в государственный бюджет (п. 7), с правом свободной купли и продажи сырья в СССР и вывоза за границу. В соответствии с п. 8 запрещается конфискация собственности ассоциации, а ее работники пользуются на территории СССР «дипломатическими льготами и привилегиями» (п. 9), то есть не подлежат аресту, проверке органами МВД, КГБ, одним словом, весь комплекс правовой защиты по Венской конвенции о дипломатических представительствах 1961 года (послы, посланники) полностью распространяется на интернациональных сырьевиков. Это, образно говоря, государство в государстве. Уже МТЭА забросила аркан на шею многим нашим промышленным предприятиям, вон, например, под видом спонсорства на АЗЛК (г. Москва).

28 декабря 1989 года были отменены надбавки к рублю от курсового соотношения валют, тем самым окончательно рубль был загнан в угол и потерял всякую ценность для предприятий. Политический прицел: сделать рынок сырья и товаров СССР прочным тылом западных монополий в условиях неконвертируемости советского рубля, то есть искусственного выхолащивания его ценности.

3-й этап. Начался с малозаметного постановления Совмина СССР от 10 января 1990 года о повышении цен на золото. Рубль сразу упал в цене. Было 100 рублей за 1 грамм, стало 200 рублей за 1 грамм. Создана была золотая основа обесценивания рубля, и он покатился по наклонной. Но главное, в чем секрет, — была создана почва для хозяйственной неустойчивости советских предприятий. Чем хуже — тем лучше и скорее пойдет «приватизация».

На этой основе постановлением № 290 от 27 января 1990 года была разрешена аукционная продажа товаров (машины до 100 тысяч вместо 10 тысяч и т. д.), где 50 процентов отводилось Союзу и республике (22% плюс 23%), 20 процентов — Госснабу СССР, 10 процентов — местным советским боссам, 10 процентов — производителю и 10 процентов комиссионных — продавцу. Всем сестрам по серьгам! Это уже не называлось спекуляцией, а оформлялось как «торговая сделка», правда, за счет кармана покупателя.

Примерно такого же плана было постановление об учреждении торговых домов и отмене декларации на источник валюты от 1 августа 1990 года. В торговых домах продают всем, кто имеет валюту, все дефицитные товары (а кто ее имеет, можно догадаться по вышеназванным нормативным актам) из расчета прибыли: 42 процента — в местный бюджет, 15 процентов — в Госбюджет, 43 процента — торговому дому. При анализе этих процентов явственно видно, что за «домами» стоит местная мафия (в лице, очевидно, местных Советов) и торговые дельцы от нашей родной советской торговли. С 1 января 1991 года входят в жизнь СССР на полнокровной основе валютные биржи, фондовые биржи, биржи труда и т. д., то есть можно констатировать, что капитал накоплен и скоро начнется 4-й этап. Но об этом позже. Сейчас пока рассмотрим подготовительные меры к 4-му этапу.

Одной из таких мер является постановление Совмина СССР № 151 от 10 февраля 1990 года, на основе которого советским транснациональным корпорациям (Минхиму, Минлесу, Агрохиму и т. д.) предоставляется право лицензирования леса, бумаги, продукции химической и нефтяной промышленности в неограниченных квотах. Это называется любовно «разгосударствлением», но ни в коем случае, как думают, международной спекуляцией. Ни в коем случае...

Особый интерес представляет постановление № 590 от 19 июля 1990 года об акционерных обществах. Для человека с улицы наша печать превозносит этот акт как самое гуманное мероприятие, благодаря которому все мы станем собственниками. Этакий рай собственникам с пачками долларов и колесами «мерседесов»!

Но специалист, изучив этот документ и сопоставив его с основным Законом СССР «О собственности» от 1 июля 1990 года (раздел о т. н. коллективной собственности), легко придет к выводу, что основная масса акционеров должна служить буфером для финансовых акул. Во-первых, акции трудового коллектива выпускаются под фонд материального поощрения. По существу, те же самые деньги, которые труженик должен был получить за отработанный труд, ему не выдаются, а переводятся в акции на неопределенное время с неопределенным процентом начисления (кто даст гарантию от банкротства в условиях скачкообразного роста цен и замораживания сырья? Кстати, уже наготове указ о введении налога

с оборота на сырье). И второе: деньги на акции предприятия пойдут из фонда развития предприятия. Что в лоб, что по лбу. Предприятие уже не сможет располагать свободным фондом развития, а будет зависеть от игры акций на биржах Москвы, а затем — Лондона или Рима. Получается, что кто-то отобрал, например, у вас пиджак, спрятал его в сейф и говорит: «Посиди, дорогой, пока в твоем пиджаке деньги появятся». А кто хозяин «сейфа»? На это прямо сказано: ведомство. Есть уже примеры. Так, Камский автомобильный завод стал акционерным предприятием с фондом 4,5 млрд. рублей. Ведомство оставило себе 51 процент, 20 процентов — коллективу, а 29 — на продажу ТНК с правом последующей продажи (разбазаривания, вернее, извините, разгосударствления) всего остального. Лиха беда — начало! В акционерный ажиотаж ударились все: газеты, Советы, КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС... Но самое страшное в том, что никто не создает какой-либо новой формы собственности, а делят между собой одну и ту же, притом весьма условно. Материальное, правовое положение его участников ничуть не меняется. Однако в политическом плане оно имеет значение.

Например, когда началась т. н. «банковская» война между финансовыми тузами СССР и РСФСР, то срочно растащили авуары банков по «акционерам». А в соответствии с международным правом, если один акционер имеет не более 27 процентов от общей стоимости предприятия, то он не обладает правом решения о передаче собственности другому лицу без общего согласия основных участников акционерного общества. Россия оказалась у забронированного «сейфа» всесоюзных «акционеров», где каждый имел не более 27 процентов акций всесоюзных банков.

И второе политическое значение. Сконцентрированность акций в немногих руках, точнее основных сумм предприятий, позволяет при наличии биржи продать государственный фонд зарубежным партнерам.

Хотелось бы осветить два вопроса: на каком основании продается народное имущество? Почему трудовые коллективы оказались объектами без собственности?

Во-первых, сразу же внесем поправку. Как таковой не было и нет народной собственности. Истинный собственник был тот, кто захватил власть в 1918 году и окончательно закрепил ее в 1921 году. Это власть международного, т. н. «интернационального союза», основы которого были заложены знаменитой Циммервальдской конференцией в 1916 году. И не случайно, что так называемая партия, а по существу узкий союз представителей восточного блока Международной лиги, являлась удельным хозяином России и ее имущества.

Нам объясняют сейчас все так называемой структурной перестройкой. Так, в постановлении Совмина СССР от августа 1990 года сказано, что в связи с изменением структуры управления создается система крупных концернов в форме акционерных обществ, где вместо «вертикального» подчинения вводится «горизонтальное». Не будем вдаваться в схоластику научных терминов. Какая разница, если и та и другая «геометрия» поставлены на службу выжимания пота у производителя за мизерную плату. Так, если по «вертикальной структуре» автомобиль № 412 АЗЛК (г. Москва) оптом покупался за 3,5 тысячи, работнику платили десятку за труд, а продавался за 10 тысяч, то по «горизонтальной

структуре» тот же авто оптом берут по 4 тысячи, а продают на аукционе по 60 тысяч. Работнику же дают десятку в зубы — и гуляй до первой пивной! Новые же розничные цены опять же косвенным налогом бьют по бюджету рабочего или служащего: повышение цен всегда представляет собой замкнутую цепь в государственном хозяйстве. НЕЛЬЗЯ изолировать кусок провода от общей цепи, чтобы по нему не бежали электроны, а перескакивали, как лошади на ипподроме, через искусственные барьеры.

И вторая немаловажная деталь. За государственное имущество наш российский народ уплатил «собственнику» 20 миллионов жизней в 1917—1921 годах, затем еще десятки миллионов в коллективизацию и индустриализацию, плюс миллионы в борьбе с фашизмом. Если сложить все эти черепа, кости, кровь, перевести в доллары, то цена будет намного выше, чем оценивают госимущество спецы ведомств.

На сессии Верховного Совета РСФСР можно было услышать, что ничего необычного нет, что, например, в США 200 свободных экономических зон, 40 процентов французских рабочих трудятся на предприятиях ТНК, 50 процентов канадской промышленности — собственность ТНК, в США базируется более 500 таких корпораций, 100 крупнейших ТНК правят коммерческим «балом» в Великобритании и т. д. И ведь живут люди не хуже, а лучше нас.

Что говорить: довод убийственный. А ответ прост. Ни Англия, ни Франция, ни Канада, ни кто-либо другой из их «системы» не находятся в положении сырьевых колоний, они «питаются» единым домом на основе взаимных равноправных соглашений. Это все равно, что наши всесоюзные ведомства, действующие, невзирая на границы, в России, на Украине или в Белоруссии. Кто подсчитывает, сколько рабочих от ведомств на территориях республик? У нас одна система. Не случайно, что от ТНК стонут Африка, Латинская Америка (около одного триллиона долга на 1990 год), но не Канада или Франция.

И второе. Свободные экономические зоны и участие ТНК в национальных предприятиях Запада не нарушает общности их рынка. Для француза или канадца рынок США так же открыт, как и собственный. А скажите, какую долю акций имеет трудовой коллектив АЗЛК в автомобильных гигантах Чикаго или Детройта? Или сколько товаров американского производства может купить тот же рабочий АЗЛК за советские деньги в Чикаго? Уже не говоря о свободе въезда и выезда из СССР и США.

Для ясности и перспективы мышления приведем основные положения соглашения от апреля 1990 года, согласованного в Бонне на уровне 1400 фирм и корпораций западного мира с участием государственных представителей Восточной Европы (в том числе СССР).

1. К апрелю 1991 года приватизировать 70 процентов государственной собственности в Восточной Европе.

2. Центр оставляет себе контроль над сырьем, энергией, транспортом, трубопроводами, спиртоносителями, табаком, наркотиками.

3. Все товарные цены к апрелю 1991 года перевести на мировые цены, в том числе на ширпотреб и продовольствие (по долларовому курсу).

4. Западный блок гарантирует невмешательство в законотворческий процесс до осени 1992 года, то есть заключительного этапа

Хельсинкского совещания на основе Венских договоренностей от 15 января 1989 года и временно на 2 года замораживает защиту прав человека в этих странах (в связи со структурной перестройкой и ожиданием миллионов безработных и обездоленных) в соответствии с ранее принятыми договоренностями по Акту Хельсинки 1975 года и Венской встречей 1989 года. Исключением будут проблемы: беженцев, политзаключенных и воссоединения семей.

5. В случае быстрого решения о переводе основной собственности на частные рельсы и обеспечения интересов Запада гарантируется финансовая помощь, в том числе и безвозмездная.

6. В целях оказания содействия частному сектору Восточной Европы в рамках ЕЭС создается Европейский Банк реконструкции и развития с уставным фондом около 15 миллиардов (в долларах).

7. Ни одного цента не будет выделено государственному сектору, и за нарушение этого правила страны-кредиторы несут ответственность по нормам международного права.

8 августа 1990 года было утверждено постановление Совмина СССР о малых предприятиях — МП. Основная идея исходила из того, что на Западе 40 процентов ВНП (валовой национальный продукт) осваивают малые предприятия и являются мощным фактором развития: мобильны, конкурентоспособны, пионеры внедрения новых технологий. Это правда. Суть в том, что МП Запада действуют в условиях свободы внутреннего рынка сырья, находятся под опекой коллективных корпораций, где 90 процентов собственности — собственность трудовых коллективов, у которых единый неотчуждаемый пай и социально-уравнительное распределение общей прибыли. Управляющие набираются по контракту и несут юридическую и материальную ответственность перед коллективом, 70 процентов прибыли идет на зарплату. В США, к примеру, таких «коллективных капиталистов» треть страны. МП как бы филиалы этих свободных предприятий, над которыми нет власти, кроме власти собственного коллектива. Такие предприятия не только экономические, но и политические единицы общества и государства, и имеют одну треть своих представителей в парламенте страны.

Наши же МП связаны по рукам и ногам сырьевыми монополиями, они даже гвоздя не могут купить без лимитов и вынуждены искать его по спекулятивным ценам, перебрасывая затем расходы на бюджет потребителя, в конечном счете и на себя. Это вторые советские кооперативы, только в замаскированной форме. А учитывая, что наши корпорации-предприятия целиком «зациклены» на экспорт сырья, полуфабрикатов, комплектующих изделий за рубеж, не имеют собственного лица и собственности, то о какой опеке может идти речь? Раб у раба — это двойной раб.

Кооперативы действуют два года, но сколько дополнительной обуви, одежды, продовольствия по сниженным ценам против государственных они дали советскому потребителю? Картина налицо. А теперь немного фантазии, и представим, что если по госплану кооперации на 1988—1990 годы отводилось только 4 процента освоения ВНП СССР, то МП отводится 25 процентов ВНП в 1990—1992 годах. Сколько же они «проглотят» наших товаров и до какой космической высоты поднимут дефициты и цены?

Как видно из анализа нормативных актов СССР, вся нормотворческая деятельность ложится на плечи Совета Министров СССР. Такого нет ни в одной стране мира. По существу, правительство

выполняет законодательные функции, совмещая и законодательную и исполнительную власть.

Дело в том, что еще с 1920 года установилось правило, что Совет народных комиссаров РСФСР заменял собой все правоохранительные и законодательные органы (диктовалось условиями революции). Впоследствии вкус власти в одном органе пришелся по нраву управляющим, и это стало именно тем основным корнем тоталитарного режима, который, в конечном счете, сожрал и своих собственных творцов, как в рассказе Р. Шекли «Абсолютное оружие» биологический монстр сожрал всех создателей и всю планету.

КАК НАС ГРАБЯТ ЦЕНАМИ

(Секреты «Серой экономики»)

По поводу цен в совпечати напущено столько тумана, что даже сведущему специалисту разобраться трудно. С умным видом знатоков наши лауреатные профессора и академики ежедневно вбивают нам в головы архисложные идеи и тяжко вздыхают: «Нет выхода, кроме рынка, придется подтянуть ремни на животах». Западные специалисты и «радиоголоса» сходятся на одной «волне» с доморощенными лжеэкономистами. А простые (в смысле, одураченные) граждане России с ужасом смотрят на бешеный танец цен в магазинах и на рынках и с тоскою слюнявят оставшиеся на сберкнижках или в кошельках уже не деревянные, а соломенные рубли, вспыхивающие, едва их подносят к пожарищу рыночной экономики, искусственно разжигаемому из центра.

Скажем прямо: нас дурят! И дурят по-крупному, рассчитывая на дебилов III степени.

Секреты нашей «Серой экономики» (см. независимую русскую газету «Воскресение», 1990 г., № 6, статья «Почему совфинансы не поют романсы») просты, как тот «ларчик» в басне Крылова, который «просто открывался». Кстати сказать, все секреты мира просты как божий день, и в этом суть вечного взаимодействия.

Сразу же определимся: в чем корень одурачивания нас ценами? Ответ: в поставленной задаче снизить уровень потребительской «корзины» советского человека, не дать ему «ухватить зубами корку хлеба больше его рта». Кем поставлена задача? Интернациональной мафией. Почему? Потому, что к 2000 году в мире ожидается продовольственный и энергетический кризис (см. док. ООН № А (43) 19 от 26 мая 1988 года). Как его избежать? Мафия считает, что необходимо насытить потребительский рынок стран Запада и отдельных стран Востока (всего около 2 млрд. населения) за счет искусственного сокращения потребления жителей Восточной Европы, СССР, Китая, Индии, Африки и Латинской Америки. Почему столь ответственная задача возлагается на интермафию? Потому, что, по данным Комитета ООН по борьбе с преступностью, $^2/_3$ валового национального продукта всех стран мира, взятых вместе, принадлежит интернациональным «спрутам» (док. ООН № 57 от 16 февраля 1990 г.). Не случайно в известном итальянском фильме «Спрут-4» один из «крестных отцов» «Коза ностры» полушутя сказал: «Я мог бы скупить всю Европу...» Но это в фантазиях авторов сценария, а в реальности дела обстоят значительно страшнее. У интернациональной мафии собственные империи, армии, президенты в качестве покорных слуг, генералы в роли лакеев, крупные предприятия, международные рынки, банки. На них работают отборные политики. Так сказано в документах Комитета ООН. Не случайно французы говорят: «Кто платит деньги — тот заказывает музыку». Уже и наше всесоюзное «Время» — не время, а «ОЛИВЕТТИ», уже и Дальний Восток не восток, а «свободная экономическая зона» транснациональных корпораций, уже ЦУМ не универмаг на Красной площади, а некое акционерное предприятие под опекой зампред Моссовета С. Станкевича. Даже бывший министр финансов СССР, а ныне уважаемый премьер-министр Валентин Павлов вроде бы премьер и не премьер, а президент Международного «Фонда реформ», которому по постановлению Совмина СССР № 960 от декабря 1990 года предоставлено беспрепятственное право «получения централизованных материальных ресурсов в СССР» с освобождением «от всех налогов, государственных и таможенных пошлин» при вывозе их за границу или реализации в СССР (сравните драконовские «абалкинские и павловские» «налоги на фонды предприятий и заработной платы трудящихся!»).

«И куда ты летишь, русская тройка?» — спрашивал в недоумении Гоголь («Мертвые души») в середине прошлого века. Сейчас никто не спрашивает. «Тройка» уверенно, на рысях летит с поклажей сырья и энергии на Запад или на Восток — в Японию. Ямщики в ливреях «СП», «Инфирм», «Фондов», «Ассоциаций» с вожжами «приватизации» в одной руке и свободного ценообразования в другой нахлестывают взмыленных русских коней, из кожи которых выпирают намозоленные за 70 лет совласти ребра и жилы.

Но это все присказка. Действительность настолько ошеломляет, что никакие выдуманные русским умом Кощей Бессмертный, Баба Яга или Змей Горыныч не сравнятся с реальностью фантастического ценообразования в России.

Раскроем этот секрет. И не надо быть академиком, чтобы понять его. Чем меньше научной дурости, тем лучше. Нам не платят за «наукообразность», как Абалкину, Шаталину, Явлинскому, Аганбегяну или Г. Арбатову, О. Богомолову, Т. Заславской, П. Буничу, В. Тихонову, Г. Попову, Н. Шмелеву — т. н. «президентскому Совету» России.

Мы народ простой, как писал Александр Сергеевич Пушкин, «нам щей горшок, да самый большой» (в умеренных ценах, конечно!). Так вот, первый вопрос к названным выше товарищам: почему этот «горшок» стал катастрофически пустеть с 1987 года? Создался массовый дефицит товаров, как прелюдия к предстоящему росту цен?

Главный и основной секрет ценообразования в сущности искусственного рубля, который не является деньгами, а служит талоном для минимального выживания. Так называемая его «неконвертируемость» введена по сговору интернациональной мафии с угодными им правительствами в 20-х годах XX века (почти все страны Азии, Африки, Латинской Америки). Сразу поставили «железный занавес» между странами с населением «основного потребления» — основным населением мира (см. док. Лиги наций) и «вспомогательным» населением * (см. газета «Воскресение», № 4, 1990 г.). К основному населению с конвертируемой (свободно обращаемой) валютой отнесли страны Северной Америки и Западной Европы

* См. «МГ» № 2 за 1991 год.

(с 1956 года в их состав вошла Япония). Вдумайтесь, что влечет неконвертируемость денег? Запрет выезда, невозможность покупки товаров за рубежом, свобода спекулятивного и грабительского ценообразования в «закрытых», неконвертируемых зонах, а как следствие этого, и разница в ценах в «свободном» мире и в «закрытых» зонах к выгоде основного населения, особенно на сырьевые ресурсы, энергоносители и новую технологию и товары (что и является корнем противоречия в мире).

В начале 20-х годов XX века, то есть после переворота в 1917—1921 годах в России (как стало известно, совершенного по заданию интермафии, см. «Московский комсомолец», № 237 от 14 октября 1990 года, с. 2), были введены во всех странах «свободного» мира жесткие законы об иммиграции с Востока.

Вот суть одного из них. Закон США от 26 мая 1924 года: запрещается въезд в Америку пауперам, бродягам, наркоманам, проституткам, психбольным, преступникам и местным жителям запретных зон (неконвертируемых. — Авт.) Восточной Европы и Азии.

Россияне — «местные жители запретных зон» — стали приравниваться к проституткам и преступникам. Вспомните, как свободно выезжали из России и въезжали в нее русские мужики, интеллигенты, куда и как хотели, до 1917 года при т. н. «кровавом» царе Николае II. И никто не слышал о какой-то «неконвертируемости» — деньги обменивали по текущему курсу свободного рынка. Сейчас кричат на каждом углу о т. н. «рынке», но никто не задумывается, что при неравных возможностях между основным и вспомогательным населением мира это блеф. Рынки есть и сейчас в России, но это два разных рынка: один для спецлиц, обслуживающих Запад, — около 8 миллионов человек, а другой — для 280 миллионов россиян, «местных жителей запретных зон», приравненных к преступникам. Это рынок невольничий, где труженикам, как в древнем мире, смотрят чуть ли не в зубы — пригоден ли для черновой работы по добыче и обработке сырья для вывоза на Запад? Только поэтому, начиная с 1920-х годов, все, что свободно мыслилось, было «неуправляемо» — уничтожалось в тюрьмах, лагерях ГУЛАГ или насильственно выталкивалось за рубеж. Весь цвет российской интеллигенции — под корень! А остальных «неуправляемых» — через сито коллективизации, индустриализации загнали в закрытые промышленные зоны, надели им колодки типа КЗОТов (кодексов о труде) с суровыми мерами варварских наказаний за «нерадивый труд».

О чем говорить? Даже вторая мировая война была войной между потребителями сырья Европы (Германия) и Америки (США), проводимой руками российских мужиков. Делили шкуру русского медведя!

Дабы никто не обманывался в этом и не впадал в иллюзии т. н. «рыночной экономики», приведем два последних факта в связи с предстоящим (якобы!) принятием Закона СССР о выезде из Союза. Как заявил министр внутренних дел Австрии, они поставят войска вдоль границы и он прикажет стрелять в лоб каждому мигранту из Восточной Европы, не имеющему разрешения на въезд. Министр МВД Германии Мойбле, правда, стрелять в лоб не обещал, но твердо сказал: «В Европе для них нет места» («Известия», 1991, 5 января, с. 5).

Нет для нас места под солнцем благосостояния Запада. Все мы — в кованых цепях интермафии с 1921 года и обязаны тянуть

лямку добытчиков сырья. Поэтому никто не должен обманываться ценами и дурить себе голову цифровыми играми Минфина, Госкомстата или Верховного Совета. Все это мыльные пузыри, рассчитанные для одураченных россиян. Любую цифру можно высосать из пальца. Так и делают снизу доверху. Не случайно есть анекдот о том, как в России из одного лимона выжимают ведро сока. Игры в миллиарды и триллионы (денег в России) — такая же анекдотическая игра в «лимонный сок».

Тот факт, что наши Минфин, Госбанк и Внешэкономбанк не хранят настоящие деньги — твердую валюту «в натуре» на своих счетах в России, а обязаны хранить ее в сейфах загруженных банков (что и делается — см. расчетный баланс Госбанка СССР для служебного пользования), свидетельствует об этом. Наш труд, накопленный десятилетиями, перекачивается в банки Запада и служит основой модернизации и благосостояния экономики Запада. Простой пример. Если бы на вас работали миллионы негров в Африке и обеспечивали сытую жизнь, то вы разве сильно бы кричали о правах этих «человеков»?! Кто у нас ночами не спит и думает о чукчах, ненцах Севера? А ведь они вымирают по вине нас, нашей цивилизации... А золото, алмазы, газ, нефть, уран, пушнину их земли мы гоним регулярно на Запад... Так и с нами, русскими, обращаются люди «основного населения» Запада.

Сколько словес развешано на уши об оптовых, розничных коммерческих, закупочных и прочих ценах. Но никто не задался себе простым вопросом: зачем они существуют? На цивилизованном рынке есть одна цена — цена спроса и предложения. А у нас ценовые клетки разной формации, в зависимости от того, кто к какой категории потребителя относится. У нас 10 категорий пайков на выживаемость в пределах единого куска мирового пирога, отрезанного России по лимитам мирового сырьевого фонда. В пределах лимита — делитесь, размножайтесь, а вне пределов — ни-ни! Вот и идет «семейная» грызня из-за объедков с обеденного стола империалистических гигантов. У кого лапы мохнатее, да зубы острее, тот в первых рядах российской кормушки; других же теснят соседи боком и задом, копытами.... Как у корыта — силой берущие у соседа: кому спецпаек, кому паек категории № 1 и т. д. (Напомним, что по проектам Троцкого, Бухарина в России с 1920 года установились эти 10 категорий пайков на минимальное выживание, в зависимости от занимаемой должности или физически выполняемой работы).

И никто не задумался, а зачем устраивать драчку за «корм хозяина»? Ведь это наше, общее — и «корыто» наше, и корм российский (от Бреста до Владивостока), и хозяева мы сами. И еще на размышление: насытившихся животных, как правило, потом режут на окорока и колбасы на корм «хозяину».

Покажем «механику» приготовления «колбас» и «окороков». Для этого используется печатный станок с целью наводнить страну новыми массами бумажных денег, не имеющих никакого товарного покрытия. Цены катастрофически ползут вверх, а деньги теряют свой экономический смысл: за них уже ничего не купишь (если нет в кармане миллионов!). Люди теряют заинтересованность в труде, а как следствие — сокращение производства, безработица, сужение потребительского рынка. Статьи бюджета, касающиеся социальных программ: пенсии, пособия, здравоохранение, образование, наука, культура, спорт, жилье и т. д., катятся по нулям

к современным ценам, то есть исчезают основы нормального существования общества в целом и человека в отдельности. А если совместить сокращение производства, товаров, безработицу с самоуничтожением социальных программ защиты человека, то вывод однозначен — планируемое массовое сокращение населения в России. И так чисто делается, что комар носа не подточит, без всяких атомных бомб и лучевого оружия. Уже сейчас «положение с детьми и молодежью» таково: из 100 миллионов в возрасте до 24 лет примерно 60 миллионов — ослабленных., а из рожденных в начале 80-х годов вполне здоровых ребят насчитывается не более 25 процентов. Демографические пропорции среди детей через одно-два десятилетия становятся пропорциями всего населения (данные Института социологии АН СССР, отдел демографии, проф. Л. Рыбаковский).

Вывод: через 20 лет в России станет 80 процентов дебилов и больных, которые вымрут, как мамонты, в условиях «рыночной экономики» и искусственно создаваемых цен. Россия, как некогда Америка, широко откроет свои двери для «пионеров-переселенцев» — новых ковбоев Запада и Востока. Где сейчас следы бывших гордых сынов племен Америки — ацтеков, майя, «сынов солнца» в Перу и т. д.? Под каким камнем искать в XXI веке черепа бывших русских, татар, прибалтов, грузин и т. п.? Новым ковбоям России наша история будет не нужна...

Искусственное сокращение населения России может довершить планируемая гражданская бойня, как в XVI веке в Южной и Центральной Америке, как в 1917—1921 годах в России. Варианты, очевидно, апробированы финансистами мира. Мало кто знает, что российские лидеры 17-го года, возглавлявшие разные партии, по существу, вышли из одного «бункера», но под знаменем войны гнали россиян лоб в лоб — 20 миллионов загубленных жизней. Чей же этот «бункер» сегодня, из которого вышли современные лидеры т. н. «враждебных партий»?

* * *

Если посмотреть нашу печать, то создается впечатление, что самые обеспеченные сегодня люди — это сироты, пенсионеры и инвалиды. Кто только не работает на них: Советы, КПСС, профсоюзы, совместные предприятия, зарубежные фирмы, правительство в целом и Минфин в частности. Трудятся в поте лица, отрывая от зубов лакомые куски для этих самых пенсионеров, инвалидов и сирот. Что бы ни продавали за рубеж (от зубочисток до танков), обязательно в нормативном акте, уставе, соглашении и т. п. ссылка о том, что якобы прибыль идет в помощь обездоленным. Выручка от аукционов по продаже утюгов — тоже для них («Московский комсомолец», 1990, 28 декабря, с. 1). Биржи — опять же навар от них для инвалидов и пенсионеров, не говоря уже о частных акционерных «фондах», типа Государственного (бывшего!) универмага в Москве на Красной площади. Очевидно, что в скором времени и саму эту площадь вместе с Кремлем продадим на Запад «в помощь пенсионерам и инвалидам». И им же все мало!!! Вот кто виноват в нашей инфляции и кризисе товаров, росте цен.

В последнее время правительство также озабочено, думаю, судьбами нищих и калек ограбленной России, спешно издало постановление о взыскании с фондов заработной платы всех рабочих и служащих от 26 процентов (Союз) до 36 процентов (Россия) для помощи вышеназванным бедолагам. И не разовый это побор, а ежемесячный на всю жизнь. Выложи из кошелька 30 целковых в месяц от каждой сотни и радуйся, что соседу-инвалиду пойдет на кусок с сыром и маслом. Как сообщило ТАСС, с 1 января 1991 года стал действовать Пенсионный фонд СССР (председатель — О. Тарасов) с общей суммой доходов (поборов) более 100 млрд. рублей в год (вот где котам масленица!). А если учесть, насколько пенсионеров меньше, чем работающих, то каждый из них якобы получает ненамного меньше среднемесячной зарплаты работающего (фонд зарплаты 300 млрд.), не говоря уже о сиротах, которые «купаются» в роскоши (все страны шлют им подарки ширпотреба и дефицитных товаров через руки родных наших советских кооператоров). Минфин СССР выступил также с ценной инициативой заморозить 50 процентов всех банковских активов предприятий Союза и оказать помощь сиротам (сколько таких вот «сирот» просиживает сейчас штаны в лучших ресторанах Рима и Парижа, а затем, возвратясь в Союз и даже не вытерев салфеткой жирные губы от «сиротской» французской пищи, вещают нам с полос газет и экранов ТВ о том, как мы плохо живем, потому что якобы плохо работаем). Например, один из членов правительства, выступая как-то на сессии Верховного Совета, сказал не в бровь, а в глаз, что инфляция денег от того, что «переплачивают зарплату рабочим и служащим». Вот где, по его мнению, зарыта собака.

Внесем две поправочки. Во-первых, собака зарыта не там — рабочим не хватает зарплаты на нищенский паек по новым бешеным ценам т. н. «рынка» (на 300 руб. сегодня можно только два раза откушать от пуза, не более); а во-вторых, «собака» эта совсем не зарыта. Она спокойненько бегает с жирной мордой от Москвы до Парижа и далее, пользуясь для пропитания особыми банковскими счетами «Д», позволяющими без всяких деклараций менять рубли на доллары или доллары на рубли. И никаких законов о въезде и выезде ей не требуется. По условиям Хельсинкских соглашений от 1975 года, если у этой «собаки» есть далекие родственники в тридесятом колене и хвосте за границей, то она имеет право беспрепятственно вояжировать «туды и сюды». А так как у рядового советского гражданина таких родственников, к сожалению, как у этой «собаки» нет, то он является по законам Запада об эмиграции «местным жителем запретной для выезда зоны» (см. закон США об иммиграции от 26 мая 1924 года). Уже принят закон о гражданстве СССР, где таким «собакам» разрешено иметь двойное гражданство: СССР, Израиля, США, Франции и т. д. Такие двойные граждане могут теперь свободно создавать СП — смешанные предприятия, якобы от имени «иностранцев», а по существу, перекачивать свои капиталы из одной страны в другую, а сырье СССР, конечно, на Запад. Чтобы все было без сучка и задоринки и ни один «местный житель» не протестовал, почему таможенные кордоны писаны только для него, проект нового таможенного кодекса СССР обеспечивает «двойняшкам» особые преимущества. Как правило, пограничные кордоны на то и существуют, чтобы служить фильтром и отстойником. По данным статуправления СССР, через «отстойник» в 1990 году уже просочилось около 18 тысяч «юридических лиц», то бишь предпринимательских, коо-

партнерских, производственных, торгово-перекупочных предприятий, и около 8 миллионов сограждан. А если учесть, что каждое юридическое лицо имеет немало нахлебников, то вполне понятно, сколько российского корма им потребуется.

* * *

Создается впечатление, что наступили самые счастливые времена на белом свете. Средства массовой информации изо дня в день долбят нам в голову, что и «демократы» с одной стороны, и «консерваторы» с противоположной трудятся не покладая рук на благо простого человека.

Разгораются «бои» на трибунах и в залах. Кажется, что соперники, готовые по-своему осчастливить «простого человека», вот-вот вцепятся друг в друга! Ан нет! «Согласительные» комиссии находят компромиссный вариант и нам преподносят очередной закон.

Все это напоминает сцену из водевиля, разыгрываемую на арене цирка: правда, зрителям не до смеха, потому что после каждого такого сеанса содержимое их кошельков катастрофически уменьшается.

Дабы не только нам было не смешно, но и «актерам» не пришлось смеяться над тем, как они нас дурят, расскажем по секрету всему свету о тайнах законотворческой кухни.

Как-то промелькнуло сообщение, что в среднем в сутки эмиссия денег в СССР достигает 70 млн. рублей. Органами КГБ были вскрыты крупнейшие спекулятивные сделки с советской валютой. Только один Челябинский кооператив «Эхо» под «чутким руководством» главного экономиста России Г. И. Фильшина продал 140 млрд. рублей за 7 млрд. 756 млн. долларов. А сколько таких «челябинцев», «свердловчан», «ростовчан», «москвичей» или «питерцев» в Союзе? Ладно уже — бумажные деньги... А вот зам. министра финансов СССР Ситнин предложил продать русскую землю на Запад («Экономика и жизнь», № 2, 1991, с. 10). Куда ни ехало! Как говорят на святой Руси: «Коль пошла большая пьянка — режь последний огурец!» Но как будут «опохмеляться» русские люди поутру, когда под ними и земли не останется? Или в том, «лучшем мире», земля не требуется?

Более того, никто не ведает, куда уплывут конфискованные 23—25 января 1991 года по Указу Президента 50- и 100-рублевые купюры. Если учесть, что они гарантированы золотом и активом (сырьем) СССР, то надо быть дураком, чтобы через них не завладеть основой жизнеспособности населения России. Тем более что сегодня не надо, как миллионеру Корейко (из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок») таскать чемодан с валютой с вокзала на вокзал на тайное хранение, а по законам финансового мира достаточно иметь лист бумаги в виде чека, векселя, долговой расписки, который ни одна таможня мира не имеет право изъять. А в бумаге записано, например: «Выдать сему человеку с двойным гражданством 10 млрд. рублей (или долларов, марок и т. д.)». И Госбанк обязан выдать, если не «в натуре», то компенсацией в виде сырья, энергоносителей, товаров или рабсилой накормить.

База подготовлена. Постановлением СМ СССР № 1253 от 8 декабря 1990 года решено увеличить экспорт сырья за рубеж (и

полуфабрикатов из него) в 2,5 раза. Постановлением ВС РСФСР от 22 декабря 1990 года разрешено местным Советам взимать дополнительные новые налоги, сборы, пошлины (это для кормежки). С 1 января 1991 года запрещены бартерные сделки предприятий, кроме (вдумайтесь!) СП — совместных предприятий, инофирм, предприятий сырьевой базы, сделок Минторга, Центросоюза, Госснаба... Любому «частнику» — шлагбаум! «Серой экономике» центра — зеленый свет! И не случайно, что нормативы отчислений в валютные фонды сырьевых предприятий (постановление СМ СССР) разнятся в зависимости от целей: если гонишь нефть и газ в «живом» виде на Запад, то 60 процентов, а если перерабатываешь на бензин, мазут и т. д., то только 35 процентов. Ежу и тому понятно, что всем предприятиям СССР невыгодно и бессмысленно развивать собственное производство с привлечением валютных средств. Пойдет стагнация производств, наш потребитель останется без керосина и бензина, не говоря о маслах. А это — консервация с/х техники на полях, застывшие цеха, безработица и голод. И не случайно, что ужас охватывает промышленников текстильных и прочих предприятий Союза, когда вследствие подорожания сырья и энергии оптовые цены (закупки у государства) оказались выше розничных (продажа товаров населению). Купи сырья на 1 рубль, а продавай товар из него на 20 копеек. Тебе в убыток. Значит, надо «драть» человека с улицы, то есть нас с вами. И пошли гулять цены по всей ивановскую!

И никто не догадывается, что еще в апреле 1990 года в Бонне принято международное решение о поднятии цен на сырье, товары и энергию в СССР на уровень мировых. Но суть-то в том, что цена рубля искусственно выхолощена, и получается, 1 доллар — 20 рублей. И если 1 тонна нефти будет стоить 300 долларов (см. «Коммерсантъ» № 3, 1991 г., с. 13) в условиях войны в Персидском заливе, то в рублях это 300×20=6000 рублей (в 1989 году — 35 рублей). Одним словом, советский потребитель может ощутить сполна: от цен на сырье и энергию автоматически зависят все цены, от хлеба до носков! И никто не обмолвится ни словечком, что на Западе в таких случаях (и у нас при нэпе) автоматически растут цены на живой труд. К примеру, 300 рублей в месяц умножить на 20 = 6000 рублей. У всякой палки — два конца: если тебя бьют одним концом (цены на сырье и товары), то другим ты бьешь работодателя (цены на живой труд). Все равны. А у нас — свистопляс с палкой с одним концом, да еще с подвешенной гирей на ней! Какая же голова выдержит такие «аппаратные игры»? Не потому ли уважаемая газета «АиФ» (№ 52 от 1990 года) от имени сеньора Альфондери предлагает нам вернуться на 200 лет назад к феодальной системе эксплуатации народа, а не менее уважаемый советский ученый Игорь Лавровский считает, что «нужно четко осознать, что колониальная структура экономики СССР сохранится в течение всего обозримого будущего» («Деловой мир», № 1, 1991, с. 6), то есть еще 73 года при правлении новых демократов — «слуг народа». А секрет этих измышлений прост: «наши отцы-благодетели» не заинтересованы продавать сырье и энергию внутри страны, наши деньги не имеют цены, неконвертируемы. Чтобы придать им цену, нужно срочно перекрывать границы, вводить таможенную войну, оторваться от доллара, объявив его недееспособным на территории СССР, а соврубли за рубежом — не имеющими юридической силы. Либо

другой путь — свободной конвертируемости и свободы рыночного движения капиталов, товаров и рабочей силы из страны в страну. Но первый путь — удар по «серой экономике» и компрадорской совбуржуазии, второй путь — это удар по «основному населению» Запада, когда их «кусок хлеба с маслом» придется делить с изголодавшимися русскими мужиками. А там и китайцы на подхвате! Да кто же позволит такое? И прав будет министр МВД Австрии, если прикажет стрелять в лоб мигрантам с Востока. В мире — единый энергосырьевой сосуд, и взять больше неоткуда, и ничто, кроме как сила, не заставит отдать свой кусок чужому рту. А ведь в России, по данным ООН, 60—70 процентов всех сырьевых и энергетических ресурсов. Вот где корень теории «колонии» (Лавровский) или «феодализма 1700 года» (Альфондери). Кстати, при Петре I немало зарубежных едоков кормилось в России.

Сквозь цены можно, как в микроскоп, видеть любые тайны и политику. Если взять статистику России 1913 года, то при среднем заработке рабочего 120 руб. в месяц (инженер до тысячи и выше) хлеб стоил 6 коп. за 1 кг, мясо (телятина) — 40 коп., баранина — 14 коп., масло — 1 руб. 22 коп., сахар — 29 коп., водка царская — 30 коп. пол-литра, коньяк — 1 руб. 20 коп. пол-литра, сапоги хромовые — 7 руб. пара.

Сравните наши сегодняшние цены и среднюю зарплату и сами сделайте выводы о политике (см. архивы России).

Корень наших бешеных цен и нищенской зарплаты кроется не только в разнице розничных цен между СССР и Западом и уровня зарплаты (у нас 5—7 процентов, у них 70 процентов от чистой прибыли), но и в политике внешнеторгового оборота.

В. И. Ленин в работе «О монополии внешней торговли. Товарищу Сталину для Пленума ЦК» от 13 декабря 1922 года (т. 45; с. 333—337) писал, что при разнице цен на лен в России и в Англии (4 руб. 50 коп. и 14 руб.) ничто не удержит экспортеров и они мобилизуют вокруг себя все крестьянство». В другом письме Сталину от 18 октября В. И. Ленин отмечал: «Какая сила удержит крестьян и торговцев от выгоднейшей сделки?» (т. 45, с. 220), «все крестьянство, которое будет защищать себя и воевать с властью, пытающейся отнять «собственную» его выгоду» (т. 45, с. 221). Выход — монополия внешней торговли, а не таможенный закон, как сейчас.

В этом и кроется корень нашего развала, разбалансированности рынка, рост теневой экономики, сращивание советских и зарубежных «спрутов». Постановлением Совмина СССР № 992 от 16 августа 1986 года и последующими постановлениями от 13 сентября 1987 года, от 2 декабря 1988 года (№ 1405), от 13 мая 1989 года (№ 836), от 26 июня 1989 года (№ 505) и др. была отменена монополия внешней торговли, и началась невиданная спекуляция, и не было «никакой силы» (по Ленину), которая смогла бы удержать торговцев от выгодных сделок. Россия превратилась в огромный бартер (или бордель, что одно и то же. — Авт.) по обмену сырья и энергоресурсов на западный ширпотреб.

Наибольшую выгоду получали коммерсанты из финорганов. От всех продаж им отводилось 80 процентов валюты, 10 процентов — ведомствам, а остальное — предприятиям. В письме Минфина СССР и Госбанка СССР от 24 апреля 1989 года № В-30-89 «Порядок расчетов и взаимоотношений с бюджетом по экспортно-импортным операциям...» (доп. № 1 от 5 апреля 1990 года) указано, что продаются: товары народного потребления «из выделенных рыночных фондов» Минторга СССР, Госснабом: «продукция производственно-технического назначения», МВЭС СССР, Торгово-Промышленной Палатой, ассоциациями делового сотрудничества с зарубежными странами вся продукция гос. предприятий, объединений и организаций «дополнительно сверх госзаказов, контрольных цифр и договорных обязательств, неликвидов, вторичных ресурсов и отходов». Не мудрено, что в «неликвиды и вторсырье» включали титан, сталь, чугун и прочее. В этом и секрет того, что изъяли из договоров все ценное, искусственно срезали госзаказы, извратили контрольные цифры и все погнали за рубеж. Ничто не могло удержать продавцов. Шло безоглядное накопление капиталов для приватизации.

Как здесь не вспомнить Ленина и его предупреждение, что разворуют Россию без монополии внешней торговли.

Но это еще не все. В секретных инструкциях Минфина и Госбанка (В. Павлов и В. Геращенко) разрешалось в/о «Союзкоопвнешторгу» Центросоюза СССР гнать товары за рубеж «за счет выделенных этим союзом рыночных фондов». В постановлении СМ СССР (Н. Рыжков) № 888 от 25 июля 1988 года разрешалось продавать товары (отнятые у населения) и через посредников (кооперативы) с «оплатой накладных расходов за границей в инвалюте и выплатой комиссионных».

Так, по данным немецкой печати («Панорама» № 9, 1990), только в 1989 году импорт из СССР в ФРГ составил: 20 процентов промсырья, 67 процентов — полуфабрикаты из сырья, 10 процентов — готовая продукция, 1,2 процента — продовольствие. Основной товар: нефть, топливо, смазочные масла, газ, никель, золото, медь, лесоматериалы.

А вот данные нашей печати: на территории СССР действует активно 400 СП. Экспорт их продукции состоит из двух частей: 20—25 процентов — это готовые изделия, произведенные руками наших рабочих из нашего сырья, а 65 процентов — сырьевые полуфабрикаты в чистом виде. Совпредприятия и СП «выступают конкурентами» по продаже богатств России («Деловой мир», № 10, 1991, с. 4).

Все страны от Рейна до Амазонки жирно питались соками России благодаря усердию наших СМ, Минфина, Госбанка.

«Прибыль» в долларах (или рублях) делилась «по-братски». Вот документ: письмо Госкомцен СССР № 01-17/1773-09 «О ценообразовании» от 1 сентября 1989 года. В нем сказано: налог с бартерных сделок должен быть не меньше, чем с оборота. Приводятся примеры. Так, если вы продали 2 тонны нефти за 60 рублей (по старым ценам), а за немецкий видеомагнитофон уплатили 100 долларов (60 руб.), то в бюджет обязаны уплатить разницу между ценой внешней и внутренней: 3000 руб. — 60 руб. = 2940 руб. (Бюлл. валютно-финансовой информации, II кв., 1990 г.). Затем передаете этот «видик» совторговле, которая выплачивает разницу между рыночной стоимостью валют: 100 долл. × 20 = 2000 руб. плюс ваш налог 2940 руб. Итого 4940 руб. Госторговля прибавляет 25 процентов владельцу «видео» на «навар» — 1560 руб. Итого стоимость товара уже равна 6500 рублей. А затем уже совторговля берет свой «навар» при продаже населению по комиссионным, коммерческим или аукционным ценам. Покупатель, таким образом, выплачивает все «навары» перевозчика, Минфина и продавца.

Таким образом, советский покупатель вместо того, чтобы покупать товары по ценам Запада и официальным нашим ценам: 1 долл. — 0,6 руб., на свои кровные (уменьшенные, кстати, в 10 раз против заработка европейца или японца), вынужден уплачивать за товар крупный налог Минфину, Минторгу, спекулянтам из кооперативов. Но корень кроется глубже. Дело в том, что покупаем этот товар на ранее проданный кем-то наш товар, нами не съеденный, не выпитый, не изношенный, оторванный от наших детей и родителей и проданный за бесценок на Запад или Восток. Тот же «видео», «ТВ» или «авто» — это наше сырье, энергия, продовольствие (только с Украины в 1989 году было тайно продано продовольствия на 3 млрд. руб.). Это один случай, получивший огласку в речи т. Ивашко на Пленуме ЦК КПСС. А сколько таких «случаев» в России? Только младенцу сегодня не понятно, почему при богатом урожае 1990 года страна задыхается от нехватки продуктов и живет на подачки западников. Только идиота сегодня можно убедить, что рост цен — это «стихия рынка». На этой «стихии», как на волнах бизнеса, гребут богатый улов сетями те, кто установил новую законодательную систему распродажи России с 1987 года, и те, кто кормится за счет дельцов с берегов Москвы, Волги, Оби или Лены. В сплетении «братских рук» Москвы, Рима, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Токио уже теряет силы российский человек. Дикий дефицит, масса неотоваренных денег, спекуляция, неконвертируемость рубля, низкие зарплаты, обесценение накопленного — все это следствие колониального статуса России, проданной сырьевой базы Западу.

Но есть силы вырваться из этого круга. И силы эти в том, чтобы России, как античному Антею, припасть к запасам родной земли, насытиться ее сырьем и энергией. И тогда отощавшие без сырья нахлебники попробуют вызвать новый «шторм» в прериях России, как ныне в Персидском заливе... Но выбора нет. Либо вымирание россиян, либо свобода народа. Третьего не дано.

АКЦИЯ «ПРИВАТИЗАЦИЯ»

Таково может быть название операции по захвату России. В отличие от операции «третьего рейха» Гитлера «Барбаросса» или сегодняшней операции США «Буря в пустыне» в Персидском заливе, акция «приватизация» осуществляется без применения огнестрельного оружия и бомб.

Это самая хитропродуманная и самая эффективная мера по оккупации чужой территории. Как и в Персидском заливе, в операции «приватизация» участвуют интернациональные силы. Конечной целью ее является полный контроль над сырьем и энергией (естественные и природные богатства и ресурсы) России.

В статье «Кризис в энергетике» («Известия», № 30, 1991, с. 2) вице-президент Международного энергетического клуба академик А. Шейндлин пишет: «...положение наше кризисное... нужно понять, что без программы кризисных мер, реализуемых в течение нескольких ближайших месяцев и лет, нормальная жизнь страны будет невозможна». Суть в том, по его мнению, что «в условиях старых технологий по добыче нефти, газа, угля, ядерной энергетики и гидроэнергетики катастрофически падает объем добываемых энергоресурсов. В этой связи начнет сокращаться фонд продовольственного потребления населения, уменьшится ввод жилой площади, сократится производство товаров длительного пользования, выйдут из строя отопительные и осветительные системы городов, замрет рабочий ритм в заводских корпусах — словом, начнется массовое вымирание российского населения. Выход — немедленный крик о помощи к странам Запада».

Картина, обрисованная академиком, справедлива. Но невольно напрашивается вопрос, оставляемый за ширмой статьи: кто довел Россию до такого дикого состояния? Россию, в которой, по данным сырьевого Комитета ООН, находится более 60 процентов всех мировых запасов энергии и сырья? Почему десятилетиями мы работали на устаревшем оборудовании, почему довели трубопроводы до развалюхи, а недра нещадно грабили и увозили на Запад? А валюту, полученную за «кровь» и «мясо» русской земли, перекачивали в западные банки? Кто сыто ел и сладко пил все эти 70 лет соввласти? Административно-командная система? Пусть нам не вешают лапшу на уши многочтимые академики. Система — это здание, а здание строят люди-каменщики, а над людьми есть хозяин, финансирующий стройку. Таким хозяином является мировая валютно-финансовая элита. Еще в 1981 году известный юрист-международник г-н Беджауи (Алжир) * говорил на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (33-е заседание — Г/А ООН — XXXVI том № 1, 1986, Нью-Йорк, с. 697), что «...недавно заговорили о приватизации и перестройке, но никто не задумывается о том, откуда растут корни». «Перестройка структуры мирового промышленного производства — программа ТНК... Мировая валютно-финансовая элита уничтожает все, что мы создаем своим трудом», а «наша» отсталость — порождение организованной ею системы угнетения и эксплуатации двух третей всего человечества... Законы рынка и конкуренции используются в интересах крупного мирового капитала и ТНК, безудержное восхваление этих законов является преднамеренным обманом; якобы благотворное действие естественных законов рынка есть негативное заблуждение многих народов... Это авантюрная игра финансистов мира, где на карту ставится жизнь миллиардов и будущее планеты... Не будет ли это пирровой победой элиты?..» (с. 698).

10 лет назад Беджауи предупреждал мир о грозящей катастрофе. Сегодня эта катастрофа захлестнула Россию.

Но мы не уясним сущности акции «приватизация», если не вскроем корни прошлого и нынешнего правового статуса России. На наш взгляд, знаменитый фантаст Герберт Уэллс в книге «Россия во мгле», изданной в 1920 году, невольно вскрыл тайные пласты, легшие затем в основание т. н. «административно-командной системы» управления Россией. Уэллса пугал революционный разлив России, он искал пути обуздания стихии. Вот что он писал после своей поездки в Россию в 1919 году по приглашению Каменева, Зиновьева, Троцкого: «Крушение цивилизации в России и замена ее крестьянским варварством на долгие годы отрежут Европу от богатых недр России, от ее сырья, зерна, льна и т. п. Страны Запада вряд ли могут обойтись без этих товаров. Отсутствие их не-

* М. Беджауи — род. в 1929 г. Доктор права. Международный судья ООН с ноября 1982 г., переизбран на срок до 1991 г. Член ряда международных комиссий и специальной миссии ООН в ранге президента и вице-президента. Автор многих научных трудов, почетный член ряда международных институтов, консультант ОАЕ ЮНЕСКО.

избожно поведет к общему обнищанию Западной Европы» (с. 79).

Единственное правительство, которое спасет Европу, заключал Уэллс, это большевистское правительство. «При условии, что Америка и западные державы окажут ей помощь». И дальше фантаст излагает планы такого «спасения России». Создать международный трест, «по своей общей структуре он должен походить... на крупный закупочно-распределительный трест». Если, считал Уэллс, не создать такой международный союз по обузданию России, то вслед за Россией рухнет Западная Европа и вновь замаячит с «копьем в руке» всадник из Азии — новый Чингисхан. И тогда, пророчествует Уэллс, в эту «пропасть» провалится «вся современная цивилизация» (с. 81). «Так я толкую письмена на восточной стене Европы».

Великий фантаст правильно толковал тайные знаки на восточной стене Европы. Именно «международный трест» взял в свои руки судьбу России с 1921 года (НЭП). И не потому, конечно, что радел о ее «варварском крестьянстве» (которое с его помощью было ликвидировано в 1929—1932 годах), а потому, что без «богатых недр России» Западу грозила катастрофа, потому что без российского «буфера» Запад мог столкнуться с Азией лоб в лоб из-за нехватки сырья и энергии.

В этом вся суть современной «перестройки», как и в 1921 году, когда лозунги большевизма были выброшены на свалку самими же ее проводниками. Сегодня «всемирный трест», «международный торгово-закупочный кооператив» ставят три цели перед собой: 1) обеспечить российским сырьем Запад; 2) использовать рабсилу России для обработки сырья; 3) сделать Россию передним окопом будущего фронта между Европой и Азией.

Вскроем теперь самую существенную разницу между прошлым и настоящим сырьевой базы в лице России.

Если в прошедшие десятилетия российское нутро выкачивали без оглядки, не вкладывая в технологию добычи ни одного лишнего цента (самоокупаемость за счет дешевой рабсилы), то сегодня при ясном истощении ее недр, при возросших потребностях Запада в сырье и энергии (рост промышленности и населения) такой «вахтенный» метод непригоден. Необходимо внедрить новую технологию и заставить русских добывать и перерабатывать сырье на месте с последующим вывозом продукции на Запад.

Поэтому стоит задача: переложить на плечи России всю тяжесть стоимости новой технологии, ее перевода с Запада и одновременно связать руки и ноги русских кабальными «долгами», «кредитами» с тем, чтобы они «отрабатывали» их в течение следующих «73 лет соввласти» (демократов или консерваторов — какая разница!!!). Запад готов поддерживать любые «коммунизмы» или «капитализмы», лишь бы они усердно работали на «основное» население мира. Не случайно, что кредитоспособность СССР резко упала. На основе данных и оценок 100 крупнейших международных банков («Деловой мир», 1990, декабрь, с. 5) весной 1990 года СССР отводилось 25-е место в общей таблице кредитоспособности 112 стран мира, а в сентябре — уже 34-е место. В начале 1991 года шкала кредитоспособности резко снизилась. Как отмечают сами западные финансисты, раньше доверие к СССР было основано не на «социализме» совэкономики, а на запасах сырья, полезных ископаемых, золота, нефти, природного газа. Ими можно было

погасить долги. Сейчас в условиях нерентабельности отработанных технологий по их добыче такого кредита доверия нет.

С целью перехода на совершенствование добычи ископаемых, в которых нуждается Запад, и в условиях опасения, что разбалансированность советского рынка приведет к внутреннему «разбазариванию» ресурсов, вводятся новые формы сотрудничества. Одной из таких форм является лизинговая форма кредита.

Лизинговая форма — это оформление специальным договором аренды на длительный срок машин, оборудования, различных товаров для использования их в производственных целях. Западные фирмы остаются собственниками оборудования до конца действия договора (до 30 лет). А затем арендатор может выкупить его по остаточной стоимости. В случае, если арендатор не выполняет условия договора или не вносит в срок платежи за аренду, то оборудование возвращается владельцу. Убытки, принесенные владельцу, погашаются продукцией предприятия или золотом. Например, ФРГ или США поставляют нам оборудование для нефтяных и газовых месторождений, мы обязуемся ежегодно выдавать им 50 процентов добытого для оплаты стоимости оборудования плюс 15 процентов за технологическое обслуживание, плюс еще один процент за выданные ссуды по монтажу оборудования, плюс еще...

Короче, как отмечают специалисты МВФ (Международный валютный фонд), «деньги не уйдут в песок».

Но в чем же тогда кроется подспудная хитрость подобных сделок? В том, что задолженность по таким сделкам не считается внешним долгом самого государства. Здесь очень-очень тонкий ход хитроумных фарисеев. В соответствии со ст. 34 Закона «О предприятиях в СССР» предприятие несет полную имущественную ответственность, а государство, как собственник юридического лица, «не отвечает по обязательствам созданным им юридических лиц», (ст. 3, п. 2 Закона «О собственности в РСФСР»). Предприятие остается один на один с громадой международно-финансовой крепости. Ни о каком равенстве сделки и речи быть не может. Кролик против удава бессилен. Правительству СССР по лизинговой сделке отводится роль надсмотрщика. Оно обязано контролировать выполнение сделки предприятием, не отвечая ни по каким его обязательствам. Оно имеет право накладывать штрафные санкции, налоговые обложения, по арбитражу или суду защищать права инвестора (кредитора). А если учесть, что валютную выручку оно отбирает у предприятия (на долги Президенту 40 процентов, на долги республик 30 процентов, на кормление местных Советов и ведомств 10 процентов), оставляя предприятию только «право на получение валюты» у Внешэкономбанка (у которого и ржавого гвоздя не выпросишь!), то понятно, по какому пути пойдет акция «приватизации» предприятий.

Опутанные долгами обработчики сырья госпредприятий, использующие европейские машины и оборудование, станут потомственными «фабричными» МВФ.

Пример тому есть. Так, при развале Римской империи в III—IV веках н. э. был создан подобный институт собственников-декурионов (вместо рабов). Они обязаны были отработать аренду переданных им земель, мастерских. Новые «собственники» бросали в ужасе имущество, продавая себя в рабство, только бы избавиться от тяжести возложенных на них отработок (не хватало жизни

трех поколений даже для частичного погашения долгов)... Куда же бежать русскому народу, если границы Запада для него на замке? Кто же не желает «отрабатывать», ничего страшного, говорят, сейчас не Римская империя: на кол не посадят, к кресту не прибьют. Записывайся по Закону «О занятости населения» от 15 января 1991 года в безработные с правом получения трехмесячного пособия в размере оклада. Но «выплата пособия.. может быть прекращена в случаях.. в) увольнения за нарушение трудовой дисциплины; г) увольнения с прежней работы по собственному желанию без уважительных причин» (ст. 36). Если «не уважаешь» государство и МВФ, то о каких уважительных причинах может идти разговор?

Акция «приватизация» не выдумка. Она подтверждается законодательством Союза и РСФСР. 21 января 1991 года постановлением СМ РСФСР № 35 утверждено «Положение о государственном комитете РСФСР по управлению государственным имуществом» (ГКИ), которому предоставлено право определять объекты приватизации. Комитет является составной частью концерна «Русикон» (председатель — И. Силаев, он же и Пред. Совмина РСФСР). В концерн входят «неправительственные организации» (!), Минфин РСФСР, ассоциация московских вузов, СП «Интернациональная идея» с участием зарубежных банков. На пятки концерну наступает международный «Фонд реформ» и консорциум «Деловой мир» (президент и председатель В. Павлов — он же премьер-министр СССР) с участием зарубежной фирмы «Максвелл». Здесь же конкурентом перебегает им дорогу международное предприятие «Эко» или «Возрождение уральской деревни» (под чутким руководством бывшего зампред Совмина РСФСР Г. Фильшина), с активом в 140 млрд. рублей, в союзе с «Американ Экспресс» и «Юрофин Лимитед Свицерленд» и т. п. Как сообщил Г. Фильшин корреспонденту («Коммерсантъ», № 4, 1991, январь), он «консультировался» с Я. Ворониным (зампред. Совмина), с Н. Рыжковым и даже... Ну ладно, консультацию в юридический акт не впишешь. А вот создание «Уникомбанка» с участием объединения «Квант темп» и зарубежных коллег (председатель — зампред. Совмина РСФСР Ю. Скоков) — это уже реальность.

И реальность еще в том, что, как видно из перечисленного руководящего состава управляющих концернами, фондами, ассоциациями, банками, — все они по совместительству у кормила совласти.

Так, Ингосстрах СССР, Внешэкономбанк СССР, Госбанк СССР, внешнеторговая фирма «Совфинтрэйд» вкупе с ведущими банками Европы образовали советско-швейцарскую акционерную компанию «Юраско Цюрих», как сказано в Уставе, «с целью создания финансового механизма для реализации различных форм сделок между Западом и Востоком». Президент компании г-н Баль сказал: «Компания может найти в СССР месторождения тех или иных полезных ископаемых (мы без него не можем! — Авт.), получить разрешение на их добычу (о чем разговор, если Госбанк СССР — его партнер! — Авт.), застраховать их транспортировку». Компания собирается внедрять лизинговые соглашения. В Германии созданы две ее «дочерние компании».

По Закону «О Госбанке СССР» Союз «не несет ответственности по обязательствам Госбанка» (ст. 3, п. 2), т. е. Госбанк выступает как независимое юридическое лицо, как бы государство в государстве, в целях «создания единого рынка СССР и его интеграции в мировую экономику» (ст. 4 «г»). Логически выходит, что государство вне рынка, а рынок России принадлежит Госбанку, который его «вписывает в мировую интеграцию». Но тогда и жители «рынка», то есть мы с вами, также автоматически интегрируемся Госбанком в «мировую экономику». Как же совместить понятия «гражданин СССР» и «гражданин Госбанка»? Или душу государству, а тело банку?

Вот и здесь и раскрывается вся тонкость замысла акции «приватизация». Государство, как стыдливая девица, должно стоять в стороне — «моя хата с краю, я ничего не знаю», — а Госбанк Минфин, концерны и тресты набрасывают лизинговую петлю на энергетические и сырьевые ресурсы и предприятия России — и завязывают тугим морским узлом. Баснописец Крылов писал: «Мужик и ахнуть не успел, как на него медведь насел...»

С этой точки зрения под «медведем» следует подразумевать проект Закона о приватизации объектов госсобственности («Деловой мир», № 13, с. 4—6).

Конечно, в проекте ошарашивает широта постановки проблемы: приватизируются, то есть переходят в частную собственность все «предприятия, организации, объединения, цехи, комплексы производственных фондов и другие ценности СССР» (ст. 4, п. 2), а также земли и нежилой фонд СССР «иными актами» (ст. 2). В результате приватизации, сказано в ст. 2, п. 3, «государство утрачивает права владения, распоряжения и пользования объектами государственной собственности». В Законе четко оговорено, что основанием для выкупа объектов государства являются «личные сбережения, средства юридических лиц, заемные средства, ценные бумаги...» (ст. 6). Продавцами являются... «Комитет РСФСР и его органы по управление госимуществом: специальные уполномоченные и их посредники» (ст. 7 п. 2) то есть тот самый Комитет, который находится, как сказано выше, под пятой международного концерна «Русикон» в обнимку с неведомой компанией «Международная идея» (сколько таких «идей» вбито в головы российских мужиков за 70 лет совласти!). И это не кучка лиц, а целая организованная система, «связанная областными и территориальными органами по приватизации, созданными по инициативе Советов местных депутатов» (ст. 7, п. 2, абз. 3). Барыш делится «по-братски»: 50% от приватизации местных предприятий «низу», а 50% «верхам». За приватизацию союзных республиканских предприятий — только 10% «низам». В комиссию по приватизации входят члены Комитета, фин. органов и банков, а также «приглашаются специалисты» (ст. 14). Мнение трудового коллектива вроде бы учитывается, но если он дважды «встал на дыбы» и отказался приватизироваться или денег у него на откуп жидковато, то Комитет сам выносит решение продать предприятие либо по конкурсу, либо на аукционе (ст. 15, п. 6).

Цены по продаже, естественно, рыночные: оценка происходит либо по предлагаемому доходу предприятия на «обозримый период», либо по балансовой стоимости, если оно убыточно.

Кто и как будет оценивать, один Аллах ведает, но зато четко оговорено, что трудовому коллективу больше 20 процентов от общего количества акций не полагается (ст. 26). В любом случае, даже если это государственное акционерное предприятие, контрольный пакет акций будет находиться в третьих руках. Разба-

заривать акции имущества, нажитого десятилетиями труда советских граждан, будут «члены Комитета и его посредники». Ну а если учесть вышесказанное о том, что «посредники» входят «дружной семьей» в международные концерны, компании и банки, то вспоминаются слова Фамусова (комедия Грибоедова «Горе от ума»): «Ну как не порадеть родному человечку!» А таких «родных человечков» от Рима до Нью-Йорка тьма... Кто откажется от богатства России? Нам предлагают (как Г. Фильшину) кусок колбасы, потертые джинсы-«варенки», лишь бы вывезти «трансфертом» наши руды, нефть, газ, золото, лес, металл — всю основу жизнедеятельности человека.

Но все вышесказанное о проекте Закона «О приватизации» в РСФСР — мелочь, если смотреть вглубь. Контуры предстоящей акции «приватизации» иные, чем думают наши «теневики» и «предприниматели». Не для них трудятся умные головы в коридорах Международного валютного фонда или кулуарах штабов транснациональных корпораций. Прямо говоря, не нужен Западу ни русский купец, ни фабрикант, как и в 1917—1921 годах. Вся соль в другом. Если посмотреть ст. 3 этого Закона, где говорится о монополии государства на сырье и энергию, и сравнить ее с новым Законом «Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР» от 10 декабря 1990 года, а также с положениями законов о предприятиях в СССР, РСФСР, законами РСФСР и СССР о земле и землепользовании, то в строгий порядок встанет «Интернациональная идея»: 1) через существующие государственные структуры, 2) через устоявшую монополию государственных органов на природные и естественные богатства и ресурсы — приватизировать сырье и энергию России, оторвав ее от Русского государства, но привязав лизинговыми соглашениями к Западу. В условиях же разграбленной страны, без сырья, энергии заглохнут на корню все «предприниматели» России, а баснословные оптовые и розничные цены окончательно закроют «свет в туннеле» для жизни русского народа. Жизнь будет, конечно, но для компрадорской буржуазии, как ныне в тропической Африке...

Вот о чем беспокоился Герберт Уэллс в 1919 году и вот такую судьбу он прочитал «на восточной стене Европы» (Г. Уэллс, «Россия во мгле», с. 83. М., 1958).

●

Ванцетти
ЧУКРЕЕВ

ДЕНЬ И ЧАС*

Хроника тревожного времени

* Окончание. Начало в № 5.

I. ЕЩЕ РАЗ ПЕРЕД КАРТОЙ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ

Похоже, что это та же самая огромная карта западной части нашей страны и сопредельных государств, перед которой нарком обороны с Котляровым некоторое время назад оценивали складывающуюся обстановку.

Перед картой, чуть в отдалении, чтобы схватывать взглядом возможно больше пространства. — Молотов. Жданов, нарком внутренних дел. Они сидят в жестких креслах, стоящих вразброс — можно и на карту смотреть и, чуть повернувшись, перекинуться словом друг с другом. Тут же, за их спинами, прохаживается Сталин.

Перед картой Сметанин. Он дает пояснения, сопровождая их движением указки.

— Как нами точно установлено, с 12 апреля, то есть неделю назад, на территории оккупированной немцами Польши все железные дороги переданы военным властям. Со всей очевидностью подтверждается факт ускоренной подготовки театра военных действий как в пограничной полосе собственно Германии, так и на территории Венгрии, Румынии, Польши, прилегающей к нашим границам. Идет переброска крупных контингентов немецких войск в Финляндию. Ведется усиленное наблюдение за нашей территорией офицерским составом германской армии, производится разведка рек, фотографирование железнодорожных мостов.

За последнее время установлено сосредоточение на территории Восточной Пруссии и польского генерал-губернаторства:

до 3 армейских группировок;
10 армейских корпусов;
68—70 пехотных дивизий;
6—8 моторизованных дивизий;
10 кавалерийских дивизий;
5 танковых дивизий;
65 отдельных артиллерийских полков;
2—3 авиадивизий;
инженерно-саперных и других специальный частей, в том числе понтонных.

— Интересный факт, — как бы не прерывает Сметанина, а лишь уточняет его рассказ, привлекает внимание к особенно важному нарком внутренних дел, — в сейфах кое-каких штабов... Штабов и тех частей, что только лишь прибыли к нашим границам, и даже тех, что уже там с прошлого года, карты... английского побережья. Во многих частях — учения... Странные учения. Скорее похожие не на форсирование рек, но на высадку морских десантов.

— Работники нашего посольства в Америке, — говорит Молотов, — продолжают утверждать, будто бы у немцев оказались не то какие-то документы, но то сведения, говорящие о том, что мы собираемся при первом же благоприятном случае напасть на Германию. И все это — из английских источников.

— Английский Интеллидженс сервис — кухня старинная, — бросает хмуро Сталин. — Им опыта по фабрикации слухов, якобы основывающихся на сведениях из надежных источников, не занимать. Их задача — запутывать. Наша задача — поиск обоснованной фактическим положением вещей реалистической политики. Скажите, — это он уже обращается к Сметанину, — а штабы более крупных формирований, чем корпусные и армейские, вашими разведчиками не обнаружены? Нет у вас сегодня, например, где-то возле наших границ, скажем, генерал-фельдмаршала Бока со свитой? Или генерал-фельдмаршала Рундштедта? Генерал-фельдмаршала Лееба?

— Нами зафиксированы инспекторские поездки крупных военных чинов немецкой армии в Восточной Пруссии, Польше. Но все участники этих инспекций тщательно законспирированы. Немцам лишь не удается скрыть участия в этих инспекционных проверках Гитлера, Геринга, Редера.

— Гитлер усиленно занимается флотом, — говорит нарком внутренних дел. — Недавно был в Гдыне. Крупные маневры на Балтике. Опять же — высадка десантов. Авиационная, артиллерийская поддержка высадки десантов. Может быть, — сомнения, с которыми это высказывается, он не маскирует, — против нашей Прибалтики? Но в то же время в сейфах карты английского побережья.

Молотов вышел. И тут же вернулся.

— Мы попытаемся, — сказал Сметанин, глядя на Сталина, — уточнить места нахождения названных вами военачальников гитлеровской армии через нашу агентурную сеть.

— Рамзай, — вдруг как будто вспомнив о чем-то, давно его занимавшем, сказал Сталин. — Рамзай... Рамзай... Это немецкий антифашист?

— Это член нашей коммунистической партии, — сказал Сметанин. — Он родился в России.

— Сколько времени он за границей?

— С тридцать третьего года...

— Восемь лет... И все — среди врагов... С врагами рядом... восемь... Вы как-то говорили о плане «Акула», якобы существующем у немцев. Что нового у вас об этом плане?

— К сожалению, гестапо напало на след антифашистской группы, на помощь которой мы рассчитывали. Погибло несколько и наших разведчиков. Теперь удалось войти в контакт с новой антифашистской ячейкой. Группа Каро.

— Рамзай, Каро, — говорит с печальной усмешкой нарком иностранных дел, вчитывающийся в текст сообщения, полученного им только что. — Люди далекие нам. Неведомые. Почти реально и не существующие, потому что мы и имена их истинные почти забыли. А тут вот, — шелест лощеного бумажного листа в руках наркома в тишине комнаты оглушающе громок. — А тут вот на советскую разведку, значит, на коммунизм, работает не кто-нибудь, но сам... английский посол. Две недели на аудиенцию напрашивался, — Молотов говорит это Сталину. — Тебе, Иосиф Виссарионович, послание...

Только что здесь, перед этой картой, испещренной, как и карта в Наркомате обороны, точными знаками, говорилось:

установлено сосредоточение 3 армейских группировок:
10 армейских корпусов;
68—70 пехотных дивизий;
10 кавалерийских дивизий.

Что прибытие отдельного пехотного батальона в город Дорогуск (вблизи границы) установлено и помечено.

И штаб пехотной дивизии, развернувшийся в городе Бела-Подляска (40 километров западнее Бреста), взят на заметку.

И дислокация личного полка маршала Геринга установлена, обозначена на этой же карте.

И эшелон с танками, прибывший на станцию Санок, засечен, маршрут движения выгрузившихся танков в направлении местечка Трепча прослежен.

И вот на все это и на все, все иное, подобное этому, как бы накрывая тенью особенной значимости, ложится бумажный лист, оказавшийся теперь в руках Сталина:

«ВЕСЬМА КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ г-на
ЧЕРЧИЛЛЯ
г-ну СТАЛИНУ

Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов».

Сталин вчитывается в строки конфиденциального послания главы английского правительства. Молчит, погруженный в тяжелые раздумья. Подняв глаза, обращает взгляд на наркома иностранных дел. Видимо, хочет переспросить, что говорил тот о якобы точных сведениях, подсунутых сегодня немцам, о нашем готовящемся нападении на них. Не спрашивает. Переводит взгляд на наркома внутренних дел. В глазах Сталина некая отрешенность, говорящая о том, что сейчас он что-то вспоминает. Вспоминает важное, которое всегда с ним, в глубинах сознания, и чем бы иным оно не было заслонено, какими бы иными величайшими важностями и нужностями не было отодвинуто куда-то, оно все равно постоянно живет, мучает.

— В прошлом году, — говорит он негромко наркому внутренних дел, — над Баку, над кавказской нефтью, летали самолеты серебристой окраски. Без опознавательных знаков...

— Пятого апреля, — говорит сразу же и очень уверенно (чувствуется, что он все это, когда-то заинтересовавшее Сталина, еще и еще раз изучил. все досконально знает, (потому и уверенность) нарком внутренних дел. — Перелетел турецкую границу двухмоторный самолет. В районе Батуми он был обстрелян. Дважды обстрелян. И скрылся за турецкой границей... Тридцатого марта два иранских военных самолета нарушили границу...

— Их, естественно, отогнали, — говорит Сталин. — А в это время над Баку кружил неизвестный самолет

тоже серебристой окраски. И лишь только потому, что на его крыльях были намалеваны красные звезды, по нему никто не стрелял?

Народный комиссар внутренних дел молчит. У него, кажется, нет данных об этом факте. И вообще был ли этот факт? Может быть, тут какая-то элементарная путаница? Может быть, самолет нашего гражданского флота?

— Чья же это разведка усиленно фотографирует кавказские нефтепромыслы и системы наших оборонительных сооружений на юге?

В голосе Сталина ясно звучит ирония, и это дает возможность наркому внутренних дел и всем другим, кто здесь присутствует, почувствовать сказанное как постановку проблемы, как предмет для изучения. Не звучат эти слова обвинением. Нет ни у кого, даже у Сталина, тех конкретных данных, тех вещественных доказательств, на которых можно что-то строить, можно что-то со всей неопровержимостью утверждать.

Сталин снова вчитывается в послание главы английского правительства. Так и не поднимая глаз, говорит совсем негромко, как будто ни к кому не обращается, но просто рассуждает вслух.

— Что же выходит? — это как бы вопрос самому себе. — Выходит, что в штабных сейфах немецких частей, прибывающих к нашим границам, карты английского побережья?.. Гитлер — на маневрах, где отрабатывают высадку морских десантов?.. Посланцы Гесса и доверенные английского премьер-министра играют в гольф?.. Самолеты... Известные и неизвестные самолеты над нефтью Кавказа? Сам английский премьер в качестве советского разведчика?

— И американский президент, — вставляет Молотов.

Сталин как будто бы не слышит слов народного комиссара иностранных дел.

— Сам английский премьер, — повторяет он глухо, — в качестве советского разведчика. Странный факт. Как много сегодня в мире странных фактов!..

Умолк, как бы предоставляя каждому, кто здесь, всмотреться в странность этих фактов и выстроить их в тот закономерный ряд, который позволял бы заявить: «Вот это реалистический взгляд на вещи». Но никто не торопился воспользоваться паузой — ждали, что скажет он.

А он раздумывал. Как всегда, если что-то было сложным, он стремился эту сложность снять, приводя все к простоте, почти к формулам...

«И все-таки, — так шли его мысли. — Все-таки реалистический взгляд на вещи позволяет утверждать:

Мы определили свое положение. Нейтралитет. Чего бы это нам ни стоило. Во что бы это нам ни обходилось. Пусть тот же Иудушка Троцкий осенью прошлого года успел в очередной раз нас обхамить: интенданты Гитлера. «Сталин — интендант Гитлера!» Пусть. Нейтралитет. Любой ценой!

Гитлер будто бы тоже определился: «Дранг нах Остен!» Но у него на хвосте Англия. Если бы ее да в союзники! Какой бы это был союз! Всесокрушающий крестовый поход против большевизма. Уж тогда бы и Япония забыла наши объятия. Наши приемы в Кремлевских дворцах. Давшая трещину ось Берлин — Токио опять бы обозначилась полной мощью. Нужна Гитлеру дружественная или хотя бы нейтральная Англия.

Англия знает цену предлагаемого ей исподволь союза. Англия определяет: быть этому союзу или не быть. Выстраивать комбинации политических, а, значит, военных сил на земном шаре сегодня дано английскому премьеру.

Все так и не глядя ни на кого и словно говоря это лишь самому себе, в обычной своей манере раздумывать вслух, он негромко сказал:

— Странные факты. Так много странных фактов. Но один непреложен: ключи от судеб мира сегодня на Британских островах.

II. НЕ ТЕРПИТСЯ НАШИМ ВОЕННЫМ...

Просторный зал «ближней» сталинской дачи. За длинным столом, накрытым скатертью и сервированным для обеда, Сталин, Молотов, народные комиссары обороны, внутренних дел, генерал Котляров.

Сталин встает, идет к другому столу, стоящему возле стены. На нем в ряд выстроились судки. Приподнимает крышку над одним, над другим.

— Борщ?.. Какой борщ — украинский, московский, ленинградский, полтавский — до сих пор не постиг. Чем отличается московский от ленинградского? Как бы это усвоить?

Берет половник. Протягивает руку к горке тарелок, но, не взяв тарелку, поворачивается, говорит Котлярову:

— Значит, по подсчетам вашего разведуправления... (Будь Котляров поднаторелее в здешних нравах, он, может, не пропустил бы легкого нажима, с каким произносятся слова: «вашего разведуправления», — он бы почувствовал: у человека, их произнесшего, есть сведения и не только из этого разведуправления.) По подсчетам вашего разведуправления, над нашими западными границами сегодня нависли сто десять немецких дивизий?

— Да. И несколько десятков еще в эшелонах... Потом, нельзя не учитывать боевых возможностей вероятных союзников Гитлера.

— Нет, — подает голос из-за стола Молотов, — нашим военным не терпится поскорее схватиться с Гитлером.

— Погоди, — останавливает его Сталин и опять обращается к Котлярову: — А сколько на сегодняшний день у нас на западной границе?

— Девять армий. Из их состава в первую полосу обороны выдвинуто сорок пехотных и две кавалерийские дивизии.

— В первую полосу, — Сталин не скрывает неудовольствия: не нравится ему эта формулировка и число дивизий — сорок! — Он говорит: Во время событий на Балканах мы подтянули к границам и вторые эшелоны западных военных округов. Можно надеяться, что теперь первая линия — это не просто те сорок дивизий, которые занимают оборону вдоль границы.

— Теперь наше положение на западе стало еще более сложным, — говорит Котляров, беря из горки глубоких, для супа, тарелок верхнюю. — Мы ближе к границе подтянули войска вторых эшелонов. Но теперь у нас в глубине округов не осталось подвижных резервов. Что начнись, сразу же, в первые дни, все наличные войска, расположенные на западе, будут задействованы. И если где-то создастся критическое положение, то бросить туда уже нечего. Резервы — надежность любого сражения...

Сталин поднимает крышку еще над одним из судков.

— Суп картофельный. Это просто, как жизнь... Уха? — Еще над одним судком приподнята крышка: — Я сегодня за уху. — Черпает дважды половником, несет тарелку к столу. Котляров тоже наполняет тарелку ухой.

— Вы формируете механизированные корпуса, — говорит Сталин. — Разве это не увеличение нашей мощи на западе? Формируйте усиленнее. Везите людей, технику.

— Людей не хватает, — говорит Котляров. — С командными кадрами еще так-сяк. Все выжимаем из училищ. А вот обыкновенных водителей! Обыкновенных башенных стрелков!.. Нужно призывать приписных.

Нарком обороны недовольно смотрит на Котлярова. «Ну, давай все-таки послушаем, — как бы говорит его взгляд, обращенный на генерала. — В гостях... Так и давай себя чувствовать, как в гостях».

— Что ж, — соглашается Сталин, произнося слова неохотно, как бы отрывая что-то от своей души, — призывайте приписных... Призывайте... Все-таки учитывайте, что сев, все другие весенние полевые работы — это... Это прежде всего трактористы. Но призывайте приписных. Призывайте... Формирование механизированных корпусов не должно тормозиться из-за нехватки кадров...

— Хорошо, товарищ Сталин, — говорит, как чеканит, Котляров. — Будем рассматривать эти слова как ваше указание, как директиву.

— А вот нам с вами, — через несколько минут молчания, тяжелого молчания, которое никто и не нарушает, потому что оно тяжелое, обращается Сталин к Котлярову, — все не удается довести до конца один разговор. Вот вы, можно сказать, поставили под сомнение идею массированного огня.

Котляров сразу оставил ложку, выпрямился — чувствуется, он готов тут же вступить в спор, потому что его... ну если и не искажают, то поняли неправильно. Нарком обороны смотрит на него: «Да ты погоди, погоди! Послушай!.. Потом будет возможность сказать — скажешь!» У наркома внутренних дел взгляд пристальный, но внешне ничего не выражающий.

— Вы утверждаете, что в сражении артиллерии против танков требуется какая-то... сегодняшняя современная основа. А что именно? — во взгляде Сталина, обращенном на наркома обороны, потом на других (только Котлярова этот взгляд обходит) та же самая заостренность, с которою генерал только что хотел выступить на защиту своей правоты.

— Что именно? — повторяет Сталин и смотрит на Котлярова. — Вы же правильно сказали, что в бою, особенно в тяжелом оборонительном бою, каждый командир будет держаться за артиллерию. Артиллерия — бог войны. И если, скажем, у нас в пехотной дивизии будет артиллерийский дивизион на мехтяге, то при попытке свести эти

артдивизионы в один кулак, забрать их, скажем, у нескольких дивизий, положение не будет принципиально отличаться от сегодняшнего. Как трудно у обороняющейся дивизии забрать дивизион на конной тяге, так трудно будет забрать и на мехтяге. Значит, идею массирования артиллерийских средств, если все-таки эту идею проводить в жизнь, а ее, эту идею, вызывают к жизни разные Гудерианы, которые везде и всюду, — тут Сталин взмахнул над столом рукой, — трезвонят: «Танки! Ахтунг, танки!» нужно претворять на качественно новой организационной основе.

— Артиллерийские противотанковые соединения? — глаза Котлярова лучисто вспыхнули. — В Главном артиллерийском управлении...

Но тут он поймал взгляд Тимошенко. Не просто остерегающий, но злой и резкий, словно даже не приказ, а крик: «Прекрати!» Поймал он этот взгляд. И понял, что Тимошенко приказывает забыть о том, что в Главном артиллерийском управлении Красной Армии давно боролись за эту идею. Она уже где-то начала претворяться в жизнь. А потом, как это часто бывает, почему-то да отчего-то (то ли денег, то ли техники, то ли упорства у кого-то не хватило) заглохла, потерялась. Но говорить нужно было. Вдруг так, будто бы ни с того ни с сего замолчать? — Целые соединения, товарищ Сталин? Механизированные. Защищенные с воздуха. Способные действовать автономно и совместно с пехотой, с танковыми войсками?

Сталин кивает. «Вот именно... Вот именно...» — говорит каждый его кивок, подтверждавший, поддерживавший каждую фразу генерала.

— Вот именно, — говорит он, когда генерал закончил. — Вот именно. Я считаю, что нам надо сформировать такие соединения. А как считают в вашем Главном артиллерийском управлении?

— Как бы там ни считали, — говорит Котляров, — мы их заставим мыслить правильно. Семен Константинович, — поворачивается он к наркому обороны, — разрешите мне засесть за расчеты. Я попытаюсь как можно скорее согласовать это и в нашем ГАУ. И с нашими снабженцами. Товарищ Сталин, месяца через два, через три мы можем представить наши расчеты, наши наметки...

Сталин вдруг усмехается. Говорит:

— А что же вы все печетесь о немедленном укреплении нашей мощи на западных границах?.. Торопите. Требуете. Хотели бы целые армии везти на запад из глубины страны. И тут — вдруг месяцы...

Котляров задумался.

— Я не до конца понял вашу идею, товарищ Сталин. Это, действительно, дело не просто организационных перестроек, преобразований... Это — сегодняшняя необходимость. Это — требование сегодняшнего часа.

— И формировать эти противотанковые артиллерийские бригады надо не где-то, а только на западе. Прямо на направлениях возможных танковых ударов гитлеровской армии. И формировать надо немедленно, — Сталин опять несильно взмахнул рукой.

— И все-таки, товарищ Сталин, — дипломатически суховатый Тимошенко заговорил вдруг с неожиданной для него напористостью, — разрешите нам дать указание (документация, все расчеты у нас уже подготовлены) в ближайшее время начать переброску из Забайкалья и с Дальнего Востока двух стрелковых и механизированных корпусов. Двух воздушно-десантных бригад. Это на Украину и в Белоруссию. Самые-самые дырочки залатать. Из Уральского округа в Прибалтику две дивизии. Тоже — ввиду крайней нужды. Все у нас подготовлено, — повторяет напористо он.

— Ну что ж, — говорит Сталин без особенной хмурости: отдавать трактористов, шоферов, то есть призывать приписных — на это ему решиться было труднее. А тут — военные. С места на место. Это, конечно, тоже для страны, для того же транспорта, немалая нагрузка. Но — надо. Гитлер принял решение. Гитлер готовится осуществлять решение. Встречать его нужно серьезными силами. Надо. Он сам это не хуже других понимает. — Что ж, — говорит он, — если у вас все подготовлено, все рассчитано, то почему не отдать команду. Отдавайте...

— Хорошо, товарищ Сталин, — говорит опять, как чеканит, генштабист, — мы рассматриваем эти слова как директиву, как ваше указание. — И, не сбавляя напористости, продолжает: — По плану стратегического развертывания нам нужно выдвинуть к западной границе еще около восьмидесяти дивизий. Может быть, дать хотя бы указание: «Готовить войска»?

Сталин нахмурился. Не отвечает. Он идет к столу, где

стоят блюда со вторым. Он долго выбирает второе, стоя ко всем, кто здесь, за обеденным столом, спиной.

— Не терпится нашим военным схватиться с Гитлером, — говорит Молотов. — Ну просто не терпится... Осторожность. Осторожность. Еще раз осторожность.

«Странное дело, — удивляется Котляров. — Говорит Молотов. Звучат слова. А впечатление такое, что в комнате висит тяжелая, пригибающая к столу, тишина».

Тимошенко смотрит на него не сердито, но печально.

III. ОН НИКОГО НИКОГДА НЕ БОЯЛСЯ

Сон был плохим. И, конечно же, не потому, что опять вспомнился генштабовский генерал, приглашенный на обед, на это неофициальное заседание, какими давно уже стали все здешние, иногда тет-а-тет, иногда же обширные встречи. Неполучившаяся беседа, в которой еще раз, может быть, со всей силой хотелось подчеркнуть различие мышления военного (а Котлярову в таковом не откажешь) и мышления большого, всестороннего, мышления по военным вопросам, именно своей незавершенностью, тем, что не получилась, нарушала глубинную покойность чувств. Человек, вооруженный знанием лучше, чем кто либо другой, сильнее этого всякого другого. А разве может кто-то быть вооруженным лучше? Сюда стекается информация: товарищу Сталину в кратчайшее время представят, если в том нужда, сведения по самым специфическим, узким, или по самым широким вопросам. Оставим в стороне вопрос о талантливости мышления. Или как там... Если человек может из хаоса неисчислимого количества слагаемых выделить главнейшие, выкристаллизовать на их основе мысль-формулу, то — гениальность? Или как там еще такое назвать? Пусть об этом думают историки, сегодняшние и будущие. Они найдут определение этой способности мышления товарища Сталина. Должно было все это сказаться в беседе с военными. Для того и гости. Не заседание в официальной обстановке...

Не получилось беседы.

Но сон был плохим все-таки не поэтому. В последние годы все более и более заметно, если назавтра что-то предстоит, регламентирует время — это ночью тревожит, делает сон хрупким. Заседания Политбюро, совещания — это все просто. Выспался, позавтракал. Пусть

уже за полдень. Приехал к себе. Поскребышеву: «Приглашай!» И все — своим чередом.

А вот если — Первомайские торжества. Не перенесешь же их на вторую половину дня. Хочешь, не хочешь — будь готов вовремя. И выглядеть следует хорошо.

Поднялся рано, когда чуть забрезжило. Пошел побродить по дачному парку. В холодном предутреннем тумане все на земле казалось призрачным, рождая тревогу...

Призрачность предрассветного часа была настолько реальной, что вдруг воочию, с ощущением полной убедительности происходящего, почувствовал себя не на своей даче. И дом, который светился окнами, который был за спиной и к которому сейчас стремительно повернулся, дом этот казался не здешним. Вот так же, за деревьями, видимый не весь, но только окнами, которые светились, видел он дом в Горках.

Ленин болел. Но Ленин работал. Его настойчивость настораживала. Хоть пять минут. Хоть десять. Но ежедневно. И — обязательно. Со стенографисткой. Должен продиктовать нечто архиважное.

Врачебный надзор. Решение Центрального Комитета о полном покое. Забота о здоровье вождя. Приходилось со всей решительностью защищать принятое решение. На этой почве с Крупской столкновение. Не имела права и Крупская нарушать воли ЦеКа: полный покой. Кому-то потом придут мысли: блокировали...

Ленин обращался к съезду. Мысли его были просты, но... Троцкий не смог скрыть своего испуга: заявил о несогласии. Зиновьев и Каменев свой испуг спрятали. Ленин отнимал власть. Да, отнимал. У тех конкретных людей, которые волею судеб оказались вершителями дела революции, которые первыми бы пошли на плаху, потерпи революция поражение. И которые, естественно, приняли в свои руки власть вместе с вождем, потому что их правота одержала победу, утвердила себя на земле Российского государства. Ленин предлагал архипростое и естественное. Существующий состав Центрального Комитета удвоить. Может быть, даже утроить... Вообще-то что тут плохого? Страна поднималась из руин, налаживала хозяйство. У верховной власти забот по сравнению с годами гражданской войны не убавлялось. Наоборот, везде нужен глаз да глаз, рука да рука. Увеличить Центральный Комитет, тот политический и организатор-

ский центр, где все решалось, возникало в идеях, предположениях, планах, превращалось в постановления, в конкретные передвижки материальных ресурсов, людских масс, назначения и снятия руководителей — наверное, в этом просто-напросто назрела нужда!

Настоящий политик — реалистически мыслящий политик. Реализм — основа успеха в претворении идей и замыслов. Не стремления и мысли, какими бы оригинальными они ни были, определяют плодотворность политики. Но соответствие идей и помыслов конкретной действительности. Ленин всегда являл собою идеальное воплощение верности жизненной первооснове. Ни одна мысль его не отрывалась от действительности, была ли эта действительность благоприятной или неблагоприятной. И все же тогда, вчитываясь в строки ленинского обращения к съезду, написанные в Горках, Сталин чувствовал, что какие-то представления его, казавшиеся незыблемыми, рушатся. Или Ленин, в силу болезни и вызванной ею деформации мышления, сбился с реализма? Или реализм в понимании Ленина и в понимании его, сегодняшнего генерального секретаря ЦК, совсем не одно и то же? Ленин спрятал свою мощную мысль в одежды простоты. Он стремился выдать ее предельно безобидной. Но Сталин чувствовал всю ее ударную силу, направляемую даже не конкретно против него или против Троцкого, Рыкова, Каменева и Бухарина вместе с ними. Ленин бил по существующему положению вещей. По той конкретной действительности, что сложилась в партии. Его предложение увеличить состав Центрального Комитета несло в себе идею изменения власти, преобразования самой ее сущности.

Помнилась, будто врубившаяся навсегда в сознание, первая строка его письма к съезду. «Я советовал бы очень предпринять ряд перемен в нашем политическом строе».

Не слова — ленинский голос, которым он звал на такие же свершения, как в октябре семнадцатого, как в дни Брестского мира.

Вместо двадцати семи членов ЦК — пятьдесят, сто. Но при этом — лишь половина, а то и всего лишь треть — постоянных, профессиональных партийных работников. Остальная, то есть количественно основная часть — представители рабочих, партийных низов. Что называется, непосредственные представители рабочих,

трудовых масс от станка и плуга. Делегируются в состав ЦК, скажем, самыми крупными партийными организациями заводов, фабрик, сельских партячеек. Естественно, подотчетны только этим, делегировавшим их партийным организациям. Только ими могут быть отозваны. И совсем уж будут занимать особое, независимое положение, если на время работы в ЦК останутся членами своих бригад, цеховых, заводских коллективов.

Это, действительно, новая форма политической власти. Новые, нигде, никогда не существовавшие отношения верхов и низов. Новое, нигде, никогда не существовавшее соотношение власти и механизма, контролирующего власть: контроль наделен силой самой власти, он — в ней. На равных полемика власти и партийных низов. Каждодневное выяснение отношений не только по основным, генеральным направлениям политики, но по самым простым, рабочим вопросам. По каждому пункту, где власть говорит свое слово, тут же вмешательство низов, проверка взглядом человека, которому далеки категории масс, истинной, незаземленной, проблемности, абстракции добра и зла, понятия необходимости, вынужденности, без которых немыслима большая политика. Нет, нет. Такой власти, кажется, никогда и нигде не было. У буржуазии власть тоже предельно классова. Она контролируется не только интересами класса, но и развитой, по-своему совершенной структурной организацией. Но она все равно, как и должно власти, несет в себе черты над классом, над обществом. Скажем прямо: над народом, над человеком. Пусть даже и в интересах того или иного человека, в интересах класса, но все равно абстрагирована, наделена правами, которые он ей вручил. Но что за власть, что за централизм, пусть и демократический, когда его вершину ежедневно, ежечасно, не от съезда к съезду, даже не от пленума к пленуму, а прямо и непосредственно контролируют низы? Это власть без власти. Это спеленутая неизвестно во имя чего и для чего воля, энергия класса, аккумулированная в умах его выдвиженцев, его самых ярких представителей, из которых состоит сегодняшний ЦК. Это неведомая и по возможностям анархизма, вседозволенности, в ней заложенной, опасная форма народовластия. Партия из инструмента власти в руках того, кто достоин держать этот инструмент, кто достоин им пользоваться, превращается в механизм контроля воли и действий вождя. В годы решающих битв с

буржуазией, имеющей классически строгие формы государственности, партийной, классовой организации, нам оставаться с чем?..

Сталин знал, что ни одного своего сомнения он никому, никогда не выскажет: верность Ленину — его боевая колесница. Но себя он тут же заставил проникнуться мыслью о том, что законы диалектики беспощадны. То, что вчера было могуче, сегодня стареет. Сегодня становится слабым, если, особенно, физические недомогания бьют без пощады... Нет, Сталин не выскажет ни одного этого слова. Он никому не покажет своих сомнений еще и потому, что знает: каждый из членов Политбюро, соприкоснувшись с этой ленинской идеей, чувствует тот же озноб, что чувствует и он, генсек. Каждый понимает: одно дело семь членов Политбюро, каждый из которых давно и досконально знает других. Они создают политические, организационные комбинации своим составом. Одно дело, когда каждый из этих семи принимает в расчет, как поведут себя, где, на чьей стороне в этих комбинационных играх будут остальные два десятка членов ЦК. Они тоже все этому кругу хорошо известны. И совсем другое дело вдруг очутиться в стихии нового, неведомого Центрального Комитета, рожденного партией по воле и предначертанию уходящего из жизни Ленина. Действовать среди людей, не искушенных властью. И потому руководствующихся представлениями о нужности и ненужности, о добре и зле совсем иными, упрощенными. Не чувствующими тонкости истинной политики. Не понимающими комбинационных сложностей, временных альянсов, вынужденных интриг, поворотов. Быть политиком среди неполитиков?.. Пусть даже это будут истинные, выдвинутые партией, дарования. Соревноваться, конкурировать с ними? Считать естественным, если чьито мысли, идеи окажутся более яркими и плодотворными? Нет, как бы Троцкий ни ненавидел Сталина, как бы Каменев и Зиновьев ни были могучи в своих интригах против других членов Политбюро, как бы ни искал всегда своего, оригинального мнения Бухарин, тут они все будут едины. Они все будут против ленинской идеи. И Ленин это прекрасно понимал. Потому и апеллировал прямо к съезду...

Он, конечно, могуч. Как и всегда могуч. Но он болен. Он связан недействием. Потому... Не торопиться. До съезда еще есть время. Даже с обсуждением на заседаниях

Политбюро, ЦК этого ленинского плана спешить не следует. Пусть эта ленинская идея обретет... обычность. Нет, нет, не хоронить ее. Похороненная, она станет еще более взрывоопасной. Пусть она превратится, преобразуется в указания вождя по организационным вопросам. По совершенствованию партии, ее руководящих органов. Пусть она не будет идеей о новой, неведомой, никем не знаемой форме народовластия, когда вершину пирамиды ежечасно, постоянно, и действенно, контролируют партийные, классовые низы. Пусть — просто — указания по оргвопросам. Разве мы, соратники Ленина, можем быть против его указаний? Разве мы можем выступать против совершенствования партаппарата? Мы целиком и полностью — за! Увеличить число членов ЦК? Конечно! Мы за это обеими руками. Сталин шею сломает тому, кто выступит против этого указания вождя. Привлекать в руководящие органы кадры с мест? Лучших представителей рабочего класса и крестьянства? Сталин зубы выбьет тому, кто будет против этой краеугольной мысли вождя! Партия сильна своей связью с массами!

Бой с ленинскими мыслями будет тяжелым. Но Ленин уходит. А нам тащить социализм дальше. Во имя социализма нужно собрать свою волю в кулак...

Да, и сейчас, почти через два десятка лет после тех дней, когда он, закаленный революционер, был так панически напуган, чувство смятения помнилось ярко и както заставляло забыть: «А ты ведь вождь! Вождям чувство испуга неведомо».

...Призрачность предутреннего тумана рассеивалась; стволы деревьев влажно блестели; свет в окнах здания померк, но зато само оно, казавшееся пока еще не зеленым, но черным, обозначилось четко.

Наступал праздничный день.

IV. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Все выше!
Все выше!
Все выше!
Стремим мы полет наших птиц!

Мощные рупоры разносят слова и мелодию авиационного марша. И словно подчиняясь этим словам, все выше и выше над землей поднимается воздушная армада, за-

полонившая небо. Идут эскадры тяжелых бомбардировщиков.

Все выше!

Все выше!

Все выше!

Словно тот, кто наблюдает воздушную армаду, опускается все дальше и дальше, к земле, и его взору открывается вся ширь, вся глубина идущих клиньями эскадрилий. Они заполонили все небо.

Сталин, наблюдающий с Мавзолея за движением воздушных армад.

Ликующие улицы Москвы. «Ура!» — прокатывается над колоннами заводов и фабрик. «Ура!» — каждый, кто смотрит в небо, не может не чувствовать, как он могуч. Не зря работаем остервенело, до кровавых мозолей! Не напрасно недоедаем порой и не наряжаемся в шелка! Не случайно даже в этот праздничный час мы так просты: рабочие кепки и ситцевые платья, сукно брюк и кажущийся верхом роскоши «бостон».

На Красной площади — танки.

Когда небо заполонила воздушная армада, здесь, на земле, сотрясая всю ее грохотом и лязгом, движутся колонны стальных крепостей. Многобашенные, многопушечные, многопулеметные танки. Словно линкоры вышли на сушу. Тяжело, неуклюже, но внушительно идут они от исторического музея к «Василию Блаженному», обтекают его.

На трибунах гостей генерал Кравец и Яблоков. Генерал смахивает платком слезу с глаза.

— Нет, мы сильны! Нет, сильны, — говорит он, то устремляя взгляд в небо, то переводя его на землю, содрогающуюся под тяжестью стальных крепостей. — Нет, Аркаша! Тебе этого не понять! Ты не видел первые парады самокатчиков. Велосипеды!.. Велосипеды были нашей гордостью!

Группы военных на трибунах для гостей. Выделяется группа немцев. В середине высокий, на груди которого алмазная свастика. Военные по-домашнему, без оживления и особенной заинтересованности, обсуждают что-то между собой.

— О, шнапс!.. Руссиш шнапс ист зеер гут!

Смеются. Кто-то поднимает руку в небо, не глядя туда, произносит:

— Русфанер... Русфанер зеер гроз!

Посмеиваются.

Мрачный Аркадий Вячеславович говорит:

— Эти ограниченные тупицы не понимают, что им показывают. Ни один из них не взялся даже за фотоаппарат. Не понимают, что перед ними идет.

На Красной площади уже нет стальных многобашенных, многопушечных. многопулеметных стальных крепостей. Через площадь идут танки. Они кажутся маленькими и ужасно простыми. Они текут, как река. Т-34, КВ...

— Лучшие танки в мире...

Яблоков говорит это негромко и скорбно. Теперь и генерал Кравец насупился — наверное, недоволен этим мальчишкой, сбившим с него праздничную восторженность. А может быть, поражен будничной бесстрастностью, незаинтересованностью военных гостей, которым не напрасно показывают всю эту мощь.

Небо пустынно. Лишь легкое облако словно застыло в нем. Вдруг появляется самолет. На фоне облака, мимо которого еще недавно плыли неторопливые армады тяжелых бомбардировщиков, он проносится стремительною хищною птицей.

С улиц Москвы молчаливо наблюдают за ним.

Сталин поворотом головы сопровождает его движение.

В группе немцев торопливое движение. Фотоаппараты, наведенные в небо, щелкающие часто, словно стреляющие зенитки.

Высокий немец с алмазною свастикой на груди пренебрежительно взмахивает рукой. Показывает растопыренными пальцами: «Айн, цвай, драй», — сжимает их и прячет руку.

— Думают, — говорит Яблоков, — что два-три опытных образца. И не более.

— Немного их у нас. Немного, — как бы подтверждает правоту немца генерал Кравец. Яблоков вскипает:

— Но они-то не верят, что у нас вообще что-то может быть. Почему они нам все свои самолеты продали?.. Да потому, что они не верят, что мы тоже можем создать такие. И даже лучше. Они нам продали, чтобы нас припугнуть. Вот, мол, чем мы против вас будем воевать. А у вас — русфанер! Вы страна, где хаты крыты соломой. Где щи хлебают лаптем. Где ходят в армяках...

— Плюнь ты на этих остолопов!.. — успокаивает его Кравец. — Вон посмотри, сам улыбается. Доволен... Значит, все идет правильно. Все будет хорошо.

Сталин на трибуне Мавзолея. Рядом с ним Молотов. Отвечают на приветствия москвичей, которые заполняют праздничными потоками площадь.

— Да, знаешь, — говорит Сталин, не поворачиваясь к Молотову, — Тимошенко жаловался. Не на кого-нибудь жаловался. На Председателя Совета Народных Комиссаров.

Молотов, хотя и слышит некоторую шутливость в сталинском голосе, но сразу стал напряженно внимательным.

— Что он? — спрашивает. — Чем недоволен?

— Да утверждает, что под крылышком Председателя Совета Народных Комиссаров обосновались либералы, которые расхолаживают работников промышленности боеприпасов.

— А, — Молотов чуть успокоился: этот вопрос ему хорошо знаком. — Максималисты. Даже сверхмаксималисты. Ведь прекрасно знают, что после партконференции промышленность как ломовая лошадь, которую перегрузили. Натужится, кряхтит, но воз огромнейший все-таки тянет. Считали же мы, — говорит он, на секунду повернувшись к Сталину. — Все вместе сидели. Представители армии. Представители промышленности. Но выше возможностей...

— Да, — говорит скорбно Сталин (и не поймешь, осталось ли что-то шутливое в его голосе или уже совсем ничего не осталось): поднятою рукой он приветствует ткачих «Трехгорки», и Красная площадь захлестывается радостным гулом. Молотову трудно слушать Генерального секретаря Центрального Комитета, но Молотов весь — напряжение, он слышит будто бы скорбно звучащие сталинские слова. — Да, значит, я ошибку сделал. Заверил Тимошенко, что поддержу. Что вопрос о боеприпасах будем решать, исходя не из возможностей, а... из необходимости. Сколько просит, требует армия на случай войны, столько и надо дать.

Молотов нахмурился. Может быть, в колонне ткачих подумали, что Предсовнаркома недоволен ими: рука поднята, приветствует, а лицо хмурое. Гул опадает.

— Затребую немедленно назад материалы по этому вопросу, — говорит Молотов. — Будем снова считать.

— Ну вот как хорошо. — Сталин вроде бы даже улыбается и еще раз подчеркнуто резким взмахом руки приветствует ткачих «Трехгорки». — Как хорошо, когда

партийная и государственная власть находят общий язык. Всем хорошо.

Над Красною площадью раскаты «Ура!».

Генерал Кравец толкает локтем в бок Яблокова.

— Твои-то, физиономии которых ты все ощупывал, поразбежались. Не нравится им это всенародное «ура».

— Русшнапс нравится, — ворчит по-стариковски Яблоков, — и пусть будут довольны...

Молотов, кажется, тоже заметил бегство немецких дипломатов с гостевой трибуны.

— Странно ведет себя Берлин, — говорит он Сталину, оставаясь лицом к людской реке, текущей по Красной площади. — Или там умышленно обостряют отношения, чтобы посадить нас за стол переговоров? Может быть, стремятся к встрече на высшем уровне?

Сталин не отвечает. Он всматривается в людской поток. Лица. Лица. Хорошо, когда простые лица. Улыбки. Поднятые в приветствии руки, флаги, плакаты. Цветы. Ребятишки на плечах отцов. Портреты. Члены Политбюро. Ленин. Маркс. Энгельс. Самый лучший портрет — четыре профиля. Он и на фасаде здания, что напротив Мавзолея.

— Берлин встречался с нами на высшем уровне, — говорит Сталин, оставаясь с высоко поднятою рукой. — Председатель Совета Народных Комиссаров наносил официальный визит. Глава Советского государства.

— Иосиф Виссарионович, — говорит твердо и суховато Молотов, — весь мир знает, кто стоит во главе Советского государства.

Они оба задумались. Вряд ли сейчас перед их глазами эта праздничная, многоцветная ликующая народная река.

— А что осталось за протоколом переговоров? — спрашивает Сталин.

Молотов в ответе нетороплив.

— У нас, естественно, остается лишь право на предположение. Может быть, они ставят цель шантажировать нас и тем самым добиваются, чтобы мы заняли место в фарватере их политики... Может быть, они ставят цель обрушить волну шантажа на английские правительственные круги. И тем самым решить кардинальнейший вопрос их политики: найти общий язык с Западом. Составить общий политический и военный союз против нас.

— А что они могут предложить на таких переговорах?

Народный комиссар иностранных дел опять же неторопливо-раздумчив в ответе.

— Нас они могут шантажировать территориальными притязаниями. Испытанный метод гитлеровской политики: забота о судьбе людей немецкого происхождения. Тут может фигурировать Прибалтика.

— Но мы же предоставили возможность всем желающим уехать в Германию...

— Ах, — притворно вздыхает Молотов, — вы виноваты тем, что хочется мне кушать... Разве при желании трудно Риббентропу найти причину для придирок, зацепок?.. Не знаю, — говорит он как-то особенно сухо, — может ли дойти в политике шантажа фашистская клика до того, чтобы поставить, например, вопрос о возобновлении условий Брестского мира? Но нам, имея дело с этими молодчиками, следует быть готовыми ко всему.

— Брестский мир? — Сталин лицом к Красной площади, но он старается, чтобы Молотов ясно услышал насмешку в его словах. — Зачем уж тогда гитлеровцам такие полумеры? Тогда уж... Как там у них?.. До Волги, скажем. Или уж лучше тогда — до Урала.

— Да, слухи ходят, — говорит, усмехнувшись, Молотов, — что когда германские дипломаты и японские бьют по рукам, то говорят: по Оби. На левом берегу германские владения...

— Вот, вот, — кивает Сталин, — на левом берегу германский кованый сапог, на правом ботинок самурая. Все довольны. Все поровну. А этакое географическое понятие, мешавшее славным людям жить, как Советский Союз, Россию с земли смахнули...

— Если же, — говорит опять очень сухо Молотов, — основная цель таких переговоров — шантаж Англии, то тут могут быть предложения избито-знакомые. Сферы интересов. Поглядывайте, мол, на юг. Там у вас, пусть и за горами, но самая яркая жемчужина английской короны... Уже одни эти разговоры, если они хоть в какой-то мере будут преданы гласности, лишат рассудка английских политиков.

Сталин заставляет себя не хмуриться. Над площадью много портретов, где он совсем нехмурый: спокойное,

чуть омоложенное лицо. Надо быть именно таким, как на портретах.

— А знаешь, — говорит он Молотову, — хотя в твоих рассуждениях я и чувствую наличие рационального зерна, но... Все эти дипломатические сложности меня не очень убеждают. Встреча на высшем уровне. Ты представлял и можешь представлять высший уровень. А вот, — тут пауза его нарочита или ненарочита, но она есть, она присутствует, она заставляет Молотова напрячься во внимании. — Но вот эпизод с работниками промышленности боеприпасов меня настраивает на серьезные раздумья. На них насели, они ищут защиты у Советской власти. Нашли. Тогда те, кто Совнаркомом недоволен, бегут жаловаться в ЦК. Двоевластие...

— Я подниму этот вопрос на Политбюро, — говорит Молотов.

— Что ж, — соглашается Сталин, — твоя инициатива здесь будет уместна. Но все-таки следует еще подумать. Ленин был всегда за твердую, крепкую власть. Грош цена той революции, которая не умеет защищаться!

— Да, — соглашается Молотов. — Владимир Ильич и сегодня, как и всегда, как и в самые трудные периоды нашей истории — незыблемая, несокрушимая опора партии.

* * *

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
об освобождении тов. Молотова В. М. от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Ввиду неоднократного заявления тов. Молотова В. М. о том, что ему трудно исполнять обязанности Председателя Совнаркома СССР наряду с выполнением обязанностей Народного Комиссара Иностранных Дел, удовлетворить просьбу тов. Молотова В. М. об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР — А. Горкин

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О назначении тов. И. В. Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Назначить тов. Сталина Иосифа Виссарионовича Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР — А. Горкин

Москва. Кремль, 6 мая 1941 г.

9 мая — 20 мая

I. ДОМЕЙ ЦУСИН

— Плутоватая публика, — Сталин кивком головы указывает на синиц, рядком сидящих на сухой ветке ели. Он крошит кусок хлеба в кормушку для птиц. Слова его обращены к Молотову и народному комиссару внутренних дел, стоящим неподалеку. — Сейчас калачом не заманишь. Зимой — лучшие друзья... Что у вас? — сам все еще крошит хлеб и занят, кажется, только этим.

— Обоюдное недовольство, Иосиф Виссарионович, — отвечает Молотов. — Нарком внутренних дел упрекает нас: «Через дипломатические сферы утечка информации». Нам все представляется проще: «Не уберегли тайны. Где-то вражеская агентура сидит преспокойно. Пересчитывает наши военные эшелоны».

Сталин оставил кусок хлеба в птичьей кормушке, отошел от дерева, на котором кормушка висит. Тут же принялся закуривать. Внимательно, даже с настороженностью, смотрит на наркомов.

Молотов продолжает:

— На Западе поднялся большой шум. О наших военных перевозках. Шумят немцы. И — во Франции. А самое подленькое, провокационное сообщение японского агентства. Домей Цусин. Почему-то из Нью-Йорка и со ссылками на корреспондентов Юнайтед Пресс из Виши... Хотят испугать нашими военными перевозками сразу и немцев и англичан. Немцев тем, что перебрасываем войска к западной границе. Англичан — якобы готовящимся походом на Средний Восток.

— Оборвать уши! — Сталин сразу вышел из себя.

Быстрым шагом подходит к террасе. В открытую дверь, что ведет с этой террасы в дом, бросает: — Тимошенко! Немедленно. С генштабистами! И железнодорожников... Не нужно пока железнодорожников!..

Вернувшись обратно, где слушал Молотова, говорит:

— Оставь, что там пишут эти самые нью-йоркские Домей Цусин. Со ссылкой на Юнайтед Пресс... из Виши.

...Нарком обороны появляется скоро. Котляров с портфелем, заполненным до отказа, сопровождает наркома.

Сталин, уже прочитавший материалы западных газет, где поднят шум о готовящемся нападении СССР на Германию, не скрывает своих чувств. Он кипит яростью.

— Две армии повезли! Неполный состав... Шум на весь мир. Нападение на Германию! Иран и Ирак привели в трепет. Оборвать уши!..

Тут, прямо под деревьями, стол. На нем газета, несколько бумажных листков. Сталин потрясает газетой.

— Домей Цусин!.. Японские шпионы сидят у вас под столом! Может быть, в портфеле у вас японские шпионы? Тысячу восемьсот бомбардировщиков! Девятьсот истребителей. Знают состав воздушной армии!

— Приблизительный состав. Весьма, — находит возможность вставить слово Котляров. Это еще более выводит Сталина из себя.

— Нет, тысячу восемьсот бомбардировщиков! Девятьсот истребителей! Кто мог выдать такие цифры?

— О планах передислокации войск из Забайкалья и Дальнего Востока знает ограниченное количество лиц, — Котляров упрямо насупился... — За каждого ручаюсь головой.

— Что ваша голова!.. Что голова! Кто предает?.. Остановлено движение по сибирской дороге! С Дальнего Востока движутся армии! Все знает японский шпион!

— Перевезти армию — это сотни эшелонов. Не иголка в сене. Каждый железнодорожник видит...

— Железнодорожник?.. Хорошо, спросим с железнодорожников. Спросим! Где идет у нас война? На какой границе? Что об этом слышали железнодорожники?

Неподалеку, по березовой, сейчас безлиственной еще аллее, прохаживается Генеральный комиссар госбезопасности. Прохаживается неторопливо, как бы всем своим видом говоря: «Не подзывают — не подхожу. Подзовут — подойду».

Сталина, кажется, теперь уже больше выводит из се-

бя не насупленно-угрюмый вид Котлярова, но суховатая сдержанность, подчеркнутая внимательность Тимошенко.

— Эти западные писаки, — сказал он, не указывая на газету, лежавшую на столе, но Тимошенко и Котляров тут же на нее посмотрели, — много кое-чего наплели. Воздушные армии у нас двинулись. Канонерки и подлодки перебрасываем якобы в Черное море. У Ирана требуем аэродромы. Концентрируем крупные силы на западных границах. Мы опровергнем все это в газетах. Но факт переброски войск не скроешь. Придется написать... Маневры? Ученья?.. Маневров никаких! Маневры, ученья настораживают обывателя. Напишем, например, что из района Иркутска перебрасывается в район Новосибирска — ввиду лучших квартирных условий в Новосибирске, корпус... Нет, скажем, стрелковая дивизия... Дадим это в газетах. А вам, — он повернулся к ним, — вам нужно сесть за один стол с железнодорожниками и еще раз, и еще раз подумать, как... тихо, как... спокойно, без шума, без треска перевезти две армии неполного состава... Дадите еще раз повод западным писакам для шума, головы снимать будем!

— Товарищ Сталин, — сказал Котляров (он, как и Тимошенко, стоял — не сели они, когда Сталин приглашал их садиться), — если без шума, то есть без каких-либо перегрузок для железных дорог, выдвигать войска согласно наших планов к границам, то надо начинать это делать сейчас. Мы только к началу сорок второго перебросим на рубеж Западной Двины и Днепра девятнадцатую, двадцать первую и двадцать вторую армии. Проект директивы подготовлен. Мы можем его сегодня представить на рассмотрение Центрального Комитета и Советского правительства.

— Хорошо, — сказал Сталин глухо. — Оставьте проект. Да нет, нет, — остановил он Котлярова, который тут же принялся расстегивать замки портфеля. — Не здесь оставьте. В моем кабинете... Идите в кабинет. И оставьте там.

И когда Котляров отошел, повернул за угол дачи, он спросил Тимошенко:

— Мы не поторопились, выдвинув его, — кивнул вслед ушедшему генералу, — на место Петухова? Тебе не трудно с ним работать?

— Нет, — сказал Тимошенко решительно. — В такое сложное время передвигать ответственных работников генштаба...

— Да я не за то, чтобы передвигать, — остановил его Сталин. — Я просто спрашиваю: трудно с таким... бесповоротно решительным человеком вместе работать? И потом: какой закваски этот человек? Не троцкист замаскировавшийся? У него ведь, как Лаврентий недавно поведал, в добрых друзьях и Уборевич, и сам Тухачевский были. Встречал, обнимал, к домашнему столу приглашал Уборевича.

— Я знаю этот факт биографии генерала. Действительно, встречал, приглашал к столу. Оставлял в своем доме ночевать. Это обязанность командира дивизии: встретить вышестоящего начальника. Не Уборевича он встречал, но командующего войсками округа.

Сталин отошел в сторону. Решительный, жесткий тон голоса наркома обороны удивлял. Это казалось почти покушением на те цельность и полноту власти, которые Сталин оберегал, на которые не позволял кому бы то ни было посягать. «Что это? — мелькнуло мимолетное. — Не новый заговор военной верхушки?» Тут же отогнал эту мысль: простоватого Тимошенко знал хорошо и доверял ему. Но тем не менее чувства, что все-таки на власть, на его полную и в этой полноте такую цельную, естественно — мощную власть, покушаются, подавить сразу не смог.

II. БМ-13

В кинозале немного людей, и все они сидят отдельными мелкими группами. Где-то в центре, совсем отдельно, Сталин и Молотов.

На экране — Подмосковье. Тут можно и не быть великим знатоком русской земли и все-таки не ошибиться: дали — глубоки, но без степной неохватности; всхолмления легкие; прозрачные, без таежной угрюмости, будто всегда молодые, леса...

Чувствуется, оператору нужны были не пейзажи, но без них не обойтись — они сами входят в эти панорамы, где-то вдруг объявится группа танков, стоящих в разных положениях: на пригорке, за высотой, полувкопанными в землю, то артиллерийская батарея, которую будто только лишь покинули боевые расчеты, то ощерится чер-

ною амбразурой дзот, то покажется бетонный колпак укрытого под землей сооружения.

— Чувствуется, оператору еще мешает и дождь.

— Дожди в мае — это хорошо, — говорит Сталин. Негромко. Но сказанное им и негромко будет услышано и, может быть, передано тому так сильно нервничавшему оператору. — Дожди в мае — это урожай.

На киноэкране — грузовая машина. Да, первое впечатление такое и есть: грузовая машина, привезшая что-то. Привезенное прячется под чехлом. Но два красноармейца снимают чехол. На машине смонтирована рельсовая рама, которая тут же начинает подниматься краем, который ближе к кабине водителя, начинает подниматься вверх. В ней, в этой раме, трубчато-длинные, завершающиеся стабилизаторами... Что это?

Тишина.

И вдруг рождается грохот. Рождается пламя и дым. Из пламени и дыма взмывают (о, они очень скоро станут знакомы всему миру) оставляющие в небе огневые характерные росчерки реактивные снаряды. Взмывают и уносятся вверх со шлейфами дыма, огня.

Далекие холмы, которые только что властно входили на экран просторными перспективами, перелески, пригорки, поляны сейчас в огне. Огненный смерч гуляет по ним. Деревья валятся и охватываются огнем. Летят обломки орудий. Горят танки. Мертво зияют обуглившиеся амбразуры дзотов.

— О, це дает! О, це дает! — восклицает один из генералов, сидящих в зале.

Вспыхивает свет.

— Признал, значит, Герман Игнатьевич? — слышится чей-то веселый голос.

— Що признал? — пожилой генерал с мужицки хитроватым лицом улыбается и говорит так, что не сразу поймешь, шутит ли он, вполне ли всерьез высказывает свои сомнения. — Зачем Красной Армии такая молотилка? Или Красная Армия с Наполеоном собирается схватиться? Это бы против Наполеона, когда он выстроит своих Мюратов в каре, когда толпой на нас попрет, такая молотилка бы нужна была. Ще Суворову такую бы молотилку. А нам же против цепу сражаться. Враг станет в цепу, вы мне дайте оружие, которое бы... пах! пах! пах! — взмахивает рукой слева направо, — и всю цепу положили!

— Огонь по площади, — возражают ему. — По скоплению...

— Що, враг специальные скопления для вашего БМ устраивать будет? В кучу собираться, чтобы вы демонстрировали, как по этой горе! — выкидывает руку к киноэкрану, на котором, кажется, и сейчас еще дымящийся холм.

Сталин чуть в стороне от тех, что спорят. Возле него Котляров. За спиной его — Молотов.

— Как идет переброска войск к западной границе? — спрашивает Сталин Котлярова, словно приглашая его не мешать тем, кто спорит о БМ-13. Пусть, мол, выговорятся. Мы послушаем. — Сколько дивизий прибыло на место? Сколько в пути?

— Медленно идет переброска, — говорит Котляров. — Из семидесяти семи только восемнадцать уже на месте.

Молотов, он отошел только что, его отозвали, идет быстрым шагом к Сталину. Он очень взволнован. В руках его вскрытый пакет. Он врывается в разговор Сталина с генералом Котляровым.

— Англичане молчат. Немцы молчат. Лондон бомбить прекратили, Гесс в Англии!.. Да, да, Гесс в Англии! Любимец. Единомышленник. Душеприказчик. Первый из друзей. Первый помощник Гитлера. Гесс в Англии!

Сталин берет, почти вырывает из рук Молотова вскрытый пакет.

«10 мая на самолете, пилотируемом лично им, из Германии в Англию перелетел заместитель фюрера, рейхсляйтер Рудольф Гесс...»

Наверное, строки, которые Сталин читает, кажутся ему кроваво-красными. Так почему-то подумалось Котлярову, который знал его по себе: когда предельно устанешь после двадцатичасовой непрерывной работы, вдруг обыкновенные черные буквы кроваво окрашиваются. Наверное, у Сталина было что-то такое, потому что глаза его напряженно мигали и слезились.

«По слухам, циркулирующим в кругах, близких английскому правительству, он привез меморандум об условиях мира с Англией, предусматривающий также...»

— Вот это гольф! — произнес Сталин, отрываясь взглядом от строк дипломатического донесения. — Вот это поворот событий!

Он был по-человечески, по-простому ошарашен. Кажется, сообщили бы ему сейчас об огромном землетрясе-

нии, о какой-то иной, космических масштабов катастрофе, о том, что где-то у кого-то есть, скажем, орудие, перед которым такое, какое на экране демонстрировалось только что, мелко, ничтожно, он ко всему бы отнесся со своим обычным спокойствием, он все воспринял бы невозмутимо, пусть даже внешне невозмутимо. Но тут обыкновенная человеческая ошарашенность была, пожалуй, сильнее чего-либо иного. И Котлярову, все еще стоявшему рядом с ним, даже показалось, что он покачнулся.

А когда он пошел (он тут же, не отдавая ни листка, который читал, ни конверта, и, кажется, повторяя негромко: «Вот это гольф!» повернулся и направился к дверям), Котляров вдруг впервые увидел, что Сталин не молод. Уходил пожилой человек, уходил нетвердым медленным шагом. И сутулая, согбенная спина говорила о тяжести (казалось, что это тяжесть прожитых лет прежде всего), которая на плечах этого немолодого человека.

— Да на шо такая молотилка Красной Армии! — голос Германа Игнатьевича, либо искренне воевавшего против БМ-13, либо подзадоривавшего спорщиков, прозвучал оглушающе громко в наступившей вдруг тишине. И эта громкость, которой сам Герман Игнатьевич удивился, его озадачила. Он, приблизившись к Котлярову, спросил шепотом:

— Шо, не понравилась молотилка? — и кивнул на уходящего Сталина, которого уже закрыли шедшие за ним следом нарком внутренних дел и Молотов.

— Гесс в Англии, — сказал, тоже почти шепотом, Котляров.

— Гесс? В Англии?.. А нам шо? Гесс или бес, — Герман Игнатьевич, кажется, хотел хохотнуть.

— Гесс в Англии, — повторил Котляров. Ему вдруг почему-то вспомнился взгляд Сталина, однажды мрачно устремленный на него, и вопрос, заданный приглушенно-тяжелым голосом:

«Скажите, генерал, у нас есть противник, более могущественный, чем Гитлер?»

III. СЕГОДНЯ!

— А я ведь беру все на заметку, — говорит Сталин Сметанину, доставая свою записную книжку. Вот ваша первая дата: «май». Май сорок первого. Потом — точное число. Пятнадцатое мая. Потом — уточнение. Четырнадцатое мая. В некоторых донесениях с границы — они тоже проходили через вас, — приводились слухи скорого столкновения СССР и Германии. Там тоже назывались дни. «Немцы в апреле должны начать войну с целью захвата города Борислава (нефтепромышленный район Дорогобычской области)». «Заместитель польского генерал-губернатора доктор Франк Вехтер заявил, что 5—15 апреля будет губернатором в городе Львове». «Имели место разговоры, что немцы ожидали наступление советских войск 10—15 апреля».

— Это все сведения периода обострения обстановки на западной границе во время событий в Югославии.

— Да, это именно эти дни...

— Сегодняшнее сообщение совершенно иного рода. Слова немецкого фельдмаршала. «Начинается величайшее сражение века. Сегодня начинается величайшее сражение века... Сегодня...» Я считал своим долгом немедленно, как только была расшифрована телеграмма, поставить в известность.

— Да. Правильно... О таких вещах нужно ставить в известность немедленно...

В огромном зале-столовой царит тишина. Сталин отодвинул от себя тарелку с закуской, но не торопится встать и пойти взять второе. Сметанин тоже сидит.

— Где сейчас Гесс?

Вопрос тихий. И как будто он не задан Сталиным, потому что совсем было и не видно, как пошевелились его губы, но он будто родился просто в воздухе.

— Мы мало знаем о Гессе. Почти ничего не знаем, товарищ Сталин. По сведениям, просачивающимся в прессу...

— Сведения, просачивающиеся в прессу, я знаю... Где сейчас Гесс?

— В кругах дипломатов...

— Что знают дипломаты... всего мира о Гессе, я тоже знаю... Где Гесс?

Он встал и пошел за вторым. Принес его, налил себе хванчкары, разбавил ее водой из графина, стоявшего перед ним.

— Мы почти ничего не знаем о Гессе, — генерал сидел, не вставая. — Он находился в замке Брюканан. в военном госпитале. Кажется... Товарищ Сталин, я понимаю, что не имею права говорить такие слова. как «кажется», «предположительно», «по всей вероятности», но

я не имею права и не говорить их, если действительно точными данными не располагаю. Кажется, его перевезли в Лондон. И... заключили в Тауэр.

Сталин оставил жаркое, посмотрел остро на генерала.

— Так что, — сказал он, — Гитлер решил разбить стены Тауэра, чтобы высвободить своего любимца и первого помощника? На какие жертвы он идет! Высадиться на Крит!.. Это же ему нисколько не проще, чем высадиться прямо на берега Темзы... Что вы еще знаете о Гессе? — продолжал жестко он. — Как проходит эта дипломатическая миссия? Такая сверхнеобычная. Но, пожалуй, в духе нашего, так много решающего для судеб земли, времени... Что еще знаете о Гессе?

— Айвон Кирпатрик, доверенное лицо английского правительства, встречался...

— Это я знаю. Об этих встречах, состоявшихся тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого сего месяца, — Сталин мрачно усмехнулся. — знаю... Наслышан... Я вас прошу, — сказал он вдруг голосом, смягчившимся и поразившим генерала. — Я вас очень прошу, Сметанин, сделайте все, что только возможно... и невозможно... Но будьте в курсе всего, что сейчас возле Гесса. И, хоть малейшие сведения, — опять голос его зазвучал сухо, почти приказно, — сразу: «Очень важно. О Гессе... Сметанин». Днем и ночью приму...

Июнь, до 21-го

I. НА ВОЛЬНЫЕ ТЕМЫ

Бывает вот так: даже самые серьезные люди и занятые самыми важными делами вдруг отключаются от них, и уже не дела, не та повседневность, которая, как ни велика и значительна, все равно повседневность, занимает сознание, заставляет увлечься, а что-то совсем постороннее. Зовут это иногда по-простецки: «из пустого в порожнее», «потрепались», «устроили треп», ну, если где знают себе цену и не снисходят до простонародного, то говорят: «обменялись мнениями», «побеседовали на вольные темы».

Вот вдруг на такие «вольные темы» и возник «обмен мнениями» (конечно же, не скажешь тут «треп») в кабинете наркома обороны. Зашел генерал Петухов, тот самый, которого Сталин почему-то величал так: «Этот хитрый ярославец». Причем слово «ярославец» он произносил как бы деля его на два: «яро», «славец». Зашел мужицки добродушный Герман Игнатьевич. Может быть, по делу заглянул Котляров, да дело па минутку оставил, ввязался в полемику, которая разгорелась в кабинете Тимошенко.

— Ох, хитра, ох, непроста эта закавыка, — говорил Герман Игнатьевич. — И на кой шут ему этот Крит! Шо, флот у него в Средиземке есть и баз для него не хватает? Нп! Нп! Тут не война! Тут демонстрация!

— Да что вы говорите! — накинулся на него сразу Котляров. — Тут классически простой оперативный замысел. Роммель жмет с запада, через пустыни. Путь — на Суэц. А здесь — удар по левой скуле. А цель, направление — опять те же коммуникации.

— От, эта нова школа! — балагурил хитроватый Герман Игнатьевич. — Ну усё ей сразу ясно. Кинул на карту взгляд, и усе, самые заветные планы Гитлерюги размотал.

— Это блестящий ход! — кипятился Котляров. — Не только морские пути по Средиземному морю перехвачены. Не только угроза Суэцкому каналу, позициям англичан в Африке. Но это кулак над Средним Востоком. Этим... Турцию напугал. Вот помяните мое слово, Турцию на колени поставит. Средний Восток заставит бурлить. Все, что на Среднем Востоке прогермански настроено, обретает настоящую силу.

— Да на кой ляд ему сегодня Средний Восток! — тоже закипятился Герман Игнатьевич, сбросивший личину балагура. — Он завтра-послезавтра, а может быть, вчера должен главный вопрос для себя определить: дальше-то что? Куда шагати? Червонная Россия? Лоб разобьешь о такую стенку. Аглицкие острова? А может, там тоже море не по колено.

— Если исходить из краеугольных положений оценки международного положения, данного в трудах товарища Сталина, — подал голос Петухов, — и видеть всю непримиримость отношений между ведущими капиталистическими группировками, то... Вполне возможно, что Крит — это репетиция броска на Англию.

— Репетиция, хреновиция, — рассердился вконец не лишенный элементарной экспансивности, хотя внешне и добродушно-простой, Герман Игнатьевич. — Вы много

мудруете над этим Гитлерюгой. Дорвется до власти дурак, а все равно, раз при власти, умным кажется.

— Ну, Герман Игнатьевич, такое отношение к вероятному противнику, — вступил в разговор дипломатично помалкивавший Тимошенко, —чревато опасностью. Лучше считать врага умнее, чем он есть.

— Не кажи, не кажи! — замахал руками Герман Игнатьевич. — Посчитаешь врага умным, себя перемудруешь.

Тут зазвонил тефеон, и Котляров, стоявший к нему близко, поднял трубку.

— Да, да! Котляров. И Тимошенко здесь... Здравствуйте, товарищ Сталин... Как жизнь? — чувствовалось, вопрос о жизни слегка удивил, но удивил этак ободряюще, а не озадачивающе. — Жизнь неплохая, товарищ Сталин. Гораздо лучше, чем вчера или позавчера... Почему?.. Ну, во-первых, девятнадцатая у нас теперь почти на месте. Разворачивается западнее Днепра. Таким образом, в тылу юго-западного фронта... Прошу прощения, оговорился... На нашем юго-западном направлении, то есть на киевском направлении, глубоко эшелонированное расположение войск.

Сталин что-то говорил. Котляров слушал. И, видимо, воспользовавшись паузой, вставил:

— Может быть, я передам трубку маршалу Тимошенко? Нет, нет, — это уже со смущением, — я этот ваш (кажется, хотел сказать — совет, но тут же поправился) — я это ваше указание передам ему сейчас же... Что еще хорошего?.. Механизированные корпуса начинают по-настоящему оживать. Семьсот тысяч приписных (это же почти миллион) — сила! Как живой водой побрызгали на механизированные корпуса. Особенно которые на западе. Встают на ноги... Закончили формировать первую противотанковую артбригаду. Это — сила! Сила, товарищ Сталин! Где будет стоять такая бригада, там никакие Гудерианы не пройдут. Остальные девять?.. — чуть померк. — В стадии формирования. Мы тут все, — посмотрел на своих товарищей, внимательно вслушивающихся в каждое его слово, — выступаем в роли закройщиков из Торжка. И для противотанковых бригад артиллерию выкроить надо. И в укрепленные районы срочно дать. Только дот сдается, мы тут же оснащаем его артсистемами и пулеметами. Еще бетон не высох, а у нас уже дот начинен всем, чем положено по штату... Мы тут

еще раз на Главном Военном совете поспорили и все-таки пришли к заключению: укрепленные районы старой границы расконсервировать, привести в боевую готовность. Но поскольку оттуда орудия в основном вывезены, поставлены на новой границе, туда тоже нужно и нужно... Куда ни кинь, товарищ Сталин, всюду нужно и нужно. Мы думаем, что УРы на старой границе удастся привести в боеготовность лишь осенью. Сейчас, при условии занятия их полевыми войсками, они могут быть готовыми к отражению противника в десятидневный срок... Что? Железнодорожники опять жалуются? Товарищ Сталин, — голос Котлярова, кажется, помимо его воли, стал высоким, — у нас красноармейцы, извините за такие подробности, по двое суток из теплушки на двор выйти не могут... Что? — обмяк, как будто бы что-то такое, вдруг очень удивившее, услышал. Померк.

— Ясно, — сказал тихо. — Сейчас же передам.

И положил трубку.

Покачал головой, как будто отряхивал что-то тяжелое. Сказал:

— Семен Константинович, такие указания. На железнодорожников внимания не обращать. Жалуются, не жалуются, а... перевозки форсировать... Форсировать, потому что, как сказал товарищ Сталин, никто не может сказать, что ждет нас в самое ближайшее время. На Британских островах... Что-то проскользнуло в его словах про Британские острова. Что-то там может решиться и Гитлер всей силой на нас... Еще он сказал... Он к моим словам о юго-западном фронте проявил необычное внимание. Я сказал: «В тылу Юго-западного фронта»... Он тут же: «А действительно, как у вас с фронтовыми командными пунктами дела обстоят? Или из тех же особняков, где сейчас штабы округов располагаются, будете в боевых условиях командовать?» Одним словом, расконсервировать фронтовые командные пункты. В самые кратчайшие сроки развернуть. Доложить...

— Что ж, — сказал Тимошенко, погладив бритую, под солнцем, щедро светившим в окно, взблескивавшую голову. — Хорошо, что у нас здесь сейчас основные отделы и управления. Позовем еще кое-кого. И... уже разговор не на вольные темы. Фронтовые управления развернуть — это как понимать, Герман Игнатьевич?

Ясно чувствовалось, что маршал хотел пошутить.

— Ну шо и я говорю, — не понял или не захотел по-

нять его шутки мужиковато-простой генерал. — Крит — то игра. Може, то просто пыль в глаза нам пускае...

— Хороша пыль! — тут же заговорил Котляров. — Остаться без авиационно-десантных частей!

— Товарищи! — остановил всех властно нарком обороны. — Прошу всех к столу. Фронтовые командные пункты. Форсирование перевозок. Может быть, еще раз и об укрепленных районах... Прошу...

II. ЕЩЕ ОДНА НОЧНАЯ БЕСЕДА

— Приезжайте к хозяину.
— Что его может интересовать?
— Он просто сказал: пусть приедет.

Сметанин не взял с собой ничего, но сразу же выехал.

В английских газетах схлынула волна восхищения «удивительными» качествами нациста № 2. «Сам вел самолет». «Пренебрегал опасностью быть сбитым и канувшим в безвестность». «Выбросился на парашюте... Повредил ногу». «Во имя чего?» «Во имя претворения в жизнь великой идеи примирения и объединения двух ведущих нордических держав, оплота сегодняшней цивилизации и будущего человечества».

Схлынула эта волна. Теперь все чаще пишут о Гессе не как о примерном семьянине, честном, искреннем человеке, идеалисте и почти пророке, который, подобно всем пророкам, обрек себя на судьбу великомученика, но как об одном из лидеров фашистской шайки, преступления которой привели мир к самой страшной из войн. Подлец и мерзавец, место которому в тюрьме...

— Что слышно о Гессе?

Уже по тому, что генерал явился без каких-либо материалов, хорошо понял, нового ничего нет... Нет ничего нового. А если...

— Ничего... почти. Но... удалось установить. В Тауэре Гесса держали недолго. Он теперь на вилле... Роскошная вилла, тщательно охраняемая. Видели его в парадной форме военного летчика германских ВВС. К нему наведываются... В сопровождении того самого Киркпатрика, который вел с ним переговоры тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого мая, недавно Гессу нанес визит официальный представитель английского кабинета,

лорд-канцлер Джон Саймон. Беседа была длительной, но... О чем, пока установить не удается...

Сталин молча прошелся по ковровой дорожке несколько раз туда и обратно.

— Что же вы скромничаете, Сметанин, — сказал он негромко. — Я думал... Я уже подумал плохое о нашей разведке. Что вы действительно не знаете ничего. А вы... Вы знаете все.

Сметанина это смутило. «Все?..» Хотя бы несколько слов из тех разговоров, что велись Гессом с Киркпатриком! Хотя бы одну фразу из многочасовой беседы английского лорд-канцлера с посланцем Гитлера! А если бы копию записи бесед!.. Беседы, кажется, стенографируются.

— Вы знаете все, генерал Сметанин, что мир может знать сегодня об этой истории самого омерзительного политического прелюбодеяния. Вцепились друг другу в горло. Насмерть. Стирают с лица земли города. Тысячи и миллионы человеческих жизней, как щепки, валят в костер войны. И — торгуются. Где-то на роскошной вилле за чашечкой кофе, торгуют... Чем они сейчас, по-вашему, торгуют, Сметанин? Чем сейчас Гесс, первый друг Гитлера, и этот самый лорд-канцлер, Джон Саймон, из-за плеча которого выглядывает не кто-нибудь, но Черчилль, английский премьер-министр, чем они торгуют сейчас?

— Нами.

— Да. Только нами. Сферы влияния, бывшие германские колонии — это все пустяки. Это все на втором плане. Это все потом. А сейчас — мы! Кто, кому, за сколько нас продает? Как, по-вашему, Сметанин?

— Мне трудно предположить.

— А тут предполагать нечего. Две цены на том рынке. У Черчилля — война. Война Гитлера с ними! Вот цена, вот все расчеты, вот все помыслы Черчилля. Мир... Какой бы то ни было, но мир с англичанами. Помпезный. Полупомпезный... Даже тайный. Спрятанный от глаз народов. Но — мир. И союз. Мир и союз немцев с англичанами — вот цена Гитлера. Общеевропейская и даже общемировая коалиция во главе с немецким фашизмом против нас. Вот цены этой торговли... Частности не имеют значения. Позиция Черчилля, Идена, Бевина, всяких там Киркпатриков и Джонов Саймонов — это все частности. Кто бы из них и что бы ни значил, они все, как

и каждый человек на земле, в плену обстоятельств. Главнейшее, определяющее обстоятельство сегодняшнего дня: английская буржуазия, в лице своего правительства, начала переговоры с врагом. Значит, английская буржуазия поняла свою обреченность в военной схватке и ищет выход из нее не на путях военной победы. Английская буржуазия отличалась всегда особым коварством своей политики. Но в этот для нее смертельно опасный час она свое коварство выскажет во всем титаническом блеске. Следите внимательно за развитием событий там, возле Гесса. Каждый шаг, каждый эпизод, каждую мелочь не упускайте из вида. Дипломатическая служба тоже начеку. Сейчас дни, когда все, — он еще раз повторил это, — все решается в мире...

III. ВАЖНО, ОЧЕНЬ ВАЖНО, ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО

Глаза человеческие... Одно из предназначений их — одаривать радостью красоты. Видит человек и радуется: красивому облику, изысканной стати, зеленым просторам родной страны, любимому дереву, тропинке в хлебах.

Хлебное поле — это особая радость, знакомая не каждому. Иному могут привидеться раннелетние зеленя, позднелетняя желтеющая нива однообразно скучными. Но зато глазу, знающему цену труда хлеборобского, полевые просторы — картина дороже всяких иных, великих и многокрасочных, симфония полнозвучнее, многозвучнее всех иных, высокая песнь песней.

Нарисовал секретарь Центрального Комитета Украины картину поднимающихся на степном черноземье хлебов. Какие хлеба! Кажется, за все годы, как сельское хозяйство страны перешло на рельсы коллективизации, не знали еще колхозные поля таких урожаев!

Идет заседание Политбюро. Заняты все места за длинным столом сталинского кабинета. Сам Генеральный секретарь Центрального Комитета ВКП(б), по обыкновению, расхаживает, меряет шагами ковровую дорожку.

В дверях появился Поскребышев. И хотя Сталин недовольно смотрит в его сторону, он все-таки подходит, говорит негромко:

— Сметанин. Очень настаивает. Говорит: «Важно».

— Что-нибудь о Гессе?

— Нет... Что-то иное.

— Хорошо, — кивает Сталин. — Приму. Обязательно. И — сегодня.

В приемной Поскребышев говорит Сметанину:

— Сказал — приму. И — обязательно сегодня.

— Прошу вас, — говорит Сметанин упрямо. — Очень прошу. Скажите товарищу Сталину: «Важно. Очень важно. Чрезвычайно важно». И всего — на одну лишь минуту.

Секретарь Сталина смотрит на Сметанина недовольно. Большое, осуждающее недовольство в его глазах. Но Сметанин еще раз повторяет: «Важно. Очень важно. Чрезвычайно...»

И Поскребышев еще раз заходит в кабинет, где идет заседание Политбюро.

— Пусть войдет.

И, встретив взглядом появившегося в дверях Сметанина, безмолвно приглашает его следовать за собой. Отходит к окну. Чуть склонив голову, как бы говорит ему: «Ну, что у вас? Слушаю... Хотя, кажется, наверное бы могли обождать!»

Сметанин говорит немного слов, но рука Сталина, несущая ко рту трубку, застывает в воздухе. Почти не меняется выражение его лица. Но глаза... Легенды то или были прошлых веков, но молва утверждает: гонцам, приносившим страшные вести, рубили головы. Вот что-то такое мелькает во взгляде Сталина. Он опускает руку на подоконник: он или просто это сделал, так ни от чего? Или он вдруг почувствовал, что должен опереться?.. Он смотрит на генерала разведки пристально, долго.

— Но это точно? — переспрашивает он. — Тут не может быть ошибки или... Ловко сфабрикованной провокации?

— Нет, товарищ Сталин, — отвечает спокойно, суховато и скорбно генерал разведки. — Это данные абсолютной надежности. Двенадцатого июня. На заседании Комитета начальников штабов...

Молотов наблюдает всю эту короткую, быстротекущую сцену. Она, эта сцена, не перебивает всего большого, радостного, истинно радостного разговора о тучных хлебах Украины.

Но когда за Сметаниным закрылась дверь, Сталин не повернулся сюда, обратно, и не пошел, как обычно вдоль по ковру. Он остался стоять там и повернулся к

окну. Нарком иностранных дел подошел к нему. Он ничего не спросил. Но то, что он подошел и встал рядом, было уже как бы вопрос. И Сталин ответил ему:

— Гитлер выиграл самое свое великое сражение... Ключи от судеб мира в его руках.

IV. СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Печь, большая русская печь, в которой днем пеклись хлебы, и сейчас еще, когда уже заполночь, дышит жаром. Но жар этот ласково-мягок: так южное солнце, скрытое в легких облаках, греет незнойно, неизнуряюще, но со спокойным, основательным постоянством.

Спина на широкой, нетолстой, потому легко прогревающейся печным жаром доске... Поламывает поясницу. Странное это дело: в теплые дни, когда лето входит в полную силу, чаще пристает радикулит. Печи радикулит боится: жар прогретых кирпичей чем-то сродни солнечному, лучисто-острому, глубоко проникающему в тело.

Радикулит и, как всегда, вместе с ним — неглубокий, поверхностный, легко нарушающийся сон, где мысли переходят в призрачные, сбивчивые образы, где пауза бодрствования перемежается паузой забытья. Плохой, то и дело разрушающийся сон, полный тяжких, липко обволакивающих душу сновидений...

Баку — в огне... Эти пожары, когда горит нефть, так знакомы еще с годов юности. Этот тяжелый смрадный дым, который душит, валит с ног и не оставляет веры, что есть еще где-то не замечаемый человеком обычный прозрачный воздух. Эта зловещая багровость, рвущая траурные дымные космы. Этот осязаемо, зримо представший, разверзшийся зев надпланетной катастрофы, когда человек и все его, человеческое, кажется ничтожно мелким перед разгулом всепожирающих пламен.

Баку — в огне... И над ним — они, принесшие этот огонь. Самолеты, на которых нет знакомых всему миру черных зловещих крестов. Но — радужные круги красно-бело-синего сочетания; яркие опознавательные знаки, объявляющие о принадлежности к воздушным силам Британской империи.

Баку — горит. И в черном небе над ним жестокая схватка. Четыреста двадцать зенитных орудий опоясывают город и нефтепромысловую площадь огневым ожерельем. Заходятся неистовым ревом полки истребителей.

И с черного неба, словно обломки его, пылая и рассыпаясь, падают самолеты Британии. Но — Баку горит.

Англия и Россия — в состоянии войны! И рев неистовства, схожий с грохотом взрывающихся вулканов, перекрывает неистовство схватившихся смертельною схваткой в черном бакинском небе воздушных армад.

В состоянии войны!.. О, час, на который в этом мире делало ставку так много негодяев, авантюристов, политиканов и даже политиков! О, этот час, который всегда, в глубоком кармане имели про запас «миролюбивые» мюнхенцы! О, этот час, который для коричневого берлинца, запутавшегося в собственных сетях, как божий дар, как золотой презент судьбы, как подтверждение того, что в этом мире он всех и каждого победит, раздавит или... обманет.

В состоянии войны!

Распахнуты двери тюрем, и «многострадальный» Мосли, глава английских фашистов, опять на трибунах Гайд-парка, его сподвижники — с ним.

И первый, кто падает, сраженный мечом обстоятельств, английский премьер... У многомудрой английской буржуазии и про запас, и сверх запаса есть все, в том числе и премьеры... Ллойд-Джорджи и Самуэли Хоры, — они, как дредноуты, подремывающие на рейде. Раздайся лишь свисток судьбы — и выбраны якоря, подняты пары. И дредноуты, дремавшие на рейдах второстепенных гаваней истории, пошли заменить на океанской дороге лидера британского мира, Уинстона Черчилля.

В состоянии войны!..

И какую же силу обрели сразу сподвижники, ученики нацистского фюрера Соединенных Штатов Америки Фрица Куна. Как бесшабашная дерзость и вседозволенность, которую они, подобно всем иным нацистам мира, величают возвышенно-просто: «С нами — бог!» — как их пивные морды и животно-могучие телеса контрастируют с обыкновенной человеческой немощью нынешнего президента Америки! Как же они подчеркивают: «здоровая» Америка пойдет не тем путем, куда ее думает увести Франклин Рузвельт.

Война? Кого? С кем?.. Что за неожиданный оборот событий! Японские Мацуоки, полуверящие, полуневерящие, один глаз устремляющие на Север, другой в сторону южных морей, спокойно, пусть и пребывая в некоем недоумении, уйдут, освободив место простым, реши-

тельным, твердым, как меч самурая, фашистским лидерам, генералам Араки.

В состоянии войны!

И все Петены, Лавали, Хорти, Квислинги, все Саксен-Кобургские династии царей Борисов, все двести тридцать шесть партий и группировок, разбросанных по земному шару, ориентир которых — фашистская Германия, — они теперь главная сила капиталистического мира...

Горит Баку... И в дымно-смрадных тучах, закрывших его, бой всех барабанов, которые — там, которые — за границей границ, за чертой, отделяющей землю социализма от всех иных земель. Они теперь все вместе. И неистовствующий фюрер с трибуны рейхстага тянется, чтобы обнять... Кого обнять?.. Ему все равно, кого обнимать на тех Британских островах, с которых вдруг (да разве это вдруг?) золотой презент — ключи от судьбы мира.

Сталину казалось, что запах горящей нефти он почувствовал явственно, и это ему не понравилось. Что все эти в портретных обличиях призраки, пришедшие с газетных страниц, с фотографий, возникали, мелькали, справляли неистовый шабаш радости — все это не разрушало совсем ломкий сон. Но вот явственно учувствованный запах горящей нефти!..

Пошевелившись на прогретой печью доске, он как бы попробовал, отзовется ли знакомой, навестившей опять вчера, болью поясница? Но тело было свободно от сковывающей его боли. И он осторожно, как бы боясь, что ошибся, что боль все-таки здесь, в нем, и может внезапно вернуться, спустился вниз. Прошел в большую залу. Там обширный стол, обычно накрытый скатертью, а сейчас ничем не накрытый, в предутреннем полусумраке смотрелся темно. Темно и потому особенно огромно. И на этом столе белели бумажные листки. И первый среди них тот, который в нескольких словах пересказал ему во время заседания Политбюро Сметанин.

Там говорилось, что в Лондоне уже с конца мая (и Сталин понимал: это напрямую связано с высадкой на Британских островах гитлеровского дипломатического десанта в лице Гесса — Гесс как-то обвел вокруг пальца Черчилля) насмерть перепуганы ожидаемым возобновлением переговоров Германии и СССР. В Лондоне убеждены, что Советский Союз уступит всем немецким требованиям. И потому нужно немедленно найти возможность надавить на Россию, чтобы она никаким та-

ким требованиям не уступала. И английская дипломатия, потерявшая голову, «нашла» такую возможность. 12 июня Комитет начальников штабов принял решение подготовить удар по нефтепромыслам Баку. То есть, если только Советский Союз начнет уступать давлению немцев, ему по затылку, а точнее, по нефтяному сердцу страны, будет нанесен сокрушительный бомбовый удар.

В районе Мосула англичане спешно сосредоточивают бомбардировочные эскадры.

Бумажный листок... Бумажные листки, что рядом с ним...

Есть ситуации, когда обстоятельства, ход событий оказываются неподвластны людской воле, даже если эту волю дополняет могущество власти. Черчилль, сменивший менее года назад Чемберлена на посту английского премьер-министра, как будто бы переложил штурвал британской политики на новый курс. Как будто бы с бо́льшей четкостью обозначил, где главный враг, враг каждого англичанина, и всей хрупкой островной Англии, и всей могучей Британской империи, и... Враг прогресса, демократии, свободы. Гитлер. Фашистский режим. Притязания нацистской Германии на существующий в мире порядок. Будто бы, переложив штурвал политики, переведя ее с курса миротворчества мюнхенцев, Черчилль определил и четко, и ясно... Что определил? Да хотя бы отличие своего политического курса от курса тех, кто привел мир к войне, к мировому пожару.

И — вот... Ход событий, ход вещей, ход, как бы уже предопределенный, заданный, подвластный воле, глубинно присутствующей в поведении перепуганного, загнанного в исторические тупики буржуа, этот ход оказывается мощнее всяких здравых смыслов, «основополагающих» идей, свежих ветров «новой» политики.

Сто двадцать две цели для бомбового урагана наметили чуть более года назад Чемберлен и его «миротворцы» на советском нефтяном Кавказе. Баку, Грозный, Поти, Батуми. Нефтяные площади, хранилища горючего, перегонные заводы, линии трубопроводов и других транспортных систем — все должно заняться пожаром, когда бомбардировочные эскадрильи «фарманов», «глен мартинов», «веллингтонов» ворвутся из полупустынь Среднего Востока в воздушные просторы Советской страны. Крейсеры, эсминцы, линейные корабли и авианосцы, вторгшись через Босфор и Дарданеллы в Черное море, допол-

нят мощь авиационного удара с аэродромов Сирии, Турции, Ирака.

Определено количество бомбардировщиков и кораблей. Проведены совещания на уровне военных экспертов, министров, начальников штабов, глав правительств. Определены сроки...

Под гитлеровскими ударами, казалось бы, должными обратиться на Восток, на Советское государство, но обрушившимися на самих «миротворцев», ломаются и все кавказские козни чемберленов и кто с ними. Уходят с политической арены и сами они, эти «миротворцы», мечтавшие лишь об одном, о том, чтобы коричневая чума фашизма всей своей уничтожающе-зловещею силой была всегда обращена туда... Туда, где Россия. Где большевизм. Где эти самые... рабочие и крестьяне! Да, да, те, присвоившие себе право распоряжаться собственною судьбой! Вот пусть гитлеровская чумная мощь и обратится туда!.. Рушатся. Все эти чемберлены и все их планы. И вместо них, и их зловещего миротворчества — вот этот, казалось бы, новый курс. Новая политика...

Нет! У класса, тем более если этот класс чувствует свою обреченность, не может быть обновляюще-яркого изменения политики. Могут лишь обозначиться новые оттенки. Нюансы. А точнее, могут быть обстоятельства, которые властно берут и меняют... Но пока еще нет таких обстоятельств. И Черчилль, это дитя своего класса, этот трубадур его и оруженосец, этот Черчилль сделал сегодня тот шаг, на который не могли решиться мюнхенцы. Те лишь... планировали войну против СССР. Те лишь.. разрабатывали планы. Те лишь подсчитывали и учитывали. Те лишь наметили сто двадцать две цели. А он... Он, Черчилль, он санкционировал войну против СССР:

Английский комитет начальников штабов принял решение нанести удар по нефтепромыслам Баку 12 июля 1941 года.

В районе Мосула спешно сосредоточиваются эскадрильи английских бомбардировщиков средней дальности действия.

V. УДАР!.. УДАРИТЬ — ПРАВДОЙ!

На открытом балконе сталинской дачи многолюдно. Может быть, это и кажется, что многолюдно, — здесь все-таки не место для заседаний, здесь нет той строгости

кабинета, которая бы сразу сказала свое: рассредоточила всех, каждому определила бы место, установила бы раз заведенный и соблюдаемый непреложно порядок.

Солнечный день. Благость и тихая роскошь летней природы. Сочная зелень близкого леса, лужаек, окружающих дач. Щебетание птиц. Синь бездонно-глубокого неба...

Но на балконе сумрачно. Как будто бы небо, которое бездонно синеет, это не то небо, под которым сейчас собравшиеся здесь люди. Их словно накрывает невидимая туча, и ее мрачный отсвет на лице каждого...

У Сталина очень мало места, чтобы ходить. Как-то так сдвинулись стулья, и кто-то стоит, погруженный в раздумия. И все это не на обычном, единым порядком установленном месте. И Сталину очень мало места, чтобы ходить. Но он ходит. В его руке трубка. Она потухла давно. Но ему некогда ею снова заняться.

Он говорит, не сдерживает себя обычною суховатостью и немногословием. Пусть движения его руки, в которой потухшая холодная трубка, как всегда, скуповаты. Но в каждом из них — резкость, в каждом спрятана ощущающаяся хорошо сила. Он в одной из тех своих немногих минут, когда не сдерживает вдохновенности, живущей в душе, той веры, которою всегда полон, той убежденности, которая — его существо и которою он может заразить, пожалуй, любого из людей — и миллионы.

— Ударить!.. Мы должны непременно и безотлагательно ударить!

— Кто наш первый и смертельный враг?.. Наш враг номер один — это мировая коалиция ведущих капиталистических государств. Только их общий союз, только их общий поход смертельно опасен для пока что единственной в мире страны социализма. Сегодня этот враг номер один поднял над нами свой меч. Потерявшие голову английские политики сегодня сделали то, чего не могли сделать мюнхенцы. Они создали условия для возникновения и образования единого фронта всех государств капитализма против СССР.

— Решение английских политиков бить нас по затылку, чтобы мы в предстоящих мифических переговорах с Гитлером были непреклонны, — есть то, что отдает возможность решать судьбу всего хода событий в мире Берлину. Сегодня Гитлеру достаточно создать ситуацию, которая обезумевшим политиканам Лондона покажется началом альянса СССР и Германии, и английские бом-

бардировщики, спешно собираемые против нас, поднимутся в воздух.

— На нас поднят меч. И мы должны отвечать ударом своего меча.

На столе, занимающем средину балкона, лежат листки, заполненные неспешною, обстоятельною рукой. Там вычерки, поправки. Все — тоже рукою. Это пока еще не знала и машинка. Но это знают все, кто сейчас здесь. И кто-то один говорит:

— Но этого могут не понять в народе.

Другой:

— Это может деморализовать нашу армию.

— Все так, — говорит Сталин. — Потери, которые понесем, мы сами не знаем. Нам трудно их предугадать. Но что наши потери перед тем, если там, — его рука поднимается высоко, — если там сегодня такие интриги, такое безумие, такое отсутствие реализма, что это рождает плод, страшнее которого быть не может: общий военный союз капитализма.

— Что наши потери перед теми заговорами, опаснее которых нет и быть не может! Что наши сомнения перед тем, если сейчас там, в тиши загородных вилл, за чашечкой кофе несколькими словами может решиться будущее всего человечества.

— Ударить!.. Ударить — и сорвать какие то бы ни было переговоры, если они ведутся! Ударить — и развалить коалицию мирового империализма, если она даже в самом зачатке, в самом зародыше. Ударить — и остановить крестовый поход империалистических государств против Советской страны. Что наши потери перед всем этим?

Тишина...

Птицы поют и щебечут, кажется, лишь для того, чтобы подчеркнуть, как же бывает тихо в этом мире, когда никто из людей не говорит, не ходит, когда делается самое великое дело, какое могут делать люди, — они думают.

Сталин остановился. Он стоит, касаясь коленями балясины в ограждении балкона, опустив вдоль бедра руку с трубкой, другую положив на грудь, пальцы — под бортом френча.

Висит тишина.

— У нас нет другого оружия, кроме правды, — говорит он негромко. — Мы же действительно не собираемся идти на какие-то переговоры с немцами. Почему нам об этом не сказать. Пусть потерявшие разум английские политики придут в себя... Мы же действительно не собираемся идти походом на Гитлера. Почему нам стесняться говорить об этом? Мы действительно верим... Мы хотели бы верить, что и Гитлера никакие интриги извне и внутри не толкнут на безрассудный шаг, на столкновение с нами. Мы знаем цену писем, которые получаем от Черчилля. Мы выражаем уверенность, что и в Берлине знают цену таким посланиям и всем разговорам, которые ведутся в Лондоне. Ведутся особенно усердно, когда от нас, из Москвы, туда уехал английский посол. Этот вроде бы самый сейчас осведомленный о наших целях и намерениях человек в западном мире... У нас единственное оружие — правда. И почему ее, как меч, мы не можем опустить в ударе?.. Ударить... И сейчас. Немедленно. Завтра может быть поздно...

Сообщение ТАСС.

«Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти требования, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия со-

ветско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

14 июня 1941 года».

VI. СОМНЕНИЯ... СОМНЕНИЯ...

«Мы этой битвы не проиграем?» — он спросил это у себя, потому что спрашивать было не у кого: в кабинете, наполнявшемся сумраком и потому становившемся как бы все огромнее и огромнее, он был один. Под стеклом, коробчато накрывавшим небольшой столик, белела посмертная гипсовая маска Владимира Ильича Ленина.

«Не проиграем?..»

Вспомнился один из разговоров с Молотовым вопрос, заданный тому: «Не просмотрим черты, которая отделяет просто политику от политики военными средствами?» Нарком иностранных дел, как всегда, смотрел преданно и в ответе был решителен: «Нет, не проглядим». Расшифровка ответа простая: «Ты, Иосиф Виссарионович, не проглядишь».

Не с кем посоветоваться... А это обязательно? Советы, обсуждения — не химера все это? Разве человеку, волей судеб обязанному принимать решения, может кто-то советовать? Все равно он, и только он, принимает решение. А все советы, вся словесная мишура, какой бы яркой она ни была, отметаются им, отбрасываются.

Посмертная гипсовая маска под стеклом, как бы совсем исчезнувшим в сумрачном свете, белела четко, и большой ленинский лоб невольно приковывал взгляд.

Ленин?.. Что Ленин? Да, через схватки, непримиримые споры вел своих единомышленников. Накануне Октября, когда решалось, идти или не идти на восстание! Как обостренно обнажил все разногласия Брестский мир. Не случайно же — поименное голосование. Нэп... Да, споры, дискуссии. Но кто-нибудь хоть однажды переспорил Ленина? Он все бросал на чашу весов. И если его правота не перетягивала, он находил новые возможности надавить на несогласных с ним. Да, он проводил свою линию через борьбу, но потому, что у него не было полной власти в руках.

Потому?.. Посмертная гипсовая маска белела, как будто была совсем не под стеклом... Потому? Именно потому. Никто не может проверить правоту или неправоту мысли гения. И будь у него полная власть в руках, будь полная свобода действий, зачем бы ему тратить душевную энергию на то, чего доказывать не надо, в чем он абсолютно убежден.

Спорить было не с кем. Хотя чувства были такими, как будто спор все-таки шел и доказывать свое было нужно.

«Мы этой битвы не проиграем?»

Не просмотреть черты, отделяющей политику от политики военными средствами. Не упустить никаких изменений в расстановке и комбинациях мировых политических сил. А главное... Что сегодня для нас главное?

Две решающие битвы на дипломатическом фронте выиграны.

Самая главная, все определяющая — разгром мюнхенцев. Они, эти умиротворители Гитлера, эти предатели своих народов, самих себя, предатели всеобщего дела мира, они все время вели дело к тому, чтобы СССР оставался один на один со всей волчьей стаей империализма. И один на один с самым матерым зверьем этой стаи — немецким фашизмом.

Разгромлены мюнхенцы. Ход событий обнажил всю пагубность их велеречивого миротворчества. Матерое фашистское зверье накинулось на самих миротворцев. И нет пока общего фронта против СССР. Пока... Но матерое зверье увидело, что и оно в своей политике разбоя попало в западню. Мечется в ней. Ищет выхода. Но все-

таки нет пока общего фронта против СССР, и это — наша победа.

Вторая победа сомнительнее. Но тут тоже стоило повоевать, постоять за свое. Заложить в будущее, каким бы сложным оно ни оказалось, возможность разлада, неполной скоординированности действий между Германией и Японией. Если два этих хищника разом набросятся — будет тяжело. Пока что есть основания предполагать: общим строем, под одну команду, они не выступят. Да, это тоже победа...

Но вот сейчас развернулась, видимая миру лишь отдельными проявлениями, тоже битва, которая решает... Как многое она решает, опять же невозможно предсказать.

Можно ли удержать сегодня, сейчас, пусть хоть на какое-то время, но удержать Гитлера от нападения на СССР?

Гитлер принял решение...

На столе, стоявшем отдельно, неподалеку от того, где покоилась гипсовая посмертная маска Владимира Ильича, на рабочем столе Генерального секретаря Центрального Комитета ВКП(б) и Председателя Совета Народных Комиссаров лежат документы, которые говорят: «Гитлер принял решение о нападении на Советский Союз».

Когда он принял это решение?

Семнадцать лет назад, в тысяча девятьсот двадцать четвертом году. Нападение на СССР, расширение за счет его территории так называемого жизненного пространства для арийской нации — главнейшая мысль книги Гитлера «Майн кампф».

Но придя к власти, Гитлер, как известно, не только не отправился на Восток, но он установил нормальные межгосударственные отношения с СССР. Это что значило? Он отказался от своих идей?.. Нет, не отказался. Но жизнь, конкретные обстоятельства оказались выше идей и помыслов Гитлера.

Развязав мировую войну, Гитлер не пошел походом на страну социализма. Это что значило? Он отказался от своих решений? Он изменил им?

Нет, он не отказался от своих решений, хотя временно и изменил им. Жизнь, конкретные обстоятельства оказались в тридцать девятом году выше решений и планов Гитлера.

Разгромив Францию, сбросив с Европейского материка английскую армию, Гитлер тут же всеми помыслами своими обратился на Восток. Но вот уже год его армии стоят перед границами Советской страны в бездействии. Значит, есть обстоятельства, которые выше решений, планов Гитлера.

То, что Гитлер не отказался от идеи «Дранг нах Остен» — это бесспорно. Что у Гитлера поход на Восток в стратегических планах занимает главнейшее место — в этом нет сомнения. Что его штабы разрабатывают или уже давно разработали оперативные решения, то есть планы операции на земле России, — это факт. Но... Есть одно но.

Гитлер тридцать раз назначал конкретный день нападения на Францию. И двадцать девять раз отменял свой приказ. Есть день, есть час, когда принимается окончательное решение. Есть условный сигнал, который заставляет войска двинуться с места. Если бы заставить Гитлера в этот последний решающий день и в самый последний час, когда отдается приказ, усомниться...

Если выиграна у гитлеризма эпоха, если выиграны годы, если разрушены его союзы, спутаны его планы, разве не стоит сегодня бороться за последнее: за день, за час? За день, когда решится все. За час, когда в войска будет дан, или не будет дан, условный сигнал.

В Берлине — смятенье. Там в правящей гитлеровской верхушке что-то происходит. Дипломатическая служба доложила о скандале с Геббельсом. Маленький министр, как все там этого колченогого враля величают, разразился статьей в газете. Проговорился якобы о планах нападения на Англию. Заявил о своем несогласии с этими планами. Что это?.. Очередная геббельсовская утка? Провокация? Или это ход, облегчающий Гессу, находящемуся в Англии, вести переговоры? Или это политическое штрейкбрехерство? Может, в стане германских политиканов, погрязших в преступлениях, запутавшихся в собственных интригах, начинается крупный разлад? Рифы реализма, на которые должен обязательно, рано или поздно, налететь корабль гитлеровской политики, может, они уже и сейчас пробивают дно этого корабля?..

Англичане, видимо, пугаясь военного союза Германии и России, страшась кем-то придуманных переговоров, дали новые возможности Гитлеру для крупных, глобальных масштабов, интриг. Он, конечно же, не упустит этих воз-

можностей. Но... В ответ на сообщение ТАСС от четырнадцатого — в Берлине гробовое молчание.

...Было уже очень поздно. И хотя за окном сумерки не сгустились настолько, чтобы улицам был нужен свет фонарей, здесь, в кабинете, нужно было зажечь свет. Но он не зажигал света, ни большого, ни маленького. Он ходил по кабинету, и огонек трубки, разгоравшийся при затяжке и тут же начинавший опадать, как гаснуть, вот и весь свет в этом сумеречном пространстве, в этой тиши, в этом его одиночестве.

Не с кем посоветоваться...

Ему вдруг вспомнилась Красная площадь и людские потоки на ней. Разноголосая симфония оркестров, цветы, транспаранты, дети на плечах отцов. И... Тогда это както и не бросалось в глаза. Это было привычным, давно привычным. А сейчас вот вдруг как бы заново увиделось. Портреты. Множество портретов. Но лицо, выражение лица, всегда одно — спокойное, неулыбчивое, лицо человека уверенного и убежденного, твердо живущего этой убежденностью. И увидев сейчас, в этой тиши, в этом безмолвии большого пространства, сейчас увидев то лицо спокойного, убежденно-уверенного во всем человека, он вдруг почувствовал, что хотел бы вот в эту минуту обратиться к нему, поговорить, посоветоваться. Но обратиться к нему, поговорить, посоветоваться было невозможно. Мыслей гения, его правоту или неправоту, не может оспорить никто.

Никого рядом не было...

VII. ЗЯБЛИКИ И ПЕНОЧКИ

Сталин в большой комнате дачи. Стоит посреди комнаты. Через парадную дверь входит с портфелем, набитым туго бумагами, Котляров. Сухо и официально говорит:

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

Сталин отвечает хмуровато:

— Здравствуйте, товарищ Котляров... Нарком обороны себя подписанием бумаг не утруждает? Самых решительных генштабистов на это дело мобилизовал?

— Нарком обороны, — отвечает Котляров, — отправился в войска Московского округа.

— А! Так?.. Правильно... Кладите портфель сюда, — указывает на край длинного стола. — Пойдемте. Прогуляемся...

Широкая тенистая аллея, уходящая вдаль. Сталин и Котляров идут рядом, заложив руки за спину.

— Поют, — говорит Сталин, чуть приподняв голову, словно стараясь увидеть в густой листве беспечных обитателей паркового леса.

— Зяблики, — говорит Котляров, оставаясь сосредоточенно-хмурым. — Это как воробьи: везде и всюду. Только па зиму улетают в теплые края.

— Да, зяблики, — говорит Сталин, вслушиваясь в пение птиц. — Поют. Заливаются... Как бы сказали поэты: славят жизнь. Как настроение?

Котляров поворачивает голову, смотрит жестко, в упор, на сталинский профиль.

— Неважное, товарищ Сталин.

— Почему? — теперь Сталин, повернув медленно голову, смотрит на него тоже жестко, в упор.

— Теперь, — Котляров не говорит, что теперь — это после сообщения ТАСС от 14 июня, но им, и тому и другому, ясно, какое значение вкладывает он в это слово,— должно бы быть поспокойнее на душе. А нет... Неопределенность какая-то. Неясность... Сто семьдесят фашистских дивизий занесли над нами кулак. Нарастает волна провокаций на границе. Все зловещее разговоры среди приграничного населения о близости войны. Недавно переплыл Прут румынский железнодорожник. Принес график движения немецких воинских эшелонов к нашим границам. Утверждает, что все перевозки войск и техники заканчиваются двадцать первого — двадцать второго июня.

Сталин смотрит внимательно в профиль Котлярова. И тот словно чувствует этот взгляд. И чувствует еще, что хотя внешне это совершенно не проявляется, но есть в сталинском взгляде, устремленном на него сбоку, некая ироничность. «Ну, ну!.. Уже и румынские железнодорожники у вас в роли древнегреческих оракулов!» И Котляров продолжает далее с еще большим напором.

— Сегодня звонили из Ковеля. Командир корпуса генерал Федюнинский. На нашу сторону перешел перебежчик, немецкий военнослужащий. Заявляет, что через четыре дня, двадцать второго июня, начнется война. Когда генерал усомнился, не провокация ли это, солдат заявил: «В пять часов утра двадцать второго июня, если война не начнется, расстреляйте меня».

Сталин не смотрит на Котлярова. Идет. Чуть приопустив голову.

— Управления военных округов вывели на фронтовые командные пункты? — вопрос его звучит негромко и спокойно.

— Выводим.

— Что же это — выводим!.. До двадцать второго нужно обязательно вывести.

— Выведем.

— Сколько сегодня у нас дивизий на западе?

— Сто сорок девять и одна отдельная стрелковая бригада.

— Разве это малые силы?.. Тем более что в движении на Запад у нас еще несколько армий. Тем более что из тыловых районов приграничных округов войска подтягиваются непосредственно к границе. Даже если мы предположим, что перебежчик не подброшен нам и что румынский железнодорожник не просчитался, то?..

Он повернулся и опять очень остро посмотрел на Котлярова, как будто бы приглашал его закончить мысль, которую сам оставил незаконченной.

— Нужно привести войска приграничных округов в боевую готовность, — Котляров не принял приглашения закончить ту, нарочито оборванную Сталиным мысль-фразу. Он утверждает свое. — Первые эшелоны развернуть согласно планов прикрытия.

— То есть объявить мобилизацию?

— Да, — говорит генерал. — Наши оперативные планы обязывают: в случае угрозы войны, — далее он говорит особенно четко, как бы цитируя тот документ, который подписан Сталиным в начале этого года и который, конечно же, Сталин хорошо помнит, — привести все Вооруженные Силы в полную боевую готовность; немедленно провести в стране войсковую мобилизацию; развернуть войска до штатов военного времени согласно мобплану...

— Согласно мобилизационному плану, — повторяет задумчиво Сталин. — Согласно плану, который переводит страну с рельсов мирной жизни на рельсы войны...

Идут молча. Над их головами заливаются пением, беспечным, славящим летний прекрасный день жизни, птицы. Солнечный луч мелкой золотою капелью пробивается через густую листву, осыпает их плечи.

— В двадцать седьмом году, — голос Сталина звучит

скорбно; Сталин словно чувствует, что в чем-то важном он не убедил, не может пока убедить вот этого шагающего рядом с ним человека, — англичане разорвали с нами дипломатические отношения. Все шло к тому, что будет война. Можно было поднимать страну по сигналу тревоги. Отрывать человека от плуга, станка, верстака... Мы выдержали. Переждали. Обошлось...

Идут молча...

— В двадцать девятом году на КВЖД китайский милитаризм устроил нам выволочку. То-то улюлюкал весь белый свет: стравили! Вот уж повисят эти китайцы и русские друг у друга на горле!.. Трудно было, но мы не объявляли мобилизации.

Похрустывает мелкая хвойная осыпь под ногами. Поют птицы...

— Дни перед Мюнхеном, — продолжает Сталин. — Сентябрь тридцать восьмого. На западе войска в боевой готовности. До Волги, до Урала частичная, — поднял руку: на это, мол, обращаю внимание, — частичная мобилизация. Призвали триста тысяч. Всего лишь триста тысяч. Теперь? — посмотрел опять жестко в глаза Котлярова. — Теперь только в последние месяцы — уже почти миллион... Не объявляя даже частичной мобилизации. Хасан. Халхин-Гол, — продолжает негромко. — Западные Украина и Белоруссия. Карельский перешеек... Это же не мелкие драки на кулаках. Это каждый раз лицом к лицу со всем империалистическим миром. И каждый раз частная битва могла превратиться в войну со всем империалистическим лагерем. С точки зрения военной целесообразности, идя на каждую из таких битв, нужно было превращать страну в военный лагерь. Чтобы гарантировать себя от всяких случайностей. Но это значило, что все время, какое мы существуем, то есть с октября семнадцатого года, мы должны были то проводить в стране мобилизацию, то отменять. То проводить, то отменять. Разве могли бы мы тогда что-нибудь построить? Что-нибудь создать?

— Да, тогда бы мы ничего не построили. Ничего бы не имели, — соглашается Котляров.

Идут молча. Похрустывает мелкая хвойная осыпь под ногами. Звучит многоголосый птичий хор.

— Поют, — говорит Сталин и поднимает руку над головой; оттуда падает особенно звонкая трель. — Зяблик, значит?

— Нет, это пеночка.

— Как пеночка? — Сталин остановился, внимательно вслушивается в пение. — Зяблик.

Котляров тоже стоит. Склонил немного набок голову.

— Нет, это пеночка. У ней песня, как у зяблика. Совсем как у зяблика. Только конец иной.

Сталин вдруг невольно и совсем невесело улыбается. И говорит не то насмешливо, не то мрачно, но пряча эту мрачность под усмешку.

— Мне кажется, что вам иногда нравится... Да, вам иногда просто нравится... злить товарища Сталина.

Котляров остановился: как будто бы мягкая, но тяжелая колотушка ухнула ему прямо по лбу.

— Как?.. Почему?.. — он будто действительно оглушен и не находит слов. — Почему, товарищ Сталин?

— Ну а вот чем объяснить эту вашу, — Сталин словно чувствует тяжесть колотушки, ухнувшей по лбу Котлярова, и подыскивает слова, мягча новый удар, — ну это ваше постоянное... неумение слушать? Обязательно решительное мнение. Бесповоротно решительное. Обязательно с этакими режущими ухо доводами, аргументами, этакая танковость. Обязательно свой взгляд на то или иное сложное событие. Обязательно: «Я считаю!..» Что это такое? Как объяснить?

— Я — служу... Я — дело... Поскольку поручено дело...

— Каждому поручено дело. Но каждый... Почему вот, скажем, тот же генерал Петухов умеет выслушать. Тимошенко умеет выслушать. Да мало ли кто! — поднимает он голос. — Нужно уметь выслушать.

— Я делаю дело, — Котляров, кажется, справился с оглушенностью, которая была такой неожиданной — счастье его, что в жизни рядом с ним рвались снаряды. И он знал эту наступавшую внезапно оглушенность и потом справлялся с ней. — Делаю дело, порученное мне, — повторил он, возвращая голосу обычную напористость. — Вкладываю в него все, что имею. Свой ум, свою душу, свою... гордость. Я горжусь и дорожу порученным мне делом.

— Гордость? — голос Сталина зазвенел. Сталин пошел быстрее, и Котляров сразу отстал.

«Гордость? Ах, гордость? — хотелось взяться за грудь — дыхание перехватывало. — Гордость... Еще, выходит, не все вывелись... Нет, совсем еще, выходит, не вывелись...»

— Лаврентий, подойди!

Удивительное дело. Были вроде бы совсем одни. В пустынном, умиротворенно-спокойном, лишь птичьим щебетом и пением наполненном парке. Одни. Совсем одни. Но, оказывается, вот он, полноватый, с одутловатым лицом человек, любящий обильные выпивки и закуски, этот с громким титулом генерального комиссара госбезопасности. Вот он, как из-под земли...

«Ах, гордость!» Пелена застилает глаза. Ни леса, ни травянистого ковра меж деревьев. Ни гаревой дорожки впереди, будто бы все время прямой, на деле же уходящей в мягкое полукружие. «Ах, гордость!»

Не так давно, за вечерним столом, где только самые-самые (кажется, кроме Лаврентия, лишь Молотов и Каганович), когда уже изрядно выпили, очень даже изрядно, и началась некоторая разноголосица... Лаврентий так, между делом, рассказал об одном, который тоже всегда с гордостью. Ума — не особенно, а гордости!.. Лаврентий не называл его имени. Он обронил лишь несколько деталей, и ему, Самому, как и Лаврентию, стало понятно, о ком речь. Может, Молотов и Каганович, о чем-то в те минуты спорившие, совсем и не уловили, не расслышали, о ком начался разговор рядом. Конечно, отрицать не приходится: товарищ по боевой юности. Ближайший сподвижник по горячим предреволюционным делам... Можно сказать — друг. Да, кажется, именно такие и относятся к этой категории. Друг. Но если даже охлаждение дружеских чувств в последние годы. Если расхождение во взглядах. Это же не давало права с трибуны пленума, обращаясь на «ты», заявить: «Мы работаем на тебя. Ты работаешь на нас. Наша слава — твоя слава. Твоя слава — наша слава!..»

Лаврентий за вечерним столом так, походя, и негромко (кажется, Молотов, Каганович даже и не слышали) рассказал... Когда открывались двери камеры... Когда только лишь начинали скрипеть, так он бросался под нары. Забивался как можно дальше и, стоя на четвереньках, принимался лаять на открывавшуюся дверь. Думали поначалу, что это он так, юродствуя. Нет, вообразил себя. Пока в камере спокойно, то он среди других — ничего. Но как только начинали открываться двери — соба-

кой... На четвереньках. Под нары. И принимался лаять. Будто бы отпугивал. Отлаивался...

Хотя Молотов, Каганович и не слышали рассказа Лаврентия, но вдруг насторожились. Потому что поднялся из-за стола. Не должен был подниматься, но поднялся. Походил. И возвращаясь, кажется, вслух сказал... Может, и просто думал лишь, повторял про себя, а может, и вслух сказал: «Не надо было лаять на товарища Сталина».

«Гордость?.. Ах, гордость!»

Сейчас казалось, что оба, и тот, и другой, отстали. Шел быстро, как бежал. Плохая это привычка, от которой никак себя не отучить: если поднялось в груди и глаза застит черным туманом, то и с шага почти как на бег. Плохая привычка... Отстали? Но нет, они оба тут. Лаврентий сразу за спиной, в двух шагах, чуть справа. Тот — левее. И на шаг, на два подалее. Но тоже не отстал. Тоже — рядом.

«Гордость?! Лаврентий, этот оказывается!..»

«Повторяю: 9 армий из 150 немецких дивизий совершат нападение на советскую границу 22 июня». Рамзай. Из Токио.

«В ночь на 22 июня Германия нападет на Советский Союз. Чан Кай-ши извещен об этом гоминдановским послом в Берлине Чэн Цзя...» Чжоу Энь-лай. Из Чунцина.

Из Цюриха: «Как стало известно из кругов, близких Гитлеру, 22 июня...»

Военный атташе. Берлин: «22 июня 170 дивизий...»

«22 июня...» — Герхард Кечель, из немецкого посольства в Москве.

Сволочи! Обложили товарища Сталина. Ничего! Разрубим узел двадцать второго июня — поразберемся. Поразберемся, кто есть кто...

— Лаврентий... есть спички?

Полненький трусоватый человек торопливо охлопал себя от груди (нет, от ключиц) до коленок. Да, прямо-таки до коленок. Что, у него такие глубокие, от пояса и до колен, карманы?

— Нет, Иосиф Виссарионович. Нету спичек.

— У меня есть, товарищ Сталин.

— Давай! — и протянул руку, в которой... спичечный коробок. Свой спичечный коробок. Протянув, увидел этот коробок в своей руке. Поднес его к уху, потряс. Спички в нем были. — Отсырели.

Сунул в карман. Опять протянул руку и взял коробок у Котлярова.

— Идемте... к вашим документам.

Вернувшись в большую комнату дачи, как будто бы и забыл, кто с ним и зачем. Котлярову (а только он пришел вместе со Сталиным, Берия опять словно испарился — исчез) пришлось стоять безмолвно возле портфеля, перекладывать с места на место с деловым видом бумаги. Сталин нервно прохаживался по комнате. Если бы это был не Сталин, можно бы даже сказать: сновал... Нервно, очень нервно прохаживался. Подошел вдруг к телефону, сорвал трубку.

— Молотова... Молотов?.. Слушай... Приезжай-ка немедленно. Мне кажется, что обстановка такова: мы не можем оставаться на позициях, о которых заявили четыре дня назад в сообщении ТАСС. Мы должны немедленно... отступать.

Он совсем тихо, с настоящею болью, как будто в груди у него сильно болело, еще раз повторил это слово:

— Отступать...

VIII. ПРИКАЗА НЕ БЫЛО. УКАЗАНИЙ НИКТО НЕ ДАВАЛ

Котляров за столом в своем кабинете. И хотя на нем привычный генеральский мундир и обстановка в кабинете повседневная, строгая, он почему-то похож на... бухгалтера.

Очки! Не приличествующие этой строгой генеральской форме, этому крупному, с резкими чертами, лицу очки в тонкой, «старушечьей» оправе. Наверное, носит он очки от случая к случаю — нет еще пока в них постоянной нужды — и потому выбрал легкие, которые в отличие от солидных, массивных не кажутся обременительными для переносицы.

На столе бумаги: пространные сводные ведомости на широких, многократно развертывающихся листах и этакие «гроссбухи», толстые, типа «амбарных», книги, прошитые, под сургучными печатями. Бухгалтерия, конечно, не из простых!

А все же бухгалтерия! И тут — единицы учета. Сравнительные таблицы. Вычисления, перечисления. Попросту говоря: количество штыков, сабель. Даже если «штыки» — танки, «сабли» — бомбовый груз.

Тихая минута рабочего уединения. Напряженная рабо-

та всех вычислительных, аналитических машин мозга. Сосредоточился настолько в какой-то трудноrешаемой загадке, что не замечает: тяжелый подбородок отвис, нижняя губа чуть поотвалилась.

Неслышно, плотно прикрыв за собой двери кабинета, появляется адъютант. Дождавшись, когда Котляров, подняв голову и торопливо спрятав очки рукой, опущенной под стол, посмотрел вопросительно на него, адъютант говорит негромко, этаким заговорщическим тоном.

— К вам... генерал-лейтенант авиации Кравец. Еремей Кузьмич. Говорит, что вы... приглашали. Да, именно приглашали. В списках вызванных сегодня на прием его нет. Говорит, что у вас... У вас что-то — сообщить. Совет... Генерал-лейтенант авиации Кравец.

— Пусть войдет.

Адъютант исчезает, и тут же входит Еремей Кузьмич.

— Здравствуйте, — говорит он улыбаясь и, видимо, по своей старой привычке хочет добавить что-нибудь шутливое. А пошутить можно: хотя и нет уже очков, и губы сомкнулись, и тяжелый подбородок подобран, а все-таки что-то от прошлой минуты, когда боевой военачальник погряз в «бухгалтерии», есть еще на лице. Как будто «старушечьи» очки оставили незримый след. Можно старому авиационному генералу пустить что-нибудь любимое из его постоянного шуточного репертуара. Например: «Здравствуйте, дорогой вы мой бумажкин!» Но что-то удерживает Еремея Кузьмича от шуток. Наверное, прямой, вопрошающий взгляд, которым его встречают. Останавливается Еремей Кузьмич где-то на полурасстоянии между дверью и столом, за которым Котляров.

— Да вот зашел... — говорит он, явно чувствуя смущение. — Оказался на несколько часов в Москве. Вспомнил... Адмирал Шумской как-то говорил... Давно, конечно... Еще зимой... Садятся иногда фашисты прямо нам на голову.

— Вы проходите. Садитесь. Здравствуйте, товарищ генерал-лейтенант... Исая Игнатьевича я очень уважаю.

— Не знаю, проходить ли?.. Отрывать от дела серьезных людей, — два, три шага к столу, к стульям, которые там стоят. — На голову садятся. Небо, если прямо говорить, для всей этой нечисти открыто.

— Небо нужно держать закрытым... Для нечисти, естественно. Для нечисти. Но какие-то права договаривающихся сторон... Как явствует из сообщения от четырнадцатого июня, германская сторона неукоснительно соблюдает...

— Да? — не столько в голосе решительность, сколько в том движении, которым остановил себя Еремей Кузьмич, не позволил себе сделать последние шаги, чтобы достигнуть стула перед столом Котлярова и сесть. — Неукоснительно?.. Неуклонно?.. Я все-таки, наверное, понапрасну займу ваше время. Поэтому разрешите, — заставляет себя улыбнуться и голосу возвращает то тепло, которое чувствовалось в его «здравствуйте», когда он, как говорится, только лишь перешагнул здешний порог. — Разрешите откланяться.

— Да... Пожалуйста, — наверное, и сам Котляров чувствует, как тяжел его собственный массивный подбородок, как бесстрастно-холоден взгляд его серых глаз.

Еремей Кузьмич ушел. Но и здесь, за столом, уже нет сидевшего минуты назад, углубленного в бухгалтерские подсчеты, вооруженного «старушечьими» очками человека в генеральском мундире. Котляров ходит по кабинету озлобленный, взъяренный, но... Но не знающий, на кого выплеснуть ярость.

И как раз появляется Тимошенко. Пройдя к столу Котлярова, садится перед ним — как будто бы пришел на прием. А Котляров не садится — не может сидеть.

— Что так? — спрашивает нарком обороны, ясно видя, что генерал не в себе.

— Предательство...

Да, Котляров кипит. «Белым ключом кипит» — народное определение такого состояния человека.

— Предательство!

Нарком насторожился. Это слово в здешних стенах слишком много стоит.

— Вот так... — Котляров ходит взад-вперед по кабинету. — Вот так... Предают товарища. Друга... Человека. Потом предают... себя... А потом... Потом никто не может подсчитать, сколько стоит такое предательство потом... Человека предал...

У Тимошенко напряженность спадает. «Это, значит, генерал просто переживает? Что-то у него свое!.. Ладно, в этом предательстве пусть сам разбирается...» Тимошенко устал. Он и вышел из своего кабинета затем, чтобы на несколько минут отключиться от дел, как бы разрядить себя от постоянного сверхнапряжения последних дней. Поэтому входить в новые заботы, кидаться в омут

переживаний и страстей Котлярова он не спешит. Закуривает...

— В войска!.. В войска! — не очень громко, но как будто убеждая кого-то, кому-то приказывая, говорит Котляров. — Место сейчас в войсках!..

— Чье место? — спрашивает Тимошенко; он хотя и тугой на ухо после контузии, но эти совсем и негромкие слова слышит.

— Всякого серьезного человека, который знает, что разговоры о немецких приготовлениях не пустой звук.

Тимошенко курит и молчит. Котляров, видимо, замечает, что слишком суетлив в движениях, — заставляет себя перейти на тихий шаг.

— Когда последний раз «Чапаева» смотрел? — усталость в голосе Семена Константиновича, но усмешки не слышится. — Хорошая картина. Сколько раз ни смотрю — всегда переживаю.

— Смотрел, — говорит Котляров. — И даже недавно.

— А помнишь, как здорово Василий Иванович место командира определил. Перевернул чугунок и на него водрузил картофелину... Если ты на чугунке оказался, то в какие такие войска рвешься?

Котляров подходит к своему креслу с твердыми подлокотниками и садится. Закрывает, как будто бы в усталости, глаза и даже прикрывает лицо рукой.

Но не усталость это. Нет, не усталость. Он только что был сосредоточен в труднейших подсчетах-пересчетах реальной боевой мощи наших приграничных войск. Он жил заботами и делами дивизий, корпусов и армий, стоящих на Немане, Буге, в Белостокском выступе. Он только что был, пусть мысленно, там, в довольно тихих, патриархально-спокойных военных городках, гарнизонах, летних палаточных лагерях, временных поселениях из огромного числа больших, каждая на роту, землянок. Он чувствовал всей своей душой, углубленной в неторопливые, истинно бухгалтерские подсчеты, умиротворенность, знойно-летнюю тишину этих мест постоянного расквартирования войск. И вот вдруг этот неожиданный, такой не к месту визит генерал-лейтенанта, которому когда-то, месяцы назад, он действительно передавал... Он хотел тогда подсказать простое: гоняйте фашистские самолеты. Стрелять нельзя. Но идти в лоб мерзавцу! Заходить с крыла! Да мало ли что можно предпринять, если нарушитель разгуливает над нашей землей. Но, кажется, кто-то опередил его с этими советами.

Но старый генерал был слишком демонстративен. Не принял тона, которым с ним заговорили. Сразу рассмеялся над формулировкой: «Германия неукоснительно исполняет». Даже поправил Котлярова: «Неуклонно соблюдает» — так сказано в сообщении ТАСС. «Неуклонно...»

Не захотел говорить. Но тем не менее сказал. Что он сказал, даже подчеркнул своей демонстративностью?

«За то, что сейчас происходит, отвечает каждый из нас. И не надо никаких игр. Никаких недомолвок. Ясность, простота — вот что прежде всего!»

Да, ясность, простота...

Однако сейчас, прикрыв лицо рукой и как бы в усталости сомкнув веки, Котляров увидел себя на тихой аллее сталинской дачи. Вспомнил, как там для него сливались в неразрывное, единое целое ясность с неясностью, простота и сложность.

Но генерал-лейтенант авиации Кравец своей демонстративностью перечеркнул эти сложности. «Никаких игр! В играх участвовать не желаю!»

«Почему же ты, — спросил себя сейчас Котляров, — человек военный, и не простой, не рядовой, но военачальник, у которого положение выше, чем у того командира, что картофелиной на перевернутом чугунке, почему ты в своем поведении менее определенен, чем, например, приходивший к тебе генерал? Ты не имеешь права на такую неопределенность. Ты должен решить, что сейчас, сегодня, сию минуту, можешь и должен сделать. Пусть даже не что *обязан* и *что бы находил нужным* сделать. Об этом, о том, *что бы ты хотел* сделать, что *считал нужным сделать*, — об этом ты ясно и определенно сказал Сталину. И получил от него четкий и ясный ответ, не разрешающий этого делать. Приводить армию в боевую готовность, объявлять в стране мобилизацию — это действительно первыми заявлять о состоянии войны с немцами. Но мы не только не можем начинать войну первыми, но мы должны сделать все, чтобы по возможности оттянуть ее начало. Позволить Гитлеру, как говорил об этом Сталин еще раньше, заблудиться в двух соснах. У Гитлера еще есть время для выбора: или начинать поход против нас, или не начинать. Или стремиться к тому, чтобы до конца выяснить свои отношения с Англией, а потом уже переключаться на

нас. Или ринуться в новую авантюру, не доведя до конца предыдущую. У Гитлера есть варианты решений, и Сталин допускает возможность различного хода событий. Там, в политических сферах, на дипломатической арене, идут свои сражения. Там тоже и наступают и отступают. С какой болью в голосе он сказал это свое «отступать!». Там свои сложности. Но ты — военный. В твоем положении есть своя простота. Если сохранится мир и все пойдет тем же обычным чередом, что и вчера и сегодня, ты будешь абсолютно прав в своей выдержке, в спокойствии своем, в том, что не сделал ничего такого, которое бы дало пищу тем же гитлеровцам кричать о нашей военной угрозе. Будет считаться: все, что ты делал сегодня, ты делал правильно. Но если — война? Если война, тогда сегодняшний день для тебя будет иметь еще одно измерение. А что все-таки ты, пусть и находившийся в невероятно сложных условиях, что ты мог сегодня сделать?

Котляров сел прямо в своем кресле и посмотрел на Тимошенко просто, как всегда при разговорах, когда обсуждались будничные дела и заботы.

— И все-таки хотелось бы мне побывать в войсках, Семен Константинович, — сказал он тоже простым, в котором совсем и не пряталось никаких подспудных чувств, голосом. — Это и для меня как глоток свежего воздуха. И вообще, разве плохо проверить, вот, скажем, сегодня, завтра, скажем, двадцать второго июня какой-нибудь механизированный корпус? Как он в действительности, не по нашим расчетам, не по данным штабов, не по реляциям (а в действительности!), приводится в полную боевую готовность. Как он быстро может уйти из места постоянной дислокации, то есть избежать внезапного бомбового удара. Какими силами сразу же, учитывая всякие плановые и внеплановые ремонты, отпуска личного состава, которые мы теперь разрешили, какими силами он сразу может вступить в бой? Хотелось бы мне проверить механизированный корпус.

Окончание на стр. 129

Праздник на Петров день. Материал читайте на стр. 116.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

ТЕНЬ ТАНКОВЫХ АРМАД

В 1941 году только Советский Союз имел танки с противоснарядным бронированием. КВ считались неуязвимыми, так как их лобовую броню не пробивал ни один противотанковый снаряд. Тем более удивительно, что в обширной литературе, посвященной истории Великой Отечественной войны, упоминаются лишь отдельные подвиги танковых экипажей КВ-1. Складывается впечатление, что армады стальных крепостей, способных прорвать любую оборону врага и буквально искрошить всю немецкую бронетехнику, вроде и не было. А ведь к роковому дню — 22 июня 1941 года — в Красной Армии насчитывалось 636 КВ. До конца года их было выпущено еще 500.

И еще один парадокс: самым массовым танком Великой Отечественной стал Т-34 (к маю 1945 года их выпустили более 50 тысяч), но настоящим танком Победы признан тяжелый ИС-2. И тем не менее тяжелые машины сошли с арены, как-то «тихо умерли» спустя всего полтора десятка лет после войны...

— Кто не знает прошлого, живет без будущего,— грустно улыбнулся Николай Федорович Шамшурин, рассказывая о малоизвестных страницах истории отечественного танкостроения. А рассказать этому человеку есть о чем! Проектированию советской бронетанковой техники он отдал более полувека своей жизни. Его труд вложен и в древний СМК, и в современнейший Т-80.

Надо сразу сказать, что объективную историю создания военной техники писать очень трудно,— продолжает Николай Федорович.— Эта сфера деятельности во всех странах и во все времена пряталась от посторонних глаз.

Первыми танки на поле боя применили англичане и немцы еще в первую мировую, но так уж получилось, что в России саму суть идеальной бронированной машины осознали раньше, чем на Западе. По многим направлениям в проектировании бронетанковой техники подходы у нас были гораздо оптимальнее, чем, к примеру, в Германии, не говоря уже об Англии — родоначальнице танкостроения. А ведь работать нам приходилось в гораздо более тяжелых условиях, чем сотрудникам фирмы Фердинанда Порше. Какие бы передовые идеи ни рождались в наших головах, но их надо было воплощать в металл на отечественных заводах и на отечественном оборудовании. И всегда надо помнить, рассматривая тот период, что тяжелую индустрию по-настоящему смогли восстановить только к середине тридцатых годов. Да и культура производства на наших заводах, где работали в основном вчерашние крестьяне, была все-таки ниже, чем в США. Но наш ИС-2, наша красавица тридцатьчетверка, а не их «Шерман» и не английский «Черчилль» стали символами Победы!

Во всем мире еще велись споры по поводу самой концепции танкостроения, а в СССР уже поняли, что будущее принадлежит машинам тяжелым, вооруженным мощными пушками, имеющими противоснарядное бронирование. В Ленинграде первыми в мире приступили к разработке настоящих тяжелых танков. И первыми же сделали шедевр своего времени — КВ, поражавший своей мощью.

К величайшему сожалению, тогдашнее руководство Кировского завода, где создавался этот танк, сразу сделало ставку на его показ, а не на серьезную доработку опытных образцов. КВ не мог не произвести впечатления на Сталина, поэтому началась спешка со сборкой опытных образцов. Руководство завода очень торопилось, так как в Харькове создавалась машина, вполне способная конкурировать с КВ.

Я был и остался приверженцем только тяжелых танков, но всегда считал, что они требуют к себе особого внимания, непродуманная спешка в их проектировании и внедрении в производство может принести только вред. Однако директор завода И. М. Зальцман и главный конструктор Ж. Я. Котин рассуждали иначе, больше ориентируясь на политическую конъюнктуру, чем на здравый смысл и пользу делу. Мы работали в режиме просто бешеной гонки во имя приоритета, причем приоритета не столько по отношению к вероятному противнику — нацистской Германии, сколько к создателям советского среднего танка Т-34...

В конце 1940 года Кировский завод выпустил опытную партию КВ-1, которые сразу отправили в район боевых действий на советско-финском фронте. Вылазка совсем «сырых» машин состоялась 17 декабря, а уже 19 декабря 1940 года (через день!) вышло постановление Комитета обороны при СНК СССР об организации серийного производства КВ-1 и принятии нового танка на вооружение Красной Армии. Танка, по сути, не было, а решение о его выпуске организовали! Михаил Ильич Кошкин, чтобы доказать возможности Т-34, гнал опытные машины своим ходом из Харькова в Москву, а у нас все решилось моментально, без проблем...

В это трудно поверить, но в серию запускалась машина, не имеющая ни одного (!) километра испытательного пробега. «Победное» решение о срочном начале выпуска КВ-1, которое было только результатом закулисных сделок, в итоге обернулось трагедией не одного лишь «Клима Ворошилова», а всей серии тяжелых танков, и если бы только танков... Заведомо обрекались на гибель тысячи танковых экипажей, а сухопутные войска Красной Армии лишались реальной поддержки при внешней видимости наличия армады лучших в мире танков.

В чем же была сила КВ и в чем слабость? Сила в том, что эта машина имела настоящее противоснарядное бронирование порядка 100 мм. Создававшаяся тогда тридцатьчетверка была защищена броней толщиной только 45 мм. Впрочем, у немцев танки в то время были защищены еще слабее. По всей логике вещей, столь тяжелому танку, каким был КВ-1, весивший около 47 тонн, против 28 тонн Т-34, полагалось и мощное артвооружение, тем более что в КБ В. Г. Грабина разработали специально под этот танк мощное орудие калибра 85 мм. Увы, было принято решение установить в наш танк короткоствольную пушку, аналогичную той, что стояла на первых образцах тридцатьчетверки. И самое печальное заключалось в том, что КВ-1 не имел надежной коробки переключения передач. Случалось, машина останавливалась намертво сразу, как только трогалась с места.

Из войск хлынули рекламации, но Кировский завод в то время был вне зоны критики, все поломки объяснялись плохой подготовкой экипажей, а то и вредительством на месте, как тогда было принято. У нас работали

замечательные специалисты, способные решить техническую задачу любой сложности. Но вместо того, чтобы все силы бросить на создание надежной трансмиссии, руководство, впав в эйфорию от эффекта того впечатления, что КВ произвел на Сталина, приняло совсем иное решение, тем более что правительственные награды на завод посыпались как из рога изобилия. Абсурдная, не поддающаяся логике ситуация: вокруг КВ создается ореол советского «чудо-оружия», и его создатели становятся звездами первой величины на «танковом небосклоне», а в войсках отказы следуют за отказами, машину не любят... Война с Германией стоит у порога — всем это ясно, и надо бы срочно доводить до рабочего состояния то, что есть, но нет — мы приступили к «творческому поиску». На Кировском заводе началось проектирование новой серии бронированных «мастодонтов»: КВ-3 весом 65 тонн, КВ-4—80 тонн, КВ-5—100 тонн!

Как это ни прискорбно, но явные признаки технического сумасшествия у нас проявились гораздо раньше, чем в Германии, где только в конце войны пытались сотворить некое оружие возмездия, вроде пресловутого «мышонка», весившего 180 тонн.

Первые же дни Великой Отечественной подтвердили, что КВ-1, в том виде, в каком он выпускался, воевать не мог. Казалось, что сама жизнь подтолкнет к срочной модернизации танка, стоявшего на потоке, тем более что, работая над созданием КВ-3, я в принципе уже спроектировал новую коробку передач. И опять, увы... Вместо этого мы продолжали тратить огромные материальные ресурсы и человеческие силы для дальнейшего «научно-технического» поиска. И по сей день те абсурдные метания подаются как нечто оправданное и нужное. Вот, например, что говорится в солидном фолианте «Оружие Победы», выпущенном издательством «Машиностроение» в 1987 году: «...под руководством главного конструктора Ж. Я. Котина были развернуты работы по проектированию перспективных модификаций тяжелого танка: КВ-7, КВ-8, КВ-9... Весной 1942 года для замены танка КВ-1 было начато проектирование нового танка КВ-13, обладавшего свойствами тяжелого при массе и скорости среднего танка». Эту цитату стоит перечитать и вдуматься в ее смысл.

Не имея нормального боеспособного тяжелого танка, мы в самое тяжелое для страны время — зимой с 1941 на 1942 год — «развернули работы по модификации» аж в целых трех новых образцах! А как понимать абракадабру, касающуюся КВ-13: «... обладавшего свойствами тяжелого при массе среднего»?! Все свойство тяжелой машины — в ее массе, обусловленной толстой противоснарядной броней. Прибегнув к морской аналогии, можно сказать, что эсминец ни при каких условиях не будет обладать свойствами линкора. А в танкостроении, как видите, это вполне допускалось...

«Перспективные» метания кончились печально. В 1942 году, в том числе из-за отсутствия достаточного количества тяжелых танков, трагически завершились операции Красной Армии в районе Харькова и в Крыму. В глазах высшего руководства страны тяжелые машины полностью дискредитировали себя, была начата подготовка по прекращению их выпуска.

Однако во второй половине 1942 года мне удалось внедрить в производство коробку передач собственной конструкции, добиться разрешения на ее установку в моторно-трансмиссионный отсек продолжавших еще выпускаться КВ-1. Результат превзошел все ожидания! Тяжелый танк, еле ползавший со скоростью ниже 30 км, стал «летать», как средняя тридцатьчетверка,— под 50 км/ч. С литером «с» — скоростной — новый КВ пошел в войска. КВ-1 сыграли решающую роль во время Сталинградской битвы, показали себя с лучшей стороны во время курского танкового побоища. О надежности новой трансмиссии говорит такой, например, факт: при передислокации 5-й танковой армии в район Прохоровки КВ-1с прошли своим ходом 400 километров.

Казалось бы, стоило ли так биться за тяжелые машины, если Т-34 в войсках любили, отказов он почти не знал? Да, тридцатьчетверка стала массовой и широко известной машиной. Однако следует учитывать, что в войне наступал перелом, наши войска шли на Запад, прорываясь через мощную оборону врага. К тому же танкистам все чаще на поле боя приходилось иметь дело не с примитивными Т-III, а с грозными «тиграми» и «пантерами». Нам нужен был и мощный танк прорыва, танк

способный вести дуэльные поединки со всем немецким «зверинцем».

В середине войны мною была разработана теория проектирования боевых машин по предельным параметрам. Сегодня я могу сказать, что в теоретическом плане КБ Кировского завода было тогда вне конкуренции. У нас рождались замечательные идеи. Воплощались бы они с толком... В ИС-2 только опробовали часть моих выкладок по предельным параметрам, и какая получилась машина! Сталин, осмотрев ее, сказал: «Это — танк Победы! С ним будем завершать войну!» Так и вышло. Против ИС-2 не могли устоять никакие «королевские тигры», этот богатырь прорывал любую оборону врага.

Естественно, новая тяжелая машина не была свободна от недостатков. Однако совершенствование ИС-2 пустили на самотек. Вместо развития опробованных решений у нас вновь занялись изобретением «велосипедов». Началась ничем не обоснованная и не оправданная гонка в создании независимых друг от друга и невзаимозаменяемых моделей сразу нескольких тяжелых машин. Мы почти полностью повторили печальный опыт «эпопеи» с КВ, который, как оказалось, ничему наше руководство не научил.

Проектируются и начинают выпускаться внушительные, но ненадежные ИС-3 и ИС-4. Строится очередной «монстр» с двумя двигателями на борту, строится танк с электромеханической трансмиссией — ИС-6. Последнее «чудо» техники «закоротилось» и сгорело прямо на заводском дворе. В общем, конструкторская мысль продолжала бить ключом, а войну завершали грубоватые трудяги ИС-2, почти не знавшие отказов.

Какие же выводы необходимо сделать из далекого прошлого, чтобы избежать ошибок в будущем? Творческий поиск нужен — без него технический прогресс умирает, но когда этот поиск ведется без всякой связи с жизнью, а просто ради самого процесса поиска, тем более ради наград и званий, то жди беды...

Честно сказать, мне просто смешно, когда кричат о провале социализма, так его и не построив, поскольку это очень напоминает историю с тяжелыми танками. По вине вполне конкретных людей серия КВ, блеснув в свете парадных прожекторов, оказалась недееспособной. И с тех пор на все тяжелые машины смотрели косо. Даже триумф ИС-2 не смог переломить устоявшегося мнения, что тяжелые танки перспективы не имеют. Советские «танковые короли» больше смотрели в рот политическим лидерам, чем думали о перспективе развития техники. Угадывая конъюнктуру, они всячески стремились угодить изменчивым вкусам высокостоящих дилетантов. Угадывали, получали высокие посты, награды, премии... А результат? Накопив огромный опыт во время войны, наши конструкторы, инженеры, технологи и рабочие просто не имели себе равных в мире.

И как же с этим бесценным интеллектуальным сокровищем обошлись? Никак! Пустили по ветру... Как это ни странно, советское танкостроение давно уже не является лучшим в мире, утратив все свои приоритеты...

В то время как у нас с упоением громили тяжелые танки, на Западе пришли к тем же выводам, к каким пришли у нас сорок с лишним лет назад: к проектированию боевых машин только по предельным параметрам. И все нынешние «леопарды», «челенджеры», «леклерки», «меркавы» строятся в полном соответствии с теми идеями, которые родились в России, в СССР...

Сергей ПТИЧКИН

На снимках: Шамшурин Николай Федорович; «Танк Победы» в Берлине. 1945 год.

ПОБЕДА ПОД ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДОЙ!

Странная медаль выпущена в государстве Израиль в прошлом году. На одной стороне надпись: «Победа над нацизмом». Рядом разбитая свастика. Сюжет ясен. Но что за знамя полощется над поверженным нацистским символом? Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик, внесшего наибольший вклад в борьбу с «коричневой чумой»? Отнюдь. А может, это флаг США, Великобритании, других стран антигитлеровской коалиции? Никакого сходства. По всем признакам развевающийся стяг — государственный стяг Израиля. А с какой стати!! Всем известно, что вторая мировая война закончилась в 1945-м. Израиль же появился на политической карте мира только в 1947-м.

На другой стороне медали — четыре профиля в касках с символами Израиля, США, Великобритании, СССР и надпись: «Еврейские бойцы с нацизмом». Опять непонятно, кого имел здесь в виду художник и его идейный вдохновитель? Бойцов еврейской национальности, сражавшихся под знаменами антигитлеровской коалиции? Но при чем здесь шестиконечная звезда на одной из касок?

Может быть, авторы медали считают, что победа над Германией была на руку сионизму, завершившему в результате этой войны — не без помощи фашистов — создание еще одного государства-агрессора?

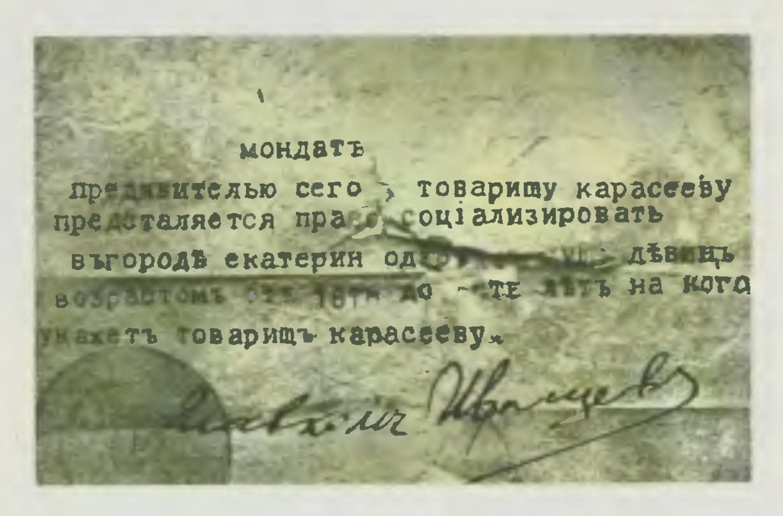
Ю. ЛЕПИЛИН,
член Союза журналистов СССР

ПРЕМЬЕР ИЗРАИЛЯ — СЛУГА ФАШИСТОВ

Согласно документам 1941 года нынешний премьер Израиля Исхак Шамир предлагал свою службу нацистской Германии и одобрял политику Гитлера. Шамир выражал готовность служить Гитлеру в качестве шпиона и террориста. Шамир руководил группой убийц, которая нападала на противников фашизма. Документы о сотрудничестве Шамира с фашистами захвачены были английскими войсками.

Шамир оправдывается тем, что его сотрудничество с фашистами могло привести к эвакуации евреев из Германии в Палестину.

Журнал «Слово», 1990, № 1 (США)

мондатъ

пр[illegible]ителью сего [illegible] товарищу карасеёву предоставляется пра[illegible] соціализировать въгородѣ екатерин од[illegible] дѣвицъ возрастомъ [illegible] до [illegible] лѣтъ на кого укажетъ товарищъ карасеёву.

БУРЯ В «СТАКАНЕ ВОДЫ»

Председатель Женбюро ЦК РКП (б) Александра Коллонтай прославилась тезисом о том, что удовлетворить половое влечение при социализме будет легче, чем выпить стакан воды. Этот «стакан воды» породил в стране воистину аморальную бурю, которая вновь набирает силу в нашем больном обществе.

В марте 1922 года В. Ленин в известной статье «О значении воинствующего материализма» подверг остракизму «некоего» П. А. Сорокина за его социологическое исследование «О влиянии войны». Сорокин ужасался уровню падения нравов в послереволюционной России. Председатель Совнаркома весьма жестко пишет о кажущемся Сорокину очень большим количестве разводов в Петрограде (92 на 10 тысяч жителей в 1920 году). «Остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии... в буржуазных странах... фактическое число фактических разводов... повсюду неизмеримо больше», — писал Владимир Ильич. Но вот факты той поры: на 10 тысяч жителей в Берлине выходило — 41,7 развода, в Париже — 33,3, Вене — 18,1 и т. д. Выходит, Сорокину было от чего сокрушаться...

Будучи в соответствии с указанием вождя «препровожден в страны буржуазной демократии», Питирим Сорокин смог более откровенно и развернуто дать социологическую панораму состояния нравов в покинутой родине. Некоторые из ее аспектов просто ужасают: «Одним из результатов... половой вольности и является громадное распространение венерических болезней и сифилиса у населения России (5 процентов новорожденных наследственные сифилитики, 30 процентов населения заражены этой болезнью)»*. Не случайно «буржуазные ученые» заговорили о начавшемся вырождении русского народа...

Темы этой самой «половой вольности» в Советской России неоднократно касались в годы гражданской войны западные газеты. Это была известная тогда тема «социализации женщин» в «государстве диктатуры пролетариата». Следует сказать, что термин «социализация» употреблялся тогда применительно буквально ко всему: к фабрикам, заводам, реквизируемой мебели... В романе Ю. Семенова «Бриллианты для диктатуры пролетариата» голодные сокамерники говорят о необходимости «социализации» продуктовых передач, предназначенных одним эсерам. И вот, убеждали западного обывателя бойкие репортеры, в первом в мире социалистическом государстве добрались после фабрик и заводов и до женщин... В порядке эксперимента этот революционный акт был проведен якобы в городах Самаре, Ростове-на-Дону и еще кое-где в соответствии с особым указом Троцкого.

Естественно, на официальном уровне руководители Советского государства никогда не призывали ни к чему подобному. Ни в программе партии большевиков, ни в документах ВЦИК и Совнаркома никогда не было поползновений к «эмансипации полов» таким буквальным образом. Но прекрасно известно, что, помимо «тончайшего слоя» морально устойчивых интеллектуалов из Совнаркома — самой верхушки «пролетарской власти»,— ее подлинную основу составлял миллионный «актив», поднятый революционным вихрем со дна российских городов, деревень и местечек. Вот этот «активист», по емкой характеристике Ивана Солоневича, тип с «мозгами барана, челюстями волка и моральным чувством протоплазмы... это тип человека, участвующий шестнадцатым в коллективном изнасиловании», — был способен на все. И все-таки пример и указания (которые он в силу умственного развития истолковывал уже совсем буквально) этому «активу» поступали именно сверху. Идиллии «больших семей» вроде Маяковского и Бриков (и многочисленного отряда творческих работников — поклонников Л. Брик**) расцвели пышным цветом в коммунистическом саду, на деле осуществив пресловутую «социализацию». Заместитель Троцкого Э. Склянский содержал в 1919 году в «Метрополе» одновременно три семьи, сам Троцкий запутался в многочисленных любовницах, прочие «пламенные революционеры» вообще меняли семьи как перчатки — сосчитать сонмы жен Бухарина, Антонова-Овсеенко и прочих вообще представляется невозможным. Воистину рыба гниет с головы.

В 1918 году в брошюре «Новая мораль и рабочий класс» А. Кол-

* Цит. по сб.: «Черная книга» / Сост. А. А. Валентинов. Париж, 1925, с. 132.
** См.: «Ветеран», 1990, № 15.

лонтай заявила: «Сексуальная мораль, вырастающая из запросов рабочего класса, служит новым орудием социальной борьбы рабочего класса... Не в интересах класса «закреплять» за отдельным членом революционного класса самостоятельного его представителя, долженствующего прежде всего служить интересам класса, а не выделенной и обособленной семейной ячейки»*. Вот эта проповедь «большой всемирной трудовой семьи», которая «гарантирует человечеству расцвет... радостей свободной любви», была вполне однозначно оценена «в низах». Примеры такой реальной «большой семьи» у рядовых исполнителей «красного террора» приводит С. П. Мельгунов: «Каждый матрос имел 4—5 любовниц, главным образом из жен расстрелянных и уехавших офицеров» — с крымской эпопеи и т. д.** Мельгунов считает, что «пресловутая» социализация женщин» и так называемые «дни свободной любви», которые вызывали столько насмешки... как факты проявления произвола на местах, несомненно, существовали. Это установлено даже документами.

Имеется в виду обширный архив Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, созданной Деникиным и занимавшейся сбором соответствующих материалов в освобожденных от красных районах. Эти материалы, по свидетельству Мельгунова, вполне достоверны и во многом уникальны. Одно из немногих дел этой комиссии, которое она успела обнародовать, было дело № 18 о социализации женщин в г. Екатеринодаре в марте 1918 года. (См. фотокопию одного из документов этого дела.)

Самое ужасное, однако, что «произволы на местах» дополнялись централизованной политикой Советской власти в отношении воспитания молодого поколения. Видный деятель Наркомпроса жена Зиновьева З. Лилина заявила: «Мы должны изъять детей из-под пагубного влияния семьи. Мы должны их взять на учет, скажем прямо — национализировать... Заставить мать отдать нам, Советскому государству, ребенка — вот наша задача».

Питирим Сорокин наглядно показывает последствия этой «национализации»: «Особенно огромная была роль в этом деле Коммунистических Союзов Молодежи, под видом клубов устраивавших комнаты разврата в каждой школе... дети двух обследованных колоний в Царском Селе оказались сплошь зараженными гонореей. Один знакомый врач мне рассказывал такой факт: к нему явился мальчик из колонии, зараженный триппером. По окончании визита он положил на стол три миллиона рублей. На вопрос врача, откуда он взял деньги, мальчик спокойно ответил: «У каждого из нас есть своя девочка, а у девочки есть любовник — комиссар»... Девочки, прошедшие через распределительный центр Петрограда, откуда они распределяются по колониям, школам и приютам, почти все оказались дефлорированными: а именно из девочек до 16 лет таковыми было 86,7%»***.

На фоне этого резко возросла проституция среди малолетних. Число проституток до 15 лет возросло в 1920 году по сравнению с 1917-м в 20 (!) раз.

---

* Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. М., 1920, с. 20.

** Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990, с. 151—154.

*** Процитировавший эти строки Сорокина А. А. Валентинов в «Черной книге» указывает на деятельность «передовых» советских педагогов, в частности Б. Шварцмана, слившего в еврейской детской колонии спальни взрослых мальчиков и девочек.

Нравственный распад общества, надо честно отметить, подталкивали с энтузиазмом и работники творческого фронта. Накануне революции большевики сурово обличали теории «свободной любви», проповедовавшейся тогда сливками «буржуазной интеллигенции». В стихотворении «Он догнал ее ночью на темной дороге» Валерий Брюсов (тогда еще не коммунист) описывает, не без смакования, как некий индивидуалист — ницшеанец потребовал ночью в укромном уголке от женщины своего законного «стакана воды». Ретроградка отказала. Тогда лирический герой прибил несдавшуюся контру, встал, подтянул штаны и продолжил путь.

Наследие буржуазных классиков было использовано писателями-коммунистами, наполнившими его пролетарским содержанием. В омерзительнейшем рассказе «Соль» Исаак Бабель брюсовское вино влил в новые мехи. Содержание его следующее. Подсадили истомленные красноармейцы в вагон трех баб, двоими ночью «попользовались», а третью, ехавшую вроде с грудным ребенком, как-то не тронули. И каково же было их возмущение, когда выяснилось, что не ребенок у нее был, а куль с солью, которым она и прикрылась, вместо того, чтобы удовлетворить законные требования красноармейцев. Да еще товарищей Ленина и Троцкого жидами помянула. Шлепнул боец Балмашев контру «из винта» и продолжил доблестный путь к торжеству революции в мировом масштабе.

А восторженный пиит И. Садофьев писал о дочери кулака так:

А если жгуч избыток силы
И ждать возлюбленной невмочь,
Ты всенародно изнасилуй
Его изнеженную дочь!

И. Солоневич вспоминает о проекте строительства домов в новом Магнитогорске, представленном «неким известным Сабсовичем»: «Барак для мужчин, барак для женщин. Кабинки для выполнения функций по воспроизводству социалистической рабочей силы... Дети забираются и родителей знать не должны».

Новый или более чудовищный удар «бури в стакане» происходит в наши дни. «Революция продолжается!» — провозгласили с высоких трибун. И словно по команде, вылезли из своих зловонных нор притихшие было сексуальные извращенцы и маньяки. Растление молодежи принимает невиданные размеры. Чего стоит скандал вокруг газеты «сексуальных меньшинств» «Тема», зарегистрированной Моссоветом! Одна из руководительниц этой ассоциации — В. Дебрянская, ранее состоявшая в Демократическом союзе, — продолжительница славных традиций А. Коллонтай, тоже, кстати, демократки.

Президент создал комиссию, которой поручил разработать меры по охране общественной нравственности. Какими критериями будет она руководствоваться, на какие ценности опираться? Абстрактно — «общечеловеческие» или выверенные веками христианские? Будет ли наконец заявлено на высшем уровне, что плюрализм нравственности невозможен, что общество должно быть ограждено от всех тех, кто разрушает его основу — мораль и нравственность?

Алексей ВИНОГРАДОВ

ПОПРАВКА

В апрельском номере «Товарища» на стр. 91 следует читать «Борис Ильич» вместо «Борис Иванович».

ПОСЛЕ «БУРИ»

Меня сразу поразило такое соседство: общежитие швейной фабрики с пеленками на балконах, а напротив, в сотне шагов,— высокий каменный забор с постовой вышкой, за которым двухэтажные бараки и постройки женской колонии... Около общежития юные мамы гуляют с колясочками, бегает детвора, папы забивают «козла», а там, за колючей проволокой, идет совсем другая жизнь, подчиненная строгому распорядку и режиму. Здесь женщины щеголяют в нарядах, а там в одинаковых халатах с белыми бирками на кармашках, на которых обозначены фамилии осужденных.

И все-таки женщины есть женщины. Едва я попал на территорию колонии, как увидел двух девушек, которым на вид было лет по двадцать, и услышал их разговор.

— Что-то мне мой морячок давно не пишет,— дымя папиросой, одна жаловалась другой.

— А зачем ты ему сдалась? Все это несерьезно, Галочка. А по мне, пошли они все подальше!

Личное дело Галочки полно замысловатых сюжетов. Первая судимость в пятнадцать лет за участие в разбое, нанесение тяжких телесных повреждений. В итоге срок в колонии для несовершеннолетних. Потом вторая «посадка» за квартирную кражу. Снова срок, но уже во взрослом ИТУ. И третья судимость — за участие в... изнасиловании и избиении. Таких галочек в этой колонии, где отбывают срок неоднократно судимые представительницы прекрасного пола,— каждая третья. Кого здесь только нет: воровки и мошенницы, расхитительницы и казнокрадши, разбойницы и хулиганки, бродяжки и убийцы. В день моего приезда находилось 22 женщины, осужденные за убийство — собственного ребенка, мужа, подруги, сожителя.

Поначалу я думал, что осужденные вряд ли согласятся со мной на откровенную беседу, а получилось наоборот. Они охотно рассуждали о сегодняшней жизни, недостатках законодательства, о трудностях. Абсолютное большинство из них в общем-то довольны теми бытовыми и производственными условиями, которые созданы в колонии. Чистые просторные бараки с кроватями в два яруса, похожие на армейские казармы. Светлые цехи швейного предприятия, где трудятся осужденные, могут даже вызвать зависть у иных работниц какой-нибудь провинциальной фабричонки. Клуб с актовым залом и помещениями для кружков и репетиций. Баня. Медпункт с кабинетами для врачей и стационаром. Уютные комнатки отдыха с самоварами в бараках.

— Как это ни странно, но для иных женщин, которые вели на свободе разбойно-бродяжий и бездомный образ жизни, колония — единственное место, где они могут выспаться в чистой постели и регулярно обедать. В последнее время число женщин в колонии

значительно уменьшилось, в иных колониях — в два-три раза,— говорил мне заместитель начальника управления исправительных дел Владимир Васильевич Киселев.— Сегодня и многие суды, вынося приговоры, по степени виновности стараются назначить женщинам наказания, не связанные с лишением свободы. Особенно это касается матерей и тех, кто совершил первое, не относящееся к тяжким, преступление, и несовершеннолетних. Я считаю, что девочек-подростков в большинстве случаев нельзя лишать свободы. Нахождение в колонии для «малолеток» действует на них не только отрицательно, но и приводит к тому, что, освободившись, они вскоре попадают во взрослую «зону».

Да, как я убедился, таких примеров немало. Почти каждая четвертая осужденная женщина, находящаяся в исправительно-трудовом учреждении, прошла через «малолетку». Среди остальных их легко распознать по наколке на руке — это «память» о пребывании в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних.

— Там я не только курить и чиферить научилась, но и стала «бабой»,— рассказывала мне Надежда Д.— В общем, «слетела с тормозов». Как вернулась из заключения — все: на мне ярлык повесили — зэчка. В техникум не приняли, пошла швеей на фабрику. Комната в «общаге» на пятерых. Каждый вечер — «мальчики» и вино. А что еще делать? Тоска. Захотелось вырваться оттуда, пожить по-человечески. Познакомилась с одной компашкой. Пообещали мне отдельную комнату найти, но дело кончилось КПЗ и второй судимостью... Квартиры «чистили».

— А родители есть? — поинтересовался я.

— Есть.

— Так почему же к ним не вернулась?

— Они в деревне живут. Свое хозяйство держат: поросята, куры. А зачем все это мне? Я жить хочу, пока молодая. Вообще-то, иногда жалею, что осталась в городе. В деревне я по крайней мере за какого-нибудь тракториста замуж вышла бы, детей нарожала. Все лучше, чем в «зоне» корячиться... Хотя здесь тоже привыкаешь. Сейчас тут полегче стало. в шизо (штрафном изоляторе) пайку уже не урезают, разрешили иногда по телефону звонить старикам...

— А за что у вас в шизо сажают? — спросил я Надю.

— Да по разным причинам. За нарушение распорядка, невыход на работу. За драку.

— Что, и драки бывают?

— Бывают... Тут надо уметь за себя постоять, иначе на голову сядут. И потом, нервы ни к черту. Я, например, здесь какой-то бешеной стала...

— К нам попадают зачастую с разными психическими отклонениями, вызванными алкоголизмом, неустроенным бытом, стрессовым состоянием во время суда. Поэтому нашим осужденным очень нужна серьезная психотерапевтическая помощь,— говорила мне начальник этого учреждения подполковник Светлана Исаевна Кириенко.— А где они, хорошие специалисты? Вот нашли одного молодого психолога на полставки. Но справится ли? Трудно сказать. Вообще, ученые-медики нас не жалуют своим вниманием. Приезжают артисты, лекторы, а вот серьезные специалисты из НИИ системы Минздрава мало занимаются изучением психофизического состояния человека, находящегося в заключении. А ведь здесь непочатый край для всевозможных исследований. Например, какое наказание нужно назначить подсудимому, исходя не только из уголовного кодекса, но и из его лич

ностных качеств, степени осознания вины? Может быть, ему для этого вполне достаточно срока предварительного заключения, самого факта, что он пережил шок, связанный с судебным процессом? А каким должно быть наказание для женщины и содержание в исправительном учреждении? Иной раз и года лишения свободы вполне хватит, чтобы человек многое о себе понял и передумал.

Страшно сказать, за три последних десятилетия через нашу исправительную систему — колонии и тюрьмы — прошло почти 35 миллионов человек. Из них каждый четвертый осужденный — женщина! И, судя по мощному росту преступности, их число не уменьшается, а, наоборот, растет, прогрессирует... Почти третья часть ранее осужденных вновь возвращается в «зону». Значит ли это, что система, действующая в ИТУ, себя не оправдывает, что ее надо не столько совершенствовать, сколько менять?

— Нас, руководителей ИТУ в основном ругают не за воспитательную работу, а за производственную деятельность, — продолжает подполковник С. Кириенко. — Администрации могут простить какое-то правонарушение, совершенное осужденным, но за невыполнение плана снисхождения не жди. Начальники отрядов из-за этого практически не занимаются своим главным делом — воспитанием осужденных. Да и что может сделать один человек, в подчинении которого 40—50 «трудных» женщин? Это тоже проблема — найти квалифицированного специалиста на должность начальника отряда. Выпускников училищ МВД не хватает, иной раз приходится брать непрофессионалов-педагогов, сотрудников милиции, разумеется, из числа женщин. А желающих идти работать с нашим контингентом немного.

Светлана Исаевна права: за последние десятилетия особых перемен в работе исправительно-трудовых учреждений так и не произошло. Я не знаю, кого перевоспитывает работа в «зоне», но то, что плохо перевоспитывает, — это очевидно. Похоже, труд в заключении вряд ли способен воспитать «нового человека». Особенно если ему далеко за двадцать, а за плечами несколько судимостей, здоровье уже пошаливает...

Раз мы заговорили о гуманизации, то давно пора признать, что существующая система ИТУ, особенно женских колоний двух типов — общего и строгого режима, — себя не оправдывает. Более того, люди здесь деградируют. Это можно заметить и «невооруженным глазом». В колониях я видел в основном апатичных и вялых женщин, давно потерявших всякий интерес к жизни. Или истеричек, бросающихся друг на друга.

Замполит колонии Евгений Александрович Васильченко мне признался, что в женском ИТУ куда труднее работать, чем в мужском.

— Почему? — спросил я.

— Да потому, что там интеллектуальный уровень выше и с мужчинами легче найти общий язык. Они интересуются политикой, много читают. Есть о чем поспорить, сподвигнуть на какие-то дела... А женщин очень нелегко увлечь даже самостоятельностью.

Да, женщинам за колючей проволокой нелегко. У большинства осужденных одна мечта — завести в заключении ребенка. Кое у кого это получается. Помню, в мой первый приезд в колонию я был потрясен, насчитав во время вечерней поверки девять беременных женщин в строю. Их, наверное, можно понять — это единственное средство не только сохранить в заключении свою женскую природу, но и облегчить себе участь, пребывание в ИТУ. У беременных и кормящих появляется больше шансов пораньше освободиться. Другой вопрос, что многие дети обречены на сиротство. Пока мама в колонии, они находятся в доме ребенка или детдоме, а потом... Потом иные родительницы, освободившись, забывают их «востребовать» или подбрасывают в лучшем случае на порог ближайшего роддома, а в худшем — оставляют в первой подворотне... Такие вот мамы... Но опять же их можно если не простить, то, по крайней мере, понять. Большинство освободившихся из «зоны» женщин к концу очередного срока успели все потерять: и семью, и дом, и надежды на «новую жизнь». Несмотря на то, что в Жилищном кодексе уже аннулирована не очень гуманная статья «экспроприации» у осужденных их жилплощади, местные исполкомы находят любой повод для того, чтобы не возвращать «бывшим зэкам» их квадратные метры и прописку.

Если мужчина, выйдя из «зоны», все-таки еще как-то может устроить свою жизнь — найти добрую подругу, которая пожалеет и примет в свой дом, то большинство женщин обречено на неприкаянность и одиночество. Даже их собственные родители, не говоря уже о родственниках, не желают принимать «блудных дочерей». А что может быть тяжелее для женщины, чем отсутствие крыши над головой?

Наверное, поэтому, когда я спросил тридцатилетнюю Наташу Б. о ее планах на будущее, она безысходно и тяжело вздохнула:

— Не знаю, что со мной будет. Мать мне написала, чтобы я дорогу к дому забыла. У брата своя семья...

От слов Наташи мне стало не по себе. Но что я мог ей сказать? Что посоветовать? Устроиться на работу? Получить место в общежитии? Она и без меня все это знает.

— Нету сил жить, понимаете? — сказала она. — Я сама себе чужая, понимаете? Я совсем пустая...

Откуда такая безысходность у человека, который земную жизнь едва прошел до половины? Не оттого ли, что сама жизнь оказалась без цели, без идеала, без нравственных ориентиров? Молодому, несформировавшемуся человеку все труднее противостоять напору средств массовой информации, которые методично разрушают нравственность, насаждают бездуховность...

Александр НЕВСКИЙ,
Новосибирская область

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ГЕРБ ПОЛКОВОДЦА

Прославленный полководец А. В. Суворов, кроме официального герба, пожалованного за его победы Екатериной II, имел еще и свой, нарисованный им самим. В центре герба располагались на фоне солнечных лучей положенные крест-накрест труба, меч и стрела. Надписи на них как бы олицетворяли одну из формул суворовского военного искусства: глазомер, быстрота, натиск.

Под глазомером Суворов понимал способность быстро ориентироваться в обстановке и принимать верное решение. Он говорил: «Глазомер, как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать и бить».

ПЯТИМОРСК — ПОСЕЛОК РЕЧНИКОВ

На берегу Цимлянского водохранилища раскинулись улицы поселка с романтическим названием Пятиморск. Своим рождением он обязан началу строительства Волго-Донского судоходного канала.

Идею соединить Волгу с Доном пытался осуществить еще Петр I. Позже было разработано несколько проектов строительства шлюзовой системы. И сейчас сохранились шлюзовые камеры дореволюционной постройки с отличными гранитными стенами. Это донские казаки строили канал для переброски пшеницы и других товаров на Волгу, чтоб торговать в Центральной России и Сибири. Война и революция помешали закончить строительство. Перед Великой Отечественной войной оно было возобновлено, но затем опять остановилось. Только в 1952 году Волго-Донской канал пропустил первые суда.

Здесь, у Пятиморска, начинает свой путь канал: на шлюзе № 13 донская вода поднимается на первую ступень. А до Волги ей предстоит пройти 101 километр — подняться на 44 метра и спуститься на 88.

Строительство этого первого шлюза № 13 в системе канала началось в Калачевском-на-Дону районе, в деревне Ильевка. Рядом с ней появился поселок строителей гидрокомплекса — Пятиморск. И сейчас современный поселок гармонично развивается по соседству с Ильевкой. А речники исправно обеспечивают доставку массовых грузов с Дона на Волгу и обратно. Большое количество пассажирских и туристских судов проходят канал в разных направлениях. Система гидротехнических сооружений продолжает совершенствоваться. На управление шлюзами и насосной станцией пришла электронная техника.

В поселке построены дома городского типа, а в последнее время все большее внимание уделяется строительству благоустроенных коттеджей.

Не забывают в поселке о детях. В школе создан компьютерный класс. Начальным обучением по владению компьютером с учащимися старших классов занимается энергетик Олег Шахмардалиев.

На гидротехнических сооружениях немало семейных династий. Вот что говорит о своей трудовой жизни ветеран производства Алексей Акимович Фомичев: «Жили мы с Ниной в тесном бараке. На наших глазах строился поселок и шлюз, а теперь мы живем в новом доме. Тогда и мечтать не могли о таких хоромах».

Дети Алексея Акимовича и Нины Ивановны тоже работники сооружений: сын Анатолий газоэлектросварщик, его жена Тамара работает в столовой, дочери Ира и Люда — учащиеся школы, а внучка Люба в старшей группе сада.

Фоторепортаж В. ДРОНОВА

На снимках: в 13-м шлюзе Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина управления Главводпуть концерна «Росречфлот» проходит пассажирское судно; пульт управления насосной станцией гидроузла — на вахте дежурный инженер насосной станции Анатолий Николаевич Горшинев и старший инженер службы защиты автоматики Александр Афанасьевич Коротков; учащиеся подшефной Ильевской средней школы, где обучаются дети речников; у памятника воинам, погибшим на подступах к Сталинграду; в выходной у родителей за чаем собралась династия речников Фомичевых; в таких коттеджах живут речники Пятиморска; в детском саду поселка.

«ЗОЛУШКА» С ШИННОГО

Петелька за петелькой, рядок за рядком — искусная работа спицами, и вот уже готово шерстяное колечко — основа варежки... Кропотливая работа. Будильник тикает, зазывает ко сну. А время не детское — первый час ночи. Рукоделье свое — варежку для младшенького, Андрюшеньки,— Лидия наконец откладывает в сторону. В прихожей на глаза попались Ванины ботинки. Взяла их в руки. Ну прямо одно расстройство! Два месяца назад с таким трудом купила, отстояв длиннющую очередь. И вот сегодня жаловался — уже малы. Парню пятнадцатый... Снова предстоит беготня по магазинам — искать новую обувку. А что делать? Наверное, любое материнское сердце болит. И никуда от этого не деться. В лепешку расшибешься, а ботинки придется доставать.

Если сказать, что бессонные ночи для Лидии Федосеевой, мастера отдела технического контроля Московского шинного завода, редкость, значит, погрешить против истины. Скорее обыденное дело, постоянство. И не только потому, что шерсть появилась, привезенная из Заокского от матери и тети. Все куда прозаичней и проще. В ночных семейных бдениях этакое наслаждение и расслабление испытываешь, хоть и очень порой спать хочется — сил нет. Днем-то за всем не уследишь, а тут сквозь спокойную ночь все как на ладошке.

Родом Л. Федосеева из Становлянского района Липецкой области. Пока мама и тетя от зари до зари в колхозе трудились, она с маленькой сестренкой Валей по дому хозяйствовала. С пяти лет помогала буренку доить, полы мыла, сено сушила, вышивала. А чуть позже вязать выучилась: варежки, носки. Выучилась у бабушки Евдокии Кондратьевны, которая искусной рукодельницей была. И вышивала, и на коклюшках кружева плела, и на ткацком ручном станке работала — дедушка сам сделал.

Ее активность и основательность в любом деле поначалу девчонки-коллеги не понимали и не воспринимали. И что носится как угорелая? Выслуживается? Все равно больше положенного не заплатят. Работа не особо пыльная: осмотрела себе на глазок шины, поставила в техническом паспорте штамп ОТК, и будь здоров — лети продукция к потребителю. Так нет же. На производство сбегает, размер уточнит, еще раз все перепроверит. Бывает, ненароком ладонью, испачканной случайно копотью в цехе, по лицу проведет. Вот смеху-то. Красивая, румяная, словно кустодиевская красавица, а с таким гримом ни дать ни взять — Золушка.

Биография Лидии свойственна многим ее сверстницам. С детства любила химию. После школы в Губкинский институт поступала, но не прошла по конкурсу. Затем год учебы в Елецком профтехучилище по специальности технолога и распределение в Москву на Первый государственный подшипниковый завод, где она, однако, как это раньше случалось с молодыми специалистами, оказалась лишней, мягко говоря, заштатной. Попробовала с несколькими подругами попытать счастья на соседнем шинном заводе в качестве контролера ОТК. Приняли. Затем несколько долгих лет в молодежном общежитии и параллельно — учеба на вечернем отделении политехникума имени В. И. Ленина по специальности инженер-технолог. Здесь же, в Москве, познакомилась с будущим мужем Сергеем. Студенческое общежитие МАМИ, в котором он учился, было напротив заводского.

И была в Москве шумная студенческая свадьба, в тот же день умчавшаяся в Липецкую область. Молодых, по обычаю, встречали хлебом-солью. Связала затем бабушка их обоих своим полотенцем, заставив каждого развязать только одной рукой. Был в том ритуале заложен смысл особый. «В жизни вам придется развязать не один узел,— молвила Евдокия Кондратьевна,— поэтому одна рука должна быть твоя, Сережа, а другая твоя, Лида». Все на той свадьбе весело чудесно складывалось: и ряженые, и русские народные песни, и танцы под баян...

— Жили сначала в одной общежитской комнате четыре молодые пары,— говорит Лидия.— Отделялись друг от друга только шторами. Сейчас все это вспоминается как кошмарный сон. Когда родился наш первенец Ваня, а потом появились дети у других, получился небольшой домашний детский сад. Жили большой дружной семьей, помогая друг другу. Когда родился Андрюша, нам дали две комнаты в трехкомнатной квартире. Сергей к тому времени, окончив институт по специальности инженера-механика, также перешел работать на шинный завод. В 1987 году меня назначили мастером ОТК. Мой стаж работы —17 лет на одном предприятии. А вместе с мужем — уже тридцать! Предоставили нам эту трехкомнатную квартиру.

Конечно, ничего героического в жизни Лидии Федосеевой нет. Она, как миллионы женщин, ходит на работу, воспитывает детей, заботится о муже. В ее доме так же, как и у всех, идут разговоры о приватизации, рынке, ценах, нестабильной обстановке. И тем не менее в семье Федосеевых без паники воспринимают грядущее. Видимо, потому, что хозяйка живет семьей. И в этой непростой работе ее смысл жизни.

Галина ДОНСКОВА
Фото А. АНИКИНА

На снимке: Лидия Федосеева.

Т. БЕЛОКОНЕВА

ПЕТРОВСКАЯ ГОРКА

Телевидение давало развлекательную программу. Рок-группы сменяли друг друга с молниеносной быстротой. Экран показывал бесовские пляски. Что-то копошилось в дыму, чаде, в лохмотьях, в черных очках, майках и трусах, а то и вообще нагишом... «Танцы на завтрак, танцы на обед, танцы на ужин, вот и весь секрет!» — выдавался рецепт веселости и хорошего настроения. Но настроение почему-то не поднималось. Было грустно и тягостно на душе. Неужели все мы недостойны иной развлекательной программы, других песен и мелодий? Разве не вправе мы слышать и видеть нечто другое — то, что близко нашей душе, нашему образу жизни?

Неужели мы смиримся с тем, чем нас пичкают с голубого экрана? Тем более что наша культура велика, традиции неисчислимы.

В этом я еще раз убедилась, побывав в Усть-Цильме, где удалось быть участницей Петровской Горки — народного праздника, устраиваемого на Петров и Иванов день.

В тот день прошел сильный дождь с грозой. Казалось, праздник испорчен. Все сидели дома — жалели старинные шелковые сарафаны, трепетно хранимые в бабушкиных сундуках. Их стирать нельзя — рассыплются. Но природа вдруг смилостивилась — подарила солнце. Трава обсохла, и из домов потянулись нарядные женщины на Горку (в старину Петров день праздновали на горе, в конце села, неподалеку от местного кладбища). А сейчас — проза! — праздник проходил на стадионе... И это тоже следствие того, что традиции теряются.

Тем не менее люди радуются. Много ряженых, особенно среди молодежи. Местные старожилы Кирилл Матвеевич Чупров и его супруга Ольга Кирилловна запевают и заводят Горку. Их поддерживают соседи — Анкиний Иванович со своей женой Ниной Григорьевной.

Да, какие мы теряем традиции!.. Может быть, кто-то поймет ностальгию загорского резчика А. Варганова, запечатлевшего Горку в деревне?! Сосредоточенный вид красавиц, плавно движущихся то в хороводе, то рядами, как это было на Горке при смене фигур, делают их похожими на служителей культа.

— Раньше сторонних наблюдателей не было: все пели, ходили, плясали на Горке,— вспоминает старожил села Алина Андреевна Топорова.— А каков был костюм! Чудо! Все горело на солнце летом: и золотом шитые платки, и коротенки, и шелковые, из Турции привезенные сарафаны. Крой был особый — по фигуре, сильно расклешенный, а у самых богатых хвост иной раз до метра длиной. А как одевались ребята! По костюму можно было сказать, из какой он семьи и каков его характер. На Горке молодежь и знакомилась.

Сохранить обряды для народа, ушедшего 600 лет назад с Аввакумом в эти глухие места, значило сохранить себя.

Недавно приехавший в Усть-Цильму заморский гость, услышав северные песни, удивился: «Ну надо же, здесь еще поют!»

Поют, как это ни странно. И Бог даст, петь не перестанут.

Александр ЕГУРНОВ

ШИФРОВАННОЕ ПОСЛАНИЕ ИЗ XIII ВЕКА

Им, как выяснилось, было знаменитое берестяное письмо ученика Онфима.

Одной из первых берестяных грамот, найденных при раскопках в городе Новгороде экспедицией профессора Арциховского, была грамота, которая, в соответствии с мнением этого ученого, вместе с другой грамотой, обнаруженной неподалеку, была названа тетрадью ученика Онфима.

Вот что писалось в литературе о так называемой берестяной тетради ученика Онфима:

«...До нас дошла, хоть и в разрозненном виде, чуть ли не целая его берестяная тетрадь. Правда, эта тетрадь довольно своеобразная: первую ее страничку представляет донышко берестяного туеска. На перекрещенных полосках бересты мальчик усердно, в строгом порядке выписывал буквы алфавита, упражняясь на свободных местах в начертании самых трудных букв, скажем, того же «юса». Вот что-то вроде диктовки, и не очень удачной: маленький писец, то ли не поняв, вместо священного текста настрочил абракадабру из несвязных слов. Наверное, он просто устал, ему надоело: под начатой работой он нарисовал целую шеренгу смешных человечков с граблеобразными руками, каких и сейчас рисуют наши ребята. Да и вообще, кажется, Онфим был больше художником, чем прилежным школьником: на оборотной стороне того же донышка он изобразил страшное чудовище на четырех ногах с хвостом-закорючкой, зверской мордой и жалом змеи. «Я зверь»,— написал он поперек этого страшилища, как бы от его лица. Но тут же рядом, в особом прямоугольнике, ему пришло в голову настрочить поклон от Онфима к Даниле. Кто его знает, может быть, он послал эту своеобразную «открытку» своему соседу по тогдашней парте и начал письмо теми же вежливыми словами, какими начинали свои письма взрослые? Так или иначе, благодаря этой вежливости мы с вами узнали имя маленького грамотея.

Кстати, сколько ему могло быть лет? Профессор Арциховский уверен, что не больше пяти-шести. Его убеждают в этом, во-первых, сами рисунки парнишки (на руках у человечков пальцев то три, то четыре, то пять), а во-вторых, древние летописи, в которых говорится о совсем маленьких детях, уже умевших читать часослов и зубривших наизусть молитвы.

Из «берестяной тетради» школьника Онфима.

Шесть лет! Разве удивительно, что такому малышу до смерти надоели буквы и молитвы, и он, отложив эти заботы в сторону, с упоением рисовал всадника, заарканившего и свалившего наземь врага, и ставил рядом свое собственное имя — Онфим? Удивительно другое: благодаря этим кусочкам полуистлевшей бересты мы не только узнали имя мальчика, но смогли заглянуть ему в душу, понять его мысли, чувства и настроения».

С такой интерпретацией ученого авторитета, основанной на его собственном мнении, берестяная грамота вошла в школьный учебник по истории для младших классов. Многие поколения учащихся так и восприняли ее, как берестяную тетрадь ученика Онфима, в соответствии с тем, что написано о ней в учебнике.

В Историческом музее в Москве десятки лет экскурсоводы втолковывают посетителям, особенно школьникам, что берестяная тетрадь ученика Онфима свидетельствует об обучении грамоте в древнем Новгороде детей школьного возраста, которые якобы учились писать буквы раньше, чем постигали счет, так как на руках человечков, изображенных на берестяной грамоте, насчитывается то по три, то по четыре, то по пять пальцев.

Так, грамота, увидевшая свет из тьмы веков, более чем через 600 лет после ее написания, вновь погрузилась во мрак — на этот раз во мрак ложной мудрости, основанной не на научном исследовании, а на мнении ученого авторитета и его ныне здравствующих последователей в академических рангах.

Научный подход к изучению данной берестяной грамоты приводит нас к очевидной истине, доступной для понимания каждого.

Итак, на берестяной грамоте мы видим три ряда изображений. Первые верхние два ряда представляют собой буквы русского (славянского) алфавита, исполненные в древней манере. Нижний ряд состоит из схематических рисунков семи человечков с граблеобразными руками, выходящими из их блоков. На руках человечков действительно насчитывается от трех до пяти пальцев, расположенных в соответствии с положением рук в два ряда — верхний и нижний. Но разные числа этих пальцев, как мы убедимся ниже, свидетельствуют не о незнании автором элементарного счета, а о его высоком интеллекте и мудрости, не ставших доступными известным ученым авторитетам в области археологии и палеографии в XX веке.

В верхнем ряду рук у всех семи человечков насчитывается 24 пальца, в нижнем ряду — 28 пальцев. На концах ступней шести человеч-

ков имеются штришки, как бы загнутые кверху носки. У второго слева человечка одна ступня без штришка; у третьего, следующего за ним человечка, на двух ступнях — по штришку плюс поперечный штришок на правой ноге; у седьмого человечка игольчатые ноги, без ступней и штришков. А всего на ногах человечков 13 штришков.

Что касается двух верхних буквенных рядов надписи, то и здесь на некоторых буквах также видны штришки.

В верхнем ряду 19 букв, а в нижнем — 20. Штришки на буквах указывают на повторное использование их, некоторые буквы используются трехкратно. Число пальцев на граблевидных руках человечков в верхнем и нижнем рядах указывает на то, что вместе с повторно используемыми буквами в верхнем ряду надписи должно быть не 19, а 24 буквы, а в нижнем — не 20, а 28 букв.

Повторно используемыми буквами согласно указаниям штришков на самих буквах являются в верхнем ряду буквы: Е, В, О, О, С. В нижнем ряду такими буквами являются: С, З, Т, З, И, З, Н, Н.

С учетом повторно и троекратно используемых вставных букв и в соответствии со ступенчатой схемой надпись читается так: «Невеста евотзе засвотана, взятк взят собствянастс живнаста». (Невеста его же засватана, взятка (калым) взята (животными) — собственность живнаста.) Всего 7 слов. Это подтверждают 7 человечков (по-древненовгородски — целовечков, что созвучно — словечков) и 52 буквы расшифрованного текста. Это подтверждается также общим числом пальцев на руках человечков в верхнем ряду — 24 и в нижнем ряду — 28.

Мы видим, что каждый из человечков (словечек) представляет слово, а число букв в этих словах подтверждается соответствующим числом пальцев на руках человечков, стоящих рядом. Так, в слове «невеста», состоящем из 7 букв, число букв подтверждается числом пальцев у двух первых слов-человечков, стоящих рядом, — их 7 (4 на руке первого человечка верхнего ряда рук и 3 на руке нижнего ряда).

В слитном слове «евотзе» (его же) 6 букв. Их число подтверждается числом пальцев на руках второго и третьего человечков, расположенных противостоящими буквами: на руке — верхнего ряда рук — 3 и 3 на руке нижнего ряда рук и т. д.

В целом на берестяной грамоте написано 7 слов (словечек), в каждом из которых последовательно содержится 7, 6, 9, 5, 4, 12 и 9 букв, что подтверждено числом пальцев на руках соответствующих человечков.

Итак, мы устанавливаем, что так называемая берестяная тетрадь ученика Онфима представляет собой сгусток интеллекта и мудрости автора XIII века, шифрованное послание, направленное в древний Новгород, по-видимому, тайным путем. Туесок-маскировка.

Данная берестяная грамота представляет собой шифрованное послание, составленное по определенной схеме. Это послание автор, по-видимому, не имел возможности написать открытым текстом и так отправить адресату. Это были времена монгольского нашествия на Русь — XIII век.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ ПУШКИНА

СВЯТОМУ НЕВСКОМУ СЛУЖИЛ

Если бы Пушкин знал, из какого славного рода он происходит, наряду с «Арапом» рассказал бы он, наверное, и о витязе Александра Храброго!

Впрочем, кое о чем поэт догадывался. В «Моей родословной» он писал:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...

В замечательной книге видного советского историка Степана Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» приведено подробнейшее исследование рода Гаврилы Лексича, главного боярина Александра Невского — рода, к которому принадлежал и Пушкин. Гаврила Олексич происходил от некоего Ратши (у Пушкина — Рача), видимо, славянина, который вместе с другими славянами и пруссами бежал от немецкого засилья в земле пруссов и нашел приют в Новгороде.

Гаврила Олексич совершил удивительный подвиг в битве на Неве — в числе шести витязей, чьи подвиги приведены в «Житии Александра Невского». Вот что пишется о нем: «Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек (корабль) и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; те, которых он преследовал, схватили его и сбросили со сходен вместе с конем. Но, по Божьей милости, он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска».

Представляете картину: безумно смелый воин один по сходням на коне врывается на корабль, его сбрасывают вместе с конем, он выплывает и снова в битве, убивает воеводу (в некоторых вариантах — епископа).

С. Веселовский по многочисленным родословцам и летописям твердо установил, что у Гаврилы Олексича было три сына: Акинф Великий, Иван Морхиня и Андрей.

От Ивана Морхини и его внука Григория Пушки пошли многочисленные Пушкины; от Андрея — Кутузовы, Акинфовичи выбились в первые ряды боярства в XIV и XV веках.

Род Пушкиных в отличие от Акинфовичей преуспевающим не был, может быть, из-за своей многочисленности. У Григория Пушки было семь сыновей (сколько дочерей, неизвестно) и пятнадцать внуков. В последующем колене Пушкиных было не менее тридцати трех человек. В пятом колене их было уже шестьдесят. Видимо, пылкость нрава А. Пушкина унаследована им не только от африканского предка. Это — родовая черта.

В бурные события царствования Ивана IV, затем царей Федора и Годунова, а также в «смуту» Пушкины снова выдвинулись.

Однако «мятежным» род Пушкиных в целом не был. «Пушкины не гонялись за быстрыми и ненадежными успехами и не пользовались тяжелым положением Родины для личного обогащения... не поддавались соблазну схватить что-нибудь не по своей мере. Большой груз... твердых понятий о чести рода придавал поведению Пушкиных в бурных событиях тяжеловес-

ную устойчивость... Все оне старались быть достойными представителями своего рода»,— пишет С. Веселовский.

Подробно говорить о роде Пушкина мы не будем — это очень большая тема. Но вот несколько чрезвычайно интересных моментов.

Славнейшим витязем при Александре Невском (Храбром) был Гаврила Олексич — предок как Пушкиных, так и Кутузовых.

Потомки Гаврилы — Александр Мархинич (отец Григория Пушки) и Александр Прокшинич (отец Федора Кутуза) вместе с Андреем Кобылой (предком Романовых) были боярами князя всея Руси Ивана Калиты, затем его сына, Семена Гордого. Соратники и соперники.

Через много веков потомки этой троицы снова встретились, каждый на своей высоте:

Александр I, представитель крупнейшей династии Романовых;

Михаил Кутузов, спаситель Отечества, победитель Наполеона;

Александр Пушкин, «солнце русской поэзии».

Александр Невский, оценив подвиг Гаврилы, сделал его самым первым своим боярином. Александр Благословенный не оценил по заслугам ни Кутузова, ни Пушкина.

Имена Александр, Гаврила, Григорий были «родовыми» для потомков Гаврилы Александровича (Олекса — простонародное от Александра) и Григория Александровича Пушки. Временами интерес к этим именам увядал, но у многих представителей рода, помнивших о славных предках, снова воскресал, и тогда появлялись, например, Гаврила Григорьевич Пушкин и его сын Григорий Гаврилович. Кто знает, может быть, великого поэта назвали в честь одного из первых Александров рода: Александра, отца Гаврилы Олексича, и Александра, отца Григория Пушки...

Н. СЕРОВА,
г. Нижний Новгород

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ВЕРХОМ НА РАКЕТЕ

3 февраля 1944 года фашисты накрыли артиллерийским огнем район сосредоточения советских реактивных установок. Взрывная волна сбросила с направляющих одной из боевых машин 14 реактивных снарядов М-13. У двух снарядов воспламенилась ракетная часть, и они стали медленно двигаться по земле в направлении к четырем установкам и к штабелям снарядов. Могло случиться непоправимое. Первым это осознал водитель боевой машины гвардии младший сержант Перов. Он сразу принял нужное решение: пренебрегая опасностью, воин подбежал к снарядам и навалился на них телом. Но тяга снарядов оказалась явно большей — они продолжали двигаться. Тогда Перов, не теряя ни секунды, сумел вывернуть взрыватели сначала у одного, потом у другого снаряда, после чего направил их в ту сторону, где они не могли натворить беды.

За свой подвиг младший сержант Перов был удостоен звания Героя Советского Союза.

«Для меня история современна»

Для сравнения приведу два факта. Сергей Кириллов — один из первых выпускников художественного института имени В. Сурикова, защитивший в 1984 году диплом на историческую тему. (Раньше подобные работы, мягко говоря, не поощрялись.) Зато на крупнейших аукционах, включая знаменитый «Сотсби», картины на исторические темы, выполненные, конечно же, в реалистической манере, имели и имеют самую высокую стартовую стоимость по сравнению с другими жанрами.

Трюк ловкий. Долгие годы наших художников убеждали в бесперспективности реализма, падении на него спроса. При этом искусственно создавали кумиров от авангарда, которые нередко сами посмеивались над всей этой пропагандистской кампанией. Но дельцы от ис-

кусства знали, что творили: внушая реалистам комплекс неполноценности, очень просто было скупать за бесценок их картины для последующей продажи на зарубежных аукционах. И при этом оставаться в роли благодетели, помогающего сбыть «неходовой товар».

Эти мысли лезут в голову всякий раз при встрече с молодыми перспективными художниками. Такими, как Сергей Кириллов. Неужели и эти портреты русских царей окажутся на Западе, куда уже 74 года уходит все мало-мальски ценное с нашей несчастной Родины? Как же быть с красотой, которая спасет мир, если в окружающей нас жизни ее все меньше и меньше? Даже того, что есть, не видим. Рядовому художнику пробить сносную выставку — почти безнадежное дело.

Много проблем с выставками и у Сергея. Но весной удалось выставиться в Саввино-Сторожевском монастыре, в подмосковном Звенигороде. Основу экспозиции составила серия «Город Псков в XVII веке». Глядя на эти картины, не сом-

неваешься, что именно так выглядел Псков триста лет назад — настолько убедительно передан дух эпохи.

Псковская серия явилась для Сергея своего рода отдыхом после напряженнейших портретных работ Петра I и Ивана Грозного. К каждому портрету выполнено порядка тридцати эскизов. По ним нетрудно проследить, как вырисовывался образ персонажей: от интуитивных зарисовок — через осмысленный, выверенный по документам образ — к духовному уровню, когда портрет приобретает психологическую убедительность, оживает. Кириллов считает, что изобразил настоящего Грозного — умного, недоверчивого, проницательного. Автор не стремился давать ему свою оценку. Кириллов отошел и от традиционного взгляда на Грозного как на злодея, пролившего море крови! Ведь по сравнению со многими правителями европейских государств того времени наш царь должен выглядеть чуть ли не либералом...

Мы видим его испытующий взгляд — взгляд человека, уставшего от борьбы с подлинными и мнимыми врагами. Такое чувство, будто Иоанна, оставшегося наедине с собой, кто-то не вовремя потревожил, и он в упор разглядывает вошедшего.

— Для меня история современна,— говорит Сергей,— ведь человеческие чувства — они вечны, а их-то я и пытаюсь передать в своих картинах.

А. СИДОРОВ

НАЕМНИКИ ИЗ БЫВШЕЙ ГДР

Еще до полного разрушения пресловутой берлинской стены тысячи юношей ГДР устремились на Запад в поисках своего рая. Одна часть из них натолкнулась на равнодушие и безработицу. О судьбе другой рассказал мюнхенский журнал «Квик»: «Сперва стрижка наголо, потом выдача солдатской униформы, а затем изматывающая муштра, хрипящий крик унтер-офицера и наставления полковника, не терпящего никаких возражений. И все это на непонятном языке...»

Убежищем части юношей стал не бундесвер, а Иностранный легион — старое изобретение французской военщины. Платный наемник — лучший солдат для колониальных армий. Совсем неплохо, когда солдатом становится немец. Сейчас примерно одна треть легионеров — это беженцы из бывшей ГДР. С такими можно не церемониться. Плати и требуй беспрекословную службу.

Отдушину от суровой и бессмысленной службы легионеры находят в кабаках. Льется вино, дымятся крепкие сигареты «Житан». К их услугам доступные девочки в мини-юбках. А затем летят открытки в бывшую ГДР из госпиталей, разбросанных по всему свету. Новоиспеченные легионеры, выдавая себя за коммивояжеров и путешественников, сообщают о солнечных ударах, малярии и укусах скорпионов. Но на самом деле — это СПИД, сифилис и другие экзотические «прелести», подхваченные в Африке, Азии, Южной Америке. Так безрадостно кончается для многих немецких юношей служба в Иностранном легионе.

Г. МАЛИНИЧЕВ

Ванцетти ЧУКРЕЕВ

ДЕНЬ И ЧАС

Хроника тревожного времени

Окончание. Начало на стр. 33

— Какие могут быть возражения. Дело есть дело.

— Прекрасно, Семен Константинович! — И тут же нашел кнопку звонка, вызывающего адъютанта. И только тот распахнул двери: — Штаб Киевского. Кто там есть — буду говорить!

Тимошенко, как всегда, зажав папиросу меж пальцев левой руки, покуривал неторопливо и сидел как бы все еще отдыхая. Но в глазах его, устремленных на генерала, появлялась напряженная внимательность. Словно сейчас почувствовав свой недостаток слуха, он напрягся, чтобы не пропустить ни одного слова. А Котляров уже держал трубку телефонного аппарата прижатой к уху. Уже выслушивал обычный при представлении рапорт кого-то, кто там, на другом конце провода, в Киеве...

— Кирпонос где?.. Не надо, не надо разыскивать. Пуркаева тоже нет? Ясно, ясно, что все заняты делом. Вот что, дежурный, передайте лично командующему!.. Не надо записывать. Более того, если запишете, то я вот тут сейчас тоже вашу фамилию записал. И если что-то из нашего разговора будет записано, то я знаю, с кого за это нужно будет спросить!.. Передайте командующему на словах... Звонил из генштаба Котляров. Сказал, что сегодня, завтра, до двадцать второго обязательно приедет проверять механизированный корпус... Какой?.. Вот так и передайте Кирпоносу, что, когда задали этот вопрос, Котляров рассмеялся. Какой. Один из ваших шести. Но всего вероятнее, — это можно тоже передать, — что тот, который ближе к границе. Цель проверки: боеспособность. Настоящая. С полным боекомплектом. С двумя за-

правками: одна в баках, другая в бочках. Что?.. Вот этот вопрос вы правильно задаете. Чувствуется, сами танкист. И все танки, которые на консервации, которые в ремонте, если это, конечно, не заводской, не капитальный, все снабдить боеприпасом и обеспечить горючим. Продумать распределение личного состава... Оценки будут простые: сколько машин корпус выставляет для боя. Как быстро выходит он из-под возможности удара с воздуха. Из-под удара в месте дислокации. Что?.. Да, — решительный голос Котлярова как бы запнулся и чуть притух. — Да, чувствуется, что вы действительно танкист. Что вы сами варитесь в котле забот, которыми живут мехкорпуса... Моторизованным дивизиям действительно положены автомашины из народного хозяйства. В момент объявления мобилизации. Но мы наши игры, наши военные игры, проводим не только тогда, когда в стране объявлена мобилизация... И передайте еще, — опять его голос обрел приказную силу, — я не буду возражать, если до приезда, до моего лично, или других инспектирующих работников генштаба, к этой проверке у вас будут готовиться. Будут проигрывать ее. По-серьезному проигрывать. Передайте это командующему. До свидания!

Тимошенко поднялся. Как только трубка телефона легла на свое место, так он тут же поднялся. Весь вид его — приопустившиеся брови, вдруг как бы объявившаяся сугулость, колючесть во взгляде, — все будто хотело сказать: «Я в эти игры не играю!» Он, кажется, и словами хотел сказать то же самое. Но, постояв с полминуты, быстрым шагом пошел к дверям. У дверей опять задержался. Опять будто собирался обернуться и выразить несогласие, неодобрение, но... Но бросил совершенно ненужное: «Я у себя». И вышел.

Тут же, вызванный новым звонком, опять появился адъютант.

— Штаб Белорусского! — сказал Котляров.

— На проводе командующий Прибалтийским...

— Вот и прекрасно, — недослушал адъютанта Котляров. — Поговорю с Прибалтийским, а потом все-таки найдете мне Павлова. Да, слушаю, — сказал он, когда за адъютантом дверь закрылась. — Слушаю, Федор Исидорович...

Молчал, пока командующий Прибалтийским особым военным округом генерал-полковник Кузнецов говорил

ему то, из-за чего он посчитал нужным позвонить в Генеральный штаб.

— Это хорошо, что поступают тревожные сигналы, — сказал Котляров, не скрывая мрачной усмешки в голосе. — Хорошо, Федор Исидорович... Если бы не было сигналов... Это хорошо, что ты считаешь нужным передать нам эти сигналы... Надеюсь, ты и наши сигналы тоже не обходишь вниманием? Какие?.. Но мы же регулярно сообщаем в округа все разведданные, какими располагаем. Ты, наверное, знаешь, какие силы немцев сосредоточились на той стороне Немана? Знаешь... Значит, наши обоюдные сигналы достигают цели. Твои доходят до нас. Наши доходят до тебя... Ну и как же ты думаешь отреагировать на эти идущие со всех сторон сигналы?

Командующий Прибалтийским особым на той стороне провода замолчал. Молчал и Котляров. Он сейчас вдруг подумал, насколько же увереннее и проще пять минут назад чувствовал себя при разговоре с ним дежурный по штабу Киевского особого округа. Полковник, фамилию которого он тут же, к сожалению, забыл. Каким, наверное, несерьезным казался тому полковнику ответственный работник Генштаба, который не мог ответить на простые вопросы. Например, об автотранспорте для мотострелковых дивизий. Учение. Игра. Но настоящая проверка боеготовности мехкорпуса. В одних из этих механизированных соединений Киевского округа, формирование которых только лишь началось, нет еще всей положенной им по штату техники: танков, автомашин, тракторов. В других, уже сформированных, но не развернутых по штатам военного времени, тоже много недостает. Недостает, например, определенного количества автомашин. Эти машины, при приведении корпуса в полную боеготовность, берутся из народного хозяйства. В мотострелковых дивизиях знают адреса, откуда поступит к ним эта техника. Дай только команду! Машины тут же будут на месте! Но... Полковник, дежурный по штабу Киевского особого, потому, наверное, и чувствовал себя увереннее, а может быть, и мудрее работника Генштаба, что он не знает этого «но». Он не связан им по рукам и ногам. В душе его живет простое убеждение: если сверху поступает указание, оно должно быть предельно четким и ясным... Интересно, что же сейчас думает командующий особым Прибалтийским, этот бывалый военный, прошедший империалистическую, граж-

данскую, преподававший военную науку в академиях, то есть знающий искусство войны от А до Я? Что он думает? Почему он молчит?..

— Беспокоят меня аэродромы, танковые дивизии, склады боеприпасов и горючего, — заговорил наконец Кузнецов. — Что где находится — все известно немцам. Все зафотографировано, все зарегистрировано аэрофотосъемкой. Если что, то в первые же часы — без авиации, без танков, без снарядов и горючего.

— Уж так все и известно?

— Ну, скажем, уж и не так. Склады кое-какие припрятали. Надеемся, что даже и агентура не о каждом пронюхала. Аэродромы... Майские указания о проведении мероприятий по маскировке авиации выполняем. К тому же по возможности перегоняем с одного на другой. Но тут вот теперь реконструкция, перестройка полос. Нам бы услышать простое: авиации полную боеготовность!

— Не можем дать такой команды.

— Понимаю... Понимаю...

Котлярову вдруг показалось, что на том конце провода не Кузнецов Федор Исидорович, хорошо знакомый ему, но генерал-лейтенант авиации Кравец, полчаса назад заходивший сюда, в кабинет. Так этот голос своими интонациями и прятавшимся в глубинах его особенным смыслом, некоторою иронической опечаленностью напоминал тот, вот только что звучавший здесь, в кабинете. Котляров даже встряхнул головой, освобождаясь от наваждения.

— Понимаю... И танки тоже, если даже в боксах, не на открытых площадках — тоже все у вермахта на разведкартах значатся.

— Значатся, — согласился Котляров. И не продолжил фразы, подумав: «Что же ты дальше скажешь, командующий Прибалтийским особым? Чем закончишь свою мысль?»

Было слышно, как Кузнецов глубоко вздохнул.

«Вздыхай, не вздыхай, а я обожду. Я все-таки дождусь, что же ты скажешь!»

Кузнецов молчал.

«Я тоже помолчу».

Молчание затянулось настолько, что и тому и другому могло показаться: нарушилась связь, на линии обрыв.

— Ну и долго будем играть в кошки-мышки? — не выдержал Котляров.

— Да нам, мышкам, какая уж игра! — опять вздохнул Федор Исидорович. — Нам, как в той присказке: куда ни кинь, везде клин.

— И все-таки, если ты действительно озабочен сигналами, если ты чутьем военного чувствуешь! — Голос Котлярова поднимался и переходил почти в начальственно-строгий, но Котляров заставил себя говорить по-товарищески, даже без интонаций, обычных при назидании. — Ну, если действительно... Ты военный человек. Ты хозяин округа. У тебя, конечно, план боевой подготовки. У тебя все расписано, рассчитано. Но разве ты не можешь внести изменения в планы? Скажем — механизированные корпуса. Проверка боеготовности. Выход из мест дислокации ну... даже не на позиции, предусмотренные чрезвычайными обстоятельствами, а... Просто уйти из тех мест, которые, как ты правильно говоришь, помечены на разведкартах вермахта.

— Это указание? Приказ?..

Котляров замолк. Он даже не рассердился. Тем более не обиделся. Но он замолк, опять подумав, насколько же сейчас старый солдат Федор Исидорович кажется сам себе, и не без оснований, мудрее его, который вот здесь, на этом конце провода. Ну что действительно не сказать сейчас: «Да, указание». Если не приказ, то вот это простое, но тоже понятное всякому военному человеку слово — указание.

«Указание?»

Значит — боевая тревога. Значит, где-то и решительность, как в минуты объявления мобилизации. Командование округа проявит решительность: партийные органы, государственные организации поймут военных, пойдут им навстречу. Политработники проявят заботу, они обязаны будут сделать это, о семьях военнослужащих: при грозовой обстановке жен и детей как можно дальше от границы!.. Снежный ком, нарастая, стремительно увеличиваясь... Опять мы первые, не немцы, но — мы, идем на войну!

Теперь, наверное, Кузнецову Федору Исидоровичу было хорошо слышно, как Котляров глубоко вздохнул.

— Нет, — сказал он прежним, товарищеским тоном.— Не указание. Тем более не приказ. Не было ни приказа, ни указания. Более того, считай, Федор Исидорович, что

мы с тобой сегодня вообще не говорили. Не было у нас сегодня разговора: ты занимался своими делами, я — своими. Более того: знай... Я уж тебе выдам одну военную тайну. В Киевском, некоторое время назад, сделали одно очень хорошее, правильное, — выдержал паузу и повторил: — ...правильное дело. Войсками, приведенными в готовность, заняли полосу предполья. Понимаешь, как это в современной обстановке своевременно и серьезно. Ну естественно: проводы. Где-то и слезы. Ну и когда звучит: «В ружье!» — сам понимаешь, хотя такая команда дается в казарме, за каменными стенами, хотя у военных городков — заборы... А все-таки такую команду, приказ слышат далеко. Услышали ее на той стороне. Услышали! У них — уши!.. У них... Не надо умалять способностей немецкого абвера!.. Услышали. И ты понимаешь, мы вот тогда отсюда, из Москвы, еще более громко, так что даже в Берлине услышали: «Отставить! Вывести войска из предполья!» Так и скомандовали.

Замолчал.

— Понятно, — сказал командующий Прибалтийским особым. — Понятно.

И это взорвало Котлярова.

— Понятно? — спросил он насмешливо. — Старый вояка, битый, контуженный, преподававший в академиях, тебе все понятно?.. Так слушай еще! Еще тебе одну махонькую, ну самую махонькую тайну выдам... Вот только что один наш ответственный работник вернулся из Одессы. Не отдыхать туда ездил. Там, в Одесском военном округе, тоже, как ты знаешь, есть механизированный. И такой, понимаешь ли, полнокровный механизированный! Ездил наш работник устраивать ему учение. Обычное. Плановое. Но... Боезапас полностью! Заправка — одна в баках! Ну и естественно — бочки, заправщики, цистерны... Учились. Тренировались. И — скачками, скачками — поближе к границе... Почему, спрашивается, корпус, проводя учения, не может двигаться к границе? Что, разве учась, он должен обязательно двигаться от границы?.. Так вот, учились, двигались. У нашего, ответственного, командировка закончилась. Он вернулся. Но, понимаешь, возвращаясь, забыл отдать корпусу команду: «Вернуться в исходное!» И корпус еще... учится. Да, а почему ему еще не продолжать учения? Почему там, на месте, у границы, при полной

боевой, не исправлять выявленные учением недостатки и недочеты? Почему? Мы тоже не торопим. Мы тоже своих громких приказов, которые и в Берлине слышат, не отдаем. Если все так естественно, обычно, без слез, без расставаний... Если люди, машины, орудия ушли... Ушли на обычные учения. Пусть учатся! При полной боевой. Тем более что там тоже поступают сигналы. Румынский железнодорожник на нашу сторону переплыл. Принес график перевозок немецких войск. К двадцать первому — двадцать второму июня все перевозки должны быть закончены. Сигнал?.. Сигнал. Так вот, пусть корпус учится возле границы. А у нас с тобой, еще раз тебе повторяю: не было сегодня никаких разговоров! И приказов тебе сегодня никто не отдавал. И указаний тоже. И ты совета не слышал... Выводи мехкорпуса из мест дислокации! Прячь танки в лесах!

И бросив трубку, вызвал адъютанта. Сказал: «Давай Павлова. Или кто там будет, в штабе Белорусского!.. Давай!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ЧАС»

11 часов 21 июня —
4 часа 22 июня 1941 года

ЕЩЕ ОДНО ОТСТУПЛЕНИЕ

Самый большой и жаркий, полный солнца, голубого неба, кучевых облаков, мимолетных коротких гроз, самый большой день в году шагом широким идет по землям России. И когда где-то там, в самых глубинах ее, уже полдень — в Москве еще утренние часы.

И в этот утренний, хотя и не ранний час, на открытом балконе сталинской дачи двое: он сам и народный комиссар иностранных дел.

Говорит Сталин.

— Позиция, которую мы объявили в тассовском заявлении четырнадцатого июня, — жесткая позиция. Никаких переговоров. Никакого признания сложностей, которыми живет капиталистический мир. Они — сами по себе. Мы — сами по себе. Позиция хорошая. Позиция правильная. Но... нереалистическая.

— Живем на одной планете с капиталистическим миром, — продолжает он через паузу. — И сложности того мира все равно так или иначе в свою орбиту вовлекают и нас.

— Мы правильно сделали, — это говорит по-прежнему он, — что вовремя отступили с этой жесткой позиции. Правильно сделали, — повторяет он, как бы вдруг усомнившись, а правильно ли, и повторением этим подавляя сомнение: — Правильно.

— Наше посольство в Берлине еще раз подтвердило,— говорит Молотов, — что, когда я восемнадцатого позвонил Риббентропу и сказал, что хотел бы встретиться с Гитлером, это вызвало там страшное замешательство.

— Да, — говорит Сталин, мрачнея. — Замешательство. Этого они не ожидали... Замешательство. Но прошло уже три дня. Три дня. А счет сейчас идет не на дни, но на часы... Сейчас — часы. Только часы, — говорит он в мрачной самоуглубленности. — Мы не можем ждать. Теперь уже и минуты не можем ждать. Потому что, если сведения, поступающие по разным каналам, но родившиеся там, в Берлине, сведения о двадцать втором не есть дипломатическое шантажирование...

— Майский сообщает, — говорит Молотов, — или двадцать второго, или двадцать девятого. Уже такие поступили ему сведения... Из Венгрии, от людей хорошо осведомленных, близких Хорти, сообщили, что есть телеграмма Риббентропа. Будто бы Гитлер намерен внести ясность, как говорится в этой телеграмме, в отношения между Германией и Россией в начале июля.

— Майский — посол опытный, — говорит Сталин, все оставаясь в своей мрачной самоуглубленности. — Из Венгрии сообщение... Внести ясность. Внести ясность... Может быть, битву за время, битву за то, чтобы отсрочить, а может, и сорвать выступление Гитлера, битву, которую ведем так напряженно, может быть, мы ее уже и выигрываем. Может быть, все-таки реализм, глубокий реализм, там у них, в Берлине, берет верх. Может быть, начинают видеть: за наш счет им, никому, ничего не выиграть. Может быть. Может... Но на «может» ничего строить не имеем права. Не имеем... Потому...

Он особенно мрачен. И молчание, в которое он ушел, особенно тяжелое. Правда, он — недолго в этом молчании. Он говорит:

— Потому... Еще отступать... У нас еще есть возможность отступать. Совсем небольшая возможность. Между угрозой гитлеровского выступления и угрозой английского удара по нефтяному Баку — пространство, предельно ограниченное. Маневрировать почти невозможно. И все-таки будем маневрировать. Пусть увеличится английская угроза. Пусть мы сами, по своей воле, приблизимся к ней. Но мы используем последнюю возможность уйти от завтрашнего гитлеровского выступления. Пусть его привлечет приманка политического флирта с нами. Пусть его привлечет возможность подтолкнуть англичан выступить против нас. Маневрировать! Используя последние возможности политического пространства. Последние крохи времени. У нас остаются — часы. Но пока еще остаются... Потому — даже не телефонный разговор. Но — телеграмму. Сейчас же телеграмму на имя Гитлера. Открыть ему все карты. Заявить, что мы хорошо осведомлены о его ста семидесяти дивизиях. Очень хорошо. И отлично понимаем, что сосредоточились они возле наших границ не для того, чтобы квартировать и предаваться отдыху. Но... Если мы знаем и не боимся, то, может быть, им, в Берлине, еще раз стоит задуматься. Задуматься над тем, что не лучше ли все-таки все вопросы с Россией решать языком переговоров? Мы приглашаем еще раз: давайте сядем за стол переговоров. Немедленно телеграмму. И пусть наше посольство в Берлине сделает все, чтобы она была тут же передана Гитлеру. Телеграмму!

ЗАКРЫТЬ НЕБО

Перед глазами как будто бы просто большое поле — на нем ничего. И только на опушке леса, под маскировочными сетями — самолеты. Полевой, хорошо укрытый аэродром.

Возле самолетов группа командиров. Окружили Еремея Кузьмича, который что-то, наверное, из своей боевой кавалерийской молодости, рассказывает.

Подбегает лейтенант. Приложив руку к пилотке, торопливо докладывает:

— Товарищ генерал, посты ВНОС извещают: со стороны Сувалок направлением к нашей границе приближается «юнкерс».

— А в хвост его и в гриву! — говорит Кравец, с лица которого сразу исчезло веселое выражение. — Встре-

тить прямо над границей! — это еще лейтенанту. — И в хвост и в гриву. Закрыть небо, полковник! — это уже к командиру части, который тут же, рядом. — Хватит потакать воздушным бандитам!

— Дежурное звено в воздух! — говорит полковник. Лейтенант поворачивается, убегает.

Взлетает и лопается над землей ракета. Тройка истребителей взмывает в воздух.

Командный пункт авиационной части. В руках полковника авиатора микрофон. Генерал Кравец рядом с полковником. В динамике слышны треск пулеметных очередей, голоса: «Огрызается, мерзавец!» Еремей Кузьмич берет микрофон из рук полковника:

— А вы не оглядывайтесь! Гоните, беспощадно гоните мерзавца за границу!

Треск пулеметных очередей. Тихо...

Полковник говорит:

— Так-то так, да назад-то как?.. Хорошая русская поговорка. Вот взлетели, — поворачивается лицом к генералу, — а посадить уж и не знаю, посажу ли?

— То есть?

— Так разрывают полосу. Нагнали строителей. Спецчасти. Все разрывают, перерывают. Я пытался сопротивляться, но тут такой энкавэдэвский капитан стервозного типа — слушать ничего не желает. «У нас план. У нас график. А мы еще обязательства взяли: сверх плана, сверх графика! Так что немедленно приступаем к реконструкции вашего аэродрома».

— Вот мерзавцы. Вот мерзавцы! — возмущается Еремей Кузьмич.

— Так вы уж, Еремей Кузьмич, разрешите перебазироваться к вам под Почепку, — просит полковник. — Пока еще можно взлетать. А то ведь запрут тут нас эти энкавэдэвские капитаны, как в мышеловке.

— Базируйся, — бросает Кравец. — Только с условием, на последнем самолете привезешь мне этого стервозного капитана. Я хочу ему в глаза посмотреть. Как же у него рука поднимается на такое преступление.

— График. План.

— Какой график! Какой план! Когда война у границы... Привези мне этого капитана.

— Да если бы его поймать можно было. Он как летучий голландец.

— Поймай голландца. Если нужна помощь, я своих

поручением на это дело командирую. Поймай. Привези. Я полетел к себе.

ЧТО — БЕРЛИН!

Он задал этот вопрос, когда дежурный по Наркомату иностранных дел назвал себя.

Дежурный ответил:

— Телеграмма в Берлин передана. В наше посольство в Берлине звонил народный комиссар и лично говорил с послом. Поставлена задача: немедленно довести до сведения германского правительства текст обращения правительства СССР.

— Советское посольство в Берлине, — продолжал дежурный доклад, — тут же связалось с министерством иностранных дел Германии. В министерстве, к сожалению, нет никого из ответственных лиц, включая самого Риббентропа. Чиновники министерства изъявили желание принять работников советского посольства. Но, учитывая важность документа, наш посол не согласился передать его в руки второстепенных лиц. Сейчас все советское посольство в Берлине, что называется, на ногах. Предпринимаются все новые и новые попытки связаться с Риббентропом.

«Это — война», — сказал он себе, положив телефонную трубку. Вот она, эта черта, железная или совсем неприметная, но та черта, которая отделяет просто политику от политики военными средствами.

Когда в Берлине не пожелали отреагировать на обращение ТАСС, это можно было еще расценивать по-разному. Даже когда предложение наркома иностранных дел СССР сесть за стол переговоров было оставлено без ответа, можно было еще предполагать и это, и то. Но если к официальному обращению правительства страны, с которой они якобы в дружбе и понимании, относятся с полным пренебрежением, значит, они бесповоротно и твердо решили идти на конфликт.

Это — война. Он вдруг так ясно и ощутимо почувствовал зловещее ее дыхание, как десять дней назад, видя в кошмарном сне горящий Баку, вдруг обонянием своим уловил дымные запахи нефтяных пожарищ.

Это — война. Страшнейшая, еще невиданная миром по своим неохватным размерам. А люди, живущие на зем-

ле, живущие и здесь вот, рядом, еще не знают о ней. А она — уже здесь.

Он попросил секретаря соединить его с командующим Московским военным округом. И когда того быстро нашли, задал ему вопрос:

— Как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?

Командующий округом, немного ошеломленный этим неожиданным звонком, и прятавший ошеломленность под воинскую четкость доклада, под возвышенно-бодрую уверенность, нарисовал картину, заражавшую оптимизмом. Это был не пустой оптимизм — на страже московского неба стояли могучие силы. Но все-таки хотелось, чтобы в докладе командующего МВО было чуть меньше этого оптимизма. И в то же время нужно было, очень нужно было, чтобы никакой отголосок мрачных чувств, сейчас нахлынувших сильно, не передался бы этому генералу, чтобы тут же не стать известным другим генералам и не генералам, и многим, многим иным. И обычным своим, предельно спокойным голосом глава государства сказал:

— Учтите, положение сейчас неспокойное. Противовоздушную оборону Москвы надо держать на высоком уровне. Даже на предельно высоком. Поставьте на боевую готовность процентов... Процентов семьдесят пять всех огневых средств и авиации.

«Это — война», — сказал он опять себе, кладя трубку и вдруг как обжегся вопросом. Но где в этой войне будут английские бомбардировщики, концентрирующиеся сейчас под Мосулом? Бомбардировщики, нацеленные на Баку?

И если секунды назад все было ясно и если первая из серии команд, поднимающих армию в ружье, страну к бою, прозвучала и за ней должны были следовать другие, то этот вопрос, словно ожегший сознание, останавливал. Он требовал еще раз подумать, перед тем как решать все окончательно и бесповоротно.

Торопливо, неся важную новость, вошел Молотов.

— Ни Риббентропа, ни Вейцзеккера пока нет, — сказал он. — Но объявился директор политического отдела министерства иностранных дел Германии Верман. С ним связались. Он утверждает, что у Гитлера какое-то широкое совещание. Все там. Обещал довести до сведения немецкого руководства, что есть наше обращение и мы хотели бы, чтобы с ним незамедлительно ознакомились.

«Совещание?.. Широкое совещание у Гитлера? И все там?.. И только потому лишь несколько уже часов... Неужели, как это нередко бывало в истории, дикий случай, вторгаясь в ход событий, может вдруг поворачивать, переворачивать их? Неужели и здесь простая случайность?..»

— Верман предлагал, — продолжал Молотов, — принять наше заявление. Чтобы ускорить передачу. Я сказал: «Нет». Так далеко мы отступать не можем. Советское правительство просит не о милостыне. И если Гитлеры и Риббентропы признают еще Страну Советов...

Сталин слышал, что говорил Молотов, был с этим согласен. «Отступать дальше нельзя». И так за эти дни во многом отступили. От многого, провозглашенного даже совсем недавно, отказались. Но чтобы высокое правительственное заявление попало бы в руки третьестепенного, четырехстепенного чиновника! Нет. Так далеко отступать действительно нельзя... Он слышал Молотова, был с ним согласен. Но сознание его было занято иным.

«Так что же выходит? Это пока еще не та черта, где кончается политика и в силу вступает политика военными средствами?..»

— Какие новости из Лондона? — резко, как выстрел, бросил он вопрос Молотову. Тот, всецело занятый Берлином и ни о чем ином не ждавший вопросов, молчал.— Вот и разведка тоже ничего не знает, — зло сказал Сталин. — Хлеб едят. Какой дорогой хлеб! А когда нужно все знать, не знают... Не выйдут завтра во всем мире газеты: на первой полосе обнимающийся Черчилль и Гесс? «Исторические переговоры завершены! Монолитность западного мира восстановлена!»

Молотов, когда был сильно взволнован, слегка заикался. И сейчас он выдал свое волнение.

— Да, кажется, нет. К этому, кажется, не идет... Конкретные признаки не указывают. Но... Конечно, трагическое положение: конкретного ничего не знаем.

Сталин тоже не мог скрыть волнения: быстрым шагом ходил по кабинету.

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ МНЕ ГОТОВИТ!

Генерал Кравец угрюмо-мрачен. Прохаживаясь по кабинету, он, видимо, совершенно машинально, не вдумы-

ваясь в слова, однотонно басит: «Что день грядущий мне готовит?.. Что день грядущий мне готовит?..»

За окнами видны бетонные полосы аэродрома, тесно заставленные самолетами.

Входит адъютант. Говорит:

— Товарищ генерал, из Алексеевки звонят.

— Да, да, — бросает недовольно в телефонную трубку генерал. — Куда перелетать? Куда перебазироваться? — голос его сразу поднимается до самой высокой ноты. — Ко мне? Сюда?.. Вы что, с ума посходили! Да здесь, в Почепке, самолет на самолете! У вас что?.. Разрыли? И у вас разрыли? Обе взлетные полосы разом? Кто? Кто разрыл? Капитан? Ну, мать!.. — бросает трубку телефона. Жмет кнопку звонка. Вбегает адъютант. — Где капитан? Где этот стервозный энкавэдэвский капитан?

— Послано. За ним послано, товарищ генерал.

— Что послано?

— Два порученца на мотоциклах разыскивают. Ваш личный самолет с заходом в Алексеевку и Терновку. Полштаба сидит на телефонах. Капитан будет найден.

— Ну, мать!.. Ну, вырву я ему хвост. Не посмотрю, что энкавэдэвский... Дайте указание: дивизию из Алексеевки рассредоточить. — Думает (о таких именно раздумьях говорят: ломает голову). — Так рассредоточить: истребительный полк в Терновку...

— Там уже тоже, несмотря на ваши указания...

— Что?..

— Перепахали полосы. Теперь щебенку возят. Бутят.

— Ну, мать... Давайте энкавэдэвского капитана! Живого или мертвого! Что делает! Что делает! Из каждых десяти аэродромов — восемь разрыто! Да если сегодня-завтра что случись, в полчаса без авиации останемся. Прилетел Каролихин?

— Нет.

— Тоже вот черт знает что происходит. Ведь сказал: до границы и обратно. Кинуть взгляд за Буг и сюда. За бабочками он, что ли, где-то гоняется?

Адъютант молча уходит. Кравец прохаживается по кабинету. Останавливается у окна. Наблюдает, как идут на посадку истребители: звено за звеном, тройка за тройкой. Вызывает звонком адъютанта. Не поворачиваясь от окна, продолжая наблюдать за садящимися на аэродром самолетами, бросает:

— А это кто?

— Полк Ковалева. Из-под Барановичей.

— А кто ему сюда разрешил? — голос его без негодования, в нем скорее недоумение, усталость.

— Как? — зато в голосе адъютанта вдруг появляется молодая задиристая звонкость. — Вы же говорили с ним, Еремей Кузьмич. Видимо, неопределенно. И он воспринял неопределенность как разрешение. Да и что им делать, если у них все капониры бульдозерами снесены...

Кравец устало опускается на свой стул.

— Каролихина, как прилетит, сразу ко мне. И — капитана...

— Весь штаб сейчас поднимем на розыски и доставку капитана НКВД!

Лихо щелкнув каблуками, адъютант уходит.

* * *

Служебный кабинет Котлярова. Генерал говорит в трубку телефона.

— Товарищ Сталин, на нашу сторону перешел солдат 222-го полка 75-й пехотной дивизии немецкой армии Лискоф. Рискуя оказаться обстрелянным с немецкого берега и с нашего, он переплыл пограничную реку, чтобы предупредить нас о следующем. Объявлен приказ Гитлера о переходе немецкой армии в наступление. Войска выходят на рубежи развертывания. Нападение — в четыре утра.

Товарищ Сталин, — продолжает Котляров, — нам доложили также, что другую пограничную реку, Сан, примерно в то же время переплыл другой перебежчик, унтер-офицер Вильгельм Шульц. Он был обстрелян с немецкого берега и смертельно ранен. Умирая на руках наших пограничников, он успел сказать лишь несколько слов: «Братья — война! Верьте, я коммунист! Будьте зоркими».

— Где нарком обороны?

— У себя.

— Приезжайте в Кремль.

* * *

...Закончив разговор с Котляровым, Сталин вызвал Поскребышева и дал указание собрать членов Политбюро.

ВОПРОС. ЭТОТ ВОПРОС

Когда Тимошенко и Котляров вошли в его кабинет, он был еще один. Он, по обыкновению, прохаживался по кабинету и был совершенно спокоен.

Да, Сталин был совершенно спокоен. Недолгие, но тяжкие часы сомнений прошли. Теперь абсолютно ясно, что на пороге — война. Гитлер идет на военное столкновение. Остается лишь неясным одно: английские бомбардировщики, нацеленные на Баку.

Если они не поднимутся в воздух, хотя и будут оставаться нацеленными на наши нефтепромыслы, тогда все просто. Тогда — война гитлеровской Германии и СССР. Тогда Советская страна, политически одинокая, потому что ее общественный строй не признается капиталистическим миром, оказывается совсем неодинокой в военном отношении. Тогда все, с кем воевал и воюет сегодня Гитлер, автоматически становятся союзниками Советской страны. Более того, выставив всю свою мощь, единственно реальную мощь в сегодняшнем мире, которая может выдержать противоборство с вермахтом, Советская страна занимает главенствующее положение в антифашистском союзе. Судьба мира, его сегодняшний и завтрашний день начинают определяться борьбою Советской страны с фашистской Германией. Ключи от судеб мира передаются Москве.

Совсем иная ситуация создается, если английские бомбардировщики поднимаются в воздух и берут курс на Баку. Гитлер достигает цели, которой не могли добиться многие годы все самые хитроумные политики Запада: он создает мировой военный союз против социалистической России. Неважно, что Англия и Америка какое-то время будут не представлять реальной боевой силы в этом союзе. Более того, может, они и вообще не станут настоящими союзниками Гитлера. Потому что для них стать союзниками Гитлера — это значит подписать себе смертный приговор. Гитлер, разделавшись с Россией, все равно потом разделается и с Англией, и с Америкой. Но время замешательства, время политического, административного разброда, которое, конечно же, наступит в странах Запада, оказавшихся в состоянии войны и с Германией и с Россией, — это время будет работать на Гитлера. Это время даст Гитлеру силу, какой он сейчас не имеет. Тогда уж все, кто колеблется и выжидает, они все будут в его стае, которая бросится на Советский Союз... Если поднимутся в воздух английские бомбардировщики.

А кто их может поднять? Их может поднять... только Гитлер. Если он, начиная военное столкновение с нами, создаст видимость, что не идет войною на нас. Он лишь конфликтует с нами. Он не столько воюет, сколько создает выгоднейшие условия для переговоров, для политической торговли. Он угрожает. Угрожает затем, чтобы заставить нас впрячься в его колесницу. Будто бы мы не разгромленные нужны ему, а выступающие на его стороне, в военном союзе с ним. Вот чем он может окончательно деморализовать английских политиков, сегодня потерявших разум от страха. Значит, военное столкновение с нами, на которое сегодня идет он, это, может быть, и не война, а крупнейшая провокация...

Входили члены Политбюро. Входили и молча рассаживались за длинным столом. Когда вошел Молотов и проходил мимо Сталина, тот негромко спросил:

— Что Берлин?

Молотов пожал плечами.

— Пока никого... Удивительно долгое совещание... А в немецком посольстве здесь, у нас, в Леонтьевском переулке, жгут бумаги. Огромный костер посреди двора...

Сталин несколькими словами передал всем, кто был в кабинете, известие о перебежчиках. И спросил:

— Что будем делать?

Молчание... Оно длилось с минуту.

— Нужно давать директиву о приведении войск в боевую готовность, — сказал нарком обороны. — Проект у нас с собой.

— Читайте, — сказал Сталин, глядя на Котлярова, потому что видел — текст директивы в его руках.

Все члены Политбюро и Тимошенко повернулись к Котлярову. Он почему-то сделал шаг вперед, хотя это совсем не меняло его положения: он все равно оставался перед столом, где сидели члены Политбюро, все равно нарком обороны был с ним бок о бок, все равно Сталин, расхаживавший по кабинету, был то как бы сбоку, то совсем за спиной.

— Читайте, — повторил Сталин.

— Настоящим объявляется, — сказал Котляров, как будто бы не читал, а действительно объявлял, как это когда-то объявляли глашатаи, провозглашали трибуны.—

Ввиду угрозы нападения фашистской Германии, сосредоточившей на границах с Советским Союзом около двухсот дивизий, включая дивизии стран-сателлитов Германии, военное положение...

Он читал слова, которые знал так хорошо, что действительно мог не читать их, а, закрыв глаза, мог говорить наизусть. Он читал их и, как всегда, когда еще работал над этой бумагой и когда потом просто ее перечитывал, всегда видел, как:

Армия — в ружье!

Боевая тревога! Раздать боеприпасы! Форсированным маршем на рубежи развертывания!

Пылевые облака, застилающие поля. И миллионы в движении. В едином, устремленном движении.

Представилось сразу, как те, кто сейчас недоумевает, недопонимает, считают кое-кого наверху, того же генерала Котлярова из Генштаба, недалеким, прозревают.

«Не игра! Не военная игра предстоит завтра! — понимает генерал Пуганов, командир танковой дивизии, стоящей в Бресте. — И проверять боевую выучку приедут не из Генштаба и не из округа. И не танковые полигоны надо готовить к «игре». И заботиться не о молодцеватости и лихости, чтобы бросались в глаза. Снаряженные танки, ждущие приезда высоких инспектирующих гостей, вон из боксов, из городка! К Бугу! Навстречу зверю, изготовившемуся к прыжку!»

До Рябышева доходит, почему же два дня назад даже танки, стоящие на консервации, снабдили полным боекомплектом, запасом горючего. И к каким же «играм» вообще подготовили его восьмой механизированный!

Федор Исидорович уже не приглушенным голосом и не с озабоченностью в голосе дает полууказание, полуприказ: «Спрятаться в лесах...» Но — к бою! К бою, третий механизированный корпус! К бою двенадцатый!

К бою, Хацкилевич! К бою, четыреста пятьдесят два новейших танка — могучих КВ и тридцатьчетверки! Корпус, которым гордятся Вооруженные Силы страны. Корпус, посаженный в мешок Белостокского выступа. К бою!

К бою, танкисты Рокоссовского, Карапезо, Фекленко, Кондрусьева! Не на учение! Не на игры! Но — к бою!..

Стране — мобилизационную готовность!

И все, что было важным до этого, становится менее важным. И над всем, какое бы значение ни имело, теперь самую большую значимость имеет «мобилизационный пакет».

— Нет, — сказал Сталин, когда Котляров закончил читать и опять воцарилось молчание. — Такую директиву давать преждевременно.

— А почему? — это нужно было объяснять.

Да потому, что двенадцатого июня сего года английский Комитет начальников штабов принял решение оказать давление на Советскую Россию — нанести удар по нефтепромыслам Баку.

Но, если все так прямо и сказать, не повернет ли это внимание каждого в ненужную сторону? Сейчас каждый — помыслами своими к западной границе. Там враг реальный, сегодняшний, изготовившийся к бою. А в другой стороне, возле Мосула, где враг более страшный, если он, как змееныш, который пока еще в яйце, но готовый вот-вот вылупиться, все-таки вылупится, там пока все в стадии «может быть». Нужно ли все это говорить, вскрывая всю цепь последовательности, которая ведет к странному выводу: «Если Гитлер начнет против нас войну, это опасно, это страшно, но... Это более просто. А если он устроит крупные провокации, которые будто бы будут походить на войну, это... Это вроде бы менее тяжко, менее страшно. Но это, оказывается, бесконечно опаснее...»

— Он может устроить провокации, — сказал Сталин просто.

Да, это было как-то и знакомо. Японцы ведь тоже начинали с провокаций. Бои, сражения (Хасан, Халхин-Гол), но в истории все это осталось именно под рубрикой провокаций. Прощупывание наших сил и возможностей. Потому его слова понимали. Но сам он все-таки чувствовал — нужно еще подкрепить сказанное. И подкрепить не для того, чтобы ему больше поверили — ему верили абсолютно, — но для самого себя, чтобы еще раз почувствовать: «Все понимается правильно. Все решается правильно. Ошибки никакой быть не может».

«Гитлеру, как политику, — подумал он, — судьба послала счастливейшую возможность. Сколотить «священный союз». Занять в нем прочно место лидера. И во главе этого союза идти на СССР. Разве Гитлер может отказаться от этой возможности? Он же политик...»

— Гитлер — политик? — спросил он. И так как молчание было полным и вопрос, как каменная глыба небы-

валого веса, но висящая на волосяной струне, заполонял пространство над головой каждого, он еще раз повторил: — Нет, Гитлер — политик?.. Ему, очертя голову...

— Да, конечно, — это, кажется, поддержал Сталина Ворошилов. — Как говорится, не разведав броду, лезть в воду... — И умолк.

Котлярову, когда над головой его, как и над головой каждого, повис этот вопрос: «Гитлер — политик?» — показалось вдруг, что кто-то иронически хмыкнул. Это Герман Игнатьевич хмыкнул. Тот самый Герман Игнатьевич, что связан лишь с армейскими финансами, тылами. Который частенько, борясь за экономию и рациональность, доходит и до того, чтобы даже реактивную минометную установку иметь на конной тяге. Он вдруг, как это у него часто прорывается по отношению к «Гитлерюге», хмыкнул сейчас иронически. Но Германа Игнатьевича здесь не было. Он хмыкнуть не мог. И вообще никто тишины, могуче повисшей после вопроса: «Гитлер — политик?» — этой тишины никто не нарушил.

Но все-таки заговорил вдруг Молотов. Чувствовалось, ему было трудно прорываться через эту тишину: голос вздрагивал, слова произносились с заиканием.

— Гитлер — политик. Коварный, изощренный политик. Нужно смотреть правде в глаза: цели, которые ставил перед собой, он всегда достигал. Его коварство, его иезуитская изощренность беспредельны...

Холодный взгляд Сталина остановил наркома. «При чем тут коварство! — будто хотел сказать Сталин. — Иезуитская изощренность. У политика никто не может отнять этих прав: коварства, изощренности. Если они нужны для дела, для достижения цели — да пусть будут и они! Реалистически ли мыслящий политик Гитлер! Вот вопрос!..»

— Гитлер политик... реалистически мыслящий?

Вопрос этот он произносил, уходя от стола к двери. Оставаясь ко всем спиной. И так тихо, что если бы это говорил не он, то, может, кто-то из находившихся здесь его и не расслышал бы. Но его все услышали. И все поняли, что он не ждет ни от кого ответа. Он сам будет отвечать себе на этот вопрос.

— Надо написать другую директиву, — сказал Сталин. — Директиву войскам западных округов. И покороче. Начать... Начать надо с того, что возможны провокации. Мобилизацию пока не объявлять. Напишите такую директиву.

Посмотрел на Молотова.

— А у тебя пусть все будут на ногах. В Берлине пусть стучатся и стучатся. Ибо сказано: стучись — да откроют. Немецкого посла пригласи... Немедленно. Посмотри ему в глаза.

— Фон Шуленбург против войны. Он считает ее безумием...

— Вот и посмотри в глаза этому человеку, который считает войну безумием. Что они скажут, его глаза. Пригласи немедленно. Сюда, в Кремль.

БЕГОМ, АДМИРАЛ! БЕГОМ!

Котляров сидит за столом, пишет. Нарком обороны меряет шагами комнату.

Распахивается дверь с улицы, входит молодой адмирал, с ним Шумской.

Молодой адмирал:

— Нас приглашали?

Котляров, не поднимая головы от бумажного листа, читает вслух:

— «Военным советам: Ленинградского военного округа, Прибалтийского особого округа; Западному, Киевскому, Одесскому, — с особенным нажимом далее: — Копия: народному комиссару Военно-Морского Флота». — Добавляет: — Вашему ведомству, значит.

Продолжает читать:

— «Двадцать второго июня возможно внезапное нападение немцев...»

Молодой адмирал:

— Война?

Котляров молчит. Склонился над бумагой, пишет. Нарком обороны, хмуро насупясь, меряет шагами кабинет.

Молодой адмирал, повернувшись к Шумскому:

— В штаб!.. Северному! Балтийскому! Черноморскому! Пинской! Дунайской! Готовность один!

Шумской растерян. Он словно хочет спросить о чем-то молодого адмирала. Он должен до конца удостовериться, что правильно понял слова начальствующего над ним человека. Но тут его взгляд встречается со взглядом Котлярова. На лице генерала никаких чувств. Взгляд под-

черкнуто бесстрастен. «Поговорить?.. Посоветоваться?.. Официальность?.. Батенька?.. Первый удар наносится...» Как много было слов еще буквально час назад. И каждое слово еще тоже со множеством своих, присущих этому каждому слову, оттенков. Теперь на лице и в глазах Котлярова ничего. И слов он никаких говорить не собирается. Посмотрев прямо и холодно, склоняет голову, продолжает писать. И Шумской поворачивается. Идет к дверям.

— Бегом, адмирал! Бегом! — это вослед Шумскому молодой. — Бегом!

Шумской бежит.

Он бежит вниз по лестнице — ждать, когда подойдет лифт, невозможно.

Он бежит по улице Фрунзе. Военные, встретившиеся ему, вытягиваются, отдают честь и недоуменными взглядами провожают бегущего старого адмирала.

Женщина с детской коляской смотрит ему вслед.

Свадебная процессия, горланившая песню, замолкла: гармошка захлебнулась на самой высокой ноте; все смотрят вослед бегущему адмиралу.

Адмирал бежит.

Часовой в воротах, отбросив винтовку в сторону, приветствием «по-ефрейторски на караул!» салютует Шумскому.

Адмирал бежит вверх по лестнице. Держится за грудь. Распахивает двери в большую комнату.

В комнате, напротив дверей, за столом, уставленным телефонами, морской офицер со знаком дежурного на левой руке.

Увидев адмирала, вскочил.

Адмирал стоит одной ногой в кабинете. Держится за грудь. Прерывающимся голосом:

— Северному!.. Балтийскому!.. Черноморскому!.. Пинской!.. Дунайской!.. Готовность один!.. Боевая! Фактическая!

ВОТ — ПОЛНЫЙ ТЕКСТ...

В кабинете — нарком обороны, Котляров, молодой адмирал.

— Вот полный текст директивы, которую даем сегодня войскам, — говорит Тимошенко. — Только что знакомился, правил сам. Члены Политбюро.

Адмирал читает:

— «Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрыто занять огневые точки укрепленных районов на западной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Адмирал стоит в задумчивости.

— Задача, — говорит он, как бы стремясь понять главный смысл того, что прочитал только что. — Задача — не поддаваться на провокационные действия... Никаких других мероприятий не проводить.

Но все-таки, — говорит он более решительно, как будто споря с кем-то, — сказано ясно: «Все части привести в боевую готовность». Я правильно понимаю, — обращается он к Тимошенко, — если что, так можно применять оружие? Разрешено применять оружие?

Тимошенко проходит мимо: он задумался, и неясно, слышит вопрос или не слышит.

— Разрешено, — говорит Котляров мрачно.

Адмиралу что-то остается неясным. И сказав, что у себя, в Наркомате военно-морского флота, они будут

ждать официального получения этой директивы, он выходит из кабинета.

В задумчивости, неторопливо идет он той же улицей Фрунзе, где совсем недавно бежал другой адмирал. В задумчивости, но уже более быстрым шагом, поднимается он тою же лестницей, по которой недавно, задыхаясь, бежал Шумской. Совсем торопливо открывает он двери в комнату, где дежурный по флоту. И... сталкивается лицом к лицу с адмиралом Шумским.

— Исай Игнатьевич, — говорит он в некотором смущении. — Мы, кажется, поторопились. Сейчас поступит официальная директива войскам и флотам, и мы передадим па флота текст этой директивы. Директива — многосторонняя и... — он подыскивает нужные слова. — И, понимаете ли, во многих аспектах. Так что указания о готовности раз, боевой, фактической...

— Поздно, — говорит адмирал Шумской очень строго. Так строго, как будто бы он тут самый старший. — Поздно. Указание о готовности раз, о готовности боевой, фактической, указание, которое отдали вы, ушло на флота и флотилии. Теперь его можно или только... отменить. Вашим приказом. Или можно... не отменять.

Молодой адмирал смущен, и решительности, которая бы говорила, что он сейчас повторит сказанное им только что и заставит... Да, заставит... Нет у него решительности на лице.

* * *

Молодой адмирал в глубокой задумчивости; опустив голову, медленным валким шагом, словно чувствуя под собою раскачивающуюся палубу корабля, расхаживает он по своему просторному кабинету.

Появляется офицер, дежурный по штабу, с бланком директивы войскам Красной Армии, копия которой поступила командованию ВМФ.

— Шумского.

Шумской приходит. Они вдвоем в кабинете.

— И все-таки, Исай Игнатьевич, — говорит молодой адмирал. — И все-таки мне кажется... В роли этаких сверхрешительных тореадоров... Так ведь и усы могут оборвать... Мне кажется, что мы как-то должны поправить... Хотя бы сделать так, чтобы никто у нас на местах из границ допустимого не выходил. Как вы находите?

— Я нахожу, что... положение очень серьезно.

— Директива требует от нас быть готовыми... к возможным провокациям. Нападение — это просто. Провокации... Как отражать провокации? Как не поддаваться на провокации? Мне помнится строгость, с которою спрашивали, когда нынешней весной, в марте, мы не сумели уйти от провокаций. Когда поддались на них... Мы не имеем права...

— Положение очень серьезно.

— Да, положение очень и очень серьезно. Прошу вас, Исай Игнатьевич, садитесь за стол. Берите бумагу. Я думаю, что мы не будем повторять весь текст полученного нами документа. Наша директива флотам пусть будет так же многоаспектна, но... Более лапидарна.

УСТРОИМ ГУЛЯНКУ!

Штабное помещение, командный пункт генерала авиации Кравца. Обширная приемная, через которую от дверей на улицу, до дверей генеральского кабинета, — ковровая дорожка. Вдоль стен ряды мягких стульев, диван. Перед дверями кабинета, с левой стороны, как обычно водится, стол адъютанта. На столе некоторый ералаш: чувствуется, что и у адъютанта сегодня многотрудная служба — не до всех важных бумаг руки дошли. Ну а уж у генерала сегодня денек! Зато вот на столике, что по левую руку адъютанта, и весь заставлен телефонами — тут порядок. Телефоны как будто выстроились по ранжиру: правофланговый — белый, чувствуется, самый ответственный; потом все менее ответственные; левофланговый, обшарпанный и побитый, это, видать, работяга. Эти телефоны как бы свидетельствуют: бумажное дело здесь не любят, хотя из нужды принимают эту необходимость, а вот оперативность!.. Что ж, естественно: авиация — это сама оперативность.

Из своего кабинета вышел нервничающий Еремей Кузьмич.

— Не привезли этого мерзопакостного энкавэдэвского капитана?

Вопрос настолько злой, что будто адъютант (он тоже капитан) и есть этот самый разыскиваемый мерзопакостный.

— Везут, товарищ генерал-лейтенант. Везут.

Адъютант, если он даже и не первый день за этим делом, все равно девственно-начинающий: и как вскочил при появлении начальника, прищелкнув где-то под столом каблуками, и как вытянулся, и как отчеканил, и, главное, с каким чувством, вкусно как, будто ощущая сладость каждого произносимого слова, выговорил «товарищ генерал-лейтенант» — все это свидетельствует о незастарелости его в этой должности, об отсутствии притертости, той самой притертости, которая иногда может даже путать постороннего, а кто тут важнее? Не по званию, конечно, важнее — звания в петлицах, их не перепутаешь, а вот по значимости-то кто же тут важнее? Начальник или его бывалый, знающий все ходы и выходы на белом свете адъютант?.. Нет, тут ничего такого подобного. Как телефоны, основа оперативности, вышколены, так и адъютант свое место знает.

— Товарищ генерал-лейтенант, — адъютант воспользовался тем, что нервничающий Еремей Кузьмич сразу к себе не ушел. — Полковник Нагнибеда докладывает,— все это бесстрастно служебным, единого интонационного уровня голосом. — Перебазировка в Почепку закончена. Личный состав разместить негде. Просит ваших указаний.

— Я что ему, квартирмейстер? — вскипел сразу Еремей Кузьмич, как будто этот самый Нагнибеда и стоял перед ним и просил его, облегчающих жизнь Нагнибеды, указаний. — Пусть договариваются со здешними. Если надо, пусть палатки ставят.

Генерал Кравец перед окном, за которым видны бетонные полосы аэродрома и стоящие по обе стороны от них тесные ряды самолетов.

В кабинете полусумрачно. И над аэродромом уже не дневная бесшабашно-летняя синева, но мягкие предвечерние краски. На посадку идут звенья истребителей.

Адъютант, войдя в дверь, докладывает:

— Истребительный полк из Алексеевки перебазировался полностью.

Кравец, стоящий лицом к окну, не отвечает. Адъютант, постояв молча, уходит. Тут же возвращается.

— Прилетел Каролихин, товарищ генерал.

Кравец молчит, глядя в окно. Адъютант в замешательстве. Переминается с ноги на ногу возле дверей.

— Ну если прилетел,— говорит Еремей Кузьмич устало и отрешенно, — так пусть и входит.

Адъютант исчезает за дверью. Появляется комэск капитан Каролихин.

— Товарищ генерал, — четко рапортует Каролихин,— ваше задание выполнено. Полет проведен успешно. Машина в полном порядке. Экипаж готов к выполнению любого нового задания.

Молчание.

Кравец смотрит в окно, оставаясь стоять спиною к Каролихину. Капитан смущен.

— Где были? — спрашивает генерал, не скрывая тяжелой усталости, которой, кажется, сейчас переполнен.— До Буга меньше часа. Обратно... Где вас столько времени черти носили, капитан? — Повернулся: на лице его ярость.

Капитан Каролихин выдерживает взгляд, полный ярости, обращенный на него. Сурово насуплен.

— Мы стремились как можно лучше выполнить ваше задание, товарищ генерал. Долетев до Буга, мы прошлись вдоль границы. Потому что стоило пройтись, товарищ генерал.

— Ну?

— К границе идут войска. Огромная масса войск. По пыльным тучам над дорогами ясно: идет тяжелая техника. По всей видимости, танки, машины... Пушки тянут и ставят на позиции — это мы собственными глазами видели. На нас и внимания не обращали, сволочи. Пушка к пушке. Пушка к пушке.

— Ну?

— Понтоны. Разобранные мосты. Это прячут. Маскируют. Но куда такое спрятать. Видно, что мост лежит. И в одночасье его через Буг перебросить можно.

— Прячут?

— Да не поймешь, прячут или маскировкой еще больше внимания привлечь хотят.

— А пушка, говоришь, к пушке? Пушка к пушке?

— Да. Как будто бы сейчас: огонь! И по всему нашему берегу лупанут.

— А, может быть, пугают.

Капитан насупился. Молчит.

— Но, может быть, действительно только пугают. Если уж так откровенно, — говорит Еремей Кузьмич.

— Нагло... И почему бы нам тогда не испугаться?

— То есть как?

— Бомбы подвесить. И всей дивизией туда сходить.

Кравец сразу опять пришел в ярость.

— Подвесить! — кричит он. — Я тебе подвешу! Ишь ты — подвесить! Дивизией сходить! До чего додумался! Ты что, газеты не читаешь? Сообщение ТАСС...

— Читаю, читаю, — мрачно басит капитан. — И газеты читаю. И на вашем лице читаю.

— Вон! — Еремей Кузьмич, кажется, с кулаками набросится сейчас на любимого комэска. — Вон!.. Мальчишка! На лице он читает!..

Каролихин уходит. Появляется адъютант. Докладывает:

— Авиадивизия из Терновки закончила перебазирование.

— Прекрати! — кричит и на него Еремей Кузьмич.— Прекрати, как псаломщик, который день подряд свои заупокойные: перебазировались, закончила... Где этот стервозный капитан НКВД?

— Доложили: нашли, везут.

— Ну и поди к чертям! Поди!..

Появился в приемной капитан НКВД. Невысокий, сильно сутулящийся. Он снял сразу фуражку, обнажив длинные, набегающие от висков к макушке залысины. Гимнастерка его топорщилась над ремнем, плохо облегала костистое, тощее тело. Кирзовые сапоги, казавшиеся не по ноге большими, до самых верхов заляпаны засохшей глиной. Под мышкой — папка.

Посмотрев на ковровую дорожку, что от дверей до дверей, он виновато улыбнулся и, сойдя с нее, направился к столу адъютанта.

— Божья матерь! — сказал негромко, то ли иронизируя, то ли действительно восхищаясь. — Как живут! Как живут!

— Наконец-то! — начальственно холодно встретил его капитан, адъютант генерала. — Обыскались вас однако. Обыскались.

— Э, дорогой, — капитан НКВД не обратил внимания, что встречают его холодно, даже не приглашают сесть. Он и без приглашения сел перед столом адъютанта. — Я и сам себя иногда не могу найти. Слушай, — перейдя на заговорщический тон и чуть склонившись к адъютанту, продолжал он, — у тебя нет чего-нибудь такого? — щелкнул себя по горлу. — Капель двадцать, тридцать.

А то я, где божья матерь, а где другая мать, что-то уж совсем плохо различаю.

— Что же вы устраиваете? Что устраиваете! — Адъютант продолжал говорить начальственно холодно, игнорируя всякую фамильярность вошедшего. — Из каждых десяти аэродромов, можно сказать, восемь разрыты, выведены из строя. Вместо десяти аэродромов авиация на одном, на двух. Как это называется?

— Это, друг мой, называется: подготовка к войне. Ты что, не знаешь решений правительства о форсированном строительстве аэродромной сети в районах западной границы? Может, прикинешься, будто не знаешь, что в течение ближайших лет здесь будет перестроена и вся железнодорожная, автодорожная сеть?.. Не будем же мы сидеть на том, что нам осталось от панской Польши! И вообще, друг мой, — продолжал он полушепотом заговорщика, — хоть ты-то не читай нотаций. Уж если меня к твоему генералу тащили на специальном самолете, два порученца по бокам, то, наверное, не для того, чтобы с ним чайку попить.

— Да, у него очень большие претензии к вам.

— О, божья матерь! — Горестности в голосе энкавэдэвского капитана не было, скорее звучала неподдельно веселая ирония. — Недовыполнил планов, отстал от графика — претензии! — Он, перебросив руку через плечо, хлопнул себя по сутулой спине. — И в хвост и в гриву претензии. «Шкуру снимем!» — вот, брат мой, какие претензии. Мое начальство, знаешь, нисколько не ласковее твоего. Чуть-чуть планы, графики начинаешь опережать — опять претензии. Выходит, куда ни кинь, везде клин для нас с тобой, рядовых капитанов. Так нет у тебя чуть-чуть? — опять постучал пальцем по горлу. — А еще лучше крепкого чайку. Распорядись!

Нет, адъютант генерал-лейтенанта авиации не хотел опускаться до заговорщически-приятельских отношений с этим вызывавшим у него чувство активной неприязни капитаном. Он опять игнорировал его просьбу. И, сняв трубку с одного телефона, потом с другого и убедившись, что второй из них занят, значит, генерал ведет из кабинета разговор, сказал по-прежнему холодно.

— Придется обождать. Как только генерал-лейтенант освободится, я о вас доложу.

— Ну и прекрасно, — будто даже обрадовался энка-

вэдэвский. — Если он занят, то ты тогда мне разреши вон по тому, — указал на белый телефон.

— Линией ВЧ имеют право пользоваться только по личному разрешению товарища генерал-лейтенанта.

Капитан покачал головой, как бы говоря: «Ох и недосягаемые же вы люди! Никак не хотите по-человечески, по-товарищески...»

— Ну, послушай, — сказал он просительно, — тогда разреши хотя бы по местному. Мне обязательно надо до своих дозвониться. Кое-что передать. Кое о чем разузнать. Мне Москве докладывать надо будет. Я ведь уверен, мы вот сидим с тобой, тары-бары разводим, а меня сейчас Москва разыскивает. Разреши, — и не дождавшись разрешения и, пожалуй, больше пользуясь тем, что капитан, адъютант авиационного генерала, не успел сформулировать возражение, почему он не может позволить воспользоваться и местною линией, энкавэдэвский капитан снял с телефона-трудяги трубку, называя номера коммутаторов, стал дозваниваться до своих. И довольно быстро дозвонился.

— А! — закричал он радостно и громко — видимо, его плохо было слышно. — А, невестушка! (Адъютант опасливо покосился на дверь генеральского кабинета.) — Дорогуша!.. Женишок это! Женишок!.. Слушай, рубаха-парень далеко? Ну-ка, невестушка миленькая, повесь мне на провод рубаху-парня... А, дорогой! Привет. Привет! Слушай, мне тут некогда долго тары-бары разводить. Ты мне скажи главное. Гулянку устроим?.. Как намечали, завтра в десять ноль-ноль! Обеими деревнями гульнем? Ты мне смотри! Массовость в таком деле — залог веселья! Московские артисточки прибыли? Что? (Да так громко, что адъютант, передернувшись, опять кинул опасливый взгляд в сторону генеральской двери; лицо адъютанта выражало страдание: «Надо же было доверить оперативную линию связи этому болтуну!») Что? Ну и дела! Артисточки и без балалаек! Слушай, сделай все, обеспечь артисточек гитарами, балалайками. На кой шут они на гулянке без инструмента!.. Папашка-скорняк смотался? Как он насчет шапки?.. Ну и прекрасно! Обмоем это дело! Слушай, давай разворачивай гулянку. Уж чтобы гульнуть, так гульнуть!

— Встать! Мерзавцы! Под арест!.. Немедленно оба под арест! Комендантскому взводу — в ружье!

Генерал-лейтенант был белым от бешенства. Подняв сжатые кулаки, он шел от своих дверей.

— Под арест! Такими я и представлял этих мерзавцев, разрывших все аэродромы! Поднимайте комендантский взвод! — это он уже своему адъютанту. — Пусть на машине. Сюда! Немедленно! И обоих вас на гауптвахту рядового состава!

Зазвонил телефон.

Как тут все ни было неопределенным (энкавэдэвский капитан, то ли закончив разговор, то ли прервав его, держал перед собой телефонную трубку, адъютант был серьезно напуган, и хотя вскочил, но образцово вытянуться забыл, генерал-лейтенант все еще сжимал кулаки, и держа перед грудью, словно не знал, куда их девать), все-таки и в этой неопределенности все они услышали звонок э т о г о телефона. Характерный звонок э т о г о телефона был каждому из них знаком. И адъютант, он здесь был, более чем кто другой на службе, тут же схватил трубку с белого аппарата и четко, заученной, как дважды два четыре, формулой ответил, что это именно, да именно штаб, командный пункт генерал-лейтенанта авиации Кравца.

И уже находясь в подчеркнуто образцовой, обычной, когда он при службе, и служба идет правильно, как и должна идти, стойке «смирно», выслушивал, что говорила телефонная трубка белого аппарата. И, выслушав все, и отведя трубку от уха, он подчеркнуто сухо, бесстрастно-служебно, глядя на генерал-лейтенанта, сказал:

— Москва. Приемная заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров.

— Вон, — тихо, чтобы, видимо, не слышали в белой трубке, сказал Еремей Кузьмич. — Вон оба. И ждите за дверью. А комендантскому взводу — в ружье!

— Москва, — повторил бесстрастно-служебно, глядя на своего начальника, адъютант. — Приемная заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров. Разыскивают врио начальника строительного района капитана войск Народного комиссариата внутренних дел Новикова. — И подчеркнуто резким движением, так делают при отдаче воинской чести «на караул!», он выбросил трубку в сторону капитана. Тот взял ее.

— О, божья матерь.. Да, да! Капитан Новиков у телефона. Есть доложить ход работ по стройрайону. Завтра в десять ноль-ноль местного начнем гулянку... Виноват.

Виноват... Есть крыть прямым текстом. Завтра в десять ноль-ноль два бетонных завода ставим на выдачу большого бетона. Бетонируем ДОТ «Ворошиловец»... Прибыл эшелон московских артисток... Тьфу, извините, божья матерь... Прибыл эшелон московских комсомолок. Докладываю: прибыли без инструмента. Рубаха-парень... Прошу прощения, мой заместитель, делает все, чтобы добровольцев-девушек, посланцев комсомола Москвы, снабдить инструментом. В принятии большого бетона для дота «Ворошиловец» они примут участие. Папаша-скорняк... Прошу прощения... Генерал-лейтенант инженерных войск Карбышев был лично на строительной площадке. Он внес исправления в привязку ДОТа к местности. Исправления особенно коснулись верхней части — изменено направление артиллерийской и пулеметных амбразур. Как докладывает рубаха-парень, прошу прощения, мой заместитель, генерал Карбышев отбыл со строительной площадки... Что еще?.. Заслуживающего внимания для включения в доклад заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров? Вот еще что, — голос капитана налился особой решимостью. — В открытую говорят о войне. Наши строители соприкасаются с местным населением. Много местного населения на наших объектах. Говорят: не успеете. Сегодня, завтра... Особенно в этом убеждают действия оуновцев. Эти бандиты совершенно распоясались. Висят на проводах. По телефонным сетям нельзя вести переговоров — все становится тут же известно оуновцам. Бабе, извините за такие подробности, нашей бабе со стройплощадки без охранения в кусты по нужде отойти нельзя... Что? Без подробностей и без лирики, панически окрашенной?.. Есть без лирики и без паники... Мы свое дело знаем. Делаем... Почему здесь? — Капитан вдруг смутился и виновато посмотрел на Еремея Кузьмича, опустившего вниз все еще сжатые кулаки, на адъютанта, служебно беспристрастного. — Да понимаете ли... О, божья матерь... Да, недовольны. Говорят: свиньей. Аэродромы... На аэродромах излишняя разрытость. Мешает взлетать, садиться. Возмущаются... Кто возмущается? Ну да вот в первую очередь генерал-лейтенант Кравец, Еремей Кузьмич. За мной — самолет. Двух порученцев. По бокам. Сейчас вот — комендантский взвод. И гауптвахта... Что? Обождать? Кого обождать? Кто возьмет трубку? — Капитан стал совершенно испуганным, свободною рукой поискал спинку стула, взялся за

нес. — Да! Да! — закричал он через полминуты, испуганно вращая глазами и как бы стремясь так выпрямиться, чтобы исчезла его сутуловатость. — Да, товарищ генеральный комиссар... Он?.. Да, здесь... Вот прямо. Три, пять шагов. Передать? — Он дернулся, будто хотел оторвать от уха трубку. Но будто оторвать ее не удалось. — Передать словами?.. Слушаюсь. Передаю... Самолет, посаженный пятнадцатого апреля в районе Ровно, не забыт... Сегодняшние самолеты-истребители, провокационно нарушившие границу с Германией в погоне за «юнкерсами», зафиксированы... И вообще... Вообще — просто привет...

Капитан как будто с трудом отнял трубку от уха — натруженное, раздавленное ухо красно горело. Он оттащил еще трубку чуть подалее, но она, словно привязанная на невидимой резине, подтягивала обратно к его голове — он этому сопротивлялся. Он все-таки оттянул ее от головы и держал перед собой.

— Привет, — сказал он, глядя ошарашенно на генерал-лейтенанта авиации. — Просто... привет...

И трубка в руке его покачалась тяжело, как чугунный пестик.

— Привет...

Генерал-лейтенант повернулся и медленным, стариковски шаркающим шагом ушел к себе. Адъютант, протянув через стол руку, осторожно, почтительно высвободил трубку телефонного аппарата ВЧ из руки капитана Новикова. Тот, еще постояв минуту, а может и две, заведенно, маятниково поворачивая головой: вправо-влево, вправо-влево, сел. Сидел неподвижно и уже не просто сутулился, а как бы обнажил свой горб, который до этого ухитрялся прятать.

— Слушай, — сказал он негромко, даже не посмотрев в сторону капитана, адъютанта генерала Кравца. — Ты думаешь, я соображаю, что говорил, что говорю?.. Слушай, я же третьи сутки без сна. У меня в голове... Не знаю, что у меня в голове, но только не мозги. И, понимаешь, даже не вата. Туман... Этакий безвесный туман. Я даже не помню, путал я божью матерь с другой матерью. А? — посмотрел на капитана-авиатора... — Когда генеральному комиссару докладывал. Путал божью матерь с другой матерью? — вздохнул. — Сейчас бы крепкого, крепкого чаю!

— Тс-с-с! — Капитан приложил к губам палец и за-

говорщически оглянулся на дверь генеральского кабинеаа. — Чаю достать трудно. А вот коньячку...

И, взяв стакан от графина, полез в нижний ящик стола, достал бутылку, завернутую в газету.

— Ты двадцать-тридцать капель. Не больше, — зашептал энкавэдэвский Новиков. — Больше меня свалит. А мне надо стоять... Я всегда знал, что капитаны найдут общий язык, — сказал он, принимая стакан, в котором на дне желтовато, как чай, обозначалось полоской. — Всегда знал. Пусть там, наверху, какие-никакие сложности, а капитаны на своих плечах вытянут...

Выстрел...

Он грохнул и глухо, и оглушительно. Глухо, потому что он был негромким и где-то за стенами, за дверями. Оглушительным, потому что он развалил, разнес в клочья тишину, в которой самым громким до этого был полушепот Новикова. Сразу захлопали двери. Много дверей. И по ковровой дорожке к дверям кабинета Еремея Кузьмича бросились люди. Но, распахнув двери в кабинет, они грудились в них, далее не входили. И они почему-то все, как один, посторонились, подались в стороны, когда Новиков, страшно сутулясь, хлюпая своими широченными, в которые еще две-три его ноги могли войти, сапогами, сжимая в одной руке пустой стакан, а другой рукой поддерживая его снизу, как будто была в нем невиданная тяжесть, подошел к двери.

Он тоже не переступил порог. Он стоял и глядел на высокого, сейчас казавшегося особенно высокорослым генерала, лежавшего на полу своего кабинета. Смотрел на пистолет, валявшийся неподалеку от отброшенной в сторону от туловища руки, на кровь, черною струйкой медленно ползшей по виску, смотрел и заведенно, маятниково водил головой: вправо-влево, вправо-влево.

— Нет, — сказал он, как бы убеждая не кого-то, но только самого себя. — Нет... Так не верить... нельзя.

СЕВАСТОПОЛЬ

Вид на севастопольские бухты из окна дежурного по флоту.

Окно раскрыто; в кабинете дежурного выключен («вырублен», как говорят моряки) свет. Поэтому вечерний Севастополь из темного помещения кажется особенно прекрасным.

В бухте играют отражения фонарей, горящих на набережных: огоньки в окнах домов световым бисером рассыпались по скалистым холмам, облегающим бухты. На глади воды не видны, лишь угадываются, темные громады боевых кораблей. Боевые корабли затемнены.

На фоне окна несколько силуэтов: командующий флотом, оперативный дежурный по флоту — капитан 2-го ранга, его помощник, еще кто-то.

Слышно, как открывается дверь. Голос старшины-рассыльного.

— Товарищ адмирал, Москва. Телеграмма. Еще раз — сверхсрочно!

Адмирал за столом, читает телеграмму. Говорит:

— Дежурный, вызовите шифровальщика.

Появляется мичман-сверхсрочник. Адмирал знаками просит его подойти поближе.

— Здесь нет ошибки? — показывает он на строго секретную, только лишь расшифрованную телеграмму. — Дата указана именно так?

— Перепроверял. Несколько раз перепроверял, товарищ адмирал.

— Спасибо. Идите...

Адмирал за столом. Перед ним телеграмма.

«В течение 23 июня возможно внезапное нападение немцев...»

«Двадцать третьего?.. Двадцать третьего? — раздумывает адмирал. — Значит, отдохнув, сходив в кирху, отведя душу воскресной мессой, фашист с понедельника начнет?.. Дранг нах Остен?»

«Оно может начаться с провокационных действий, способных вызвать крупные осложнения».

«Нападение — с провокационных действий? — опять раздумья. — Это что же? Похоже на Хасан? Как у сопок Заозерной, Безымянной?»

«Одновременно быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

«Быть в полной боевой готовности с чем одновременно?.. Со способностью не поддаться на провокацию?.. Не напугаться провокации?.. Как отличить, провокацию устраивает фашист или уже начинает войну?.. «Одновременно» — какая странная формулировка».

«Приказываю: — продолжает вчитываться в строки телеграммы. — Приказываю: перейдя на готовность № 1...»

«Флот перешел на нее. Об этом доложено в Москву. Как все это понимать?»

Опять перечитал эту строку.

«Приказываю: перейдя на готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности».

«Ах, вот в чем дело! Маскировать... Не показывать. И сейчас не показывать. И весь день двадцать второго июня. И до того часа в понедельник, двадцать третьего июня, когда фашист начнет нас проверять... Не показывать...»

«Ведение разведки в чужих терводах категорически запрещаю».

«А кто собирался ее вести? И для чего это самое: «категорически запрещаю»?»

«Никаких других мероприятий без особого разрешения не производить».

Странная директива. Вместо четкой и ясной первой телеграммы, вместо четких и ясных первых звонков: «Флоту готовность один. Боевая! Фактическая!» Вместо всей этой ясности, вдруг как туман, который тут иногда по осени наползает, накрывает все. Такой туман, про который говорят: «Хоть ножом режь».

«Нет! — сказал себе адмирал. — Главное тут все-таки ясно. Готовность номер один объявлена. Ее не отменяют. Ее приказывают замазать, замаскировать... И все же...»

Он приказал соединить себя с Москвой. И когда трубку телефона взял Шумской, он спросил его четко и прямо.

— При появлении неизвестных кораблей, неизвестных самолетов, а проще говоря, при появлении вероятного противника оружие применять разрешается?

И подождал, пока Шумской, глубоко вздохнув и более ничем своих чувств не выдав, сказал коротко и внятно:

— Да. Разрешается.

Положив трубку телефона, приказал оперативному дежурному:

— Затемнить город. Выключить все маяки.

* * *

На фоне темного окна силуэт адмирала.

Адмирал неподвижен. Так же неподвижен и дежурный.

— Товарищ дежурный! — это тихий приглушенный голос из одного из углов, где перед планшетом, освещенным строго направленным лучом, сидит матрос в наушниках.

Дежурный метнулся к нему. Матрос снимает наушники, подает офицеру. Тот надел их, слушает.

— Товарищ адмирал, пост с мыса Херсонес докладывает: со стороны моря приближаются самолеты.

Адмирал неподвижен.

— Товарищ дежурный! — это другой матрос, сидящий тоже перед планшетом с наушниками на голове.

Дежурный метнулся к нему. Слушает наушники.

— Товарищ адмирал, пост номер три докладывает: большая группа самолетов со стороны моря. Курс — на Севастополь.

— Москву!

Дежурный метнулся к телефону, стоящему отдельно от других.

Адмирал у телефона. В голосе его никаких эмоций. Он говорит:

— Посты наблюдения и связи Черноморского флота докладывают: на Севастополь, со стороны моря, идет большая группа самолетов.

У телефона Котляров. Спрашивает:

— Какое решение принимаете, адмирал?

— Открываю огонь.

— Наших самолетов нет в воздухе? — задает вопрос Котляров.

— Нет.

— Если нет, значит, нет... Действуйте.

Севастополь буднично просто, как и должно, вступает в войну.

А ЕСЛИ БЫ «АЛЬТОНА»!

Сталин смотрит на дверь.

В нее только что вышел Молотов.

Только что известили: граф фон Шуленбург, немецкий посол, просит принять его для срочного сообщения. И Молотов ушел.

И вот он распахнул дверь, возвращаясь.

Что было на его лице?.. Сталин устремил глаза ему навстречу. «Что на его лице?»

Гитлер — политик?!

А вдруг, если он просто авантюрист, человек, не уме-

ющий считать, рассчитывать, оценивать, мыслить? Если он?..

Оставили мы запасной ход?.. Мы могли, предугадывая, что перед нами вдруг окажется обычнейший авантюрист, волею судеб вознесенный высоко, могли оставить себе возможность на запасные ходы? Мы?..

«Кто мы?» — как будто бы это не он, сам себе, задал вопрос, но вдруг кто-то, как горсть песка, швырнул ему в лицо. На миг зажмурившись и отряхнувшись, он взглядом, полным испуга, посмотрел на столик, где под стеклянной коробкой — гипсовая посмертная маска единственного из людей, кого он боялся.

«Кто — мы?»

Ему показалось, что лица всех, кто сейчас здесь, лица людей, которые безропотно и беспрекословно... любили его, эти лица все злы. Эту злость он увидел под личинами... Но нет, нет, это показалось. Они преданно и любовно смотрели на него. У них, ни у кого, не было никаких чувств к нему, кроме преданности. Он не позволял никаким чувствам жить в душах тех, кого считал нужными, кого приближал к себе. Он не либерал Ленин. Не прекраснодушный полемист и спорщик, там, где полемизировать и спорить нельзя. Он — власть. Он — олицетворение всей ее полноты. Что?! В неограниченной власти — ее трагедия? Неограниченность власти — это уже ее извращенность? Что?! Любой дурак, не умеющий мыслить, рассчитывать, может оказаться выше величайшего реалиста и мудреца, если тот не имеет возможности выверять свои обычные доводы и свои мысли гения полемикой на равных с товарищами, соратниками? Кто это открыл? Кто это может доказать?

«Повторяю! 22 июня сто пятьдесят немецких дивизий!..»

«Предупреждаю! В ночь на 22 июня немецкая армия совершит нападение!..»

«Передаю: 22 июня вермахт, развернувший сто семьдесят дивизий, обрушится...»

Все разведки мира знали этот факт. Все газетчики Запада на разные лады, привирая, перевирая, тасуя цифры и даты, но, в общем-то, верно...

Верно?.. Нет, торопиться не надо. Не нужно в душу впускать эту коварность самопроверки, а значит, самоуничижения. Не надо!

Еще не зная, с чем вернулся Молотов, Сталин по себе

зная одно. Гитлер, этот маньяк, внушавший себе и иным мысли о своей великой предназначенности, об уготованной ему и его «третьему рейху» тысячелетней истории, о вечности и одним глазом посматривавший на эту самую «вечность», он другим глазом своим все время видел... виселицу. Он знал, что обычная намыленная веревка с его шеей, уготованной для «вечности», справится запросто. И всегда, принимая «великие решения», он метался, исходил вонючим потом страха, вдохновлял себя пророчествами, предсказаниями и... Сомневался. Сомневался. Страшился...

Сталин знал это. Верил в это. Хотя в руках его тогда еще не было фактов, которые подтверждали бы: да, да, Гитлер оставил себе возможность сомневаться до последнего. До предела. И когда где-то уже все знали все и когда уже действительно все готовилось, крутилось, вертелось... тогда Гитлер еще не знал ничего.

В «Распоряжении» главнокомандующего сухопутными войсками рейха «О назначении срока начала наступления на Советский Союз», отданном 10 июня 1941 года и обозначившем, что:

Днем «Д» операции «Барбаросса» предлагается считать 22 июня; начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу — 3 часа 30 минут (потом это переправили на 3 часа по среднеевропейскому времени) — в этом распоряжении было оговорено:

В 13.00 21 июня в войсках будет передан один из двух следующих приказов.

Или:

«Альтона! Альтона! Альтона!»

И тогда все, что заряжено, должно быть немедленно разряжено. Все, что изготовлено, так и должно остаться там, где стоит. Все, что нацелено, должно быть взято в чехлы. Отбой!

«Альтона! Альтона! Альтона!»

Если это слово будет произнесено в волчьем логове в 13.00 двадцать первого июня.

Но если будет сказано «Дортмунд»! Вот тогда все разведки мира будут правы. Все газетчики, что бы они ни привирали и ни перевирали, они будут ходить в одеяниях провидцев.

...Что на лице наркома иностранных дел, который только что принимал немецкого посла? Может быть, все-таки стучали и достучались?.. Да нет, нет! Немецкая

авиация бомбит наши города. Военные, они сейчас здесь, сообщили о боях чуть не по всей протяженности западной границы. Но... Но, может быть, это все-таки то, что и должен сделать Гитлер-политик, которому судьба послала счастливейший (такое может быть лишь однажды в жизни!), счастливейший случай. Может быть, это именно та грандиозная провокация, которою он стремится напугать! Сломить наш дух? Чтобы английским политикам, потерявшим в эти дни чувство разума, показалось: «Пора!» Пора бить по затылку Советам. Пора дубинкой авиационных ударов по нефтепромыслам Кавказа гнать русские армии в мясорубку войны!.. Может быть, именно эту, величайшую из провокаций, предпринимает Гитлер, чтобы потом объединить все силы мирового империализма в едином походе против нас?

Что на лице наркома иностранных дел?

Молотов провел рукою по лицу, как будто снимая с него пелену тяжких чувств. И Сталин увидел на губах его страшное слово...

И, еще не услышав его, шевелящееся в губах наркома иностранных дел и не сорвавшееся пока с уст, Сталин увидел вдруг величайшую пропасть, на край которой он привел всех, кто шел за ним.

Машина войны, сокрушившая Европу, питающаяся сейчас соками поверженных государств и народов, машина, силу которой он, быть может, в полной мере не знает, она вломилась на просторы Советской страны, не признавая никаких доводов разумности, никакой логики стратегий и политик, не признавая ничего, кроме...

Война... Самый простейший вариант из всей сложности и хитросплетения существующих сегодня в мире ситуаций выбрал берлинский маньяк, не умеющий мыслить, здраво судить, элементарно подсчитывать.

Война... Попытка одним ударом разрубить всю запутанность положения, в которое попал, бросаясь из одной авантюры в другую. Попытка сразу, одним усилием, изменить все так в мире, что если и было противостоящее ему и его планам и находившееся над ним, то теперь сразу — все в кирпичи, вдребезги, в прах!

Война... Скоротечная и беспощадная. В которой никаких полуисходов, никаких альтернатив, никаких компромиссов с самой Разумностью. Никаких оглядок на Человечность! Какую же силу вкладывает этот маньяк в безропотно подчиняющуюся сейчас ему военную машину!

И пропасть, в которую этой машиной он попытается сбросить все, что на советской земле, эта пропасть своею зияющей близостью разверзлась перед глазами невысокого, сейчас потерявшегося и потому совсем несхожего со своими портретными обликами человека, который бы без власти, оказавшейся в его руках, был обыкновенное Ничто.

А Тот — стоял. Он не выронил винтовки из рук тогда, когда, казалось, должен был ее уронить: так оглушило, так ударило, заволокло глаза, сознание, чувства. Но Он не уронил ее и сейчас уже крепко, солдатски железно, сжимал.

Он стоял во весь рост, хотя рядом лопались, рвались горевшие боеприпасы и какой-то пулемет на пылавшем самолете вдруг стал стрелять.

Он стоял, подняв напряженно голову, чувствуя свою мощную шею, сейчас напрягшуюся сильно. Он чувствовал лицом жар полыхавшего вокруг него огня.

Он пока еще ничего не знал. Как и каждый из живших на его земле. Он не знал, что вчера, в 13.00, когда здесь еще спокойно играли дети, тракторы пахали землю, сталевары варили сталь, цветы цвели и небо курчавилось незлыми кучевыми облаками, когда Кремль еще взывал к чувству разума или хотя бы к элементарной рассудочности, когда Кремль по всем дипломатическим каналам стучался в двери Берлина, когда он вел сражения, в какие уже было поздно сражаться, которые уже не стоили детских игр, в это время в Волчьем логове было произнесено название германского города, название, в которое людьми, заблудившимися между вечностью и виселицей, был вложен смысл страшнейшего слова истории. И оно, это слово, произнесенное там в 13.00, катилось по всем проводам, по всем линиям оперативной связи, говоря: все, что нацелилось, да пусть придет в действие; все, что изготовилось, да пусть двинется; все, что заряжено, да пусть извергнется пламенем и смертью —

«Дортмунд! Дортмунд! Дортмунд!».

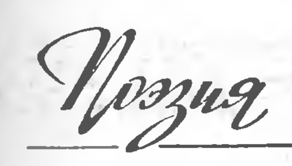
Он не знал еще ничего. Но уже все понимал. И потому лицо Его, чувствуя жар полыхавшего вокруг огня и отблескивавшее отсветами пламени, как отблескивал штык, вознесшийся рядом с лицом, оно перестало быть простым и обычным. Вся крепкопородность, что жила где-то подспудно, вышла и обозначилась каждою линией обтянувшейся сухо скулы, запавшей глубоко глазницы.

Вся строгость красоты, которой дышало лицо это в молодости, она была сейчас здесь. Одухотворенность ума, пекичливого, но близкого мудрости, одухотворенность, возвышающая человека над всем самым совершенным в этом мире, она как бы Его поднимала — Он должен был пригибаться, гнуться в этом грохоте разбрызгивавшихся огненными снопами боеприпасов, лопавшихся и взвивавшихся пламенем бензобаков, под струйным дождем стрелявшего над головой его ошалелого пулемета, — а Он поднимался. Он стоял во весь рост. Стоял, как изваянный из самой Вечности, этот простой человек, и эта опора опор своего государства, и эта надежда надежд полководцев, несостоявшихся вождей, сын своего народа и сам — народ.

Он стоял, закаменев и сразу ожесточившись чувствами, изготовившнмися для войны. Глаза его, в которых всплеснулась грусть, выдавали: Он понимает, Что пришло сейчас в этот тихий минуту назад мир и Что будет стоить этому миру пришедшее только что. Но Он знал уже и чем все это кончится. И Он тихо сказал:

— Вот и твой час. Теперь за тобою слово, Россия.

●

Владимир КУКОВЯКИН

МЫ ПОБЕДИМ

ГОЛОСА АДЖИМУШКАЯ

I

Из проломов, где сырость и тлен,
где война заблудилась в потемках,
сквозь забвенье и каменный плен
эти письма дошли до потомков.

Этим строчкам уже сорок лет,
но какою их меркой ни мерьте,
в них надежды пронзительный свет
все ж сильнее дыхания смерти.

В стертой линии карандаша
проступают забытые звуки:
как торопится чья-то душа
слово вымолвить после разлуки.

Потемневшие письма лежат,
как листва на осеннем пороге.
Я беру их — и руки дрожат,
и в глазах расплываются строки.

II

«Милая моя, не знаю, дойдет ли когда мое письмо? Доживем до победы, и тогда у нас будет много времени, и тогда мы наговоримся и насмотримся...»

«Ладо, почему молчишь? Я прошу очень — напиши домой, потому что мать твоя кричит всегда: «Где мой сын, Ладо?» В селе у нас остались одни старики и дети...»

«Война жестока и еще не кончилась. А все-таки мы победим!..»

III

Под керченским каменным небом,
где въелся в ракушечник дым,
делились мы верой, как хлебом:
а все-таки мы победим!
Как в строчку скупого приказа
прошедший вмещается бой,
так в эту короткую фразу
вместились надежда и боль.
Мы клятву с последним дыханьем
оставшимся передадим,
травою взметнемся над камнем...
А все-таки мы победим!
Когда-нибудь в память о павших,
собрав населенье окрест,
над нами победные марши
сыграет военный оркестр.
И даже из вечного мрака
мы внуков своих разглядим
под красным полотнищем флага...
А все-таки мы победим!

ПОЛИГОН

Полигон спрессован, как картон —
ни одна былинка не пробьется.
Не с травой, а с крыльями погон
много лет земле дружить придется.

Полигон не спрячется в садах,
не узнает, как деревья зябнут
в дни, когда увозят в города
красные шары осенних яблок.

Зря летят на почву семена,
одуванчик гонит парашюты. .
Здесь идет условная война,
сапоги грохочут дотемна,
каждый час расписан до минуты.

Ни зверья, ни птиц, ни тишины...
В наше время мир спасти непросто.
И чернеют посреди страны
полигоны, как земная оспа.

* * *

Говорят, что молчание — золото,
но оглянешься — боже ты мой —
сколько нас в лагерях перемолото,
сколько не возвратилось домой,
сколько просто спилось от отчаянья...

Эти годы назад не вернешь.
Стоит дорого наше молчание,
не дешевле, чем трусость и ложь.

СПЯЩАЯ ПОЧКА

У дуба есть спящие почки. Обломался верх, обожгли или срубили и не выкорчевали дерево — жизнь у дуба всякая, — тут и трогаются в рост спящие почки. Эти почки у дубов палочками-выручалочками работают. Расположены они во внутренних тканях ствола и по мере его утолщения продвигаются поближе к наружным слоям, чтобы в случае чего сразу же пробиться к свету...

Там, где ствол почернел от жары,
где сгорела его оболочка,
сквозь спрессованный свиток коры
пробивается спящая почка.

Двести лет пробыла в забытьи,
пережила и весны, и зимы.
Только тайные силы твои
стали дереву необходимы.

Просыпайся скорее, дитя,
ты одна, как кувшинка в затоне.
Даже капли живого дождя
не помогут загубленной кроне.

Поднимайся, упрямый побег,
зеленей среди вольного света!
Нет дороже удач и побед,
нет важней, чем такая победа!

Ялта

Александр АФАНАСЬЕВ

ГВАРДИЯ

Рассказ

1

Колька чистил картошку. Шелуха никак не хотела вылезать из-под ножа тонкой и длинной дорожкой, как у мамы. Она то и дело ломалась и падала в помойное ведро осколками. Колька вздыхал и крупно отмахивал серые островки на белых, с разводами, обмороженных щеках картошки.

«Мама, наверное, будет ругаться, — думал Колька, — зачем, скажет, опять полную кастрюлю начистил. За вечер не съедим, а жарить не на чем...»

Колька поставил кастрюлю на электрическую плитку — мама не разрешала зажигать керогаз без нее. Посолил, бросил щепотку перца. С перцем вкуснее, все равно что с американской тушенкой.

— Все-таки мама будет ругаться, что много картошки получилось, — сказал Колька вслух и почесал затылок.

Колька хорошо помнил, как они с мамой ездили осенью за город и вместе с другими соседями по дому выбирали из тяжелого, мокрого поля неубранную картошку. Из каждых пяти собранных мешков один отдавали за работу.

Как серый туман, стоял мелкий дождь, и ветер швырял куски дыма от костров, около которых грелись люди, в черное сито деревьев; пламя лениво жевало сучья, а греться было некогда — нужно было помогать маме. И Колька носил, прижимая к груди, к грязному отцовскому пиджаку, продолговатые картошки, и бережно складывал их в широкий карман мешка, поправлял кепку и снова шел по колее, вытаскивая вместе с сапогами большие ошметки земли.

«Надо помогать маме... Мама сказала, а вдруг приедет папа, ведь его надо же чем-то кормить. Папа любит картошку, а за каких-то пять мешков дают целый мешок».

Только неизвестно откуда вынырнувший заяц заставил людей прервать работу. Он стоял обалдевший, со смешно торчавшим в дождь ухом, и казалось, что он хлопает глазами и пытается сообразить, откуда здесь взялись люди.

— Держи его... Держи косого... — зазвенел чей-то озорной голос.

И сразу всем стало легче, как будто и не было тяжелой работы, и до смерти надоевшего дождя, и бесконечной борозды, и тупо ноющей поясницы.

— Держи, держи... — и кто-то длинно, по-разбойничьи засвистел.

Заяц подскочил и, смешно вскидывая лапы, стремглав бросился к кустам.

А люди стояли, и смотрели, и не видели ни зайца, ни столбиков мешков на борозде. Каждый думал о чем-то своем и очень хорошем, и поэтому, наверное, все стояли и улыбались.

Мама притянула Кольку за обвисшие отвороты пиджака и посмотрела в глаза каким-то темным, незнакомым взглядом и тихо спросила:

— Устал, Колюня? Скоро закончим, милый, скоро... Поедем домой и будем пить чай. Я тебе сахару принесла, потерпи, милый.

А Колька знал, что мама обманывает. Ниоткуда сахар она не приносила. Просто она утром не съела свой кусок, а спрятала его на подоконник, за штору. Но Колька ничего не сказал, а просто молча ткнулся ей в живот кепкой и немного так постоял.

Вечером они долго ехали в автобусе. Колька спал, и ему снились приземистые мешки, розоватые бока картошек, заяц и что-то еще, но что именно, он никак не мог разглядеть.

Мама держала его на коленях и думала о том, что Кольке нужны валенки к зиме и шапка и что он такой худой и очень вырос, и если отец вернется из госпиталя к Новому году, то и не узнает.

Заворчала на плитке кастрюля. Тяжело булькая, переговаривались между собой картофелины. Колька, обняв колени, сидел на диване и смотрел, как за окном медленно раскачивается фонарь. А на оконном стекле, слизывая крупные дождевые капли, медленно ползала тень фонаря, ровная и прозрачная.

«Скоро мама с работы придет».

Пропищал на стене черный блин громкоговорителя. Колька встал и полез пробовать картошку. Он сосредоточенно тыкал ее вилкой и, отколов маленький кусочек, дул на него, затем кончиком языка осторожно снимал в рот и долго гонял от щеки к щеке.

«Рано еще...»

Колька положил вилку, подошел к высокому комоду, на дверцах которого рос деревянный виноград и груши, и даже ананас. Он задумчиво потрогал пальцем никогда не виданный ананас, подергал ручку ящика и открыл его. Достал большую коробку — там лежали папины письма. Он взял последнее. Колька читать еще не умел, но он развернул письмо и стал тихонечко говорить вслух:

— «...Мои дорогие и хорошие, так уж получилось, что меня врачи все держат и держат. Лежу теперь в другой палате, она, говорят, для выздоравливающих. Скоро, наверное, смогу приехать к вам... Как поживает мой маленький ушастик Колька? Мне даже не верится, что скоро смогу его обнять. Крепко, крепко целую. Папа».

Колька бережно сложил письмо и спрятал в коробку. Снова сел на диван и поджал ноги.

«Вот откроется дверь, и войдет папа, он большой и сильный, он много перебил фашистов, и у него много-премного орденов...»

— Колька, пойдем к нам чай пить, — закричал в дверь Толик Данилов, Колькин приятель и сосед, — папа и мама и я приглашаем тебя.

Подстриженный наголо и от того казавшийся еще длиннее и тоще, в рубашке, торчавшей на нем колом, словно она была спи-

та из шкуры Змея Горыныча, Толик улыбался во весь свой щербатый рот и нетерпеливо шмыгал носом.

— Да пойдем же скорее. чай стынет.

— Сейчас, дай только картошку солью.

Колька прихватил рукавами свитера кастрюлю и, отворачиваясь от вкусного, бьющего в нос и глаза пара, слил воду в ведро. Закрыл кастрюлю крышкой и завернул в старую фуфайку, потом поднялся на цыпочки и поставил на батарею.

«Все-таки картошки хватит на троих, — подумал он, — даже если папа приедет очень голодный».

Колька одернул свитер и, шаркая валенками, вышел в коридор. В доме, где жил Колька, жили еще две семьи — Даниловы и Воронковы. Двери комнат выходили в коридор, в котором стояли сундук и ящики, старые стулья, которые не решились выкинуть, и еще какие-то бочонки, мешки. В коридоре было очень удобно играть в разведчиков и в Чапая. Там можно было спрятаться за сундук и сидеть в засаде и ждать, когда Толька, который играл всегда за Чапая, выскочит на коне. А с Мишкой Воронковым, по кличке Сопля, они не дружили. Он был ябедой, и вообще ему не разрешали с ними дружить.

Колька закрыл дверь и уже хотел уходить, когда из двери Воронковых выскочил Мишка. Он подбежал к Кольке и, подразнив его узеньким и очень красным языком, спросил:

— Шкилетина, хочешь в голову дам?

Колька насупился и исподлобья посмотрел на пунцовые Мишкины щеки.

— А где отец твой, шкилетина? Где, а?

— В госпитале.

— Сбежал он от вас, понял. Сбежал...

Колька, глотая слезы, что есть силы толкнул Мишку. Он упал на него и старался укусить, но Мишка легко, как котенка, отшвырнул его и, быстро поднявшись на ноги, ударил валенком в бок. И тут же сам полетел на пол. Над ним стоял Толик и, крепко сжав кулаки, по-бычьи наклонил голову.

— А ну, повтори, морда, что сказал?

Мишка съежился и, сморщив лицо, заорал благим матом:

— Папочка, мамочка, они меня снова бьют. И... ы...

Улучив момент, он быстро прошмыгнул в комнату и, высунув голову из дверей, ехидно спросил:

— Что, съели? Шпана уличная.

— Что-о-о? — бросился к нему Толик, но дверь моментально захлопнулась.

— Что ревешь? — Толик поднял Кольку с пола. — Что ревешь? Когда я уже тебя драться научу. Балда! — И он, размахнувшись, стукнул Кольку прямо в глаз. — Это тебе, чтоб сдачи давал.

Колька потер глаз, подошел к нему поближе и неожиданно стукнул Тольку, и тоже в глаз. Толик крякнул, замахнулся и, улыбнувшись, сказал:

— Вот так и надо. А кусаться — последнее дело, это только девчонки кусаются. Ладно, пойдем... Чай-то стынет.

— Входи, Колька, входи, — загремел дядя Миша Данилов, — как жизнь, Николай Александрович, сварил свою картошку? Молодец. Бережешь мать, — строго продолжал он, — отец приедет,

спасибо скажет. А мой балбес все из рогатки собак по мусоркам гоняет.

— Неправда ваша, — Колька даже привстал на цыпочки, — Толик не балбес, неправда ваша. Мы всегда вместе все делали. И картошку варили, и крапиву для щей рвали, и... Все, все вместе, неправда ваша, дядя Миша!

— Ну-ну, — дядя Миша быстро взглянул на Кольку, — пошутил. Постой, постой... Повернись-ка к свету... Это кто тебе фингал под глазом подсадил? Толька! — заорал он на побледневшего сына. — Отвечай, балбес, ты Кольке глаз набил? Вот я тебе, — многообещающе начал дядя Миша, расстегивая ремень.

— То не Толька, — Колька быстро ухватил дядю Мишу за руку, — это я... Это я упал в коридоре... Там темно и ничего не видно. А Толик он сразу же за меня заступился... Это я сам, дядя Миша.

Дядя Миша усмехнулся в сторону и сурово спросил:

— А чего же он за тебя заступился, если ты сам упал?

— Ну, чтобы я того... Сдачи научился давать, — совсем запутался Колька и покраснел, как морковка.

— Ладно. Садитесь за стол, братья-разбойники, — сурово сказал дядя Миша, пододвигая им табуретки.

На столе, улыбаясь тонкой струйкой пара, кряхтел самовар, он был грудастый и краснощекий, как дворничиха.

Тетя Надя принесла чашки и мелко наколотый сахар, потом достала тарелку, на которой лежало четыре пирожка.

— Угощайся, Колька, — протянула она тарелку, — бери, бери, не стесняйся.

— Спасибо.

— Налей ему чаю, мать.

— Пей, Колька, горяченький... А, может, ты щей хочешь? Так ты скажи, я тебе мигом разогрею.

— Что отец пишет? — Дядя Миша всегда разговаривал с Колькой как со взрослым, и это тому страшно нравилось.

Колька поставил чашку на стол, вытер ладонью горячие губы и деловито стал пересказывать папино письмо, которое дядя Миша тоже знал на память.

— Значит, пишет он, что в другую палату положили.. Для выздоравливающих она. Там все сразу выздоравливают, — пояснил Колька, — и еще осколок ему из ноги вырезали, а тот не стали. Врачи не советуют. Пишет еще, что к Новому году могут его выписать. — Колька откусил пирожок и запил его пустым чаем.

— Ты ешь сахар, Колька, ешь, — тетя Надя бросила взгляд на мужа, — да... Вот передай матери сахар, я у нее вчерась брала три грудочки. А отдать запамятовала.

— Эх, не повезло Александру. Под самый почти конец войны шарахнуло...

Толик быстро стукнул Кольку под столом ногой и затараторил:

— Пап, а пап, расскажи про войну. Расскажи, как тебя шарахнуло. Ну, расскажи, пап...

— Нашел тоже интересное, — тетя Надя сердито заерзала на стуле, — и ты тоже хорош, каждый вечер детям разные ужасы рассказывать.

— Ничего. Пусть знают, что их отцы во время войны коровам хвостов не крутили.

Дядя Миша задумался, потер пальцами изуродованную пере-

косицу, отхлебнул чаю и виновато посмотрел на жену, которая, подперев голову рукой, выводила на клеенке узоры.

— Не знаю, уж как получилось, — начал дядя Миша, — но получилось раз в сорок третьем году под Смоленском не взять нам четвертую линию окопов. Вот так, с ходу, три прошли, а на четвертую, как говорится, пороху не хватило. Лежим, тихо так, только и слышно, как где-то сбоку мотор рычит. Нам и невдомек, что это. И лежит перед нами, метрах так в ста, эта проклятая линия, и нет там никого, только этого мы тогда не знали. Вдруг как рванет слева, потом справа... Скатились мы в окоп, высунулись потихонечку и смотрим. А на шоссе выполз «фердинанд» и вот кроет по нам. Шлепнет, и нет у нас десятка, еще раз шлепнет, и нет десятка.

А носили мы тогда бронежилеты, ну, это штука такая стальная, а сверху маскхалат, чтоб не видно было.

Вот меня черт и дернул, пополз я к шоссе, а оно рядом, за бугорочком. Лежал, лежал, потом прыг на него и как булыжник перекатился на другую сторону. Лежу в канаве и дух перевожу. Тут вдруг еще двое ребят ко мне скатываются, один из моего, а второй из соседнего отделения.

— Вы чего? — спрашиваю.

— А ты?

— Да вот хочу к «Феде» подобраться...

— И мы тоже...

Лежим, курим себе потихонечку. Вдруг взрыв рядом, потом второй, третий...

Тут бы нам, дуракам, в другую сторону податься, а мы лежим. Вдруг темнота. Ничего не вижу, только чувствую, вроде дом у меня на голове стоит. Дергаюсь я, а спихнуть его не могу. Сколько прошло, не знаю. Чувствую, падает дом, я дергаюсь, как жук на спине. Лезу из темноты. Вылез. Смотрю, а вижу плохо, нет рядом никого. «Ребята! — кричу, — ребята!»

Подползли, оказывается, в соседней воронке были.

— А мы думали, тебе каюк.

— Да нет, задело только, возьми на спине пакет, там под ремнем, да перевяжи.

Перевязали они меня, да так, что только лежа на спине одним левым глазом чуть-чуть видно.

— Э, — говорю, — не ползун я теперь, мужики.

— Видим.

— Дайте автомат и ручные — я здесь останусь. Мой-то в щепки разнесло.

И снова темнота и тяжесть. Когда очнулся, не помню. Слышу только взрыв, гляжу, а «фердинанд» в воздухе переворачивается, как спичечная коробка, и горит.

Тетя Надя тронула его за рукав и кивнула на Кольку.

Черточки бровей слились вместе, глаза словно остановились на изжеванных пламенем руках. Ему, наверное, казалось, что где-то далеко-далеко вместе с товарищами дяди Миши стоял и он, сжимая в руке автомат, и смотрел на горящий «фердинанд».

Дядя Миша допил остывший чай и, еще не видя перед собой никого, глотнул прямо из чайника холодную и горькую заварку. Колька, как во сне, тоже глотнул остывший чай и разжал в кармане сомлевшую от напряжения и липкую от подтаявшего сахара руку.

— Колька! Скоро мама придет, не заругает она тебя, что до сих пор не спишь?

Колька выпрямился на стуле. Покраснел.

— Спасибо вам. Я пойду.

— Колька, а сахар, — тетя Надя протянула ему кулек с сахаром, — отдай матери и скажи, что это я долг отдаю.

Колька взял кулек и пошел к дверям. Около самых дверей Толик остановил его и сказал:

— Давай я тебя провожу. Темно там.

— Не надо, — буркнул Колька и подтянул штанишки, — сам я... Не маленький.

* * *

На следующий вечер мама пришла позже обычного. Колька спал, накрывшись, по обыкновению, полушубком. На батарее стояла укутанная в старый ватник кастрюля. Мама быстро разделась и, протянув руки к батарее, зябко поежилась. Потом привычно взяла в руки кастрюлю и недоуменно остановилась — кастрюля почти ничего не весила. Развернула на столе ватник, сняла крышку и замерла... на самом дне лежали пять сваренных картошек. Она тревожно посмотрела на спящего Кольку и вдруг тяжело, со стоном опустилась на табурет...

То ли от стона, то ли сам по себе Колька проснулся и, увидев маму, разом соскочил с дивана на пол. Быстро прошлепал к ней и неловко ткнулся в плечо.

— Проснулся?.. Что ж, давай ужинать...

Колька помчался к комоду и достал четвертинку с конопляным маслом, вилки и две тарелки — рыжие от старости.

Мама осторожно выложила на тарелки еще теплые картошки, капнула на каждую маслом и исподтишка бросила взгляд на Кольку. Тот ел молча, не поднимая глаз и тяжело вздыхая.

— Ма... — он вдруг поднял голову и пристально посмотрел на нее. — Ма... я сегодня на папу картошки не варил...

— Вижу, — тихо обронила мама, не поднимая глаз. — Почему?

Колька молчал и громко сопел. Потом положил вилку и, опустив голову, постарался заглянуть маме в глаза.

— А может... папка к нам не вернется?..

Мама молчала и, как Кольке казалось, еще ниже опустила голову.

— Мишка говорил, что не всегда папы возвращаются... Что к другим тетям уходят...

— Да что ты, Коля!.. — Мама резко встала и, заметив, как испуганно сжался в комочек Колька, снова опустилась на стул. Неожиданно на ее лице появилась улыбка, и от этой улыбки Кольке вдруг стало так тепло, что он подбежал к маме и крепко обнял ее.

— Глупый ты мой, — она осторожно погладила Кольку по вихрастой голове, — глупый... Ты знаешь, какой твой папка? За кого он воевал? За тебя, за меня... За Родину. А она и складывается из нас: тебя, меня, бабушки и дедушки... Из Даниловых, Ивановых... Так к кому же ему возвращаться? К нам, глупый, только к нам. А Мишка? Мишка повторяет слова своих родителей. Кстати, как вы его с Толькой прозвали?

— Соплей.

— Вот видишь! — И мама звонко засмеялась. — А знаешь, как мы его отца в детстве дразнили?
— Не...
— Сикильдявкой. — Она заметила, что Колька непонимающе смотрит на нее, и со смехом добавила: — Это такая рыбешка есть — тощая, скользкая — и все время на поверхности воды крутится.

2

Света не было уже неделю. Мама, придвинувшись к огарку свечи, что-то быстро писала. Изредка поглядывала на белобрысую и ушастую голову Кольки, который спал на диване, укрывшись полушубком. Полушубок был тяжелый и щекотливый. Его длинный, надоедливый мех, как лесная паутина, лез в нос и лип к щекам. Колька что-то тихо бормотал во сне и полушубок сбрасывал. Тогда мама подходила и снова его накрывала, и гладила худенькое плечо, а потом тихо касалась губами лба, и от этого Колька успокаивался — он начинал посапывать и улыбаться. Мама целовала его поцарапанные пальцы и отходила к столу. Колька спал.

«Милый, милый Саня. Хоть ты и писал, что вернешься скоро, но тебя все нет и нет. Мы ужасно соскучились и с нетерпением ждем тебя, наш добрый, дорогой папа. Колька каждый день варит большую кастрюлю картошки, помнишь, ту белую, что на майские праздники купили. Я его ругаю, а он только сопит. Он каждый вечер ждет, что приедешь ты. Ждет и варит.

Как ты себя чувствуешь после операции? Ты все выполняй, что врачи говорят. Послала тебе с оказией сахара и сала, у нас его вдоволь, так что ты не волнуйся и поправляйся. А фотографии Кольки у нас нет. Крепко тебя целуем, твои и только твои...»

Мама встала, бросила взгляд на будильник.
— Пора на поезд.
Положила на стол три куска хлеба, два кусочка сахара и налила полстакана молока из четвертинки, подумала и еще добавила чуть-чуть. Наклонилась над диваном.

«Совсем большой стал. А валенок и шапки нет, надо бы в деревне забежать к соседям, может, есть у кого на продажу».
Мама погладила шишковатый Колькин лоб, осторожно еще раз поцеловала. Надела старенькое пальто, сапоги, крест-накрест повязалась серым потертым платком. Взяла большую сумку, сшитую из клеенки, и тихонечко открыла дверь в коридор. Постояла, прислушиваясь, словно стараясь услышать ровное Колькино дыхание, и негромко постучалась в дверь Даниловых.
— Ты что, Маряя?
— Надя, я поеду в деревню к матери, может, что из продуктов выменяю. Если задержусь, накорми Кольку и уложи спать.
— Езжай, Маша, езжай. Чай не чужие, сделаю все.
Мама на цыпочках подошла к дверям, постояла и легонько, словно боясь спугнуть Колькины сны, стала закрывать ее. Дверь громко вздохнула, запела, поворачиваясь на петлях, и, успокоившись, тихо щелкнула замком.

* * *

Колька проснулся поздно.
Долго натягивал штанишки, вертелся, пытаясь поймать сзади лямки от штанов и застегнуть. Потом патянул свитер.
Не спеша забрался на стул, взял ломоть хлеба и, отламывая маленькие кусочки, бережно клал их в рот, запивая такими же маленькими глотками молока. Колька очнулся только тогда, когда хлеба в руке не было. Он с сожалением посмотрел на два куска, что лежали в тарелке, но, вздохнув, накрыл их полотенцем. На кухне взял веник. Он долго, совсем как мама, крутил его в тазу с водой, а потом старательно бил им по звенящему краю ведра, стряхивая капельки.
Мести было очень жарко. Колька отодвигал стулья и табуретки, залезал под стол и под высокую, на маленьких колесиках, кровать. Изредка он выпрямлялся и, как мама, потирал поясницу, хотя она у него совсем не болела, смотрел на коричневый, в светлых залысинах, пол и, заметив островки пыли, старательно сдвигал их в общую кучу.
Около самой двери Колька расстелил на полу газету и замел на нее мусор, свернул газету в комок и вместе с веником бросил в угол на кухню.
Притащил к спинке кровати стул. Держась за стену, он, как по лестнице, по спинке кровати забрался на самую верхнюю перекладину и, потянувшись, поймал шнур громкоговорителя, а потом воткнул его в розетку. Все сразу наполнилось звуками.
Колька залез на кровать и снял папину шашку. Мама не разрешала ее трогать, но Колька ее брал всегда, когда не было мамы. Шашка была для него и ружьем, и автоматом, и пушкой — смотря во что он играл. Вытащить ее из ножен сил не хватало, но это было совсем не обязательно. А папа, наверное, запросто ее выхватит. Р-раз, и все.
Можно шашку держать на руках и рассматривать затейливый чеканный узор, трогать врезанную в ножны золотую пластинку. А можно посмотреть на свет, тогда видно, как по черни узора бегают маленькие искорки.
Колька сидел на диване с ногами, привалившись к спинке, и гладил ребристую желтую рукоять, перебирал тяжелую и тугую кисть темляка.
Чуть слышно звучала музыка. Она рассказывала что-то тревожное, а Кольке казалось, что он мчится на коне. На большом, коричневом коне в белых яблоках. Конь летит по огромному полю, где люди копают картошку и машут ему варежками и шапками. А конь фыркает и что-то тихо поет, чуть слышное и очень грустное, наверное, о папе. Колька прислушивается изо всех сил, но никак не может понять ничего из-за стука копыт. А они стучат все громче и громче, смолкают и снова стучат.
Стук в дверь повторился. Затем послышались шаги, и раздался стук в дверь Даниловых. В коридоре вскрикнули, послышались поцелуи, и громко заплакала тетя Надя.
А Колька спал, крепко прижавшись щекой к папиной шашке.
— Ой, господи, да здесь же он... Здесь... Только что пол подметал. Да ты зайди, Саня, зайди...
— Я сам, Надя, сам.
Дверь нерешительно открылась, и в комнату вошел человек.

Он снял шапку и на цыпочках подошел к дивану, на котором спал Колька. Человек осторожно опустился на его вытертую, ребристую от нестареющих пружин спину. Диван взвизгнул, словно от радости, и тут же сконфуженно смолк. Человек переложил в левую руку палку и, едва касаясь, провел рукой по Колькиной руке, суконным штанишкам и огромным серым валенкам.

Он сидел и смотрел чуть помаргивающими ресницами на лохматую голову и так знакомо торчащие уши, на поцарапанную щеку и курносый, совсем как у мамы, нос. Он пощекотал нос, но Колька не шевельнулся, он только смешно его сморщил. Тогда человек тихонечко взял Колькину руку, она была маленькая и шершавая, и пощекотал ладошку. Колька сел и открыл глаза. Он смотрел и ничего не видел, кроме большого коричневого коня. Он хлопал огромными, как у мамы, ресницами и все крепче и крепче сжимал теплой ладошкой палец.

Вдруг Колька вздрогнул, взгляд его стал колючим и растерянным.

— Папка?! — не то вопросительно, не то убежденно прошептал он. — Папка?!

— Колюшенька!

— Пап...ка!

Они сидели обнявшись. Колька тихонечко плакал в рыжее сукно шинели и нюхал короткие и колючие ворсинки. Ворсинки пахли уколами, как от врача, который приходил, когда Колька болел. Отец гладил подрагивающей правой рукой Колькину спину и неуклюже бормотал дрожащим голосом:

— Ну, чего ты... Ну, чего ты... Я ведь уже приехал. Я ведь уже приехал, Колька!

А Колька жадно гладил папину руку, она была белая, и от нее тоже пахло уколами.

— Пап...ка! Хороший-прехороший папка!

Так они и сидели, когда в комнату влетел Толик Данилов. В фуфайке, и ушанке с торчащими вверх ушами. Он швырнул в сторону полевую сумку с книгами и бросился к дивану.

— Дядя Саша! — закричал он и ткнулся отцу в грудь. — Дядя Саша! Ты не уезжай, дядя Саша, ты не уезжай, — бормотал он, трясясь и всхлипывая.

Отец обнял их и, часто-часто моргая ресницами, чтобы слетела слезинка, стал их раскачивать.

— Эх, орда вы моя дорогая, — хрипло повторял он, — эх, орда...

Колька дотронулся до небритого подбородка.

— Ты колючий, папка! — И он засмеялся тихо и заливисто. — Колючий... А мы твою бритву не трогали, папка, и нам мама даже ничего не говорила, а мы сами не трогали. Мы во все играли, а бритву не трогали.

Шапка соскользнула с дивана и, тяжело охнув, плашмя ударилась об пол. Отец встал, словно очнувшись.

— Ну, ребята, помогайте раздеваться.

Колька и еще всхлипывающий Толик расстегивали тугие темные пуговицы, а отец, тяжело дыша, осторожно стаскивал с левой руки рукав шинели. Без нее он казался маленьким. Из новой и очень большой гимнастерки торчала шея, тонкая и белая, манжеты были подвернуты, и из них длинно выглядывали запястья.

Лицо острое и угловатое, и это особенно подчеркивали торчащие уши.

Отец подошел к вещевому мешку и развязал его. Он долго доставал из него и раскладывал на столе буханку хлеба, три банки тушенки и еще какие-то консервы, махорку, мыло и белье. Он долго копался, что-то тихо бормоча, и наконец вытащил плитку шоколада в блестящей упаковке.

— Это тебе, Колька, — протянул он плитку, потом залез в карман и вытащил зажигалку, сделанную из винтовочной гильзы, — а это тебе, Толик. Смотри, только дом не подожги, — шутливо добавил отец и потрепал Тольку по тонкой шее.

— Спасибо, диадя Саша, — зарделся Толик, прижимая зажигалку к груди, — вот поедем на рыбалку, так я ею буду костер зажигать.

В комнату ворвался дядя Миша — он был в фуфайке и без шапки. Он молча облапил отца и замер.

— Санька! Очухался.

— Мишка!.. Как видишь, да тихо ты, убьешь ведь!

— Вот не повезло... А Маша утром еще за продуктами уехала, в деревню к матери. Вот не повезло... Санька! Черт мохнатый...

— Сам ты мохнатый, сам, — и отец хлопнул дядю Мишу по плечу.

Они хлопали друг друга и смеялись, и снова хлопали.

— Ну, чего же мы стоим! Надя, накрывай на стол, а я побегу с работы отпрошусь. Саня, я все там же работаю. Я быстро.

Колька стоял и не отпускал папину руку, как будто боялся, что отец уйдет и не вернется, что это только сон. А откроешь глаза — и нет никого с тобой рядом. За другую руку держался Толик, он крепко прижимал к груди кулак с зажигалкой и не спускал глаз с Колькиного отца.

— Ну что, орда, с дороги в баньку полагается сходить.

— Пойдем, папка!

— А что, баня работает сегодня?

— Сейчас, — Колька задумался и тихо зашевелил пальцами, словно что-то подсчитывал.

— Работает, дядя Саша, работает, — затараторил Толик.

— Сейчас, — Колька сердито посмотрел на него и снова зашевелил пальцами, — понедельник... среда... сегодня можно, сегодня мужики моются.

— Кто, кто? — Отец от неожиданности чуть не уронил вещевой мешок. — Кто моется сегодня?

— Мужики, — перебил Толик и серьезно посмотрел на него, — мужики всегда по средам и понедельникам моются. А мы с папой и Колькой ходим... В другие-то дни тетки моются и мамы.

— Ну, раз сегодня моются мужики, то и мы давайте собираться!

Колька подбежал к комоду с деревянным ананасом и полез в нижний ящик; долго там копался, что-то перекладывал с места на место, потом вытащил чистую рубашку, полотенце и какие-то странные штаны.

— Это мне мама из твоих кальсонов перешила, — пояснил он, — я их всегда после бани надеваю.

— Совсем самостоятельный, — отец ласково погладил Колькины волосы.

— Дядя Саша, — влетел в комнату Толик с двумя вениками, — а мы с Колькой летом веников нарезали много-премного. Березовых и еще пять дубовых. Папа говорит, что дубовые кровь не гоняют.

— И те хороши, и другие. Кому что нравится.

В бане было пусто, только на крайней лавке, отдуваясь и кряхтя, сидел малиновый дядька. С него градом катил пот, дядька вытирался мокрым полотенцем и фыркал, как кот, нечаянно вступивший в лужу.

Отец раздевался медленно. Стянув гимнастерку, он долго примеривался снять сапоги, а сняв, долго сидел и морщился. Колька и Толик разделись быстро, они стояли на дощатом полу и нетерпеливо переступали босыми ногами.

— Ну и худющие вы, друзья!

— Не... — засмеялся Колька, — мама говорит, что это от того, что мы растем.

— Может быть, и от этого.

И отец поморщился, потирая грудь. Колька понял, что папе очень больно, и ему стало жалко его, но он ничего не сказал, только потупился и засопел, глядя на длинные завязки на отцовских кальсонах и черную, как галоша, четырехугольную печать на них.

— Вы бегите, ребятишки, пока... Замачивайте веники, а я потом приду... посижу немного и приду. Бегите, а то замерзнете.

Толик прихватил веники и помчался, а Колька остался. Он сел рядом с отцом и засунул ладошки под мышки.

— Беги, а то замерзнешь, сынок!

Колька неожиданно покраснел от этих слов. Он поцеловал отца в острый, пахнущий махоркой подбородок и, круто повернувшись, подскочил к мокрой, словно вспотевшей, двери. Колька толкнул ее и тотчас пропал в громадном, как снежная гора, клубе пара.

А отец сидел и улыбался и тер грудь, оставляя на коже длинные белые следы от пальцев.

— Эй, солдат, — забасил малиновый дядька, — где это тебя так разукрасили?

— На спине? — покосился в его сторону отец.

— На ней, на самой...

— Ну, это давно... еще в гражданскую. Повезло, как говорится, шашка у его благородия плашмя по спине пришлась. Вот и срезало со спины-то пару килограмм мясца.

— А ты чего?

— А я чего?.. А у меня шашка пошла, как надо.

Отец встал и, шагая вместе с палкой, направился к двери.

В самой бане было жарко, тягуче пахло распаренным деревом и кипятком. Отец осторожно присел на лавку. Откуда-то чертенком выскочил Толик, в его руках дымили паром два веника.

— Дядь Сашь, пошли, — и он воинственно постучал ими над головой, тут же подскочил Колька, он выхватил веники из его рук и, насупив лоб, сердито посмотрел на него.

— Я сам, — буркнул он, — я сам.

Отец, опираясь на плечи мальчишек, направился к парной. Он медленно опустился на нижний полок. От жары голоса звучали в парной глухо, словно заложило уши. Казалось, что из тела медленно вытекает слабость, и хотелось просто сидеть и вдыхать маленькими глотками сухой, словно поджаренный, воздух.

Колька лупил Толика веником и приговаривал:

— Так его, сердешного... Жарь, чтоб косточки поскрипывали!

Он так был похож в эту минуту на маленького мужичка, что отец не выдержал и засмеялся. Смеялись и ребята, сверкая порозовевшими щеками и плечами. Колька сел рядом с отцом и боднул его головой. Волосы у него стали жесткие и вкусно пахли распаренной березой. Отец смахнул с Колькиной шеи темный березовый листочек и тихо сказал:

— Пойдем, Колька, а то ведь мне долго нельзя.

И они снова медленно шли по скользким половицам, и снова отец тяжело опирался на ребячьи плечи, когда переставлял правую ногу.

Они сидели на лавке возле дышащего паром крана, когда вдруг отец, словно что-то вспомнив, неожиданно встал.

— А ну, дайте-ка мыло мне!

Он бросил мыло в шайку и стал ловко гонять его по металлическому дну веником. Запузырилась и стала медленно расти в шайке зеленоватая шапка пены. Отец поставил Кольку на лавку и тер мочалкой. Колька гнулся и молчал — ему просто было очень хорошо. Он гордо посматривал на намыливающегося рядом Толика и в то же время пытался протереть глаз от попавшей в него пены. А потом и он тер отцу спину, сосредоточенно, по-мужски. Заходил с боков и яростно гонял мочалку вверх и вниз, а Толик ходил рядом и тихонечко приговаривал:

— Дай мне потереть... Слышь, дай мне — я тоже умею.

— Ох, Колька, — отец распрямился и улыбаясь посмотрел на сына, — ты хоть бы пальцами не скреб меня, а то ведь полосатый буду, как тигр. И мама не узнает.

— Узнает, узнает.. А бок, он чистоту любит...

Отец не выдержал и засмеялся.

— Ты чего, пап?

— Да так... Вспомнил, как давным-давно мне вот так же тер спину дядя Миша и точно так же приговаривал. Эх ты, Колька! — И он вылил на Кольку полную шайку воды.

Колька плеснул на него, а потом на Толика, и они долго, как пацаны, плескались друг на друга водой.

В предбаннике сидел все тот же малиновый дядька, правда, он был уже не малиновый, а розовый. Дядька сидел и дымил здоровенной козьей ножкой.

— А я ведь вас сразу признал, Александр Васильевич, — дядька сконфуженно потыкал козьей ножкой в щель между половицами и широченной ладонью стал разгонять дым. — Я Егор — истопник из школы, где вы работали...

— Здравствуй, Егор. А я, брат, не признал тебя, ты уж прости.

— Да чего там... Давно вернулись из госпиталя, Александр Васильевич?

— Сегодня.

— Скоро, значит, опять школяров учить начнете?

— Наверное...

— Прощевайте, Александр Васильевич, здоровья вам крепкого.

— Спасибо, Егор, тебе того же.

Розовый дядька надел фуфайку, сунул в карман мокрый пакет из газеты и, приподняв ушанку, вышел.

— Пап, а пап, — Колька внимательно посмотрел на отца, — а где та пуля?
— Та пуля? Ее не видно, сынок, только дырка одна, — и отец показал на маленький круглый шрам под левым соском.
— А мама говорит, что она тебе сердце давит. Она давит, да, пап?
— Давит иногда.
— Пап, а ты убил того фашиста, что тебя ранил?
— Нет, Колька, этого не убил.
— А почему?
— Да потому, что и его и не видел совсем. Он издалека стрелял.
Колька молчал, мучительно о чем-то размышляя. Потом завернул белье и положил в сумку, стряхнул веники и тоже сунул в сумку. Колька смотрел на большие и маленькие следы вокруг лавки, на курносый нос затаившего дыхание Тольки, на стоптанные сапоги отца и что-то шептал. Потом, видимо, решив для себя что-то очень важное, облегченно вздохнул.
— Его дядя Миша убил. Подкараулил и убил.
Облегченно вздохнул Толик, и он думал об этом тоже. Ведь должен же был кто-то отомстить за дядю Сашу, и это сделал, несомненно, его отец. Ведь недаром у него столько орденов!
— Может быть, — ласково сказал отец и посмотрел на немного побледневших ребят, потом он тяжело поднялся, — пошли потихонечку, ребятишки.
И снова отец тяжело опирался на их плечи, царапая жесткими рукавами шинели их уши. Палку нес Толик. Ребята шли медленно, словно боялись, что отец уберет руки и пойдет сам, без их помощи.
Не успели они войти в коридор, как им навстречу бросился дядя Миша, он успел уже побриться, и от него здорово пахло «Тройным» одеколоном.
— С легким паром, мужики, а тут, пока вас не было...
— Иди на кухню да тащи капусту, звонарь, — сердито цыкнула на него тетя Надя, но он все-таки успел махнуть головой в сторону двери и таинственно подмигнуть отцу.
Отец побелел и быстро-быстро заковылял по коридору. Распахнул дверь так, что она стукнулась о стенку, и рывком вошел в комнату. Посредине комнаты в грязных резиновых сапогах и коротком пальтишке стояла мама. Она теребила платок и быстро мигала ничего не видящими глазами. Губы ее шевелились резко и беззвучно.
— Мамочка! Это же папка! Ну, чего же ты молчишь! Это же папка приехал.
Мама стояла, прижавшись к отцовскому плечу, наступив ногой на упавший на пол платок. Колька поднял его и держал в руках и смотрел, как папа гладит мамины плечи и что-то неслышно ей говорит. А мама, неловко и быстро целует его белое ухо и плачет. Они, держась за руки, сели на диван, они держались за руки и просто глядели друг на друга и молчали. Колька ужом пролез между ними, крепко обнял их и поцеловал. Сначала маму, а потом крепко-крепко папу.
— Ой, ну что же мы, — очнулась первой мама, — давайте же раздеваться. Еду я, Саня, в поезде, — возбужденно рассказывала она, — еду, а на сердце так тревожно. Вроде и за Колькой есть

кому присмотреть, а все равно... К маме в избу вошла и слова сказать не могу. Мать ходила, ходила и говорит: «Маня, ты уж прости меня, дуру старую. Видела я во сне пресвятую богородицу. Не иначе как Ляксандра домой едет! Поезжай ты домой, милая, поезжай».
Мама суетилась, бегала по комнате, не зная, за что взяться и что ей делать.
— Помчалась я обратно на станцию, — захлебываясь, продолжала она, — только на секунду к соседке забежала, Кольке валенки на зиму выменяла. А как доехала до города, как домой бежала — не помню. Только подбегаю к дому, а дворничиха кричит, что ты приехал и что вы в баню пошли. Села я на стул в комнате, и ноги у меня отнялись. Ни встать, ни приподняться не могу. Сижу и как дурочка реву. — Мама всхлипнула и ухватилась за край комода с деревянным ананасом.
В дверь постучали.
— Открой, Колюшенька, — сказал отец, — это Даниловы, наверное.
В комнату гуськом ввалились Даниловы. Впереди шла тетя Надя, она несла большой противень с холодцом, за ней шел дядя Миша со здоровенной кастрюлей соленых помидоров, а самым последним шел Толик и нес целую кучу ножей и вилок.
Колька вдруг сорвался с места, подбежал к батарее и стащил с нее что-то огромное, завернутое в старую фуфайку с оторванными рукавами.
— Вот, — и он со стуком поставил на стол большую белую кастрюлю.
— Опять полную наварил, Колька, — лукаво поглядела на папу мама, — ведь не съедим, а жарить-то не на чем.
— Съедим, мамочка, съедим теперь, — Колька счастливо засмеялся и ткнулся головой в живот отца и чуточку так постоял, — теперь съедим.
Потом все сели за стол. Все были очень веселые, все время перебивали друг друга и хохотали, рассказывали о том, как здесь жили, и как Колька каждый день чистил картошку, и как мама ругалась за это.
А Колька смотрел то на папу, то на маму.
«Мама сегодня красивая-красивая, ну прямо прекрасивая, и папа очень красивый. Правда, орденов у него не столько, как у дяди Миши, но зато у него есть шашка. Все равно он самый сильный и самый храбрый. А у мамы смешинки на щеках, кругленькие такие, и глаза синие-синие, а у папы все волосы белые-белые».
Колька толкал ногой Толика и гордо посматривал на него своими огромными, словно две синие луны, глазами. В руках у него была вилка с картошкой, но он ее даже ни разу не откусил.
«Пап...ка, милый, хороший, — думал он, — папочка приехал».

* * *

Как только Николай Александрович открывал входную дверь, ему вспоминалось детство.
«Боже... сколько лет я **этим** ключом открываю **эту** дверь?.. Почти пятьдесят! Эх! Батянька в шестьдесят втором умер... Ма-

ма, правда, жива... Ох, мама, мама... за семьдесят. Дай бог, чтобы жила и жила!»

Бывшая коммуналка давно стала отдельной квартирой. Даниловы еще в пятидесятых получили, соседи позже.

Николай Александрович не успел толком отдохнуть, как дверь распахнулась.

— Батя, ты уже пришел? Отлично! — На пороге стоял корепастый, вихрастый парень с такими же, как у Николая Александровича, синими глазами. — Слышь, батяня, посиди с Колькой... А то Надюха сегодня зачет сдает и вернется поздно, а я...

— А ты?

— Да понимаешь, — сын смущенно посмотрел на свою десантную робу, — решили сегодня мы, «афганцы», собраться все вместе... посидеть, поляякать... ребят вспомнить. Сегодня шесть лет, как дембель... Ну, ты, батянька, понимаешь...

— Давай, тащи внука... Посидим, поговорим... Да, ты только, — Николай Александрович выразительно щелкнул по воротнику рубашки, — того... не увлекайся.

— Батя... — сын удивленно развел руками, — ты же меня знаешь!

Внук спал, и Николай Александрович стал просматривать газеты. Хлопнула дверь.

— Светлана, ты?..

— Я... А где Шурка?

— Да побежал на встречу однополчан... — Николай Александрович задумчиво посмотрел на жену. — Свет, что у нас за кастрюли, ей-богу! Одна на стакан, другая на две ложки, третья — и того меньше... Знаешь, надо бы большую кастрюлю купить.

— Николай, — как вкопанная остановилась Светлана посреди комнаты, — ты в своем уме? Пойди по магазинам, посмотри... Соли нет, спичек, а ты — кастрюлю! Господи, да когда это кончится?! — Она махнула рукой и направилась к двери, но неожиданно остановилась. — Коля, а зачем тебе большая кастрюля?

— А ты почитай газеты... Кажется мне, Свет, придется нам, как во время голодовки, скоро... есть всем из одной большой кастрюли. — Николай Александрович задумался, перед глазами встала мама, вспомнились ее слова: «...За кого наш папа воевал... За Родину, за нас с тобой, за тебя, за меня... За Родину!»

— Опять за Родину воевать придется, — повторил он вслух, — за Родину!

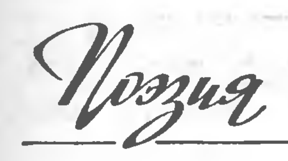
Он встал и пошел на кухню. Долго чем-то гремел на антресолях, потом слез со стремянки с большой белой кастрюлей в руках. Зачистил прожженное днище, залудил. Вырезал из жести кружочек и аккуратно припаял. Заплатка пришлась впору.

Николай Александрович налил в кастрюлю воды, поставил на газовую плиту, зажег огонь.

Заплатка держала крепко, намертво.

— Вот так! — усмехнулся Николай Александрович. — А ведь, ей-богу, не думал, что пригодится... Старая гвардия не подведет!

●

Владимир ТОПОРОВ

ШТОРМ

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Русь расставалась с язычеством трудно.
Может, особенно зло оттого
С гордого капища сбергла Перуна
В воду.
И била камнями его.
Помнят доныне боры и елани,
Как принимал его Волхов седой,
Как, воздевая дубовые длани, —
«Горе вам, горе! —
Гремел над водой. —
Пылью кровавой закрыта дорога,
Руку на брата поднял уже брат...
Вы осквернили меня и Дажбога,
Страшные идолы вас посетят!»

. . . .

С верою в новых кумиров мы гибли
Даже вдали от родимой земли.
И посвящали им стройки и гимны,
Мрамор Урала в кумирни несли.
С новым язычеством снова мы трудно
Связь порываем свою.
Оттого
Прошлое сын обличает
Прилюдно,
Не пожалев и отца своего!
Выдюжив рабства колымскую стужу,
Чашу безумия выпив до дна,
Вызнав в себе некрещеную душу,
Двинулась в храмы святые страна.
В годы безбожия тайно крещенный,

Счастлив, что дожил, что вижу вблизи
В храме столичном,
В церквушке районной
Свет
И второе крещенье Руси!

ГОРЬКИЙ ДИПТИХ

1

Нет ни власти, ни злата, и вроде бы
Душу черту уже не продам.
Погулял я задворками Родины,
Понял цену парадным вратам.
Многих, душу ранимую прячущих,
Мне увидеть в пути довелось.
Нагляделся на алчных и алчущих
И со злобой не путаю злость.
Но проникнуть не смог в ваши души я,
Кто швыряет с трибун испокон
В тесный ход первомайских колонн
Бодрых лозунгов угли потухшие.

2

Не черемухи песнь белопенная
Там, где рос я, быть взрослым спеша,
А дороже старушка согбенная —
Опустелой деревни душа.
Сердце ранят слова ее куцые:
«Хоть бы церкву какую в селе!..»
Это ей ты,
                    герой революции,
Обещал скорый рай на земле.
Ей и нужно-то самое малое!
Над клюкою дрожит седина...
И чего я скажу тебе, старая?
Что в больной перестройке страна?
Но глядят на поля небогатые
Два десятка безлюдных домов.
И убогая рядом,
                    горбатая
Мать пропавших навеки сынов!

Москва

Юрий КАЛАБУХОВ

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» И МИФЫ ИСТОРИИ

Гипотезы, факты, размышления

ДЕЛО ВАЛЛЕНБЕРГА

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ*

Шел январь 1945 года. Великая Отечественная война приближалась к концу. Фашистская Германия доживала свои последние месяцы. Вариант уничтожения (или смертельного ослабления) социализма в СССР с помощью фашистской агрессии не удался.

По замыслу тех сил империализма, которые сделали в свое время ставку на Берию, должен был вступить в действие второй вариант уничтожения социализма в СССР — с дальнейшим укреплением власти Берии и его репрессивного аппарата в нашей стране, с продолжением массовых репрессий по отношению к советскому народу (прежде всего, к военным и интеллигенции), уничтожение (или отстранение от активной деятельности) выдвиженцев Сталина на высоких партийных и государственных постах, устранение Сталина и захват Берией и его аппаратом высшей партийной и государственной власти в стране. А дальше — постепенная реставрация капитализма в стране.

Бериевский разведывательный канал с выходом за границу, возникший и существовавший в 30-е годы, был давно уничтожен, связи с Западом по этому каналу в результате второй мировой войны нарушены. Необходимо было вновь наладить их с тем, чтобы Берия мог успешно функционировать и иметь гарантированные возможности для реализации поставленной задачи.

Проще говоря, в Москве должен был появиться новый связной. Если о деятельности довоенного бериевского разведывательного канала обязательно должен был знать Сталин, то о существовании нового канала Сталин категорически не должен был знать. Эффективно действовать без связи с Западом Берия не мог. Английская и американская разведки наверняка имели завербованных советских высокопоставленных лиц в нашей стране, о чем должен был узнать Берия. Эта вербовка предназначалась исключительно для реализации вышеуказанного второго варианта и могла проходить как в предвоенные, так и в военные годы.

Кого же направил Запад в Москву на связь с Берией?

---

* Статьи первая и вторая опубликованы в № 2 и 4.

В последнее время в отечественной печати появились публикации, связанные с «делом» Валленберга. Рауль Валленберг — шведский дипломат, по версиям западных историков и публицистов, похищенный советскими разведчиками в Будапеште в январе 1945 года. Судьба этого дипломата после его исчезновения из Будапешта неизвестна. Хотя и был передан 6 февраля 1957 года Советским правительством шведским властям меморандум, в котором документально подтверждалась смерть шведского дипломата, наступившая 17 июля 1947 года в Лефортовской тюрьме в Москве (предположительно от инфаркта миокарда), но этот факт (смерть Валленберга) опровергался информацией бывших пленных, возвращавшихся из СССР в Германию и другие западные страны в 1951—1955 годах, которые утверждали, что видели Валленберга, говорили с ним в конце 40-х, в начале 50-х годов. Наконец, существует и такая версия, что Валленберг был жив в 60-е и 70-е годы и «в Москве, Ленинграде и Тбилиси живут люди, которые сравнительно недавно (в 70-е годы. — Ю. К.) видели Валленберга» (см. газету «Московские новости», 1989, № 37).

Так кто же такой Рауль Валленберг? И почему, если он был так долго жив, наши официальные круги так тщательно берегли его, не выдавая шведским властям и скрывая его местонахождение?

Информация о Валленберге с 16 января 1945 года по 1953 год передавалась у нас в официальные правительственные круги сначала от заместителя наркома иностранных дел СССР Деканозова, а затем (с 1946 или 1947 года) — от министра госбезопасности СССР Абакумова. И тот, и другой были расстреляны как враги советского народа (один — Деканозов — проходил по «делу» Берии и расстрелян в декабре 1953 года, другой — Абакумов — расстрелян в декабре 1954 года). И тот, и другой — ставленники Берии. Именно это обстоятельство наводит на мысль, что деятельность бериевских ставленников в отношении Валленберга — это вражеская (по отношению к СССР) деятельность, никакого отношения к Сталину не имеющая и требующая тщательного рассмотрения.

В чем тут дело? Почему одни (предположительно, люди Берии) доставляют Валленберга в Москву, другие (официальные советские руководители высшего ранга периода 1953-го и далее годов) скрывают (точнее, возможно, скрывают) информацию о судьбе Рауля Валленберга в течение нескольких десятилетий?

Рауль Валленберг оказался 9 июля 1944 года в Будапеште. Он был направлен туда шведским правительством в качестве секретаря шведской миссии.

По данным западных историков и публицистов, Валленберг исчез из Будапешта в январе 1945 года. Значит, он находился в Будапеште, где хозяйничали фашисты Германии, несколько месяцев, не подвергаясь попыткам похищения (в книге бывшего шведского дипломата, друга Валленберга, Пера Ангера «С Раулем Валленбергом в Будапеште» говорится, что на Валленберга фашисты однажды устроили покушение с целью его уничтожения; из этого можно сделать вывод, что фашистам Валленберг был не нужен). И только когда Советская Армия в январе 1945 года начала бои за Будапешт, продолжавшиеся в течение месяца, Валленберг в том же январе исчез из Будапешта.

До его исчезновения Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Швеции в Москве Седерблюм 31 декабря 1944 года официально обратился к заместителю наркома иностранных дел СССР Деканозову со следующей просьбой (см. газету «Московские новости», 1989, № 42): «Уважаемый господин Деканозов!

...Шведская миссия в Будапеште осталась в окруженном городе.

...Ввиду того, что местные власти угрожали миссии насильственной эвакуацией, она скрылась «в подполье».

Был бы благодарен, если бы оказалось возможным сообщить о вышеуказанном советским военным властям с просьбой по освобождении города оказать членам миссии помощь.

...Миссия осталась в венгерской столице по той причине, что ее присутствие нашли необходимым для выполнения обязанностей по защите интересов СССР (подчеркнуто мною. — Ю. К.) и ради приблизительно 15 000 евреев, находящихся под защитой миссии...»

Следует отметить, что свое обращение Седерблюм послал Деканозову до начала боевых действий Советской Армии на освобождение Будапешта.

На это обращение Деканозов послал Седерблюму ответ (см. там же):

«Москва, 16 января 1945 года...

Уважаемый г-н Седерблюм! **По сообщению из Будапешта, в занятой советскими войсками части города по улице Бенцур обнаружен шведский дипломат г-н Рауль Валленберг, назвавшийся секретарем шведской миссии в Венгрии** (подчеркнутый текст выделен в газете «Московские новости». — Ю. К.), о котором Вы сообщили мне в Вашем письме от 31 декабря прошлого года (хотя в приведенном в «Московских новостях» тексте обращения Седерблюма речь шла обо всей миссии, а не только о Валленберге. — Ю. К.).

По словам г-на Р. Валленберга, остальные члены шведской миссии находятся в западной части города. Меры по охране господина Р. Валленберга и его имущества советскими военными властями приняты».

Интересным фактом в ответе Деканозова является то, что из всей шведской миссии Валленберг ОДИН (!) оказался в освобожденной советской зоне Будапешта, а все остальные ее представители оказались в другой его зоне. В таких условиях отсутствовали какие-либо свидетели из официальных шведских кругов, которые могли бы рассказать об аресте Валленберга, если бы он произошел на их глазах. Кроме того, в таких условиях Валленберг был свободен в своих действиях. Можно сделать предположение, что Валленберг оказался в освобожденной советской зоне Будапешта один НЕ СЛУЧАЙНО, А ПРЕДНАМЕРЕННО, с заранее определенной для него последовательностью действий.

Не менее интересным фактом, но уже в обращении Седерблюма к Деканозову, является фиксация им функций шведской миссии в Будапеште, одна из которых — защита интересов СССР, другая — защита 15 000 евреев от насильственной депортации в Германию. Ведь Швеция во время второй мировой войны была нейтральной по отношению к СССР, и совсем не обязательно в обращении к советским властям было указывать назначение шведской миссии в Будапешта, да еще выделять такие две разные по сути функции миссии. Достаточно было простого обращения с просьбой о помощи.

На первый взгляд в обращении Седерблюма к Деканозову (именно к разоблаченному в будущем врагу советского народа

Деканозову, а не к кому-либо другому из Наркомата иностранных дел СССР!) и ответе Деканозова нет ничего интересного. Но если внимательно вчитаться в обращение Седерблюма (приведенное, кстати, в «Московских новостях» в сокращенном варианте), то оно, во-первых, касается всей шведской миссии, а во-вторых, из двух функций шведской миссии в первую очередь выделяет функцию по защите каких-то «интересов СССР». Ответ же Деканозова касается только ОДНОГО Валленберга, и этот ответ как бы подчеркивает: того, кто «интересен» для нас, мы обнаружили, и он с его имуществом взят нужными людьми под охрану. Один (Седерблюм) определяет того, кто должен остаться в освобожденной советскими войсками зоне Будапешта, другой (Деканозов) сообщает, что тот, кто оставлен, обнаружен и взят под охрану. В этом обмене документами между Седерблюмом и Деканозовым можно отчетливо уловить связь двух людей, осведомленных о проводимой в Будапеште по каналам разведки операции. И если считать Рауля Валленберга связным для Берии, то ответ Деканозова Седерблюму недвусмысленно говорил: первая стадия этой операции — нахождение связного для переправки его в Москву — успешно завершена.

В отношении двух рассмотренных выше официальных документов следует добавить, что они получили широкую огласку после рассекречивания архивов МИД Швеции в 1981 году. И еще уместно обратить внимание на одно обстоятельство: эти два документа, похоже, являются единственными документами обмена между Деканозовым и Седерблюмом.

В настоящее время существует две версии о том, как шведский дипломат Рауль Валленберг попал в тюрьму на Лубянку.

Первая версия говорит о том, что Рауль Валленберг был похищен из Будапешта советской разведывательной группой, передавшей его — после похищения и прохода через немецкую (оккупированную немцами) территорию к своим — представителям СМЕРШа. Эта версия упоминается в статье газеты «Комсомольская правда» от 15 сентября 1989 года под названием «Следы ведут в СМЕРШ?». Автор версии — бывший офицер Советской Армии Лахотский-Менакер, эмигрировавший из СССР в Израиль в 1979 году. Его рассказ о проведении операции по похищению Рауля Валленберга изложен в трех номерах шведской газеты «Афтонбладет» 1981 года. В рассказе Лахотского-Менакера назван по фамилии один из участников этой операции (Аминьев) и упоминается еще несколько сослуживцев Аминьева. Разумеется, все фамилии в рассказе Лахотского-Менакера вымышленные. Но если та встреча ветеранов, о которой в своем рассказе упоминает Лахотский-Менакер, действительно состоялась в Челябинске и все ее участники были зарегистрированы оргкомитетом этой встречи, то, при необходимости, можно легко выяснить, кто из участников встречи имел орден Александра Невского (который имел якобы Аминьев) или другие ордена и за что каждый из участников его получил (что всегда может быть подтверждено соответствующими компетентными органами документально). И тогда можно будет выйти на тех людей, кто мог участвовать в операции похищения Валленберга.

Вторая версия изложена в газете «Комсомольская правда» от 4 июня 1989 года в статье «Кто Вы, Рауль Валленберг?». Эта версия основана на воспоминаниях Густава Рихтера, бывшего полицейского

атташе фашистской Германии в Будапеште, взятого в плен в августе 1944 года (взятого в плен кем? Ведь бои за Будапешт начались в январе 1945 года. — Ю. К.) и помещенного в камеру № 142 Лефортовской тюрьмы. По его воспоминаниям, основанным на рассказе Валленберга (с которым Рихтер какое-то время находился в одной камере тюрьмы), Валленберг и его шофер после продолжительных поисков официальных советских органов в освобожденной зоне Будапешта (для своего представления) были в конце концов задержаны и через Румынию вскоре отправлены в Москву на Лубянку. Кроме указанной статьи, об этой версии рассказывается в упомянутой выше статье «Комсомольской правды» «Следы ведут в СМЕРШ?». В ней названы фамилии ныне живущих в нашей стране советских людей, которые, находясь в январе 1945 года в Будапеште в частях Советской Армии, слышали о встрече в освобожденной зоне Будапешта советских разведчиков с Валленбергом. По их рассказам Валленберг в конце концов был передан нашими разведчиками представителям СМЕРШа (без всякого похищения).

По обеим версиям Рауль Валленберг был арестован. Почему? Ранее было высказано предположение, что Рауль Валленберг мог являться связным для Берии и должен был появиться в Москве.

Можно найти (для реализации) разные пути движения связного к Берии. Но какой из этих путей является самым простым и надежным не просто для связного, а для дипломата-связного? Представляется, что таким путем был арест Валленберга в Будапеште как предполагаемого шпиона с дальнейшим — после ареста — прямым следованием арестованного в Москву на Лубянку. Движение арестованного секретно и на законном основании. Знает о нем очень ограниченный круг лиц. При этом только одно-два лица знают подлинную суть операции — переправку Валленберга как связного для Берии в Москву. Это особо приближенные к Берии люди. Остальные считают, что выполняют важное государственное задание по поимке крупного шпиона.

Теперь встает вопрос: можно ли состыковать обе версии, а если это возможно, то каким образом? На первую часть вопроса ответить просто: можно, так как обе версии конечным имеют одинаковый результат: передачу Валленберга в СМЕРШ и арест Валленберга. А вот для ответа на вторую часть вопроса (каким образом?), после получения которого обе версии смогли бы существовать одновременно, без противоречия друг другу, необходимо сказать следующее.

По официальному документу, сохранившемуся в архивах лубянской тюрьмы (рапорт начальника санитарной службы тюрьмы А. Л. Смольцова на имя министра госбезопасности СССР Абакумова), заключенный Валленберг внезапно скончался 17 июля 1947 года. Этот документ фиксировал конкретный факт — факт смерти Валленберга. По документу возможны два варианта. Первый вариант — акт смерти Валленбегра является фиктивным, написанным Смольцовым по указанию свыше. Но здесь возникают возражения. Во-первых, на рапорте Смольцова его рукой написано следующее: «Доложил лично министру. Приказано кремировать труп без вскрытия». Узнав о смерти Валленберга, Абакумов скорее всего посетил бы тюрьму на Лубянке, чтобы лично убедиться в факте смерти Валленберга. Поэтому тот, кто без ведома Абакумова давал указание Смольцову писать рапорт о фиктивной

смерти Валленберга, рисковал быть уличенным в преступном действии. Во-вторых, если Валленберг был связным для Берии, то его жизнь находилась под неусыпным вниманием самого Берии, и тот, кто допустил бы внезапную смерть Валленберга, рисковал головой.

Второй вариант — акт о смерти Валленберга является действительным, и его, Валленберга, не стало 17 июля 1947 года. Но тогда все рассказы пленных, возвращавшихся в Германию и другие европейские страны в период 1951—1955 (и далее) годов, являются вымыслом, и этот вымысел (Валленберг жив) невозможно объяснить никакой логикой. Значит, из двух рассмотренных вариантов логически подлинным представляется второй вариант — вариант действительной смерти Валленберга. И для того, чтобы состыковать этот вариант с рассказами бывших пленных, пребывавших в тюрьме на Лубянке (или в других местах заключения) в конце 40-х и в 50-е годы, следует сделать совершенно логичное предположение. Суть его заключается в том, что существовал ДВОЙНИК Валленберга. Один из Валленбергов — подлинный связной для Берии — содержался в строгой тайне под тщательнейшим контролем людей Берии, другой Валленберг (лже-Валленберг) находился в тюрьме на Лубянке (или другом месте, временами доставляясь на Лубянку) совершенно открыто, на законном положении арестованного. И именно двойника Валленберга и похищала советская группа захвата в Будапеште в январе 1945 года (см. первую версию исчезновения Валленберга).

Каким из этих Валленбергов был шведский дипломат Рауль Валленберг? Попытаемся разобраться в этой тайне.

Родственники Рауля Валленберга не должны были знать, что он мог выполнять какие-то задания спецслужб, то есть мог быть секретным агентом этих служб. И когда Рауль Валленберг внезапно исчез из Будапешта в январе 1945 года, то 28 марта 1945 года крупный шведский банкир Марк Валленберг обратился официально в советское посольство (к Коллонтай) с просьбой помочь разыскать его пропавшего родственника, шведского дипломата. Как уже говорилось, заместитель наркома иностранных дел СССР Деканозов 16 января 1945 года сообщил в записке шведскому Посланнику Седерблюму о Рауле Валленберге. Учитывая то обстоятельство, что существование этой записки советские официальные круги в последующем упорно отрицали, можно сделать предположение, что этой запиской Деканозов должен был довести до сведения нужных людей (или нужного человека) в шведских официальных кругах о начале операции по переправке связного для Берии в Москву. Дальше никакой информации из официальных советских кругов для шведов о Валленберге (как это замышлялось западной разведкой) не должно было быть до особого случая (захвата власти Берией), о чем шведы могли не знать (что и подтвердили события 1946-го и далее годов). Ее и не было больше на протяжении 12 (!) лет. На запрос родственников в шведское посольство в Стокгольме о судьбе Рауля Валленберга и просьбу о помощи в его розыске тогдашний министр иностранных дел Швеции Унден приблизительно в середине 1945 года заявил, что «Швеция не ведет переговоры об отдельных лицах» (см. статью «Судьба Валленберга», журнал «Эхо планеты», 1989, № 33 (77). Казалось бы, шведский дипломат, секретарь шведской миссии в Будапеште в 1944—1945 годах — и такое безразличие к судьбе со стороны представителей официальных шведских властей.

Настойчивость родственников Рауля Валленберга по его розыску, неоднократные их обращения в официальные правительственные органы СССР создавали крайне неудобную ситуацию для Берии и его людей. Сталин, поставленный в известность шведским Посланником Седерблюмом 15 июня 1946 года о розысках Валленберга, мог начать осуществлять тщательный контроль за всеми событиями, связанными с Валленбергом. А Берия знал, что такое контроль со стороны Сталина. Поэтому совершенно логично для Берии и его людей напрашивался вариант с ликвидацией одного из Валленбергов, чтобы разрубить этот узел, прекратить всевозможные вопросы по Валленбергу со стороны Сталина и быть спокойным в продолжении своей вражеской деятельности. (Вообще наличие двух Валленбергов и должно было предусматривать применение к одному из них — не подлинному связному для Берии — насильственной смерти, в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств.)

И вот 17 июля 1947 года «заключенный Валленберг» внезапно умирает в Лефортовской тюрьме, а уже 18 августа этого же года заместитель министра иностранных дел Вышинский направляет следующее официальное послание новому (вместо Седерблюма) шведскому Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру в Москве Р. Сульману (см. газету «Московские новости», 1989, № 42): «В связи с тем, что Вы в беседе с заместителем министра иностранных дел Я. А. Маликом от 12 июня сего года затронули вопрос о местонахождении Рауля Валленберга, мною были наведены справки в соответствующих компетентных органах. **В результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет и он нам неизвестен** (подчеркнутое выделено в тексте послания в газете «Московские новости». — **Ю. К.**).

Действительно, 14 января 1945 года Министерство иностранных дел СССР получило краткое сообщение, основанное на косвенных данных одного из командиров воинской части, которая вела бои в Будапеште, о том, что на улице Бенцур якобы был обнаружен Валленберг.

Проверить сообщение в тот момент не представлялось возможным, так как еще после этого бои за город продолжались около месяца и носили ожесточенный характер, и Советская Армия овладела городом только 12 февраля 1945 года.

Впоследствии проводились тщательные расследования и розыск Валленберга, однако это к положительным результатам не привело, а советский офицер, сообщивший о Валленберге, не был найден. В лагерях для военнопленных и интернированных Валленберг также обнаружен не был...

Остается лишь предполагать, что Валленберг во время боев в городе Будапеште погиб либо оказался захваченным салашистами».

Если Седерблюм и Деканозов в конце 1944-го — начале 1945 года обменялись посланиями, то напрашивается вопрос: зачем Седерблюм пришел именно к Сталину за помощью в розыске Валленберга? Ответ на этот вопрос может быть таков: когда Валленберг попал в Москву и передал имеющийся для передачи Берии документ в руки людей Берии, то при вскрытии этого документа в его содержании могло быть указано, что податель сего документа должен быть оставлен в СССР для выполнения особо важного задания и его местонахождение в СССР должно быть

засекречено. Что и было сделано людьми Берии. А об этом ни Валленберг, ни Седерблюм, ни кто другой в шведском посольстве заранее (как было сказано ранее) могли не знать, и только один Валленберг со шведской стороны мог узнать об этом после вскрытия доставленного им документа. Поэтому исчезновение Вaлленберга шведскими властями было расценено как ЧП. Говорить об обмене записками между Седерблюмом и Деканозовым, а тем более показывать эти записки шведскими властями кому-либо, видимо, было запрещено, и поэтому Седерблюм во время своего визита к Сталину говорил «вообще» о возможной помощи советских органов в розысках Рауля Валленберга, не упоминая о своей переписке с Деканозовым.

Итак, кто же умер: Рауль Валленберг или его двойник? Учитывая то, кем был Рауль Валленберг (дипломат, представитель одной из богатейших шведских семей, окончил Мичиганский университет в США; по поручению Международного фонда беженцев, учрежденного по инициативе президента США Ф. Рузвельта, занимался вопросами помощи 15 000 евреям, находящимся в Будапеште и могущим быть подвергнутым депортации в Германию), можно предполагать, что умер двойник Валленберга. И умер он не естественной, а насильственной смертью (скорей всего от введения в организм очень большой разовой дозы сердечных лекарств). Приказание Абакумова Смольцову «кремировать труп без вскрытия» (а трупом для всех, знавших и видевших Валленберга, был не обычный заключенный, а шведский дипломат) иначе как боязнью того, что будет определена истинная причина смерти внезапно умершего заключенного, объяснить трудно. К тому же наводит на размышление смерть Смольцова в мае 1953 года: причина и место его смерти не упоминаются в печати. И какова вообще была в дальнейшем после смерти лже-Валленберга участь врачей, санитаров и т. д., его обслуживавших? Если они тоже все «умерли» до середины 1953 года (ареста Берии), то тогда наверняка можно говорить, что Абакумов и его люди убирали свидетелей этой операции (уничтожения лже-Валленберга). А если кто-либо из этих людей остался жив после разгрома бериевского аппарата, то почему у них в свое время не были взяты показания по «делу» Валленберга? Хотя здесь следует оговориться: возможно, есть показания этих людей, но они — с грифом «особой важности» и до сих пор хранятся нерассекреченными в секретных архивах КГБ СССР.

Что можно сказать о Сталине в «деле» Валленберга? После посещения Седерблюма Берия, вызванный к Сталину по этому вопросу, мог сказать, что действительно в тюрьме на Лубянке находится арестованный в Будапеште шведский дипломат Рауль Валленберг, серьезно подозреваемый в крупном шпионаже против СССР. И он, Берия, ждет от этого дипломата признаний о его шпионской деятельности и согласия работать на советскую разведку. Сталин, как и в 1931 году, поверил этой информации (теперь уже о «шведском шпионе») и взял под тщательный контроль развитие событий, связанных с Валленбергом. Он, видимо, вспомнил о том, как в 30-е годы блистательно сработал бериевский разведывательный канал с задействованными в нем «разоблаченными английскими шпионами», позволивший разгромить троцкистское подполье в нашей стране. И надеялся на такой же успех в будущем в работе нового бериевского разведывательного кана-

ла против западных спецслужб. Опять в эту «игру» оказывались посвященными лишь он, Сталин, и Берия. И Сталин дал указание Берии скрывать, как и в прошлом, в 30-е годы, подлинную информацию о Рауле Валленберге от всех советских (а тем более шведских) органов, выдавая туда о нем дезинформацию (вплоть до того, что Рауля Валленберга нет и не было в СССР). Но, видя, как неделя за неделей, месяц за месяцем Сталин вызывает его, Берию, на доклад о Рауле Валленберге, боясь запутаться в двух Валленбергах и тем самым раскрыть себя, Берия принимает решение убрать лже-Валленберга. О его смерти Берия докладывает Сталину. И опять, как и в прошлом, новая «тайна» истории, «тайна» Валленберга, по мнению Сталина, должна умереть вместе со смертью Сталина и Берии и остаться для истории «тайной» навсегда.

Ну а что же подлинный Валленберг — Рауль? Как сложилась его судьба? После разоблачения Берии в июне 1953 года и последующего разгрома и уничтожения бериевского аппарата в нашей стране закончилась деятельность Рауля Валленберга как связного для Берии. Однако для него дорога на Запад была отрезана, и ему предстояло самому решать свою судьбу.

Можно предполагать, что Рауль Валленберг являлся либо разведчиком, либо (что более вероятно) агентом западных спецслужб, например, английской или отдела стратегических служб (ОСС) США, переименованного в 1947 году в ЦРУ. Его заданием как разведчика (или агента) в конце войны были ожидание частей Советской Армии в Будапеште и встреча здесь с заранее известным конкретным лицом из органов НКВД СССР с тем, чтобы это лицо переправило его, Валленберга, законспирированно (или под псевдоарестом) в Москву на Лубянку для встречи с Берией. Миссия защиты 15 000 евреев, которую выполнял Валленберг, должна была быть, по мнению спецслужб, использована для того, чтобы в случае успешного выполнения операции по переброске Валленберга в Москву, у Берии была бы — для прикрытия Валленберга — возможность обвинить его в фиктивном шпионаже и надежно скрывать в тюрьме или еще где-либо необходимое время. Кстати, по рассказу Густава Рихтера (см. статью «Кто Вы, Рауль Валленберг?» в «Комсомольской правде») Валленберга на первом же допросе действительно обвинили в шпионаже и оставили в тюрьме.

У Валленберга должен был находиться зашифрованный документ (или документы), в котором содержались инструкции, указания, директивы для Берии, как ему организовать дальше свою деятельность.

После встречи с Берией и до захвата последним высшей государственной власти в стране Валленберг должен был находиться где-то рядом с Берией. Содержание Рауля Валленберга было совершенно скрыто от Сталина и его окружения. Знал об этом только один из ближайших помощников Берии: Абакумов.

По Абакумову можно сделать следующее предположение. На следствии в 1954 году, сознавая, что за вражескую деятельность по отношению к СССР ему, Абакумову, грозит неминуемый расстрел, он сделал попытку добиться смягчения себе судебного приговора. Абакумов в какой-то момент мог заявить на следствии, что хочет сделать органам госбезопасности особой важности заявление относительно шведского дипломата Рауля Валленберга, тесно связанного с послевоенной деятельностью Берии и находя-

щегося в конкретном месте на территории СССР. За это заявление Абакумов просил сохранить ему жизнь. То, о чем знал Валленберг, Абакумов не знал и поэтому сказать что-либо еще о Валленберге он не мог. Но суд не посчитал возможным компенсировать те страшные злодеяния, которые совершил Абакумов перед советским народом, его, по сути, очень важным для суда заявлением.

Заявление, если оно было сделано Абакумовым, имело серьезнейшее значение. Во-первых, представлялась возможность раскрыть послевоенную вражескую деятельность Берии и круг лиц, с ней связанных, чего не удалось при судебном разбирательстве «дела» Берии в декабре 1953 года. Но это могло произойти только в случае, если бы шведский дипломат заговорил и дал нужные показания. Во-вторых, это заявление говорило о том, что Сталин и все его партийное и государственное окружение просмотрело в лице Берии чудовищного врага, теснейшим образом связанного с иностранной разведкой. И этот просмотр имел страшные трагические последствия для истории всей нашей страны и советского народа. А просмотр допустили в то время и все те, кто пришел к власти после смерти Сталина. В первую очередь Хрущев. Именно он был в 1937-м — начале 1938 года первым секретарем МГК и МК ВКП(б), когда были созданы все предпосылки для прихода Берии к высшей власти в правоохранительных органах; когда люди Берии, уже вовсю работавшие (пока еще без Берии во главе правоохранительных органов) в аппарате НКВД союзных республик, в том числе и в центре, в Москве, осуществляли под видом борьбы с троцкизмом (действительно чрезвычайно необходимой) чудовищные репрессии против лучших представителей советского народа, подготавливая почву для устранения тогдашнего наркома НКВД СССР Ежова и (в глобальном плане) резко ослабляя нашу страну. Хрущев это ясно понял. Самое большее, что он мог допустить, так это сказать о Берии в сложившейся для него ситуации, как об «агенте иностранной разведки». Уничтожать Валленберга, чтобы похоронить возможность получения исключительно важной для СССР информации и подлинных масштабах вражеской деятельности Берии в нашей стране, было очень опасно: сразу могли заподозрить высокопоставленных партийных и государственных лиц, и прежде всего Хрущева, в попытке скрыть какие-то государственные тайны с целью замести следы. Оставался представлявшийся тогда единственно верным, по мнению Хрущева, вариант: оставить в живых Валленберга, выслав его в какое-либо спецпоселение за пределами Московской области, чтобы, во-первых, постепенно снять разговоры о Валленберге; во-вторых, продолжать держать Валленберга под контролем, не требуя от него показаний. Захочет говорить — пусть говорит; но показания должны быть строго засекречены — как показания особой государственной важности.

Валленберг, видя, что от него не добиваются насильственно каких-либо признаний, молчал. Он надеялся, что когда-нибудь, в недалеком будущем, западным спецслужбам удастся вызволить его из СССР, возможно, обменяв на кого-либо из крупных советских чекистов, деятельность которых была бы раскрыта этими спецслужбами. К тому же Валленберг понимал, что за связь с Берией ему может грозить суровый приговор и никакой дипломатический статут его не спасет. Это была еще одна причина, по которой Валленберг молчал.

Но шли годы, а ничего в жизни Рауля Валленберга не менялось. В статье газеты «Комсомольская правда» «Кто Вы, Рауль Валленберг?» есть такие два абзаца:

«Известная в Швеции врач-психиатр Нанна Шварц, вернувшись в 1961 году из поездки по Советскому Союзу, заявила, что один из советских коллег в неофициальной беседе сообщил ей, будто Валленберг еще жив, но психически болен.

В 1965 году в присутствии представителя советского МИДа состоялась встреча между ученым, написавшим письмо Шварц, и шведским послом Яррингом. Ученый, однако, заявил, что ничего не знает о Валленберге, и добавил, что со Шварц он разговаривал на немецком, который знает довольно слабо. Только отсюда и могло возникнуть недоразумение».

По каким-то, видимо, секретным соображениям в этих двух абзацах не упоминается фамилия советского ученого, хотя фамилия шведского врача-психиатра названа и почему-то встреча шведского посла с этим ученым произошла через целых четыре (!) года. Очень трудно (если не сказать, нельзя) поверить в то, что Нанна Шварц не могла ясно, просто и конкретно задавать советскому ученому вопросы по-немецки о Рауле Валленберге, а этот ученый, пусть даже слабо говорящий на немецком, не мог бы так же в виде самых простых предложений ответить ей, жив ли Валленберг или нет и где он может предположительно находиться. Но главное не в этом. Главное заключается в словах ученого о том, что Рауль Валленберг «психически болен». Это было очень похоже на правду. Будучи связным для Берии, Валленберг понимал, что его оставили в СССР для раскрытия через него «тайны» Берии. И он должен был выбрать один из двух возможных вариантов. Первый вариант — он все, что знает о «тайне» Берии, рассказывает КГБ СССР, и тогда его отпускают на свободу. Но в этом варианте западный мир примет его как труса, не выдержавшего серьезных испытаний и предавшего этот мир. Второй вариант — он ничего не рассказывает о «тайне» Берии, и в западном мире он остается легендарной личностью, о чем будет обязательно сказано в будущем. Но тогда в СССР в тюремном заключении он будет сидеть неопределенно долго (возможно, до конца своей жизни). Вот эта трудность в выборе варианта и привела в конце концов Рауля Валленберга к психическому расстройству. Так что наверняка кривил душой и говорил неправду советский ученый шведскому послу Яррингу о своей неосведомленности о судьбе Рауля Валленберга. И абсолютной правдой звучали слова этого ученого о психической болезни Рауля Валленберга.

Итак, годы шли. Хрущева сменил Брежнев. А далее... В иностранной печати в 70-е годы неоднократно появлялись материалы историков и публицистов, в которых высказывалась мысль, что в похищении Валленберга из Будапешта в январе 1945 года замешан... Л. И. Брежнев и поэтому советская пресса всячески замалчивает информацию о Валленберге.

Каким образом Брежнев мог быть замешан в похищении Валленберга? Он был в конце войны начальником политотдела 18-й армии 4-го Украинского фронта, который проходил по северной части Венгрии, в достаточном удалении от Будапешта. Вообще во время войны действовала такая практика: органы НКВД при забрасывании какой-либо своей разведывательной или диверсионной группы для выполнения конкретной задачи по линии НКВД ста-

вили в известность в общих чертах об этой задаче политотдел дивизии или армии, где осуществлялось это забрасывание. И можно предположить, что Брежнев, являясь начальником политотдела, был осведомлен о поставленной перед разведгруппой НКВД задаче — похищении из Будапешта шведского дипломата Рауля Валленберга. Такая задача могла быть поставлена органами НКВД СССР якобы с целью поимки в лице Валленберга опасного шпиона, завербованного, по данным НКВД, западной разведкой для работы против СССР. И эту операцию должна была выполнять специальная разведывательная или диверсионная группа, маршрут которой волей обстоятельств пролегал через 18-ю армию 4-го Украинского фронта и которую необходимо было самолетом забросить в окрестности Будапешта.

И когда через многие годы волей судьбы Брежнев вновь столкнулся с фамилией «Валленберг», то он решил предпринять попытку до конца раскрыть «тайну» Берии и дал указание КГБ заключенного под фамилией Валленберг держать в заключении до особого распоряжения.

Жив ли сейчас Рауль Валленберг? Для ответа на этот вопрос перечислим следующие важные моменты.

Момент первый. В упоминаемой ранее статье «Судьба Валленберга» сказано, что в развитии информации о Валленберге «особенно обрадовало заявление начальника управления информации МИД СССР Г. И. Герасимова, сделанное **в начале августа 1987 года** (подчеркнуто мною. — **Ю. К.**). Тон этого заявления был иным, чем прежде. Отмечалось, что советская сторона с пониманием относится к обеспокоенности родственников Валленберга и всех людей, интересующихся его судьбой. Еще одно тщательное расследование всех обстоятельств дела, проведенное недавно, подтвердило: Валленберг скончался в 1947 году».

Итак, советские правительственные круги начали новый диалог со шведской стороной по «делу» Валленберга в августе 1987 года.

Момент второй. В газете «Правда» от 13 февраля 1989 года в рубрике «Из потока новостей» было напечатано следующее сообщение: **«Список бестселлеров 1988 года** (выделено в тексте сообщения. — **Ю. К.**) опубликовала газета «Нью-Йорк таймс». Первое место среди них занял роман Тома Клэнси «Кардинал Кремля». В книге рассказывается о функционере ЦРУ, который отправляется в Советский Союз, чтобы прийти на помощь американскому тайному агенту. Тираж «Кардинала Кремля», впервые вышедшего **в июле 1988 года** (подчеркнуто мною. — **Ю. К.**), составил 1 миллион 277 тысяч 611 экземпляров». Я не читал этот роман. Но, даже не читая романа, можно с твердой уверенностью сказать, что кардиналом Кремля должен быть Берия (даже если в романе упоминается вымышленная фамилия). И если роман назван в честь кардинала, то он и есть главный герой романа и он и есть тайный американский агент. А функционером ЦРУ был не кто иной, как Рауль Валленберг, но в романе, конечно же, выведен персонаж под другой фамилией. Значит, в июле 1988 года об этой истории в жизни Кремля и СССР уже открыто поведал миллионам американцев писатель Клэнси. Писать этот роман Клэнси мог по заказу ЦРУ на основе определенного фактического материала, предоставленного ему в виде «легендных» материалов (то есть материалов не в подлинном секретном изложении каких-то событий, а в «легендном», доступном для более расширенного, хотя и достаточно ограниченного круга лиц). При интересном предоставленном материале Клэнси мог написать свой роман достаточно быстро (в течение года).

Момент третий. В октябре 1989 года в Москву по приглашению советской стороны прибыли родственники Рауля Валленберга, которым советской стороной были переданы найденные в сентябре этого же года в архивах КГБ личные документы и вещи Рауля Валленберга: дипломатический паспорт, удостоверение личности, водительские права, записные книжки, американские, венгерские и шведские деньги, справочная карточка на имя Рауля Валленберга, оформленная в тюрьме на Лубянке, портсигар (по поводу портсигара сестра Рауля Валленберга Нина Лагергрен, прибывшая в Москву, сказала, что Рауль никогда не курил, и подвергла сомнению принадлежность портсигара своему брату; уж не двойника ли Валленберга был этот портсигар?). Приглашение такой делегации в Москву для передачи всего, что принадлежало Валленбергу, — такое действие проводится, по логике, в том случае, когда человека уже нет в живых. Все эти вещи и документы Рауля Валленберга можно было найти не только месяц, но и многие годы назад. А нашли их в архивах КГБ непосредственно перед встречей с его родственниками.

Перечисленные выше моменты, связанные (включая обязательно и второй) с Раулем Валленбергом, однозначно говорят об одном: на сегодняшний день Рауля Валленберга нет в живых. Он умер скорей всего в конце 1986-го — начале 1987 года. Именно только после его смерти советские официальные органы, так ничего и не добившись от живого Валленберга, приняли решение закрыть «дело» Валленберга.

Правда о Берии лежит на поверхности, она понятна. От руководителей советского народа требуется только мужество, чтобы сказать эту правду. Сказать во имя священной памяти о тех тысячах и тысячах лучших представителей советского народа, загубленных этим «страшным проклятием советского народа на все времена». Не Сталиным загубленных, а врагом народа Берией. В этом ключ к пониманию многих трагедий и правды нашей истории.

Из сказанного о Рауле Валленберге вытекает вывод о том, что Сталин НИКАКОГО отношения к судьбе Рауля Валленберга как агента спецслужб Запада не имел, и причислять Рауля Валленберга к жертвам «сталинского произвола и беззакония» нет никаких оснований. Все, что связано с Раулем Валленбергом, — это отголоски той вражеской деятельности, которую вел Берия и которую всячески скрывают от советского народа не только на Западе, но и у нас в стране. Время покажет, умышленно ли это делается или по неосведомленности.

Так закончилась эта пресловутая «линия» Берии, которая принесла страшные муки и страдания советскому народу в 30—40—50-е (начало) годы. Следует особо подчеркнуть, что эта «линия» была превосходно законспирирована и ни Сталин, ни партия, ни советский народ не смогли при жизни Сталина раскрыть в лице Берии врага. В последние годы жизни Сталин все-таки понял, что Берия — это враг. Но, окруженный со всех сторон людьми Берии, он ничего не смог сделать.

Такова логика событий мировой и отечественной истории, связанных с Берией. Теперь слово за документами.

Григорий КЛИМОВ

ГИТЛЕР И ЕГО «ПОЛИТБЮРО»

Я очень удивился, когда узнал, что на заседании международного соцбюро в Копенгагене Ленин сидел в окружении К. Либкнехта и Муссолини *. Однако меня еще больше удивил тот факт, и это я прочел у Климова **, что отличительным значком гитлеровских штурмовиков была не свастика, а... пятиконечная звезда! Но вот когда при переводе слова «фашист» на французский получилось до боли знакомое, ничего не оставалось делать, как обратиться за помощью к Георгию Петровичу Климову.

Можно представить, какую реакцию произвела публикация Климова в «Молодой гвардии» (впервые в СССР), посвященная присно-памятным «диссидентам», что и по сей день носятся по миру с пугалом «русского фашизма». Эстафету подхватили и наши «гоминтерновцы»: «Огонек», «Московские новости», «Советская культура» и прочая... А точку поставил аппаратчик (бывший) Шеварднадзе, когда зал Верховного Совета прямо-таки ахнул от его заявления в стиле Леонида Андреева.

Прошло почти десять лет после выхода книги Г. Климова «Протоколы советских мудрецов» (Нью-Йорк, «Глобус», 1982), а уж появились новые борцы и вожди. То, что «романтика» борьбы всегда кончалась горами трупов, их не останавливает, но для непредвзятого наблюдения все же остается заметной та последовательность и организованность, с какой действуют радетели за «демократию». Вытаскивая из небытия очередных «фашистов», они дружно умалчивают о том, что же это за люди, разжигающие пожары мировых войн, и не странно ли, что той же пресловутой «Памяти» благоволит, например, израильская пресса. Газета «ВЕСК» чуть ли не в каждом номере пишет о «фашистах», что, очевидно, является рекламной акцией, и читателя не должна вводить в заблуждение критическая подача материала.

И вот тут я открыл рукопись «Красной Каббалы» ***. Книга написана в форме диалога. Глава называлась «Гитлер и его Политбюро»...

Когда какой-нибудь еврей пишет о поднимающем голову «русском фашизме», не удивляйтесь, ибо другой еврей тут же заклеймит фашистов-сионистов, а третий еврей-неформал выведет на чистую воду красного фашиста-коммуниста. Ну, думаем, вот бедным евреям не повезло: кругом фашисты и антисемиты!

В знаменитом своем «Завещании» (см. «Советский патриот», 1991, № 9) Гитлер обвиняет евреев во всех смертных грехах, указывая на полную ответственность евреев в развязывании войны: «...Неправда, что я или кто-то другой в Германии хотел войны в 1939 году. Война была спровоцирована исключительно теми государственными деятелями, кто либо сами были евреи, либо действовали в еврейских интересах».

Неча на зеркало пенять!.. Я позвонил Григорию Петровичу, задал ему ряд вопросов, и он дал согласие на публикацию материала в «Молодой гвардии».

Сергей ЖАРИКОВ

* Elmhyrst Ernst,«The World Hoax», 1938. USA, а также см. журнал «Русское самосознание», Нью-Йорк, 1986, № 9.

** В книге Хенеке Карделя «Предательство Гитлера по отношению к национал-социализму» есть и фотография «украшенного» пятиконечными звездами главаря штурмовиков Рэма. Там же полностью опубликован текст «Завещания» Гитлера.

*** «Красная Каббала» — новая рукопись Г. Климова, написанная в форме бесед. Автор несет ответственность за достоверность информации. — Ред.

— Сегодня осталось уже не так много людей, которые пережили эту войну, участвовали в ней и помнят ее. К числу таких ветеранов принадлежу и я, и должен сказать, что вещь это страшная. Давайте проанализируем корни этой войны, идеологические корни. Кто ее вел, что это были за люди.

В свое время, еще в средние века, папа Иннокентий VIII в своей знаменитой булле писал о ведьмах и ведьмаках, которые поднимают войны и революции и являются источником всех бед и несчастий рода человеческого. Под ведьмами и ведьмаками, согласно шифру того времени, он подразумевал психически ненормальных людей, которых в то время преследовали, ограничивали, локализировали. Владимир Ильич Ленин называл их профессиональными революционерами. У каждого века свой код.

Вторая мировая война стоила человечеству около пятидесяти миллионов человеческих жизней, в том числе Россия — более 20 миллионов. Так вот, давайте проанализируем с точки зрения высшей социологии тех, кто начал вторую мировую войну, ее руководителей — Адольфа Гитлера и других. Поскольку, без всякого сомнения, начал войну Гитлер, проанализируем его. У меня есть редкая книга, которая называется «Адольф Гитлер — основатель Израиля». Книга эта в своем роде запрещенная. Не только в Советском Союзе запрещают книги, строго запрещенные книги есть и на Западе. Об этой книжке я узнал от одного из моих читателей, еврея третьей волны эмиграции, покупавшего все мои книги. Он написал мне: «Григорий Петрович, если Вы не читали этой книжки, то очень рекомендую Вам, там масса интересной информации по вашей специальности». И это уже интересно, что еврей из третьей эмиграции, но честный, хороший человек обратил мое внимание на эту книжку. Вы не найдете ее нигде. Но в конце концов у автора эту книжку я получил. Тут действительно масса интересных материалов о Гитлере и его окружении. Большую часть информации для этой книги дал доктор и профессор Дитрих Брондер. Интересно, кто же он? Он — еврей, живущий в Западной Германии, профессор истории.

Поскольку он доктор и профессор истории, то это должен быть человек сведущий и авторитетный. Кроме того, он генеральный секретарь безрелигиозных еврейских общин Германии. Это своего рода еврейский безбожник, но в том смысле, что он не согласен с Иеговой. Но с другой стороны, — он — генеральный секретарь целого объединения евреев в Западной Германии, которые являются своего рода еврейскими протестантами. Он написал книжку «До прихода Гитлера» *. В ней он описывает роль евреев в приходе Гитлера к власти. Книжка эта большая, 464 страницы, приводятся 288 источников, но дело все в том: как только она была издана в Германии, ее моментально запретили. Кто? Немецкие власти. После капитуляции в Западной Германии были проведены законы, где малейшая критика евреев была запрещена в уголовном порядке. И статья в уголовном кодексе. Молчать — и все.

* Bronder, Dr. Dietrich — «Bevor Hitler Kam», 1975, Schweiz.

И тогда нашелся честный, очень авторитетный еврей, который хотел осветить некоторые белые или темные пятна прихода Гитлера к власти, но его книжка оказалась запрещенной. В Германии запретили книжку еврейского профессора и генерального секретаря союза еврейских протестантов.

— Вот тебе и демократия.

— Да. Какой-то еврей решил сказать не то, что говорят другие евреи. Ему моментально заткнули рот. Но нашелся другой человек, который его книжку переиздал вторым изданием и продает ее, но уже из Швейцарии. Это тоже человек интересный. Это Хенеке Кардель, который написал книгу «Гитлер — основатель Израиля» *. Большую часть исторического материала он взял из книги Дитриха Брондера, честного еврея. Он, во-первых, переиздал эту книжку, а потом брал из нее факты для своей книги. Так что 90 процентов материала, который я буду вам говорить, принадлежит еврейскому профессору Дитриху Брондеру. А кто же такой этот Хенеке Кардель? Он — подполковник немецкой армии в отставке и кавалер рыцарского Железного креста. Рыцарский Железный крест соответствует приблизительно Золотой Звезде Героя Советского Союза. Он 1922 года рождения, то есть на четыре года моложе меня. И будучи еще очень молодым человеком — когда началась война (мне было всего 23 года, а ему, значит, 19 лет в начале войны), — он умудрился за эти четыре года стать подполковником и кавалером рыцарского Железного креста. И мы друг в друга стреляли. У меня была с ним переписка, и оказалось, что мы были на одном и том же участке фронта напротив друг друга. После капитуляции в чине подполковника он вышел в отставку и начал писать книги. Написал он эту книжку «Адольф Гитлер — основатель Израиля», где большую часть материала он взял у еврейского профессора истории Брондера. Каковы же результаты? Моментально заработал немецкий суд и приговор — все это утопить. В буквальном смысле слова. 10 тысяч экземпляров этой книги были утоплены в гамбургской гавани по решению немецкого суда.

— И все это в наше время!

— И все это в наше время. Книжка издана в 1974 году. Но после того как десять тысяч экземпляров книги кавалера рыцарского Железного креста утопили в гамбургской гавани, он показал себя таким же, как и во время войны: он не сдался, а переехал в Швейцарию, открыл там собственное издательство и начал сам издавать книги, потому что это была единственная возможность издавать книжки на немецком языке в Швейцарии. Таким образом он издал и эту книжку, и еще целый ряд других. В общем, действительно можно сказать, герой. Ухарь-парень. Бывают и среди русских такие, бывают и среди немцев. Получается абсурд: во время войны мы на одном участке фронта стреляли друг по другу, а после войны мы оказываемся как бы идеологическими союзниками. И во всей Германии — интересно — не нашлось никого, кто осмелился бы каким-то образом писать на эту запретную тему. Никого, кроме немецкого кавалера рыцарского Железного креста и бывшего советского оккупационного офицера Григория Климова. Анекдот. Во время войны стреляли друг по другу, а теперь вдруг

* Kardel, Hennecke — «Adolf Hitler — Begruender Israels» Schweiz, 1978 (2-е издание).

оказываемся союзниками. Возникает вопрос: что лучше? Стрелять вслепую друг по другу, русским и немцам, или попытаться изучить причины этой проклятой второй мировой войны, чем занимается и Брондер, и я? Но — все это не так просто. Его книги под запретом — и мои тоже в своем роде под запретом. Каждый, кто читал мои книги, знает, что не так просто их купить в магазинах и т. д. и т. д.

Теперь давайте посмотрим содержание этой книги. Кстати, Кардель сам пишет, что в начале войны он был социалистом. Но ему было девятнадцать лет, ему просто голову заморочили, Гитлер многим головы заморочил, в том числе этому Карделю. А потом, повзрослев, набравшись опыта, он пишет: «Гитлер — создатель Израиля».

Вот первая интересная информация: дед Адольфа Гитлера — еврей — платил за отца Адольфа алименты в течение 14 лет, и на это есть документы. Вернее, отец деда по отцовской линии. Дело было так: будущая бабка Адольфа Гитлера по отцовской линии работала прислугой в доме богатого еврея и забеременела там от сына этого богатого еврея. И чтобы замести грехи, отец этого еврея, который является непосредственно дедом Адольфа Гитлера, платил 14 лет алименты. И тут у меня указываются страницы 12, 14 и 117.

Далее тут перечисляются фамилии всех ближайших гитлеровских соратников, таких, как Гейдрих, Франк и Розенберг, и все остальные крупные нацисты. Это было, можно сказать, своего рода гитлеровское политбюро. И все они подряд были или полуевреи, или на три четверти евреи, или на одну четверть евреи, все, поголовно. И это — гитлеровское политбюро. Например, Гейдрих, который был правой рукой руководителя гестапо Гиммлера. Этот Гейдрих был на три четверти еврей. Его отец был чистокровный еврей по фамилии Зюсс и был руководителем оркестра где-то там в Саксонии, хотя это не маленький городок, и его отец переменил фамилию на Гейдрих, и таким образом и сынок стал Гейдрихом. А мать была полуеврейка. И Гейдрих был одним из самых талантливых и самых подлых на верхах гитлеровского рейха. Именно потому англичане устроили на него покушение. Он был протектором в Чехословакии и так хорошо вел дела, что многие считали его наследником Гитлера. Если, допустим, Гитлер умрет, то его наследником будет вот этот Рейнгард Гейдрих. Учитывая это, англичане послали команду террористов, которые бросили бомбу и убили его в Праге, в Чехословакии. Из-за этого получилась печальная история с Лидице. Кто помнит историю второй мировой войны — там немцы уничтожили деревню Лидице. В полях всех перестреляли, потому что это было связано с покушением на Гейдриха, где его и убили. Во всяком случае, значение Гейдриха можно понять уже из того, что англичане не на кого-то другого устроили покушение, а именно на него: он был молодой, самый талантливый — и самый подлый. И был на три четверти евреем. Кстати, он был и автором этого злосчастного плана об окончательном решении еврейского вопроса, то есть уничтожении европейских евреев. Он был главой.

— Этот план приписывают немцам, а получается, что его руководителем был на три четверти еврей!

— Да. Он был как бы идеологом. Он был слишком большой

человек, он сам не занимался этим, но он был руководителем и создателем этого плана. А претворял в жизнь этот план ближайший его сотрудник Адольф Эйхман, который был чистокровным евреем-выкрестом.

Следующий — Франк. Франк был полуевреем, и одновременно он был генерал-губернатором Польши. Когда немцы захватили Польшу, то головой, генерал-губернатором Польши стал этот самый Франк. Он был главным виновником уничтожения польских евреев. Наибольшее скопление евреев в Европе было, как известно, в Польше. А уничтожал их кто? Полуеврей Франк. Одновременно Франк был личным адвокатом Гитлера. И Гитлер поручил Франку проверить свою родословную. То есть четвертьеврей Гитлер поручил полуеврею Франку проверить свою родословную, насколько это возможно. И Франк, его адвокат, официально подтверждает, что Гитлер — на четверть еврей.

Ну, и следующий — Розенберг. Он был руководителем или начальником всех оккупированных областей Советского Союза. Так что, видите, штучка тоже не маленькая. Розенберг был полуевреем. Это на странице 16.

Дальше дается список всех евреев вокруг Гитлера. Страница 17 и 107. И все это было взято из книги еврея, профессора и доктора Дитриха Брондера. Так что источники чисто еврейские и серьезные.

Теперь, это не относится к гитлеровцам, но тут маленькие связи есть. Гитлер обожал музыку Вагнера. Кто знаком с музыкой, с композицией и т. д., конечно же, знает знаменитого композитора Вагнера, музыку которого обожал Гитлер, потому что она соответствовала и по музыке, и по обстановке — нибелунги, валькирии...

— Тристан и Изольда...

— Да-да-да-да. Это как бы гениальное воплощение древнегерманской мифологии в музыке. Так вот, доказывается, что Вагнер был полуевреем. И одновременно — антисемитом. Он не поспел, так сказать, участвовать в гитлеровских делах, он писал раньше. Но Вагнер был полуевреем, в чем он признался знаменитому философу Ницше. Ницше — тоже штучка. Свою философию, мировоззрение Гитлер взял у Ницше. Интересная штука с этим философом Ницше. Я сейчас замечаю, что некоторые из советских диссидентов молятся на Ницше. Это — теория о сверхчеловеке. UBERMENSCH — белокурая бестия, воля к власти, «падающего — подтолкни», то есть философия, мягко говоря, довольно аморальная. Но была какая-то гармония между душой Ницше и душой Гитлера. Потому что философскую основу, как фундамент, Гитлер взял у Ницше, и фразеология та же: сверхчеловеки, высшая раса, воля к власти.

— Григорий Петрович, а кто Ницше сделал! Кто Ницше сделал великим!

— Да, я как раз об этом думал. Это все интересные исторические казусы и парадоксы. Ницше был преподавателем философии в каком-то университете и писал там свои книжечки. И никто не обращал внимания на его писания. Пишет себе и пишет, этакий экстремист, чудак. Кто же сделал его знаменитым? Английский еврей по фамилии Коган. Этот английский еврей был преподавателем истории. Он прочел писания Ницше о сверхчеловеке, о воле к власти. И хотя философ Ницше был чистокровным немцем,

его философия нашла отклик в еврейской душе профессора Когана. Воля к власти, сверхчеловек — это созвучно с Талмудом, с еврейской религией, которая провозглашает почти то же самое. В результате философия Ницше так понравилась еврейскому профессору Когану, что он начал страшно ее пропагандировать, расхваливать, как это умеет делать еврейская пресса. Она, если надо, из мухи делает слона и из слона муху. И вот, такую историю проделал преподаватель истории Коган: он рассвистел на весь мир, что Ницше — замечательный, изумительный, гениальный философ, и сделал его популярным и знаменитым. А что в результате? Последние 11 лет жизни знаменитый замечательный философ Ницше провел в сумасшедшем доме. А потом философию Ницше подхватил Гитлер... и все это кончилось уничтожением евреев.

То еврей Коган, то четвертьеврей Гитлер... А потом — то, с чего я начал: с Ницше дружил полуеврей Вагнер. Полуеврей и антисемит Вагнер дружил с Ницше. Так что у Ницше, с одной стороны, Вагнер, с другой — Коган. Причем Вагнер страшно скрывал, что он полуеврей — об этом писали как-то в «Новом русском слове». Говоря с точки зрения философии, это та самая змея, которая кусает сама себя за хвост, и вы много таких найдете графических символов. Свиньи бросаются со скалы в море и все гибнут, как писал наш Достоевский в своем романе «Бесы», взяв цитату из Библии.

— Что интересно, Григорий Петрович: чем ближе мы подходим к категориям высшей социологии, тем проще становится использовать библейский язык. Лучше, чем в Библии, не скажешь. В Библии все это было описано и закодировано довольно хорошо.

— О да, именно закодировано, потому что все говорилось своего рода шифром. Библия — это, без сомнения, интересная книга. Ветхий завет интересен как книга историческая, а Новый — как книга религиозная и философская. Надо сказать, что, когда в анкетах приходилось отвечать на вопрос о религии, я никогда не мог написать, что я атеист. В душе я действительно не атеист и не безбожник. Хотя в церковь я не особенно ходил, я никогда не скажу, что я безбожник или атеист. Я — неформальный религиозник. Лучше всего, знаете, золотая середина: не кидаться ни в одни крайности, ни в другие.

...Еще там описывается один интересный барон — барон фон Ланц. Он был дружком Гитлера, когда Гитлер был молодым человеком и жил бродягой в Вене и проходил, так сказать, свои университеты. У каждого были свои университеты — у Горького, например, читали, наверное, «Мои университеты». Нечто подобное было с Гитлером в его юношеские годы в Вене. И там его духовным наставником был этот барон фон Ланц. Кто же он был такой? Никакой он не барон, во-первых — самозванец. И никакой он не «фон». «Фон» — это приставка, которая давалась немецкому дворянству. Причем даже в демократической Германии, если я, допустим, захочу приставить к своей фамилии «фон» — фон Климов — немцы очень строго проверят. Вы можете взять там любую фамилию — я, например, долго жил в Германии как Ральф Вернер, официально, — если бы я захотел приставить «фон Вернер», то меня бы там проверяли со всей немецкой пунктуальностью и в конце концов взяли бы за загривок.

Фон Ланц на самом деле был чистокровным евреем и диким

антисемитом. Ему его еврейская кровь была настолько противна, что он выдавал себя за немецкого или австрийского барона, да еще дворянскую приставку ставил перед фамилией. Будучи чистокровным евреем, он не только болтал что-то против евреев в пивных, но и издавал антисемитский журнал. Тут подробно, кстати, описывается этот журнал, и фотографии приведены. Таков был духовный учитель Гитлера *.

Но это еще не все. Этот еврейский барон фон Ланц встречался в свое время в Швейцарии... с кем? — с товарищем Лениным, и все это было документировано. В начале своей карьеры в эмиграции Ленин был в Швейцарии, не бродягой, как Гитлер, но в принципе такой же экстремист, революционер, бунтарь...

— Профессиональные революционеры...

— Профессиональные революционеры. Они в своем узком кругу друг о друге узнают: итальянские революционеры, австрийские революционеры, а, есть еще такой вот чудак, русский революционер, Ульянов, Ленин. И замаскированный еврей барон фон Ланц встречался в Швейцарии с товарищем Лениным.

Я нарочно упоминаю этого фон Ланца, и в книге о нем довольно много: ведь он — духовный отец Гитлера, еврей-антисемит.

Еще интересная историческая деталь: после поражения Германии в первой мировой войне там было демократическое правительство, и крупную роль в нем играл еврей Ратенау. Кажется, он был министром иностранных дел. Он был еврей и одновременно опять-таки антисемит. Страница 45, тут подробно все описывается.

В своей библии нацизма — «Моя борьба» — Гитлер уже определенно писал, что нужно делать с евреями, что он собирается с ними делать. И как он их называл? Какие давал им определения? «Евреи — это отравители народа», «чума» — это дословно слова Гитлера на страницах 52—53.

На странице 61 дается состав коммунистического правительства Баварии. Кажется, в 1919 году был путч в Баварии и короткое время правило коммунистическое правительство. Кто же им заправлял, коммунистическим правительством Баварии? Три еврея: один Левин, остальных я не помню, но тут все это есть. Короче, сделали опять маленькую революцию, не во всей Германии, так в Баварии.

Теперь еще из истории прихода Гитлера к власти. В 1923 году Гитлер устроил путч, который был подавлен. Гитлер с несколькими сотнями своих людей шел по главным улицам Мюнхена, против него были немецкая полиция и армия, была стрельба из пулеметов, Гитлер и все остальные разбежались, попрятались. Где же Гитлер прятался? После путча 23-го года Гитлер прятался у еврейки Хайнштейнер. Это исторический факт. Ну, потом его вытащили из-под юбки этой еврейки или из подвала, я не знаю, и посадили немножко.

Вот еще маленький интересный факт. Один из ближайших друзей и финансистов Гитлера был такой Требич-Линкольн, который был евреем и антисемитом страшным. Он давал большие деньги на движение гитлеровцев. У Требич-Линкольна был какой-то очень

* Отец Гитлера женился на своей приемной дочери от первого брака, которая была на 23 года моложе его. Это был его третий брак, подаривший миру еврея антисемита Адольфа. — **С. Ж.**

богатый папаша, торговец шелками, мануфактурой... ну, правдами ли, неправдами заработал большие деньги и помер. А сынок-бездельник на унаследованные от работящего папы деньги занимался всякими политическими экстремами и в том числе финансировал очень крупно Гитлера. Они снимались в обнимку — в общем, лучшие друзья. Подробнее об этом на страницах 79—82.

Дальше здесь пишется еще, как еврейские банкиры из Нью-Йорка финансировали приход Гитлера к власти. Хотя Гитлер уже все написал в своей книжке «Майн кампф», все уже было известно, но еврейские банкиры думали, что они его приручат, и финансировали его крупно.

Еще один из гитлеровского политбюро — Юлиус Штрайхер. Это был самый оголтелый «жидоед». Не антисемит, не антисионист, а именно «жидоед». Он издавал газету «Дер Штюрмер» — это была самая антисемитская газета в гитлеровской Германии. Чего там только не было против евреев! Просто одержимый был Штрайхер. Поэтому его судили на Нюрнбергском процессе и приговорили к повешению за антисемитизм. Судили его так: на виселицу вело тринадцать ступеней — это была символическая казнь по приговору нюрнбергского трибунала — и день повешения совпадал с еврейским праздником Пурим, днем мести. Опять-таки из Библии. И когда этого Юлиуса Штрайхера вешали, то у подножия виселицы прибили дощечку с его настоящим именем: Абрам Гольберг.

— И все это раскопал еврейский профессор, глава объединения евреев-безбожников!

— Да-да-да, профессор истории и, судя по всему, очень серьезный и знающий человек.

— Опять-таки: если бы это была ложь, то немцам ничего не стоило бы поднять все на смех и показать, какие эти антисемиты глупые. А они тираж затопили буквально варварским способом...

— Да. Десять тысяч книг утопили в гамбургской гавани.

— Так что, похоже, все это не так смешно, как кажется!

— Конечно, смеяться тут нечему. Ведь мы начали с того, что Гитлер стоил человечеству 50 миллионов жизней, в том числе 20 миллионов русских жизней.

Теперь оставим на некоторое время Гитлера в покое. Тут есть побочная, но очень интересная информация о создателях новых религий. Упоминается история создателя одной из таких псевдорелигий. Гурджиев. Я о нем знал уже давно. Он считается создателем эзотерии *. Считается он армянином. Он родился и вырос в Сирии, жил где-то там на Ближнем Востоке — значит, вроде армянин, — потом переехал во Францию и имел там в 20-х годах свой знаменитый институт около Парижа. Его помощником в Лондоне был журналист Успенский. Ни о чем вам не говорит фамилия?

— Сын священника, видимо...

— Вот, правильно, «успение». Раз Успенский — значит, по фамилии, он сын священника. А занимался он чем? Сатанизмом. Был ближайшим сотрудником эзотерика Гурджиева. Георгия Ивановича. Потом с этим институтом получился скандал. Полиция

* Эзотерическое, то есть тайное, знание составляет основу как всех древнейших религий, так и различных направлений оккультизма. — **С. Ж.**

арестовала Гуржиева и его компаньонов за педерастию. Да не просто за педерастию, а за растление малолетних мальчиков. Когда двое взрослых занимаются содомскими грехами, то полиция обычно смотрит сквозь пальцы, но когда начинается растление малолетних — вот тогда они берут за шиворот. Георгия Ивановича Гуржиева арестовали, и весь его институт закрылся. Другие эзотерики об этом, естественно, помалкивают.

Между прочим, в связи с наплывом третьей эмиграции у нас сейчас тоже воскресло эзотерическое общество в Нью-Йорке. Вовсю обсуждают «карму» и т. д., и т. д., и т. д.

В этой книжке более подробно говорится о Гуржиеве. Оказывается, он полуармянин и полуеврей, изобретатель новой религии, связанной с педерастией. Допустим, случайность то, что Гуржиев — полуеврей. Но я возьму трех изобретателей таких «новых религий». Самая знаменитая — изобретательница теософии * Елена Петровна Блаватская, урожденная Ган. Жила она с 1831 года по 91-й. В других серьезных источниках эту теософию называют не иначе как предбанником масонства. Не прямо масонства, потому что женщин там, в педерастических кругах, не очень-то любят, но нечто вроде. Елена Петровна Блаватская тоже была полуеврейка. Скрытая полуеврейка, которая выдавала себя за русскую. Вот что о ней тут говорится: она в 17 лет выскочила замуж за шестидесятилетнего барона Блаватского. Сразу видно, что это или комедия, или мошенничество. Вскоре она барона покинула. Источник безупречный — энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Обладала эксцентричным характером — то есть психопатка. В сочинениях и жизни Блаватской трудно провести границу, где кончается сознательный или бессознательный обман или самообман и начинается искреннее увлечение мистикой и простое шарлатанство. В переводе на язык психиатрии — раздвоение личности, что связано с шизофренией. Источник — «Новое русское слово», 15.6.67. Мой знакомый поэт Валерий Перелешин очень нелестно пишет о Блаватской. Этот Валерий Перелешин, расстриженный священник, был арестован за содомию — его поймали где-то там на островах в Филиппинах в банях с китайчонком. Не с китайцем, что прощается, а с китайчонком — и посадили его за педерастию. Он эмигрировал в Америку, но за эти грешки — за арест на Филиппинах, за баню с китайчонком — его депортировали из Америки в начале 50-х годов. Сейчас, может быть, его бы не депортировали — права человека и т. д., и т. д. Пришлось бедному поэту, бывшему священнику и педерасту, переезжать в Бразилию. Это единственная страна в Северной и Южной Америке, которая легально допускает педерастов. Там он и живет по сей день.

Блаватская была полуеврейкой, психопаткой, но ее учение играло и по сей день играет большую роль в среде психопатов.

Кстати, чтоб удержать успех в продаже, она подписывалась «Блеск и шум», «графиня Рада Бай» и даже «маркизою Шурум-Бурум». Это напечатано в монархической газете «Наша страна» от 8.7.75.

Третий пример из этой серии — псевдорелигия под названием

* Теософия — оккультная наука, изучающая взаимосвязь всех мировых религий. — **С. Ж.**

антропософия *. Ее изобретателем был Рудольф Штайнер, еврей.

Один полуеврей, другая — полуеврейка, третий — полный еврей. Об этом говорится в книге Робака «История психологии», где указаны все подробности.

Я нарочно отвлекся от Гитлера и пошел по линии основателей псевдорелигий. Мне интересной показалась эта закономерность — склонность евреев к экстремам. Или в религии, как в трех названных случаях, или в политике, как в случае Гитлера. Это — и их нужно жалеть, то вы ошибаетесь: эти психопаты трясут мир! Если вы думаете, что психически больные люди лежат в постели, психически неуравновешенные люди, но эти люди трясут мир. Закономерность. И все это знал наш Лев Толстой, который прямо говорил в своих дневниках: «Я глубоко убежден, что миром правят сумасшедшие». Нужна маленькая поправка: не сумасшедшие, а полусумасшедшие, психопаты. Я нарочно упоминаю, что Лев Толстой шел в своих рассуждениях по этому пути: я люблю ссылаться на авторитет. Чтобы не сказали: «что там Климов говорит, он никто. Он не Ницше, он и не Гитлер», — я взял себе на помощь авторитет Льва Толстого. Я люблю прятаться за авторитеты и жить себе спокойненько.

— ...А кончается тем, что вы в окопах стреляете друг в друга!

— Начинается с этих анекдотов, с чудаков, с психопатов, а кончается пятьюдесятью миллионами убитых, из них 20 миллионов русских... Поэтому интересно порыться в идеологических корнях...

— Чтобы будущему поколению не пришлось точно так же в окопах лежать!

— В этом-то и дело: чтобы помочь будущим поколениям. Потому что даже если устроить в Москве парад на Красной площади, то таких очевидцев войны, как я, от силы наберется 5—10 процентов. Когда началась вторая мировая война, мне было 23 года, а воевали в основном люди постарше меня, они все уже перемерли, кого не перебили.

Ну, а теперь Иосиф Геббельс. Геббельс был министром пропаганды. Он был четвертьевреем, но наверстал упущенное: женился на еврейке. Это — министр гитлеровской пропаганды, главный лжец у Гитлера. И, с одной стороны, Гитлер гнал евреев в концлагеря и газовые камеры, а то, что с другой, у ближайшего дружка, Геббельса, жена еврейка — это ничего. Давалась охранная грамота.

Геббельс наделал шесть детей. А потом, в момент капитуляции, Геббельс со своей женой отравили шесть своих детей цианистым калием и сами покончили жизнь самоубийством. Как скорпион, о котором говорят, что если он окружен огнем, то он совершает самоубийство, колет себя своим жалом и умирает. Убивать шестерых своих детей нормальный человек не будет. Тем более что Геббельс был хромоножка. У него была «лошадиная стопа», то есть стопроцентная врожденная хромота.

Тут подробно описывается самоубийство Гели Раубаль. Это была единственная настоящая любовь в жизни Гитлера, и она была его родной племянницей. Что это означает? Кровосмешение. Чем это кончилось? Геля Раубаль, племянница Гитлера, покончила самоубийством. Я видел ее фотографию. Молоденькая красавица —

* Антропософия — оккультная наука, точкой отсчета считающая знание о человеке. — **С. Ж.**

девушка. И вот такой дядя-чудовище довел ее до самоубийства.
— Говорят, после ее смерти Гитлер стал вегетарианцем.
— Да-да-да, это была единственная женщина, которую Гитлер по-настоящему любил. И тут опять-таки загляните в религию. Религия имеет свои хорошие законы. Согласно православным религиозным законам запрещались браки между родственниками до шестой степени родства.
Следующая интересная информация. Гитлер называл себя апостолом (с. 140). Доктор психиатрии Кэрпмэн * писал, что одним из корней психических болезней является теомания. Когда человек начинает воображать себя апостолом, это признак психической болезни. Вот вам пожайлуста: Гитлер называл себя апостолом.
На странице 143 описывается гауляйтер Йордах, который был четвертьевреем. А что такое гауляйтер? В переводе на русский — это... большой партийный чин, типа нынешнего секретаря обкома.
Воля к власти, комплекс власти, комплекс вождя, что часто сопровождается примесью еврейской крови. Что вы можете сказать по поводу его фамилии?
— Иорданский...
— Правильно, по-русски это будет Иорданский. Это фамилия, которая опять-таки давалась только священникам и их потомкам. А он уже четвертьеврей. Это означает, что это помесь детей священников с евреями. Как вы уже знаете из предыдущего, это самая ядовитая смесь.
Тут подробно описываются нюрнбергские законы о чистоте расы.
— А, расовые законы знаменитые...
— Да, на странице 155, но я не буду в это углубляться, приведу только один интересный закон. Немкам категорически запрещалось быть прислугой у евреев, до возраста 45 лет. А это серьезная штука, нюрнбергские законы о чистоте расы. Вот вы попробуйте решить эту загадочку. Объясните мне этот закон, назовите имя того, кто его ввел. Адольф Ги-итлер, наверное. Вспомнил своего дедушку. Вспомнил, что его бабка работала прислугой в еврейском доме, забеременела, и от этого родился отец Гитлера, полуеврей. И вот тут Адольф Гитлер решил напомнить евреям, чтобы не получались такие, как он сам. Та же самая штука: змея, которая кусает себя за хвост. Дьявол склонен к самоуничтожению. Адольф Гитлер прекрасно знал в глубине души, что он больной человек, обвиняя в этом евреев и ввел этот закон до 45 лет — почему? — деторождение прекращается. Старушку 60 лет — пожалуйста, можно взять прислугой. Но молоденькую, пока она может рожать детей, до 45 лет — категорически запрещалось. Таким образом мы расшифровываем эти нюрнбергские законы **.
Вот еще список людей из гитлеровского политбюро: Рудольф Гесс, который несколько месяцев назад умер, вернее, покончил с собой в тюрьме Шпандау в Берлине в возрасте что-то за 90 лет. Он был заместителем Гитлера по линии нацистской партии со времени ее создания в 20-х годах. Он был полуевреем.

* Karpman, Dr. Beniamin, H. O. — «Jhe Sexual Offender and His Offenses», N. Y. 1954.
** Кстати, единственная, но, правда, незаконная дочь Адольфа Гитлера Гизела Хозер-Марвин вышла замуж за сына раввина Абрама Марвина, переехала в Израиль и приняла иудаизм.

— Наверное, был очень важный человек, ведь только из-за него эту крепость Шпандву держали.
— Да, четыре оккупационных державы содержали эту тюрьму *.
— Более того, ему категорически запрещали писать мемуары относительно его дел.
— Когда несколько месяцев назад он покончил с собой, там шуму-гаму масса было.
Он, оказывается, был полуевреем. Но в других книгах мы найдем, что он был не только заместителем, но в молодости был и гомосексуальным любовником Гитлера. Четвертьеврей Гитлер натягивает полуеврея Гесса, и, как это часто бывает, он у него ближайший помощник. Гесс родился от матери-еврейки в Египте. И интересно, что через свою мать-еврейку каким-то кружным путем он был связан кровными узами с Черчиллем.
— Родственник Черчиллю!
— Да, правда, очень дальний. Во всяком случае, какими-то родственными путями, через свою мать-еврейку, он был с ним связан, поскольку мать Черчилля — американская еврейка.
И вот Рудольф Гесс полетел в Англию. Да, в одной из книг упоминалось, что у его матери были сильные аристократические связи. Тогда получается, что его пребывание в Шпандау весьма напоминает почетную отставку Троцкого, когда он охотился там и жил — кум королю и сват министру. И он жил там припеваючи... Да, это государственная тайна Англии. Значит, он полетел в Англию, спустился там на парашюте... Он надеялся, что Черчилль будет с ним разговаривать как с посланником Гитлера: дипломатическим и официальным посланником. И тогда они собирались договориться каким-то образом в отношении русского фронта. Но его арестовали, заперли в одиночку и держали взаперти. Первый заместитель Гитлера...
Теперь еще об этой компашке. Был такой министр труда, Лей (алкоголик, между прочим), который заведовал всеми этими рабочими рабами: их было несколько миллионов русских, которые были угнаны. Это был практически министр рабского труда. Алкоголик и четвертьеврей.
— За действия этого гитлеровского политбюро сейчас отвечает весь немецкий народ...
— Да, никто этого не знает — государственная тайна. Я знаю единственного, кто в этом гитлеровском политбюро был без примеси — это руководитель военно-воздушных сил, маршал Геринг. Да и у него жена была еврейкой. Та же самая история, что и сталинское Политбюро, и ленинское. Если ты не еврей, то ты или полуеврей, или у тебя жена еврейка. Так же, как ближайшие сотрудники Сталина: Клим Ворошилов был русский — женат на еврейке, Михаил Иванович Калинин русский — женат на еврейке...
Ну и еще вечная невеста Гитлера Ева Браун — четвертьеврейка. Просто какой-то, понимаете, нюх у них. Гитлер мог бы найти немку, арийку — мог бы найти кого угодно... Но их вот буквально тянет друг к другу. Они все скрывают, что они полуевреи, четвертьевреи, но между собой все друг друга знают... Гитлер буквально перед смертью зарегистрировал свой брак с Евой Бра-

* В том числе и, естественно, СССР материально обеспечивал содержание врага. — **С. Ж.**

ун, и они вместе покончили с собой. Была библейская Ева — еврейка, и гитлеровская Ева — четвертьеврейка.

Но это еще не все.

У Гитлера был придворный фотограф. Делал все его официальные фотографии. По фамилии Гофман.

— **Ну этот-то должен был быть проверенный товарищ...**

— О, да — проверенный. Именно, он четвертьеврей, познакомил Гитлера с четвертьеврейкой Евой Браун. Это все по цепочке идет.

Тоже интересная информация. **До войны в Германии было около полумиллиона евреев. Из них триста тысяч выехали до начала войны, совершенно свободненько.** А кто потом — это уже другое дело.

Доктор Гитлера, Морель, тоже был с примесью. И тоже... травил Гитлера. В последние свои годы, во время войны, Гитлер трясся весь: болезнь Паркинсона, нервничал и на нервной почве у него там была масса всего... Интересно, что после капитуляции Германии, когда американцы заинтересовались личным доктором Гитлера, этим вот Морелем, они начали его допрашивать. И он оправдывался: денацификация, мол, он травил Гитлера и тем самым помогал союзникам. Как вам это нравится?..

Теперь, у Гитлера был адмирал Канарис. Работа у него была хорошая: начальник военной разведки. Так вот, этот адмирал Канарис был греческим евреем. И этот же адмирал Канарис предложил звезду Давида для евреев — это была его инициатива. Те евреи, которые остались в Германии, должны были носить на одежде звезду Давида.

Теперь, генерал Франко. Союзник Гитлера и диктатор Испании. Он, оказывается, крещеный еврей. Чистокровный еврей — по отцу и по матери. Но тут же оказывается, что английский премьер-министр Черчилль и Рузвельт — с еврейской кровью. Так что, кто вел войну?

Гитлер, оказывается, любил сравнивать себя с Иисусом Христом. Это своего рода религиозное помешательство, мания величия. Вот что говорил Гитлер о евреях, дословно: «Евреи — это отравители всех народов мира». То есть ненависть у него действительно была патологическая. Почему он это говорил? Будучи четвертьевреем и человеком явно ненормальным: и психически, и сексуально, он обвинял в своих ненормальностях свою еврейскую кровушку.

Ну вот, все гитлеровское политбюро мы уже перебрали. Теперь возьмем других. Генерал СС, Вах Залевский, и еще один генерал — Адила Голобочник. Оба они уничтожали евреев. Причем, Голобочник заведовал Веной и Австрией, очищал их от евреев. Так вот, оба они еврейской крови.

Вот еще одна очень интересная книга о Гитлере. Автор — Вальтер Ланге *, издана в Нью-Йорке, в семьдесят втором году, миллионные тиражи. Что же здесь пишется? В 1943 году Рузвельт приказал американской разведке сделать ему психологический анализ и психологический портрет Гитлера. Разведка набрала лучших специалистов, и они в течение длительного времени опрашивали всех людей, которые знали Гитлера лично, с самого детства и по последнее время. И на основании этого опроса был сделан доклад лично президенту Рузвельту, на котором стоял штемпель:

* Lange, Dr. Walter — «The Mind of Adolf Hitler».

«Особо секретно». Это был официальный документ. Это было засекречено, и только в семьдесят втором году было рассекречено и вышло в форме книги. Так что это официальный документ американской разведки на высшем уровне для президента Рузвельта. И тут говорится то же самое, и подтверждаются те же факты, которые приводит Кардель.

Беру другую книжку. То же самое: миллионные тиражи... И называется «Гиммлер», и тут то же самое: пишется, что начальник гестапо, Гиммлер, был полуевреем. Автор этой книжки Вилли Фришауэр *, американский еврей, который сразу после войны работал в американской разведке, в архивах, рылся там...

Беру следующую книгу из этой серии. Уильям Стивенсон. Ну, из информации, я могу здесь только коротко сказать, что Рудольф Гесс, первый заместитель Гитлера, во-первых, был импотентом (правда, потом, в конце концов, наделал-таки детей), и, чтоб вы знали, у Гесса была репутация гомосексуалиста. Поэтому одним из ближайших крупных сотрудников Гитлера среди министров, Бондюр фон Ширрахт, был тоже гомосексуалистом. Здесь есть много интересной информации, но сейчас я не буду увлекаться, во всяком случае, целым рядом книг подтверждается та информация, которая собрана в книге Карделя «Гитлер — основатель Израиля».

Ну вот то же самое. Книжка называется «Эйхман». Джон Дануан. Это крупный дух из американской разведки, который написал эту биографию Эйхмана. А Эйхман был главный, кто уничтожал евреев, под руководством Гейдриха. Но тут забавно то, что израильская разведка похитила Эйхмана. Но когда? 13 мая 1960 года. Это, я думаю, не случайность, это специально было сделано 13 мая — мол, знай наших. С числом 13 любят играться сатанисты, чтобы показать, что это, мол, наша работа. И тут приурочили. А пишет это один из начальников американской разведки.

Вот из этой серии следующая книга: «Биография адмирала Канариса», начальника гитлеровской военной разведки. И вот тут пишется: «Канарис был гомосексуалистом». Мы уже знаем, что он был греческим евреем, а тут пишется, что он был гомосексуалистом. Страница 263. Здесь тоже много интересной информации. Но все подтверждает то, о чем пишется у Карделя...

Почему мы так подробно разбираем личность Гитлера и его окружение? Потому что Гитлер, все его окружение состояли из полуевреев, четвертьевреев... Это была закономерность. И это интересно, поскольку Гитлер и его окружение, и нацизм, и фашизм, стоили человечеству пятьдесят миллионов человеческих жизней, а России это стоило двадцать миллионов человеческих жизней.

Но все, о чем мы говорили, хотя это и исторические факты, эти факты — секрет. И тогда вы поймете, почему десять тысяч книг Карделя по постановлению немецкого суда были утоплены в гамбургской гавани. Но, как говорится, правду не так-то просто уничтожить, правду об исторических причинах второй мировой войны.

* Frischauer W. — «Himmler» N. Y. 1962.

ДЛЯ ЧЕГО «ДЕМОКРАТАМ» ВЛАСТЬ?

Из писем в редакцию

КТО ВЕДЕТ СТРАНУ К ГИБЕЛИ — ПРЕЗИДЕНТ ИЛИ ЕГО СОВЕТНИКИ!

Если мы что-то и знаем хорошо из отечественной истории послеоктябрьского периода, так это ошибки наших вождей. Мы не задумываясь ответим на вопрос о том, кто виноват в посягательстве на чистоту марксизма в 1917 году, коллективизацию в 30-м, репрессии в 37-м, совнархозы и кукурузу в 50-х, в тоталитаризме, волюнтаризме, застое и т. д. С определенной точки зрения вся наша история предстает в виде дискретного процесса совершения ошибок — их определения — нового совершения ошибок и далее до бесконечности, которую Гегель называл дурной.

Гораздо меньше известно о тех людях, которые классифицировали ошибки и вырабатывали для вождей идеи, которым еще только предстояло стать ошибками и быть подвергнутыми классификации, хотя скрытая от постороннего взгляда их деятельность единственно постороннему же человеку и могла показаться малозначительной, а ошибки вождей — суть их собственные ошибки, совершенные раньше во времени. Речь идет о советниках.

Вожди и советники, воля и интеллект власти — нерасторжимое единство, разные полюса магнита, не существующие в отдельности, так же, как не существуют, по утверждению физиков, монополии в природе.

Не случайно поэтому появление указанного сочетания в названиях сначала сенсационной книги о Сталине, а затем и в сочинении Ф. Бурлацкого. Показательна и разница между этими двумя названиями — «Тайный советник вождя» превратился в «Вождей и советников», и если множественное число в отношении вождей во второй книге отражает, может быть, лишь участившуюся после Сталина их смену, то в отношении советников оно справедливо зафиксировало появление целой группы людей, для которых советы стали профессией.

Справедливо и то, что «советники» берут начало от «советника», да и вообще именно эта группа является одним из немногих примеров сохранения преемственности, в чем нетрудно убедиться не только на примере родословной советника-академика С. Шаталина, не без тщеславия им поведанной, но и большинства его коллег. Если же отказаться от языка Эзопа, то указанная мысль сводится к тому, что советники высшего руководства страны представляют собой высокоэлитную группу, вход в которую для посторонних если и не совсем закрыт, то неимоверно сложен.

Впрочем, здесь мы уже впрямую подходим к тому, что в отношении «вожди — советники» составляет, так сказать, отечественную специфику.

В основе этой специфики лежит то обстоятельство, что среди всех видов монополий, основанных на отчуждении (от средства производства, политической власти и т. д.), о которых мы узнали в годы перестройки, наиболее развитой, хотя и наименее обсуждаемой сегодня, всегда была монополия на интеллект.

Не то, чтобы страна была скудна талантами. Но быть в действительности и считаться у нас разные вещи. «Семейные» отношения с властью давно передали монопольное право на признание возможности «считаться» в руки советников. Помимо прочего, это право гарантировало возможность пережить смену вождя в тихой гавани с приятной уверенностью в том, что рано или поздно пробьет час, когда твой товарищ, совершивший очередные «ошибки», займет твое место, а ты будешь снова призван под знамена. Ф. Бурлацкий и Г. Шахназаров яркие, но не единственные примеры такого порядка вещей.

В понятиях феодализма, с которым члены группы любят сравнивать построенное нами общество, — это дворянство, которое, отслужив положенный срок в ЦК КПСС или ЦК ВЛКСМ, получало в удел академический институт, газету или журнал, привилегию приписывать отпрысков к престижным вузам, а ближе к старости и пожизненный пенсион в виде места среди академиков.

Впрочем, даже такие неприятности вовсе не обязательны. Личная преданность настолько нехарактерна для этих интеллектуалов, что неискушенному человеку сегодня может показаться даже непорядочностью. Поэтому отнюдь не редко уход вождя не влек для советника ровным счетом никаких последствий, так как им же самим был и подготовлен.

Говоря короче, вожди, озвучивавшие написанные им речи, платили по счету и уходили, советники — оставались.

Момент противоречия, имманентный отношению вожди — советники, всегда осознавался сторонами, но почти никогда не проявлялся вовне. К тем, широко известным ссорам, которые известны как конфликт вождей и интеллигенции и действительно являются нравственными образцами, создаваемыми людьми, сознающими свою обреченность, советники отношения не имели, а если и имели, то находились не в рядах интеллигенции, хотя при случае не прочь отождествлять себя именно с ней.

Именно поэтому навязчивый лейтмотив политической жизни последних месяцев — «Смотрите, кто ушел», с перечислением фамилий таких ближайших советников Президента, как Яковлев, Шаталин, Петраков, в котором слышатся далеко не еван-

гельские увещевания, а неприкрытая угроза, обращенная к Президенту, представляет собой случай достаточно редкий. То, что и Президент, пусть избегая называть имена, недвусмысленно обозначил свое неудовлетворение советниками, вообще придает ситуации уникальность, делая ее достойной всяческого внимания.

В целом же история перестройки дает богатый материал как для познания закономерностей взаимоотношений вождей и советников в нашем государстве, так и для выявления истинного лица последних.

Сегодня, во время конфликта и взаимных обвинений, Президент и советники едины в положительной оценке начального этапа реформ, а точнее, отрезка времени, начавшегося сразу после того, как «ускорение» в перестройке уступило свое место «гласности» и «плюрализму». Поэтому есть смысл пристальнее взглянуть на их «медовый месяц», растянувшийся примерно на период 1987—1989 годов.

Сразу отметим, что реальные достижения этого периода не могут быть поставлены под сомнение, хотя бы потому, что благодаря им становится возможным немыслимый прежде открытый разговор на обсуждаемую тему.

Чтобы не полагаться только на память, обратимся к не очень широко известному выступлению А. Н. Яковлева, человека, который всегда являлся непререкаемым вождем советников и бессменным советником вождя перестройки (а недавно он официально утвержден Президентом М. С. Горбачевым в качестве руководителя своего аппарата советников). Выступление относится к декабрю 1988 года, и это тоже очень удобно: середина указанного выше периода, новый плюрализм уже обкатан на Н. Андреевой; XIX партконференция, в шоковом состоянии принявшая план политреформ, — позади, выборы и начало работы парламента, которые внесут существенные изменения в позицию советников, — впереди. Примечательно это выступление еще и тем, что многие его положения в отличие от того, к чему мы привыкли, носят характер инструкций, понятных для людей просвещенных, научно обоснованных, а потому и успешно реализованных.

Что же волновало человека, столь счастливым образом совместившего в себе высшую власть и интеллект?

Это были действительно серьезные вопросы. Например, соотношения понятий бытия, сознания, поведения и интересов. Если конкретнее, то объективно консервативный характер интересов. Если еще конкретнее, то волновала следующая закономерность: «сознание, а вслед за ним и поведение испытывают консервативное давление интересов». Проще говоря, на пути перестройки встала и начала ей сильно мешать такая вещь, как обыденная жизнь простого человека, диктовавшая ему здравые интересы. Формируемое этой жизнью сознание было не готово принять то, что не терпелось начать реализовывать лидерам.

Чтобы двигаться дальше, нужно во что бы то ни стало разорвать цепочку. Конечно, можно было бы подождать, пока меняющаяся жизнь изменит и сами интересы и подготовит сознание к предстоящим испытаниям. Но умение ждать не самое сильное качество советников, а пресловутый радикализм изобретен отнюдь не Ю. Афанасьевым и ведомыми им младшими научными

сотрудниками. Если интерес и сознание не соответствуют требованиям науки, тем хуже для интереса и сознания.

Выстроив цепочку, А. Н. Яковлев указал на путь решения проблемы.

Отношение бытие — интерес — сознание — это не однонаправленная связь, а взаимосвязь, в которой элементы зависят и влияют друг на друга. Из этого, в частности, следует, что если обеспечить соответствующий уровень воздействия на сознание, можно добиться такой корректировки интересов, которая будет игнорировать реалии жизни. Нечто подобное происходит с человеком в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения. Цель, таким образом, была поставлена, а недостатка в средствах идеологическая элита СССР, превратившаяся в «прорабов», а то и «цепных псов» перестройки, не испытывала никогда. Поистине беспрецедентная кампания по промыванию мозгов своим главным объектом имела наше многострадальное прошлое, тем более что гласность позволяла представить процесс как восстановление истины и исправление «кривых зеркал». Технология процесса была до примитивности проста: полутона, многообразие и богатство подходов в оценках исключаются, нравственные, исторические и прочие плюсы надлежат замене на минусы. И никаких споров. Тем, кто, потрясенный геноцидом, безжалостно лишавший целый народ истории, морали и нравственности, пытался апеллировать к прессе, выполнявшей эту работу, А. Н. Яковлев хладнокровно объяснял, что не следует убивать гонцов только за то, что они несут дурные вести.

Цель была достигнута. Незаметно для потреблявших идеологический наркотик исправление «кривых зеркал» трансформировалось в господство логики Зазеркалья, логики абсурда, обеспечившей положение, при котором много, очень много людей потеряли способность видеть очевидное и как в наркотическом бреду устремились к миражам, готовые перешагнуть даже те границы, которые им в других условиях подсказал бы инстинкт самосохранения.

Больное сознание общества стало готово принять предательство за подвиг. Сочетание «Исповеди на заданную тему», способное своим цинизмом заставить содрогнуться здоровую психику, стало символом высокой гражданственности.

Здравый смысл замолчал, что толку объясняться с пьяным. Консервативный интерес больше не мешал радикальным изменениям.

Правда, в очередной раз уничтоженное прошлое начало мстить, властно вторгаясь в настоящее и все больше превращая его в свое собственное второе издание, возвращаясь к нам давно забытыми национальными и социальными конфликтами, преступностью, тем же пресловутым «необольшевизмом», наконец. Но такова была плата, определенная радикализмом советников. Хорошо бы только им помнить, рано или поздно она взыщется с них народом, хотя, конечно, возместить все они будут просто неспособны. Расколотое в прошлом сознание, начавшее жить по импортированным оттуда законам противостояния и борьбы, требовало врага в настоящем.

Был ли учтен в теории этот момент? Да, был, и не только учтен, но и специально имелся в виду.

«Я начинаю опасаться, — заметил в том же выступлении

А. Н. Яковлев, — что меньше стало тревог по поводу дальнейшего движения вперед. Поверьте моему ежедневному опыту, есть силы, которым перестройка невмоготу, причем они черпают резервы для своего «консервативного» оптимизма в реальных фактах (в магазинах товаров нет, на юге кровь, в Прибалтике отделяться хотят...). За всеми эти страхами есть совершенно реальные интересы».

Страхи, конечно, абсолютно не обоснованные, а интересы просто достойны всяческого порицания. Не надо быть членом Политбюро ЦК КПСС, чтобы догадаться, кого имеет в виду А. Н. Яковлев, тем более что лозунг «Огонь по штабам» уже прозвучал.

Здесь самое время сказать слово в защиту КПСС, которая в оцепенении взирала на то, как ее лидеры готовят политическую реформу. Однако не защиты, а жалости достойна партия, позволяющая не только бросить себя на съедение, но и послушно выполняющая команду «не сметь защищаться».

Но важно, принципиально важно здесь другое. С партией (так уж сложилось) была связана судьба как большей части интеллигенции (не советников), так и в целом того, что составляло управленческую структуру общества и являлось, не пугаясь громких слов, достоянием нации. Указав, как на врага, на аппарат, советники, по сути дела, реализовали вариант культурной революции. Со страшным прошлым, которое он получал только за то, что в меру способностей занимался управлением, с неопределенным, а точнее говоря, без всякого будущего, аппарат быстро распадался, давимый в полном соответствии с теорией как сверху, так и снизу. Истоки будущего паралича исполнительной власти именно здесь.

Правда, есть и положительные моменты. Большинство из тех, кто в силу компетентности и несогласия с грандиозной ломкой мог представлять опасность как оппонент, либо ушли, либо замолчали.

Однако встает один из главных вопросов. Во имя чего все это? Какой молох требует новых жертв от народа, который уже принес их столько, что, измеряя их количеством его право на счастливую жизнь, равных ему не сыскалось бы в мире? Другими словами, какое общество строим, пора открыть тайну совершенных поступков.

Авторитетный ответ А. Н. Яковлева звучал следующим образом: «...никто, пожалуй, не возьмется на него (этот вопрос) ответить... и думаю, рано еще его (ответ) давать. Но строить все равно надо. И строить новое общество, да еще отказываясь от того наследия, которое у нас есть».

Как отказывались от наследия, мы уже видели, а вот относительно того, что никто не возьмется ответить, это, пожалуй, лукавство. Мог бы ответить и сам А. Н. Яковлев, другое дело, что он в декабре 1988 года считал, что пока рано.

Из 1991 года ответ ясен всем, но уже и тогда в готовящихся «советниками» документах явно просвечивал «образец» — демократия по-американски. Несколько позже, когда в результате политики Президента они получили возможность проявлять себя не только в речах и поступках вождей, но и лично, стало ясно: то, что подавалось Президенту как способ гуманизации и демократизации социализма, на самом деле было движением совсем в иную сторону, а то, что сегодня многие расценивают как ошибки

Президента, в действительности являлось хорошо продуманным планом советников.

Возможность выйти на авансцену «советники» получили в результате выборов народных депутатов СССР. Это не означает, что места около Президента были ими покинуты. Все те, по ком сейчас скорбит «демократическая пресса», находились тогда еще подле вождя, а не в совете учредителей газеты «Московские новости», как сегодня. Но всплыли и другие — знаменитые и не очень. «Знамена» движения — А. Сахаров, Г. Попов, Т. Заславская, Ю. Афанасьев, а его труженики — Г. Старовойтова, И. Заславский, А. Мурашев. Они в отличие от большинства хорошо понимали как закономерности процесса, так и то, что наступил их звездный час, когда последствия уже совершенных поступков, дополненные прямым нажимом, должны были заставить инициатора перестройки отбросить наконец предрассудки и пойти по дороге, имя которой — радикальная смена строя.

Концептуальный анализ показывал: главным препятствием на пути к этому остается целостность исторически сложившегося государства. Советники, ставшие сами вождями движений и работающие уже на них интеллектуальные центры типа клуба «Московская трибуна», задумались над проблемой, которую для себя обозначали как проблема «дезинтеграции империи», «дезинтеграции столь нелепо растянутой территории». Задача состояла в том, чтобы выработать стратегию, обеспечивающую конечный результат, но до поры не обнародующую истинные намерения. Правда, психологическая подготовка общественного сознания вовсе при этом не исключалась, а потому сокровенную цель «дезинтеграции» разрешалось выговаривать на митингах ультрапартии «Демократический союз».

Наука справилась с заказом. Уже к началу I Съезда народных депутатов СССР были ясны основные положения стратегии, призванной реализовать концептуальную цель. Согласно выводам, к дезинтеграции империи вели:

— либерализация экономики, проводимой без отчетливой программы;

— ослабление сохранившихся общесоюзных механизмов государства, выполняющих иммунную роль в отношении к поставленной цели;

— поддержка демократических элементов в республиках;

— нейтрализация интегрирующей роли КПСС.

Конечно, в обобщенном виде этого плана не найти в официальных выступлениях советников. Однако тот, кто даст себе труд внимательно следить за деятельностью радикальных депутатов, отыщет все эти составившие основу стратегии постулаты.

Но еще убедительнее свидетельствуют факты. Имеющий глаза не может сегодня не видеть, что региональный хозрасчет для Прибалтики и пересмотр давно юридически мертвого договора с Германией, критика КГБ и армии, которым по отработанной схеме сначала связывали руки отсутствием законов, а потом подвергали строжайшему спросу, делая их заложниками вырывающихся из-под контроля процессов, идея денацификации в отношении КПСС суть этапы сознательно направляемого процесса, результат которого у всех на глазах и потому в комментариях не нуждается.

Цель, как и всегда у советников, практически достигнута, ибо мало кто сегодня поручится за будущее Союза. Правда, одновременно мало кто поручится и за наше будущее вообще, но это побочные явления, которые, по логике ученых, можно просто игнорировать. Между тем этот побочный результат выразился, в частности, в невиданном разрушении власти. Подорванная «атакой» на штабы и многократно дискредитированная, она испарялась в результате разрывов по вертикали, прикрываемых лозунгами суверенизации республик, агрессии новых Советов, в которых некомпетентность с лихвой покрывалась неуемным желанием подмять под себя и исполнительные, и судебные функции, вполне в духе разделения властей по законам Зазеркалья.

Вслед за здравым смыслом замолчал закон, потому что исчезла возможность обеспечить его исполнение легитимным, то есть исходящим от государства насилием. Но если насилие не применяет власть, тогда властью становится тот, кто применяет насилие. То, что сегодня все мы именуем разгулом невесть откуда взявшейся преступности, на деле является криминализацией общественного бытия, наступающего с неизбежностью всякий раз, когда общество объявляет войну государству.

Озлобленность и агрессия, пустые полки магазинов, преступность... можно продлить этот ряд безрадостных определений к нашему сегодняшнему существованию. Страна, пережившая один из самых длительных периодов существования без войны на своей территории, лежит в развалинах, достойных самых разрушительных войн.

И, заслоняя все другие вопросы в сознании все большего числа людей, проясняющемся от болевых шоков, вызываемых кровью национальных конфликтов, потерей прав, которые и при застое казались незыблемыми, голода и болезней, которых нечем лечить, встает один вопрос: «Кто виноват?»

Вероятно, чувством того, что гнев оппозиции советников очень скоро может смениться оппозицией народного гнева, пусть не столь научной, но гораздо более радикальной, объясняется то, что, перешагнув через принципы, Президент наконец увидел очевидное и указал в своей минской речи тех, кто руководил перестройкой.

А что же советники? Как чувствуют себя те люди, со строгой научностью сделавшие жертвой очередного гигантского социального эксперимента миллионы людей? Готовы ли они хотя бы к покаянию? Ничуть не бывало. Их существование развивается по собственным законам, и сегодня они скрупулезно классифицируют «ошибки» Президента и готовят программу для того, кто по всем правилам должен прийти на смену. Не верите? Взгляните на список высшего консультативного совета при Председателе Верховного Совета РСФСР. Знакомые все лица.

Они готовы вести нового хозяина, и, пока он будет следовать советам, послушно озвучивая написанные ими речи, он будет оставаться вождем.

А потом он совершит ошибки и уйдет. Советники останутся. Они всегда остаются.

Н. ПОТАПОВ

СССР — 51-й ШТАТ США!

Я не буду сомневаться, если мне скажут, что в Институте США и Канады, которым вот уже почти четверть века руководит академик Г. А. Арбатов, сидят агенты американского ЦРУ или израильской разведки «Моссад». Некоторые наши просионизированные органы печати (которые почему-то называют себя демократическими) дали ему широкую рекламу, предоставив свои страницы для очернения прежде всего армии. Люди Арбатова в ЦК КПСС (а это преимущественно бундовцы) помогли ему «бесплатно» в 1974 году завладеть мандатом «народного» избранника и таким образом получить место в Верховном Совете СССР, с которым он не расстается по сей день. О вредной деятельности Арбатова не раз поднимали вопрос армейские депутаты. О его неблаговидной роли по шельмованию армии писалось и в патриотической прессе, в частности в «МГ» (№ 7, 1990).

Но этот доморощенный «ястреб» не унимается, его атаки на армию не прекращаются. Не посвященные в большую политику могут задать вопрос: а что Арбатов хочет от армии, какую цель он преследует? Вроде бы армейские проблемы не входят в круг задач, которыми занимается Институт США и Канады. Но сам Арбатов, напялив на себя звание академика (его научных трудов даже под микроскопом не разглядеть), почему-то посчитал, что вопросы разоружения нашей страны — это его вопросы. И он, и его сынок Алексей систематически наносят по армии один удар за другим.

Вот и теперь, в «Московских новостях» (в народе эту газетенку часто называют еще «Масонскими новостями») № 9 от 3 марта 1991 года появилась статья птенцов «ястреба» Арбатова — его сотрудников А. Изюмова, А. Кортунова и примкнувшего к ним военного обозревателя «МН» Ю. Теплякова. Под фотографией Президента страны и министра обороны жирным шрифтом набрано слово «Чудовище». То ли это относится к Язову и Горбачеву, то ли к названию статьи. Чуть ниже, более мелким шрифтом: штрихи к портрету ВПК.

В этой лживой от начала и до конца статье, которую авторы назвали «исследованием «МН», сделана очередная попытка представить нашу страну мировым спрутом, а ее армию каким-то монстром, угрожающим ни много ни мало, а самому существованию США. «Исследователи» из Института США и Канады предлагают читателям три таблицы, в которых черным по белому сказано: СССР имеет различных классов ракет 1406, а США — 1000; СССР имеет 8 типов самолетов-перехватчиков, а США только 5; СССР имеет 5 типов танков, а США всего два.

Непосвященный читатель, одураченный этими «исследованиями», воскликнет: вот, оказывается, на кого я гну спину; на этот советский спрут, название которого военно-промышленный комплекс». А посему надо требовать срочного разоружения, дабы Советские Вооруженные Силы не угрожали делу мира, мировому сообществу, которое правит миром.

20 января 1991 года в Москве прошла демонстрация евре-демократов столицы, которые несли лозунги: «Долой Язова!», «Долой военно-промышленный комплекс!», «Солдаты, покидайте казармы, уходите домой!», «Советская Армия — вон из Прибалтики!» и т. д.

Ну и подлецы, ну и провокаторы! Хочется прямо сказать — подонки (назвал же Адамович наших военных подонками). А «детки» Арбатова продолжают подливать масла в огонь. Подлость этих «исследователей» видна невооруженным глазом: они не поместили четвертой таблицы, где необходимо было бы дать соотношение боевых кораблей флотов СССР и США. А они таковы.

За год до тихого переворота — прихода к власти арбатовых, плотным кольцом советников окруживших нашего Президента, вышла книга «Откуда исходит угроза миру» (1984 г.). А в ней приводятся такие цифры: ВМС США насчитывает 856 кораблей и судов, из них 438 кораблей основных классов, в том числе 95 многоцелевых атомных подводных лодок, 19 многоцелевых авианосцев (четыре атомных), 5 авианесущих кораблей и 324 других корабля, свыше 5000 самолетов и вертолетов. За 7 лет эти цифры возросли и в настоящее время в несколько раз превышают количество боевых единиц нашего Военно-Морского Флота.

Арбатовцы-плюралисты «забыли» в своих «исследованиях» сообщить своим читателям, что к этим ракетам сухопутного базирования США (1000 штук) надо бы прибавить 2280 ракет морского базирования, расположенных на атомных подводных лодках, притом каждая из ракет имеет несколько кассетных боеголовок, способных поражать различные цели на межконтинентальных расстояниях.

Сотоварищи «забыли» упомянуть и о блоке НАТО, в котором только на территории Западной Европы находится 30% личного состава регулярных сухопутных войск США, до 150 пусковых установок оперативно-тактических ракет (или три четверти имеющихся у США), 3400 танков, 2500 орудий полевой артиллерии и минометов, более 5000 пусковых установок ПТУР, свыше 1000 вертолетов.

В ВВС США только в Европе более 750 боевых самолетов, из них свыше 400 истребителей-бомбардировщиков F-111. F-4 и F-16 являются средствами средней дальности. Они способны наносить ядерные удары на всю глубину территории некогда социалистических стран Европы и западных районов СССР.

Эти представители «пятой колонны», безнаказанно действующей в нашей стране, «забыли» сообщить, что варшавский блок усилиями тех, кто правит ныне страной, перестал существовать, а блок НАТО не только не собирается разоружаться, но и укрепляет свои позиции, прибрав к рукам ГДР. А страны бывшего варшавского блока поглядывают в сторону дяди Сэма и готовы предоставить свои территории для размещения баз НАТО вместо уходящих советских войск.

Эти любимцы-правозащитники западных спецслужб «запамятовали» сообщить своим читателям данные сухопутных войск США: 200 пусковых установок баллистических ракет, 14 000 танков, включая около 1500 новых образцов М-1 «Абрамс», 19 000 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, более 16 500 орудий полевой артиллерии и минометов, из них почти 4100 155-мм и 203,4-мм гаубиц атомной артиллерии, до 1700 пусковых установок ПТУР, более 5000 зенитных установок различного назначения, около 9400 самолетов и вертолетов армейской авиации. В ВВС общего назначения имеется 9100 самолетов различных типов.

Благодаря сегодняшней политике полугласности, утаивания от

народа действительного положения дел с вооружением нашего потенциального противника США нашему народу изо дня в день вдалбливают, что у нас слишком много средств уходит на оборону, а посему надо сокращать оборонный бюджет, а то, что уже создано и имеется на вооружении страны, — уничтожать. Притом подсказки идут из-за рубежа прямо в форпост Америки в СССР — Институт США и Канады. А руководителя этого ведомства Арбатова за активное участие по разоружению СССР его западные партнеры прочат в нобелевские лауреаты премии Мира.

Миллионы наших людей видели на экранах телевизоров, как уничтожаются наши ракеты, танки, созданные трудом десятков тысяч рабочих, инженеров, ученых, как полным ходом идет конверсия. И все это происходит под давлением наших «демократов» на Президента, которому аплодирует из-за океана бывший директор ЦРУ, а ныне президент США Буш. Его физиономия не сходит с экранов наших телевизоров. Создается впечатление, что наш Президент является губернатором 51-го штата США — СССР.

Плюрализм позволил одним широко открыть рот, другим — попросту его закрыть. Почему? Да потому, что пресса оказалась в одних руках. И на свои страницы другого мнения она не пропускает и не потерпит. Возможно, тут повинно «раздвоенное» национальное сознание. К этому выводу невольно приходишь, вдруг узнав о том, что Арбатов способен называть себя русским в анкетах и одновременно плакаться в жилетку президенту Всемирного еврейского конгресса Э. Бронфману, доказывая, что он еврей.

По-моему, пора снять маски с «раздвоенных» демократов и показать их истинное лицо. А лавочку эту — Институт США и Канады (как и другие подобные институты под вывеской АН СССР), где гнездятся и выкармливаются на русских хлебах арбатовцы-плюралисты, — закрыть, ибо зарплату они получают за выработку концепций, враждебных нашей стране, разрушительных для обыкновенного, а не «раздвоенного» национального сознания.

Герман НАЗАРОВ

УБИЙЦЫ НАРОДОВ

Нехватка медикаментов — это не дефицит табака или водки, мыла или даже картофеля. Без последних мы можем обойтись. Другое дело, скажем, кардиотонические, наркозные, анальгетические и другие подобные препараты. Не будь их, начнется гибель попавших в беду людей. Отсутствие лекарств означает и быстрый рост заболеваемости населения, снижение работоспособности людей, что в конечном итоге может повлиять на весь наш жизненный уклад, усугубить и без того немалые трудности, которые переживает наша страна.

Эти прописные истины ясны, кажется, всем. Тем не менее возникшие в 60-е годы затруднения в обеспечении населения медикаментами, дезинфекционными и профилактическими препаратами нарастали и достигли к настоящему времени поистине катастрофических размеров. И это несмотря на то, что директивные

органы страны — создавалось впечатление — из кожи вон лезли, решая лекарственную проблему. Упомянем лишь некоторые последние постановления, решения, приказы, распоряжения, обращения и воззвания, знакомясь с содержанием которых ясно понимаешь, какую катастрофу мы переживаем.

Начнем с одного из перестроечных решений Политбюро ЦК КПСС от 8 ноября 1989 года, в котором отмечалось, что проблема лекарственного обеспечения населения страны, в общем ряду многих государственных социально-экономических проблем, вырастает в проблему политическую, ибо она затрагивает практически все слои населения, всю страну, а принятые ранее решения систематически не выполняются. В частности, не выполняется постановление Совета Министров СССР от 18 февраля 1988 года «О мерах по увеличению производства лекарственных препаратов и полному обеспечению ими лечебно-профилактических учреждений, населения и народного хозяйства в 1988—1995 годах». И происходит это при затоваривании крупных складов, небывалом росте хищений и порчи лекарств на транспорте, в аптеках. Хуже того, вопреки указаниям министерства смежники начали резко сокращать выпуск необходимой медицинской продукции, срывать договорные поставки, отказываться от конверсии производства, закрывать действующие фармпредприятия. Иными словами, в конце 1989 года было очевидно, что на протяжении двух лет (1988 и 1989 годов) вопреки принятым директивным мерам положение с медикаментами не улучшалось, а наоборот — ухудшалось. И это на фоне, как отмечалось на Политбюро, «полного порядка с итоговыми показателями по плану выпуска и удовлетворения заявок Минмедпромом СССР». Загадка, да и только — с планом порядок, а в аптеках пусто, и дефицит лекарств оценивается в сумму 1,2 миллиарда рублей в год. Надо ли говорить при этом, что, конечно же, правы были коммунисты из Кремля, потребовавшие повысить ответственность за решение проблемы лекарственного голода в стране на всех уровнях. Жаль только, что это их решение повисло в воздухе; хотя на первый взгляд делалось все возможное.

Катастрофическая ситуация с медикаментами принудила правительство СССР к беспрецедентной, невиданной в истории отечественной фармацевтики акции — ассигнованию на приобретение лекарственных средств за рубежом гигантской суммы в 0,5 миллиарда инвалютных рублей (золотом). Однако эти деньги в немалой степени были выброшены на ветер. Правда, вначале они поступили в кассу Минздрава СССР и Минмедпрома. Там была организована некая «комиссия по закупке». Ей была установлена номенклатура приобретаемых за рубежом медикаментов (но преимуществу — далеко не первой необходимости). Но это полбеды. После того как лекарственные средства были закуплены у инофирм и поступили на склады в нашей стране, в ведомствах медиков усугубились путаница и неразбериха. Лекарств стало больше, но они лежали невостребованными, так как, закупая их, никто не взял в расчет, что привезенные из-за рубежа медикаменты неизвестны нашим практикующим врачам и что они прописывают лишь те средства, с действием которых знакомы.

Этот, мягко говоря, просчет недешево обошелся для нашего кармана и усилил недовольство населения системой отечественного здравоохранения, привлек внимание двух комитетов — народного контроля СССР и охраны здоровья Верховного Совета СССР. На совместном заседании представители этих организаций выслушали доклад министра медицинской промышленности СССР Быкова и, в свою очередь, приняли ряд конкретных предложений «по улучшению состояния дел».

Однако и тут положение не улучшилось. Наоборот, к декабрю 1989 года, ко дню открытия Второго Съезда народных депутатов СССР, в интервью журналистам на пресс-конференции в АМН СССР заместитель министра здравоохранения СССР Царегородцев назвал уже колоссальную сумму в 1.6 миллиарда рублей, характеризующую неудовлетворенный спрос населения на лекарства у нас в стране.

В августе 1990 года больным взялась помочь и Прокуратура СССР. Ее работники, заинтересовавшись причинами лекарственного дефицита, в отличие от коллег из Комитета народного контроля СССР выявили в деятельности многих медиков, фармацевтов и фармакологов явный криминал. По сообщению Генерального прокурора СССР Сухарева, сделанному на заседании Коллегии Прокуратуры в присутствии руководителей Минмедпрома, Минздрава, Миннефтехима, Союзфармации, его подчиненные возбудили к тому времени 35 000 уголовных дел по фактам грубейшего нарушения действующего законодательства против работников в белых халатах разных уровней. Но вот каковы итоги судебных разбирательств, он не сообщил. Видимо, похвалиться и ему было нечем.

В «Медицинской газете» от 19 августа 1990 года было опубликовано воззвание Министерства здравоохранения СССР к работникам Минмедпрома СССР, Миннефтехиммаша СССР, Агрохима СССР и «всем тем, кто выпускает лекарственные средства». Всех их призывали умножить усилия для покрытия дефицита лекарств на общую сумму уже 2,3 миллиарда рублей. Воззвание было основано на более чем 80 тысячах писем трудящихся, которые обобщила редакция газеты, перед тем как передать в Верховный Совет СССР. Этот документ стал своего рода итогом «митинга на газетной полосе», проведенного «Медицинской газетой» 1 июля прошлого года. Он лишний раз подтвердил нетерпимость сложившейся ситуации перед открытием в сентябре четвертой сессии Верховного Совета СССР, на которой Президент счел необходимым огласить Обращение ко всем руководителям республик, министерств и ведомств, всех учреждений страны решительно пресечь произвол и беззаконие во всех сферах общественной жизни и производства, добиться выполнения договорных обязательств и доложить о принятых мерах к 15 октября 1990 года. В качестве административного подкрепления положений своего Обращения Президент СССР издал вскоре Указ о неотложных мерах по стабилизации хозяйственных связей в четвертом квартале 1990 года. Этим Указом он установил месячный срок, до 27 октября 1990 года, по его выполнению. Такие меры применялись, в частности, в связи с исключительно сложной обстановкой в стране именно... по выпуску медикаментов. Однако положения не смог улучшить и сам Президент. Подтверждением тому еще одно Обращение, на этот раз октябрьское и выдвинутое от имени Всесоюзного съезда профсоюза работников здравоохранения уже к Президенту и Верховному Совету СССР. В нем так-

же немало говорилось о сложившейся в стране чрезвычайной ситуации с лекарственным обеспечением. В качестве же панацеи от обрушившейся беды предлагалось срочно финансировать все зарубежные сделки, связанные с приобретением медицинской продукции. Суммы на это требовались немалые: 197 миллионов инвалютных рублей в 1990 году и 5 миллиардов инвалютных рублей в 1991-м. Знакомясь с ними, хочется сравнить обращение работников медицинской и химико-фармацевтической промышленности с ультиматумом. Ведь суть этого воззвания можно изложить так: выкладывайте 30 миллиардов рублей (в переводе с долларов) или умирайте кто быстрой, а кому повезет — более медленной смертью. Третьего медики не дают. Да и не могут, если судить по заявлению министра медицинской промышленности СССР Быкова, сделанному в «Медицинской газете» 14 сентября 1990 года. Заявление звучит так: «За обеспечение аптек медикаментами Минмедпром не отвечает и никогда не отвечал!..» Но за что же тогда отвечает вверенное Быкову ведомство с таким многозначительным названием? Неужто за выполнение плана «по валу», на 95 процентов нацеленного на удовлетворение заявок... Агропрома, который утвердили и Госплан СССР, и Минфин СССР, и Госкомцен СССР! По словам министра, именно за это. А вот за медикаменты отвечают еще 18 «других министерств и ведомств, их производящих». Как тут не вспомнить русскую поговорку: у семи нянек дитя без глазу.

В свете выполнения требований упомянутого Указа следует рассматривать и сообщение об итогах работы крупной межведомственной комиссии по научному (?) обоснованию потребности страны в медикаментах, опубликованное от имени сопредседателя этого компетентного коллектива Чучалина в «Медицинской газете» от 12 октября 1990 года. В этом издании говорится, что после полутора лет работы за хорошие деньги (об этом тоже сообщено) наконец-то стало доподлинно известно, каких и сколько нам нужно медикаментов, а также, что следует покупать по импорту. Не говорится только, а почему эти данные засекречены? Ведь они Чучалиным в газете не обнародованы. И не сделано этого, по-видимому, из-за того, что эксперты пресловутой комиссии и руководители главков, ведомств и министерств, и директора институтов Минмедпрома и Минздрава СССР — те, кто по долгу службы обязан не допускать лекарственного дефицита — одни и те же лица!

К названному хору ни на что не влияющих голосов высокопоставленных лиц присоединили недавно свои басы и работники Комиссии по чрезвычайным ситуациям Совмина СССР под председательством Догужиева. Но и они не смогли повлиять на сложившуюся чрезвычайную ситуацию.

Узнаешь об этих многочисленных и бесполезных потугах должностных лиц обеспечить страну медикаментами, и создается впечатление, что у нас нет никакой Государственной программы лекарственного снабжения населения СССР, скорее наоборот — **умышленно создается дефицит медикаментов, достигший уже 6 миллиардов инвалютных рублей. И все постановления, решения, указания, обращения, заявления принимаются лишь для отвода наших глаз.** Чтобы мы оправдали ультиматум фармацевтических вымогателей и заплатили требуемые ими миллиарды долларов, ради сохранения не только здоровья нации, но ради ее выживания. Можно предположить и то, что итог такой политики — удовлетворение безмерного аппетита зарубежных транснациональных капиталистических корпораций, мечтающих о превращении Советского Союза, России в колоссальный рынок сбыта своей фармацевтической промышленности.

Во всем мире система фармацевтического производства высоко рентабельна и дает огромные прибыли, кроме того, она энергично саморазвивается на основе совершенствования научного поиска и новых технологий. Только в Советском Союзе фармацевтика нерентабельна, требует систематически нарастающих государственных дотаций, приносит госбюджету огромный дефицит и вызывает недовольство населения страны дороговизной и отсутствием медикаментов. И этот кризис все углубляется, нарастает. В чем же дело?

Основная причина наших бед, на мой взгляд, в том, что у нас отказываются развивать фармацевтику внутри страны. Ориентируются на развитие химико-фармацевтической промышленности в «дружественных странах» Европы, причем за счет наших капиталовложений. Однако почему это происходит? Ларчик открывается просто. Какие медикаменты может заказать рядовой врач из Воронежа или Магадана, из любой городской или сельской больницы? Разумеется, те, которые применяет, которые разрешены официально, которые упомянуты в справочниках Машковского или Клюева. Таким образом, любое новое отечественное лекарство, чтобы получить свои «гражданские права», должно быть вначале включено уважаемыми Машковским и К° в официальный перечень препаратов. Но оно туда, как правило, не попадает. А значит, врачами не требуется, и на его выпуск наша промышленность не ориентируется.

Так, на мой взгляд, была создана не имеющая аналогий в цивилизованном мире гигантская медицинская супермонополия, распоряжающаяся судьбами миллионов больных и миллиардными суммами ежегодных ассигнований. И сколько бы наши высокопоставленные чиновники ни призывали навести в ней порядок, его не будет до тех пор, пока не изменится ее природа.

Г. БЕЛИКОВ,
кандидат медицинских наук,
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ: Когда материал ушел в набор, нам стало известно, что в Москве и, возможно, в других городах закрываются лаборатории по производству лекарств при гомеопатических аптеках. Принеся немалый доход в 1990 году, они, обобранные, лишились ассигнований в 1991-м. Сколь дешевое, столь и необходимое производство практически ликвидируется. Никаких разумных объяснений на ум не приходит.

НИСПРОВЕРГАТЕЛИ ГОРДОСТИ И СЛАВЫ ОТЕЧЕСТВА

Нелегкую, очень нелегкую жизнь прожил Георгий Константинович Жуков. Больше того, трудности в оценке сделанного им, а главное — Жукова как человека, пережили его. В чем я убедился, взявшись написать биографию прославленного полководца, тогда первую и, как ни странно, оставшуюся и на сегодняшний день единственной. Хотя со смерти Г. К. Жукова прошло почти два десятилетия, что-то не торопятся у нас по-настоящему рассказать, кем он был для народа и страны. Больше того, стараются дать по рукам тем, кто берется за это дело. В этом плане мой пример поучителен.

Начало было ничем не примечательным. В издательстве «Детская литература», по-видимому, припомнили мои свершения на ниве художественной публицистики для своего контингента читателей и пригласили написать книжку о маршале Г. К. Жукове. Случилось это где-то в середине 1980 года. Я, профессиональный историк, принял предложение с благодарностью, ибо представился случай еще раз обратиться к тематике Великой Отечественной, а в широком смысле второй мировой войны, историей которой я в той или иной мере занимался с конца пятидесятых годов. Частично в исследовательском плане я принимал посильное участие в работе над созданием наших главных официальных публикаций, 6-томника и 12-томника о войне, и был одним из основных авторов и редакторов X тома «Всемирной истории». Кроме того, выпустил с полдюжины книг о второй мировой войне, занимался проблемами и первой.

Так что дело знакомое, как и жанр — политическая биография, — в котором уже к тому времени набил руку. Без больших опасений обложился публикациями о Красной Армии, особенно о периоде 1941—1945 годов — и в путь! Дорога представлялась ясной, а путеводитель — обстоятельные мемуары Г. К. Жукова — обещал разъяснить трудности, если они встретятся. Несколько колоритных военачальников, занимавших крупные посты уже в Великую Отечественную и еще живших в начале восьмидесятых, охотно поделились своими воспоминаниями о Г. К. Жукове, под непосредственным руководством которого они воевали. Что по личности полководца, то дружба с обеими дочерями Георгия Константиновича Эрой и Эллой была просто бесценной, из их рассказов он вставал как живой. Не говоря уже о том, что, происходя из семьи военного, как и любой в этой среде, хранил в памяти немало рассказов о легендарном маршале. Уже по этим причинам я мог считать себя вооруженным до зубов в «жуковедении».

Не был в неведении и об опалах маршала, во время первой — в 1946 году — он был на волосок от ареста. МГБ, стряпая дело о «заговоре», бросило за решетку 74 генерала и офицера, на свободе пока оставался последний — «руководитель» Г. К. Жуков. Он сам так рассказывал о тогдашней обстановке: «Поздно вечером приехал на дачу. Уже собирался лечь отдыхать, услышал звонок и шум. Вошли трое молодцов. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск... Кем, было ясно. Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглецов выгнать, пригрозить, что применю оружие...» Продолжение этой истории знаю от Эллы.

Через несколько дней люди с горячими сердцами повторили набег. На этот раз ввалились, вооруженные ордером и пистолетами, принялись изымать «ценности», бросали в принесенные мешки все подряд — одежду, обувь. С немой мольбой сестры смотрели на беспомощно стоявшего отца с тремя Звездами Героя Советского Союза на груди. А пламенные чекисты прилежно трудились, пасть мешка поглотила любимые мягкие куклы девочки, привезенные в свое время из Монголии, и дешевый фотоаппарат старшей сестры. Все это прилипло к чистым рукам обладателей горячих сердец.

Я невольно спросил: «А понятые были?»

Элла, по профессии радиожурналистка, женщина умная, топкая и большая насмешница, с нескрываемым чувством юмора, взглянула на меня. Что, я не знаю, как это делается? Я почувствовал себя крайне неудобно — когда весной 1952 года моего отца-военного арестовало МГБ, мне пришлось быть свидетелем обыска. Ввалилась сплоченная группа бесстрашных чекистов, которые привели с собой и поставили у двери туалета солдата с автоматом. Все перерыли, грязными сапогами расхаживали по белью моей матери, выброшенному из шкафа. Также прилипли к чистым рукам, как потом выяснилось, кой-какие мелочи. Наверное, хорошо поместились в бездонных карманах.

Когда разгромили нашу квартиру, мне все же было порядком за двадцать, а что пережила девятилетняя Элла. Нанесенные психологические раны ребенку оставили рубцы на всю жизнь. Дело, конечно, не в копеечных куклах, а в осознании полной беззащитности перед тупой, злобной силой, которая неоднократно проявлялась и потом в самых различных обличиях. Нелегко было ей жить «дочерью маршала». Поэтому, когда я объявил, что взялся написать биографию ее отца, Элла прищурилась и осведомилась — представляю ли, что ожидает берущегося за это. Я бодро заверил — да. «Ну-ну, — протянула Элла, — поживем — увидим». Более сдержанная Эра усмехнулась. Увидел!

Работа поначалу пошла быстро, гладко. С немалым удивлением, однако, я стал замечать, что в достойных во многих отношениях «Воспоминаниях и размышлениях» героя моего повествования есть сентенции, не отвечающие его характеру, как он был известен многим. Иной раз даже находящиеся не в ладах со здравым смыслом. В апреле 1943 года по приказу Ставки маршал Г. К. Жуков с наркомом Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецовым, командующим ВВС Красной Армии, маршалом авиации А. А. Новиковым и одним из ведущих работников Генштаба генералом С. М. Штеменко прибыли на Северо-Кавказский фронт. Среди других дел они обсудили положение наших войск на Малой земле, крошечном плацдарме у Новороссийска. «Всех нас тогда беспокоил один вопрос, — написано в мемуарах Г. К. Жукова, — выдержат ли советские воины испытания, выпавшие на их долю, в неравной борьбе с врагом, который день и ночь наносил воздушные удары и вел ар-

тиллерийский обстрел по защитникам этого небольшого плацдарма.

Об этом мы хотели посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л. И. Брежневым, который там неоднократно бывал и хорошо знал обстановку, но на этот раз он находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои».

Звучало как-то странно, стиль не жуковский, да и мало походил на язык профессионального военного, а о подходе и говорить не приходилось. Но последуем за мемуаристом — двум маршалам и адмиралу флота не удалось поговорить с полковником Л. И. Брежневым, посему пришлось заменить начальника политотдела командующим армией К. Н. Леселидзе; не полковник, конечно, но на худой конец и генерал-лейтенант сойдет. Что там командование армии, штаб и прочее: «...из того, что нам рассказал командарм К. Н. Леселидзе, было ясно: наши воины полны решимости драться с врагом до полного его разгрома и сбросить себя в море не дадут. Доложив И. В. Сталину наше мнение...» и т. д. Вот как, оказывается, осуществлялось руководство войной на высшем уровне — на основе «рассказов» докладывали в Ставку.

Ясности не прибавили воспоминания о поездке наших военачальников под Новороссийск записки флотоводца Н. Г. Кузнецова. По его мемуарам «Курсом к победе», они с Г. К. Жуковым тогда занимались не столько вопросом, выдержит или не выдержит Малая земля натиск немцев, сколько изучали возможность проверить предложение в Ставке высадить в этом районе «крупный десант». Сошлись, что «высаживать сейчас новый крупный десант на Малую землю нецелесообразно». Еще Н. Г. Кузнецов добавил: «Мне сказали, что сейчас на Мысхако находится начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. На этом клочке земли, насквозь простреливаемом вражеским огнем, он уже не в первый раз. Леонид Ильич лично организует партийно-политическую работу на плацдарме, обходит окопы и землянки, беседует с бойцами и командирами». Отсюда нетрудно вывести заключение, что замечательному полковнику было недосуг побеседовать с приехавшим из Москвы большим начальством.

Коль скоро между мемуарами Жукова и Кузнецова обнаружились противоречия, я обратился за помощью к генералу С., прекрасно знавшего обоих. Тут мое авторское самолюбие потерпело изрядный ущерб: оказалось, что генерал давно заметил описанный разнобой в воспоминаниях маршала и адмирала. Не только заметил, но сразу по выходе мемуаров попросил Г. К. Жукова разъяснить, как это он принял решение в апреле 1943 года по Малой земле без совета с легендарным полковником Брежневым. Беседа происходила в палате госпиталя, где лежал больной Жуков. Маршал пришел в ярость, махнул рукой, на пол полетели и рассыпались пузырьки и стаканы со столика у кровати. Он бросил: «Кто такой тогда был Брежнев, я и знать не знал это г...». Выругался, помолчал и заметил каким-то бесцветным тоном: мало ли чего «вписали» ему в книгу.

Если так, тогда пришлось заняться тем, что у историков называется «критикой источников», — проверкой по возможности

фактов и т. д. Работа по тем временам не очень простая — до 6-го издания включительно, то есть по 1984 год или в течение 15 лет с момента выхода мемуаров, эти нелепые рассуждения, вписанные какой-то чиновничьей рукой во славу Брежнева, оскверняли книгу. Как бы то ни было, несмотря на неожиданные осложнения, рукопись закончил и снес в издательство. Редактор, достойная дама С. М. Пономарева, прошлась со мной по тексту, объяснила попутно специфику литературы для детей и, что я как-то пропустил мимо ушей, осведомилась, не противопоставляю ли я Жукова «товарищу Сталину». С большим внутренним убеждением я заверил, что этого не может быть, ибо почти всю войну Г. К. Жуков был заместителем (и единственным!) Верховного Главнокомандующего, каким был И. В. Сталин. Прорецензировали вполне благополучно рукопись у разных специалистов. А затем по установленному порядку направили ее в отдел печати Главпура СА и ВМФ.

4 августа 1982 года издательство получило «замечания» военно-мемуарной группы отдела печати Главпура. Только тогда я сообразил, в какое предприятие, пожалуй по легкомыслию, ввязался, и вспомнил Эллу. С убийственной серьезностью анонимные знатоки открыли: «Автор не всегда критически, без должных комментариев отнесся к оценкам иностранных военных авторов полководческой деятельности Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, которые показывают его по существу полководцем-одиночкой, определявшим ход и исход Великой Отечественной войны.

К примеру, американский публицист Гаррисон Е. Солсбери заявляет, что Г. К. Жуков является «полководцем полководцев», он «поворачивал течение битв против нацистов, против Гитлера не раз, а много раз» (с. 5). И далее: «Если бы Жуков не действовал так, как он считал нужным, то Россия могла бы проиграть... решающие битвы» (с. 6). Американский историк Кайден называет Г. К. Жукова «Чудо-Маршалом» (с. 6).

Приводятся также следующие слова не названного по имени иностранного автора: «После Сталинграда никто больше не сомневался — Россия, имея во главе своих армий Жукова, в конечном итоге разгромит Германию» (с. 141).

Подобные субъективистские оценки иностранных буржуазных авторов противоречат научному пониманию закономерностей и движущих сил войны».

За этим подробнейшим изобличением последовали упреки, которые по недостатку места я бы свел к перифразу известнейшей ремарки: «А был ли маршал Жуков?» Очень рассердились рецензенты на лестные слова о полководческом мастерстве Жукова. «Без достаточных оснований, — сурово заключили они, — показан чуть ли не панический страх гитлеровского генералитета перед Г. К. Жуковым». И самый тяжкий грех автора: «Нельзя согласиться с тем, что в материале почти постоянно противопоставляется Г. К. Жуков Верховному Главнокомандующему, подчеркивается превосходство Г. К. Жукова перед ним в оперативно-стратегических вопросах, в способности правильно оценивать обстановку на фронте».

Что тут делать? В бюрократическом лабиринте, нагроможденном в ходе застоя, пришлось писать руководству Министерства обороны, оспаривать мнение знатоков стратегии и тактики из

военно-мемуарной группы. Вообще все это смехотворно — как будто у людей, возглавляющих министерство и предельно занятых, есть еще время разбирать тяжбы автора Детгиза с рецензентами! А какой иной выход? К счастью, ответ был дан стремительный, по-военному эффективный и точный. Тогда генерал армии С. Ф. Ахромеев, прочитав рукопись, разрешил мне доступ в архив, где хранятся документы Ставки, переписка с командующими фронтов. Работа над рукописью приобрела совершенно иное измерение, указание на ее титульном листе издательство «Детская литература» приобрело, пожалуй, символическое значение. Новый вариант издательство снова направило в ту же военно-мемуарную группу, которая, по-видимому, мобилизовала все свои интеллектуальные ресурсы и 31 января 1984 года обрушила на автора новые «замечания».

Снова по тому же кругу, а именно: «В рукописи по-прежнему принципиально неправильно используются высказывания буржуазных историков о полководческой деятельности Г. К. Жукова. Автор уходит от партийных оценок его роли в войне. В результате Г. К. Жуков представляется как «полководец полководцев» (Солсбери), «Чудо-Маршал» (Кайден). Читателю показывается, что Г. К. Жуков «вводил в дело фантастическое количестао танков», что он «нанес немцам больше потерь, чем любой другой военачальник или группа их во второй мировой войне». Говорится о «геркулесовых плечах Жукова», на которые «все с большей тяжестью» ложилось «бремя военной стратегии»... Автор пишет об «операциях Жукова» (с. 70), «классическом стиле жуковских операций» (с. 183)... В советской военной истории нет ни одной операции имени Жукова. И вообще советская военно-историческая наука не прибегает к подобной терминологии, не отражающей закономерностей победы в современной войне».

Россыпь замечаний, клонящихся к подтверждению того же принципа: «А был ли Жуков?» Конечный вердикт суров: «Несмотря па обилие исторически достоверного материала о военной деятельности Г. К. Жукова в годы войны, автору не удалось создать яркого и запоминающегося образа выдающегося советского полководца, раскрыть его стиль руководства военными действиями. Язык рукописи непопулярен».

Спокойно читать такого рода «замечания» могут разве люди с чрезвычайно крепкими нервами. Увы, я ими не обладаю, а посему поделился мыслями с руководством Министерства обороны обо всей процедуре:

«Составители (военно-мемуарная группа отдела печати ПУРа) предлагают верить, что их первый отзыв (который я оспорил как фальсификацию моей рукописи), дескать, верен и вот почему. Цитирую: «Как стало известно, автор не согласился с замечаниями, направленными в издательство, и в письме на имя министра обороны оспаривал их. Его возражения оказались несостоятельными и не были приняты». Это явная ложь. Никто не признавал их «несостоятельными». В беседах с С. Ф. Ахромеевым и товарищами из историко-архивного отдела о них вообще не было речи по причине их явной абсурдности...

Что касается существа последнего отзыва отдела печати ПУРа, то хочу сделать лишь одно разъяснение. В нем, как и в первом, цитируются позитивные оценки Г. К. Жукова из западной литературы. В моей рукописи из 320 страниц эти цитаты в совокупности составят не более 4—5 страниц. Вокруг них и строится вся «концепция» рецензентов ПУРа, причем эти цитаты изображаются как авторский текст. Я считаю, что они украшают рукопись, отдел печати ПУРа почему-то не терпит ни одного доброго слова о Г. К. Жукове...

Основной метод рецензентов тот же — ложь, начиная с утверждения о том, что я якобы увеличил объем рукописи вдвое (на деле с 290 до 320 страниц). Замечания рецензентов из отдела печати ПУРа изобличают их еще в элементарной малограмотности. Люди определенно темные, они берутся еще высказываться по поводу «языка» моей рукописи, то есть наверняка сами не создав ничего, имеют наглость поучать меня, написавшего свыше 20 книг, переведенных на языки всех союзных республик и еще более чем на 10 иностранных языков, при общем тираже моих книг свыше 10 миллионов экземпляров.

Обращаясь к Вам повторно по тому же вопросу, я полностью понимаю меру своей ответственности, выдвигая нелегкие обвинения в адрес работников военно-мемуарной группы отдела печати ПУРа. Но нужно когда-то найти управу на разнузданных хулиганов».

Вот так и пришлось писать, в таком ключе. Не думаю, однако, что всплеск личных эмоций помог делу. Слишком много примеров полного бессилия человека перед ведомством. А я схватился с гигантской структурой. Но тяжба с партийными чиновниками, закамуфлированными военными мундирами, развернулась в то время, когда общественная атмосфера в стране стремительно менялась. На подходе была перестройка, ее грядущая поступь уже угадывалась. Так что не усилия автора, а изменение общей обстановки (при неизменном добром отношении теперь Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева!) двигало дело.

Да, а как с теми, кто, собственно, заказал книгу? Издательством «Детской литературы»? Вновь назначенная директором Т. М. Шатунова, пришедшая из «Молодой гвардии», с пресловутой искренностью комсомольского аппаратчика заверила меня, что если бы она возглавляла издательство, когда начиналась работа над рукописью, то никогда бы не допустила подготовки «антисталинской» книги. Другая дама, редактор С. М. Пономарева, постепенно стала решительно экономить слова в общении со строптивым автором, а как-то, остановив на мне неподвижный проницательный взор, с большой горечью отчеканила: «Теперь я поняла ваши тайные цели. Вы возвеличиваете Жукова, чтобы принизить товарища Сталина!»

Я не стал спорить, за три года тяжбы просто устал и с каким-то равнодушием не реагировал на обработку в издательстве рукописи в направлении, ведомом обеим дамам. Видимо, поступил правильно — с одной стороны, как стреляный автор, отлично представлял границы своих прав, с другой — внезапно перед рукописью открылись новые горизонты. Детгиз по сравнению с ними потускнел.

Журнал «Новое время» (тогда там была другая редколлегия) серией очерков по книге в начале 1985 года оповестил о ее существовании, а в феврале 1985 года Г. В. Будников из журнала «Октябрь» прочитал рукопись и заверил: нет вопроса, мы поставили книгу в майский номер, к 40-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне. И в обозначенный срок напе-

чатал ее. Да, так Г. В. Будников дал книге путевку в жизнь.

Доброе дело обладающего обширными познаниями и тонким литературным вкусом Г. В. Будникова не осталось без возмездия. Главпур бдил. Видимо, к этому времени те, кому бы заниматься «дедовщиной» и армией вообще, мобилизовали все ресурсы не на устранение того, что нельзя терпеть в Вооруженных Силах, а на борьбу со мной, штатским историком и даже по возрасту уже не офицером запаса. Как же, этот Яковлев сокрушал «табу», наложенное на имя маршала Жукова!

Наверняка копнули мое прошлое и выудили — в 1952—1953 годах автор провел около года в тюрьме МГБ, освобожден по амнистии. Открытие, надо думать, придало новые силы партчиновникам в погонах. Конечно, в прежние времена они бы действовали просто — донос и злодей в тюрьме. Нынче другие методы в ходу. Начальник отдела печати Главпура А. Соловьев в июле 1985 года на красивом бланке бесподобного ведомства поставил в известность редколлегию этого журнала: некий полковник в отставке выражает «...недоумение: «Как же могло получиться, что журнал взял на себя ответственность представить читателю в год сорокалетия такое сырье?» Мы разделяем мнение товарища». А в том письме, приложенном к пламенному обращению в журнал, еще говорилось: «...рукопись уже в издательстве, и мы скоро получим до обидного плохую книгу о полководце. Видимо, необходимо немедленно повлиять на издание этой повести отдельной книгой». Плюс ругань в адрес автора.

Оказалось, что полковник, написавший письмо и указавший своим местожительством поселок в Харьковской области, на диво осведомлен о столичных делах. Он закончил свое обращение в Главпур: «Я уверен, что публикации о полководцах должны быть под контролем и с визой ЦК КПСС и Главного политуправления... Нельзя допустить, чтобы в наше время журналы так вольно поступали с ответственной военной темой ради рекламы своего органа печати. А реклама уже появляется в «Литературной России», уже «хвалят» автора. Нельзя не считаться и с тем, что автор, как мне известно, исключен из партии, никогда не был военным. Имеет ли он моральное право на публикацию такого материала?»

Познания-то в Главпуре какие: я реабилитирован только в 1989 году. Естественно, с партией расстался еще в 1952 году. Насчет армии пуровцы наврали, как многие офицеры запаса, «дослужился» на гражданке до капитана и был снят с учета.

Из журнала спокойно растолковали озабоченному Соловьеву, что у редколлегии другое мнение. На том и поставили точку в более чем трехлетних домогательствах не допустить выхода работы о Г. К. Жукове. Несколько спустя еще выяснилось, что полковника в отставке, на которого ссылались в письме, не существовало. Впрочем, об этом можно было без труда догадаться. На копии пересланного в журнал «письма» мифического полковника значился входящий № 27409 от 25 июля 1985 года отдела писем Главпура, а исходящий письма в журнал отдела печати Главпура — 172/27409 от 26 июля 1985 года. Такой фантастической скорости прохождения документов не бывает...

Все проходит своим чередом. Вслед за «Октябрем» решились наконец в Детгизе выпустить мою книгу, дописав, разумеется, реверансы в адрес Сталина. Обе дамы устои в их представлении

охранили. На каких-то полгода, ибо книгой заинтересовалась редакция «Роман-газеты», которая признает право автора на распоряжение своим текстом. Им я и воспользовался, убрав красоты, дорогие сердцу подвижниц на ниве литературы, знающих, что надо и что не надо читателю.

Редколлегии «Роман-газеты» под водительством В. Н. Ганичева сочла возможным открыть ее 1-й номер за 1986 год моей книгой. Маршал авиации С. И. Руденко, прошедший большую часть войны бок о бок с Г. К. Жуковым, рекомендовал ее читателю:

«Давно назрело время получить объективный, впечатляющий рассказ о нашем полководце. В этой книге и сделана попытка показать Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в зените его полководческой деятельности. Разумеется, о Г. К. Жукове написано немало, но в таком масштабе, как в книге Н. Яковлева, это первая попытка, и достоинство ее в том, что в ней рассказано о полководце Жукове в динамике боевых действий, в описании военных событий и влиянии полководца на ход, развитие и результаты этих событий.

...Незабываемая весна 45-го. Свежий ветер Победы. Под Берлином 48-летний маршал Жуков собрал нас, генералов, командующих армиями (вступающих в четвертый десяток жизни), для отработки задач и действий завершающей Берлинской операции. Четкие и ясные указания нашего командующего, ни в чем не стесняющего инициативу подчиненных, были для нас организующим началом в планировании и проведении операции. Таким он был, таким остался в памяти и таким показан в этой книге.

Пусть встреча с Георгием Константиновичем Жуковым на страницах этой первой биографии прославленного полководца положит начало доброй традиции — любая публикация о нем будет рассказом о том, что дает труд, прилежание и сила характера русского советского человека».

Книга выдержала ряд изданий (2 миллиона «Роман-газета», еще 300 тысяч для молодежи в «Роман-газете», 100 тысяч в третьем томе моих «Избранных произведений» в 1990 году, 200 тысяч журнал «Октябрь», 100 тысяч — Детгиз). Плюс более половины ее напечатано в журнале «Новое время» (тиражом 600 тысяч экземпляров). Итак, всего более трех миллионов. Еще переводы в Болгарии и Китайской Народной Республике. Разумеется, для каждого нового издания текст дорабатывался.

Что до откликов, то, по сведениям Госкомиздата СССР, «лучшими книгами 1986 года» признаны: роман Ч. Айтматова «Плаха», В. Распутина «Пожар», В. Пикуля «Крейсера», В. Астафьева «Печальный детектив», Н. Яковлева «Маршал Жуков». Автор с благодарностью принял вердикт читателей — это результат опроса — и должным образом оценил комплимент «Нашего современника», который в № 4 за 1986 год объяснил: «Необычайный интерес, проявленный читателями к этому произведению, объясняется не какими-либо выдающимися художественными достоинствами, а исключительно самим документальным материалом, связанным с военной деятельностью прославленного полководца... Еще много произведений будет написано о величайшем из маршалов. Одним из подступов к великой книге о нем, которую мы все ждем, является повествование Николая Яковлева». Ну что же, и на этом спасибо.

Эти довольно подробные рассуждения о моей книге в «статье третьей» А. Овчаренко, которые можно принять и за рецензию, один из двух случаев разбора ее на страницах печати. Другой — краткая рецензия академика А. М. Самсонова в «Книжном обозрении» 19 сентября 1986 года. Академик отметил: «Написанная советским историком, профессором Н. Н. Яковлевым, известным и своими трудами по второй мировой войне, эта книга вносит существенный вклад в нашу историческую науку». При такой скудости отзывов (сравним с потоком «организованных» рецензий на книги по куда менее значительным темам) исчезновение без следа всех тиражей книги «Маршал Жуков» — объективный показатель, что она нужна. А это самое главное.

То, что наша достойная печать практически замолчала моего «Жукова», не удивляет; готовилась арена, на которую должен был выступить в блеске всех и всяческих регалий, званий и постов прозаик Владимир Карпов. Великий правдолюбец Г. Я. Бакланов в № 10 за 1989 год журнала «Знамя» напечатал начало карповской «литературной мозаики» на тему «Г. К. Жуков». Тут же прояснилось — напутал много наш достойный писатель, главное же заключалось в том, что, выполняя свое обещание «писать правду», Карпов не считал возможным «скрыть и то, что не украшает Жукова». Засим привел документ: донос наркому обороны Ворошилову на маршала А. И. Егорова от 26 января 1938 года, подписанный «Г. Жуков». Егоров-де в ноябре 1917 года на митинге «называл товарища Ленина авантюристом, посланцем немцев».

Дочери маршала Эра и Элла, прочитав карповское творение, обратились в Институт военной истории МО. Руководитель института генерал-полковник Д. А. Волкогонов надменно ответил оскорбленным женщинам: подлинность документа «сомнений не вызывает». Тот самый Волкогонов, который был первым заместителем начальника Главпура, когда ведомство вело описанную борьбу на истребление со мной в 1982—1984 годах.

Эра и Элла не знали тогда, что иначе Волкогонов и ответить не мог. В вышедшей почти одновременно с «литературной мозаикой» Карпова его книге «Триумф и трагедия. И. В. Сталин. Политический портрет» (кн. I, ч. 2, с. 271—272) Волкогонов привел этот же документ, правда, авторство обозначил так: «в последующем крупного советского военачальника». Отличие от Карпова у Волкогонова было лишь в том, что если первый, перевирающий даты, отнес казнь Егорова к периоду до января 1938 года и посему «письмо Жукова уже не могло повредить Егорову», то генерал-полковник Волкогонов, правильно указавший дату гибели Егорова — после января 1938 года, — подчеркнул: «письмо подтверждало «вредительскую природу» Егорова» и, следовательно, не названный впоследствии «крупный советский военачальник» погубил Егорова.

Несмотря на то, что перед Эрой и Эллой встали стеной Карпов, Волкогонов и Бакланов, они добились проведения экспертизы приписанного Г. К. Жукову письма во Всесоюзном НИИ судебных экспертиз МЮ СССР. Заключение эксперта от 17 ноября 1989 года: «Подпись от имени Г. К. Жукова ... выполнена не самим Жуковым Георгием Константиновичем, а другим лицом, вероятно, с подражанием подлинным подписям Жукова Г. К.».

Примерно через полгода журнал «Знамя» (1990, № 4) напечатал не очень смущенное покаяние Карпова и выразил скромную радость по поводу восстановления правды. Член редколлегии журнала Д. А. Волкогонов предпочел промолчать о своем вкладе в очернение маршала Жукова. Видимо, решил, что если не заметили дочери маршала — а у кого хватит сил внимательно читать его пухлую книгу, — то пронесло.

Впрочем, из Жукова можно извлечь многое, сообразил сметливый генерал-полковник. В декабре 1989 года в Институте военной истории защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора военных наук министр обороны Сирийской Арабской Республики корпусной генерал Мустафа Тлас. Научный консультант доктор философских наук, профессор, генерал-полковник Д. А. Волкогонов, которому Тлас адресовал «особенно» слова благодарности. Тема диссертации «Военное мышление маршала Г. К. Жукова». В конце введения к диссертации генерал Тлас цветисто сказал: «Я хотел бы, чтобы моя диссертация в какой-то мере обогатила военную мысль, даже если это будет каплей в море».

Польщен безмерно. Страницами идет в диссертации текст моей книги о Жукове, хотя без ссылок на нее и упоминания ее, единственной биографии Жукова, в списке источников и литературы к диссертации. Славного научного консультанта подыскали сирийскому министру обороны. Волкогонов научит.

А правдолюбы из «Нового времени» (забыв или делая вид, что забыли — журнал в 1985 году первым печатал главы из моей книги) в феврале 1990 года (№ 7, с. 3) печатают письмо читателя:

«Работник издательства ЦК ВЛКСМ, руководящий выпуском книг в серии «Жизнь замечательных людей», в интервью газете «Красная звезда» сообщил: выходит книга о маршале Жукове, написанная известным историком Николаем Яковлевым. Историк Н. Н. Яковлев — автор издававшейся бесконечное количество раз книги «ЦРУ против СССР», действительно известен тем, что получил пощечину от академика Сахарова. «Столь высокая оценка журналистской деятельности не может принадлежать одному герою, ее надо разделить на многих», — справедливо отметил один из публицистов. Пошляков с пером в руках у нас предостаточно, но академик Сахаров явно отдал предпочтение «самому достойному»...

Маршал Жуков — великий полководец и наш национальный герой. Для нас, фронтовиков, это имя священно. Я не призываю к «охоте на ведьм», к запретам на профессии, но все же об этом человеке может писать только тот, у кого чистые руки. Маршал Жуков умер шестнадцать лет назад и лишен возможности защитить себя так, как это сделал академик Сахаров...»

Об этих инсинуациях насчет «почещины» придется написать, надоело. Но не обо мне речь. Какое постоянство у осквернителей памяти маршала Г. К. Жукова и какое, как говорят криминалисты, сходство почерка деяний. От фальсификаторов и клеветников сталинских времен до нынешних «демократов».

Николай ЯКОВЛЕВ,
профессор,
Москва

НА СЛУЖБЕ ДЬЯВОЛА

(ДЛЯ ЧЕГО «ДЕМОКРАТАМ» ВЛАСТЬ?)

После ухода в неожиданную для многих отставку бывшего министра иностранных дел Э. Шеварднадзе нынешние дорвавшиеся до власти в Советах радикал-«демократы» (точнее было бы сказать: охлократы) в подчиненных им средствах массовой информации подняли очередной гвалт о якобы готовящемся военном перевороте и о чьей-то возможной диктатуре. Не называя никого конкретно, они, похоже, действовали и продолжают действовать по известному и хорошо ими отработанному принципу, когда вор кричит «держи вора!». Видимо, боясь, как бы кто-то другой их не опередил (армия, КГБ, МВД, национал-патриоты, коммунисты и т. д.), они со страниц своей разнузданно-«демократической» прессы все еще взахлеб галдят о том, о чем втайне мечтают сами: установить тоталитарную «демократическую» диктатуру. И диктатор у них уже вполне созрел — Б. Н. Ельцин, культ личности которого раздувался ими по старому способу изготовления «вождей народа». Его портреты на митингах «демократов» стотысячная толпа держит так же высоко и преданно, как когда-то держала портреты Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и т. д. Эта люмпенизированная толпа никак не может существовать без идола, без культа, без диктатора.

Но хотелось бы спросить у этой толпы: с помощью чего в 1933 году Гитлер и его партия пришли к власти в Германии? Возможно, придется помочь с ответом: с помощью д е м о к р а т и и. Да-да, той самой демократии, которую называют *властью народа*. Что было потом — всем хорошо известно.

Кто больше всех пострадал от той немецкой *демократии*, приведшей к власти диктатора? — нелишне задать еще один вопрос этой «демократической» люмпенизированной толпе. И дать ответ: русский народ и Россия. Но кто уничтожил немецкий фашизм вместе с его вождем? Наверное, помнят историю: опять же русский народ и Россия. К чему эти вопросы? А вот к чему: митинговая, идолопоклонническая «демократия» — это и есть прямой, единственно «верный» путь к вождизму, диктатуре и неизбежно — к фашизму. Но кто больше всех в этом мире пострадал от вождизма, диктатуры и фашизма? И кто уничтожил фашизм? Правильно...

А теперь из отечественной действительности хочу бросить взгляд в другую горячую точку земного шара. тем более что она своими нервными нитями связана со всеми болями нашей земли.

Уже после первых двух недель войны союзнических войск с Ираком стало ясно, что основная стратегическая задача президента США — не освобождение Кувейта, а разрушение военной промышленности и экономической инфраструктуры главного в настоящее время противника Израиля на Ближнем Востоке. Кувейт явился лишь поводом для нанесения американской авиацией ударов с воздуха по Багдаду и другим иракским городам. После начала боевых действий каждый день в Ираке творились разрушения, лилась кровь мирных граждан, а наземные войска стран антииракской коалиции, стоящие на границе с Кувейтом, не двигались с места. А ведь ООН, как нам казалось, санкционировала вооруженное вмешательство исключительно ради восстановления независимого Кувейта, а не ради бесконечных эшелонированных ракетных и бомбовых атак по всей территории Ирака.

Администрация США, заручившись поддержкой ООН и своего конгресса, опять обманула мировую общественность. Разработанную Пентагоном военную операцию «Буря в пустыне» президент Буш начал как интервенцию против другого независимого государства. А лицемерно-благовидный предлог якобы восстановления попранных прав кувейтцев оказался второстепенной, во всяком случае — не первоочередной задачей. США вновь выступили как агрессор, как мировой жандарм. Вот она, сущность демократии вообще и американской — в частности...

Тем не менее население нашей страны долго не могло очнуться от информационного обмана беспринципной, нередко сионизированной прессы. В который раз мы становимся свидетелями, как США с откровенной наглостью и циничностью готовы диктовать свою эгоистическую волю в любой точке земного шара. И при этом, каждый день убивая иракских женщин, детей, стариков, они не стеснялись выражать нам свое недовольство событиями в Прибалтике, угрожали разобраться в этих событиях и отказаться от предоставления нам своих жалких кредитов. И мы до сих пор до конца не осознали, что попали в кабалу к мировому агрессору и что еще не раз пожалеем об этом. Бомбя иракские города, США и пальцем не позволяли пошевелить нашей армии для восстановления конституционного порядка в собственной стране.

В связи с войной в районе Персидского залива по меньшей мере двусмысленной оказалась наша позиция. Вроде бы мы — в стороне, и в то же время — проголосовали в Совете Безопасности за начало боевых действий. Но если бы М. С. Горбачев высказал свое несогласие с этой авантюрой, то Буш не посмел бы напасть на Ирак. Мы оказались моральными соучастниками этого преступления, так по-настоящему и не уразумев, что никакой самостоятельный народ даже с помощью самой современной техники победить невозможно. Чтобы понять это, нам оказалось мало афганской авантюры. Потребовалась еще одна.

Могут спросить: а как относиться к Саддаму Хусейну и его захвату Кувейта? Ответ прост: это дело арабского мира. Ближневосточные государства сами бы разобрались с Хусейном. Ведь когда Израиль оккупировал Иерусалим, ни одно европейское государство, ни Америка, ни ООН не призвали к восстановлению справедливости военным путем...

Но логичнее другой вопрос: почему мы все время смотрим на чужой дом и не видим того, что происходит в собственном? Разве не то же самое произошло у нас — на территории Грузии? Разве Верховный Совет этой республики не издал указа об аннексии Южной Осетии? Разве не так же попраны честь и достоинство целого народа в нашем собственном доме? И разве в Ираке были растоптаны права турок-месхетинцев, южных осетин, гагаузов и, конечно же, русских? Нет, это случилось на нашей земле. Но кто в мире откликнулся на беды этих униженных людей? Может быть, ООН, которой мы каждый год выплачиваем миллионы долларов? Хоть одна из этих зеленых бумажек по-

пала в руки несчастных беженцев, спасавшихся в Москве со всех концов страны? Нет, мир не откликнулся. Кроме пожертвований бедных россиян да равнодушия нашей верховной власти, ничего они не увидели. Кувейт для ООН куда заметнее...

Но вернемся, так сказать, на мировую арену. И вернемся с убеждением: хищническая сущность США никогда не изменится. Государство, возомнившее себя мировым жандармом, будет «миролюбивым» и «покладистым» лишь до поры до времени, лишь до той минуты, пока ему не перестанут чесать пятки. И вот тогда каждый ослушник увидит, как из овечьей шкуры штатовского «дружелюбия» покажутся волчьи зубы. Мы же так легко поверили овечьему блеянию американских монополий, сладким голосом запевших о конвергенции и конверсии! И начали с каким-то упоением на глазах у всего мира раздеваться, то бишь разоружаться. Западные архитекторы политики, глядя на этот стриптиз, бурно зааплодировали советскому руководству. Но чуть только советские солдаты у себя в стране, вынужденные защищаться, ответили пулями на автоматный огонь фашиствующих нацистов Прибалтики, все эти западные массовики-затейники политических игр, перебивая друг друга, загалдели о новой советской диктатуре, новой советской угрозе... И это — в то самое время, когда американские, английские, французские самолеты бомбили мирные иракские города! Бомбили с санкции еще одной так называемой «мирной организации», натянувшей на себя овечью шкуру. Да, теперь уже и ООН показала нам волчьи зубы, когда речь пошла о безопасности Израиля...

В течение сорока с лишним последних лет расистский Израиль нападал на все граничащие с ним арабские государства, захватывал их земли и вытворял все, что хотел, на оккупированных территориях, а Организация Объединенных Наций только руками разводила, не в силах сделать что-либо реальное по отношению к агрессору. Но чтобы кто-то в стенах этой организации заикнулся о восстановлении справедливости вооруженным путем... Такого и вообразить себе было невозможно. Как же, ведь ООН — мирная контора. Она для того и создана, чтобы не допускать войн, как сказано в ее уставе: «в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и развития сотрудничества между государствами». И вдруг — такой поворот!

Мировое правительство, штаб-квартира которого находится в центре США, облаченное в тогу миротворческой организации, наконец сбросило маску миролюбивого и независимого международного органа. Как только на небольшом клочке земли возникла опасность, с одной стороны, для сионистского государства (созданного почти сразу после возникновения ООН), а с другой — для интересов транснациональных нефтяных корпораций США (в свою очередь, ключевых структур мирового сионистского капитала), так мгновенно «миролюбивая» ООН, заручившись поддержкой чуть ли не всех правительств земного шара, спустила на маленькую страну своих кровожадных цепных псов, нахлебавшихся человеческой крови еще в свое время в Конго, Алжире, Корее, на Кубе, во Вьетнаме, в Гренаде, Панаме и т. д.

Неужели идет к тому, что Прибалтика в ближайших планах этой «мирной организации» должна стать новой козырной картой конфронтации и возможной войны все тех же «союзных межнациональных вооруженных сил» с ослабленной экономическим кризисом и разоруженной Россией? Да, Россией, потому что только слепой не видит, что (после активнейшей деятельности в союзных республиках пятой «демократической» колонны) СССР как единое федеративное устройство — дышит на ладан. Пятая колонна свое дело сделала и уже получила поздравления за успешную работу. А некоторые ее бывшие марионетки, находившиеся у рычагов власти, с сознанием исполненного долга даже ушли в отставку...

Как видно, наше население можно дурачить сколько угодно. Оно верит каждому сказанному «по телевизору» слову, каждой «утке», пущенной со страниц «Известий», «Независимой газеты», «Московских новостей» или «Аргументов и фактов» (про «Огонек» — не говорю. По-моему, ему уже не верит никто, даже самые отъявленные леворадикалы). Но что же делать, если наше население — в огромной массе своей — порождение эпохи, продукт более чем семидесятилетнего массового оболванивания всеми мыслимыми и немыслимыми средствами? Мы, литераторы, нередко говорим и пишем о том, что народ наш якобы просыпается от долгой спячки, от безразличия и духовной пустоты, что он будто бы начинает во многом разбираться и что-то такое понимать... К сожалению, чаще всего мы лишь выдаем желаемое за действительное. На самом же деле, как ни горько это сознавать, есть лишь проснувшиеся единицы. Миллионы все еще пребывают в глухом затмении, десятки миллионов — это ни в чем не разбирающееся и потому абсолютно ко всему безразличное, задавленное нуждой население, покорно стоящее в бесконечных очередях за талонами, за сахаром, за хлебом, за колбасой, за солью, за спичками...

Самая агрессивная часть нашего населения — инженерно-техническая интеллигенция в первом поколении, лишенная родовых корней и национального самосознания, пересаженная из народной почвы в городские бетонированные отсеки, в каменные спальные мешки, куда поставлен домашний божок — телевизор. Эти малооплачиваемые «интеллигенты», исполненные гордостя за свое среднестатистическое образование и за свою нахватанно-поверхностную (высоцко-окуджавскую) «культуру», начитавшись «Комсомольской правды», переполняют митинги «демократов». Причем женская их половина готова облизывать следы от ног Бориса Ельцина и Гавриила Попова.

Казалось бы, дорвались «демократы» до власти в Советах. Чего еще надо? Проводите в жизнь свои обещания, наводите порядок, налаживайте производство, торговлю, снабжение, улучшайте положение людей. Но не тут-то было. Посадили они всю Россию на карточки и талоны — и продолжают митинговать. Что же это за власть, которая то и дело организует митинги и демонстрации? За что? Против кого? Ведь вы же — власть. Вам народ доверился, так действуйте. Но нет. «Демократам» власти мало. Советы их уже не устраивают. Им хотелось бы руководить армией, милицией, Комитетом госбезопасности, а в конечном счете — обладать и неограниченной президентской властью. Опять же — для чего? Вот тут мы и подходим к основному вопросу, к их главной проблеме.

Не сумев уничтожить народ до конца, чему помешали, как это ни странно многим слышать, Сталин и Отечественная война 1941—1945 годов, послужившая колоссальным толчком к подъ-

ему патриотизма, «демократы» поставили целью довершить дело своих предшественников — «пламенных революционеров». Те — раскололи великую Россию на множество союзных и автономных «республик», эти — уже практически развалив, разорвав СССР, навязывают населению автономий идею «суверенных», «независимых» образований, на что данные «республики» охотно отзываются. С одной стороны, «демократы» разогревают националистические страсти во всех без исключения автономиях России, а с другой — остервенело набрасываются на редчайшие проявления национального чувства среди русских. Русские для них — главная опасность. Потому-то «демократы» в Верховном Совете РСФСР во главе с Ельциным не реагируют на притеснения русских в Прибалтике, в Молдавии, в Азербайджане, в Грузии, и более того — подталкивают националистические правительства этих «суверенных государств» на превращение русскоязычного населения в рабочее быдло, в граждан второго сорта.

Даже не власть, как таковая, волнует «демократов», а скорее просто уничтожение русских. Эти иудодемократы выполняют в России весьма определенную миссию: превратить ее территорию в протекторат западной цивилизации, в сырьевую базу Запада с малочисленным, разобщенным, полуголодным населением, готовым за доллар и импортную тряпку продать и мать родную. Ельцинско-силаевская программа «500 дней» — это программа разорения России за полтора года. Тот «рынок», который нам усиленно навязывают «демократы» и Запад, — не есть путь к капитализму, как думают наивные. Данный «рынок» — это система ограбления для оккупированной страны.

Чтобы добиться своих целей, пятая «демократическая» колонна обязана первым делом разоружить и разложить изнутри советскую (в основном русскую) армию, что они сумели проделать в 1917-м и успешно осуществляют сейчас. Затем — лишив продовольственного снабжения — устроить повсеместный голод (что мы уже имеем), натравить национальные окраины на русских (что мы наблюдаем), запретить нерусским призывникам служить в союзной армии (уже кое-где запрещено), создать разобщенные национально-территориальные вооруженные формирования (уже имеются), разжечь националистическую истерию в «республиках» (ей уже нет удержу). А следствием всего этого должна стать всеобщая гражданская война на самоуничтожение. Потом данную территорию можно будет брать голыми руками. И на этом история российской государственности, как полагают наши недруги, закончится. Действительно, еще одной гражданской войны мы не перенесем. Гражданской. В том случае, если она не перерастет в Отечественную...

Нельзя не вспомнить того, как подобный прием по разложению российской армии, а именно — попытка создания национальных территориальных вооруженных сил, уже предпринимался прежними «демократами» накануне октябрьского большевистского переворота. А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» так описывает события в армии того времени: «Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане — требуя провозглашенного «самоопределения» — от культурно-национальной автономии до полной независимости включительно, а главное — немедленного формирования отдельных войск. В конце концов более серьезных результатов, несомненно отрицательных в смысле целости армии, достигли формирования украинское и польское, отчасти закавказские. Прочие попытки были пресечены. Лишь в последние дни существования русской армии, в октябре 1917 года, генерал Щербачев с целью удержания Румынского фронта приступил к широкому расслоению войск по национальным признакам — попытка, окончившаяся полной неудачей. Должен добавить, что только одна национальность не требовала самоопределения в смысле несения военной службы — это еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение — в ответ на жалобы евреев — организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования в среде евреев и в левых кругах именовалось злостной провокацией» *.

Здесь, между прочим, интересно также последнее замечание: «демократические» агитаторы, действовавшие в армии, о которых подробно говорит в своих воспоминаниях Деникин (в основном евреи), подбивавшие войска к разделению по национальному признаку, были категорически против чисто еврейских вооруженных формирований. Все дело в том, что по их коварному замыслу в будущей гражданской войне пушечное мясо должно было состоять исключительно из гоев. Евреям же предназначалась роль сугубо командного состава (см. публикацию А. Абрамовича под названием «Вместе с Троцким» в «МГ» № 11 за 1990 г.).

Далее А. И. Деникин пишет словно о сегодняшних днях. Взгляните, насколько знаком нам почерк «демократов» по развалу страны более семидесяти лет назад: «Центробежные силы разметали страну и армию. К нетерпимости классовой и партийной прибавилось обострение национальной розни, отчасти имевшее основание в исторически сложившихся взаимоотношениях между племенами, населявшими Россию, и правительством, отчасти же совершенно беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имевшими со здоровым национальным чувством. Скрытая или подавленная ранее, эта рознь резко проявилась, к сожалению, в тот именно момент, когда общерусская власть добровольно и добросовестно выходила на путь широкой децентрализации, признания исторических прав и культурно-национального самоопределения составных элементов русского государства».

Надо признать: как же они умеют в нужный момент раскручивать эти «центробежные силы»! Просто диву даешься, насколько податлив на «демократическую» демагогию национальный эгоизм многих наших народов, когда на карту ставится целостность государства. И история в этом случае ничему не учит, никого не останавливает. Даже и спасенные Россией от полного исчезновения (ополячивания и отуречивания) Украина и Грузия теперь уже все забыли и чуть ли не громче других заявляют о своей «самостийности», то лишь «суверенности» по отношению к Москве. Но ведь живем-то мы на свете не последний год. Существует же такое понятие, как историческая справедливость! Или Гамсахурдиа и Драч думают переписать исто-

* «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, впервые в нашей стране опубликованные в антипатриотическом журнале «Октябрь» (1990, № 10, 11, 12), вполне можно воспринимать как инструкцию к действиям «демократов» по развалу государства.

рию? Ладно, Бог с ними. Скорее всего украинский и грузинский народы все-таки остановят своих безумцев.

Нам давно пора понять, что Россия — все еще бельмо в глазу западной «цивилизации», существующей и строящейся на деньги американо-сионистского капитала. И что Россия — все еще надежда для стран третьего мира, хотя он сумел превзойти ее в своем научно-техническом прогрессе, касающемся непосредственно потребностей каждого человека: просто Запад нас грабил гораздо больше. Почему? В чем тут дело? Отчего мы за все в ответе? Для чего западный мир нас всегда предавал в самую трудную минуту и начинал создавать иллюзию помощи лишь тогда, когда мы сами чудом выкарабкивались из пропасти? (Так, второй фронт был открыт не в 1941 году, когда немцы стояли под Москвой, а лишь в 1943-м, когда все уже с этой войной было ясно...) Почему мы всегда стоим одни на всех сквозняках мировых катаклизмов и ценой неимоверных усилий и бесчисленных жертв *сами* спасаем себя? Запад от ответов на эти вопросы, как правило, стеснительно уклоняется.

Но будем предельно честными. И тут не обязательно впадать в пророчество. Россия — это центр мировой духовности в высшем понимании слов *духовность* и *дух*. Земля эта имеет Божественную святость. Не случайно она называлась *Святая Русь*. (Здесь все закономерно: из взаимосвязи *Святого Духа* и *Святой Руси* произошло реальное воплощение *Руси духовной*.) Это убеждение высказывали многие наши великие национальные мыслители. Даже и теперь, в такую безнравственную, жестокую, бездуховную эпоху, построенную громадными усилиями мирового кагала — главного врага российской святости, изничтожившего по всей этой земле и храмы, и духовенство, а в народе — национальную мудрость, — даже и ныне земля эта не перестает оставаться святой, она не утратила космогонической своей сущности как центра мировой духовности. И население наше при всей его трагедии разобщенности, аморфности и забитости, даже не сознавая того — несет в своих генах основную общечеловеческую доминанту добра, всепрощения, *истинной* веры и мировой отзывчивости на несправедливость, о чем прекрасно и точно сказал Ф. М. Достоевский *. Земле русской в космическом замысле нашей планеты предназначено быть как бы противовесом общемировых сил зла. Именно здесь находили свою погибель все главные завоеватели мировых пространств нового летосчисления: монголо-татары, Наполеон, Троцкий с компанией и Гитлер. Сегодняшние жандармы вселенной (американо-израильская клика) поставили цель не войной, так хитростью развалить наше общество, захватить эту землю и разорить ее, подчинив, таким образом, своей черной силе всю планету под названием Земля. Если размышлять мистическими категориями, то цель дьявола в этом случае будет достигнута.

И Запад должен все же осознать, что с гибелью России человеческий мир, лишившись этого противовеса, погибнет от недостатка духовной энергии, другими словами, самовыродится, опрокинется в черную дыру всеобщей безнравственности, а сама западная цивилизация превратится в безжизненное лунное пространство... Под западной цивилизацией я понимаю беспредельную власть золота (по словам Маркса, еврейского бога) или — агрессивный, холодный, материально-накопительский прагматизм капиталистического (в основном американского) общества, которым заражено также и большинство западноевропейских, оставновившихся в духовном развитии, стран.

* За годы «перестройки» (переделки строя), сопровождаемые волнами диких погромов, убийств, расправ и всяческих притеснений по расовым признакам, на территории проживания русских не произошло в прямом смысле *ни одного* подобного случая. Наоборот — территория эта стала единственным местом спасения для беженцев всех национальностей. Данный факт страшно раздражает «демократов», готовых за неимением таковых буквально высосать из пальца хотя бы один «еврейский погром» со стороны русских в виде «инцидента в ЦДЛ».

Но история человечества все-таки имеет кое-какой накопленный опыт, показывающий, что силы зла не способны достичь конечного результата своей разрушительной работы — полной власти над миром. Его гибели нет оправдания. И хоть Библия нам говорит о конце света, все же по ней видно, что конец света — не гибель мира, а всего лишь конец *старого* света и начало *нового*, чему предшествует Высший Суд — разделение сил зла и добра. Дьявол будет сброшен в бесконечную тьму на тысячу лет — сказано в Апокалипсисе.

И впрямь, глядя на прошлое России, нельзя не увидеть: когда, казалось бы, уже не на что было надеяться, когда под ногами горела земля, и смерть в кровавом опьянении предвкушала близящуюся победу, вдруг у нашего народа откуда-то бралась колоссальная сила, восстанавливающая справедливость и загоняющая зло в преисподнюю (не так ли случилось в 41-м под Москвой?). Возможно, здесь кроется какая-то закономерность, составляющая тайну русской души...

Какой же следует вывод? «Демократия», страшась возрождения национальной идеи стержневого народа и преследуя любые проявления здорового патриотизма в центре страны, где она стоит у власти, вынуждена будет прибегнуть к помощи военной интервенции иностранных государств. Кстати сказать, с подобным предложением — о «союзнической интервенции в Россию» — в мае 1918 года Троцкий, опасаясь потери антинародной власти, обращался к Германии (подробнее см.: «Наш современник», 1990, № 11, с. 130). Борис Ельцин и компания уже направляли послание в ООН по поводу событий в Прибалтике в январе этого года, спровоцированных самими же «демократами», с просьбой разобраться и принять меры. И это — лишь первая ласточка. В дальнейшем данный прецедент обращения в ООН превратится в обычную для «демократов» практику по любому поводу. А что такое ООН и чьи интересы отстаивает эта «мирная организация» — нам теперь хорошо известно. История с Ираком может повториться в советском, точнее — в российском варианте.

И спасет нас одно — то, что во все века спасало в грозный и безысходный час — патриотизм.

Валерий ХАТЮШИН,
Москва

Литературная критика

А. ОГНЁВ

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ В ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Проблемы крестьянской жизни в России всегда были наиглавнейшими, самыми решающими для ее нормального государственного развития. Сейчас осознается особенно остро. что благополучие всего советского народа, жизнеспособность нашего общественного строя и государства зависят в первую очередь от решения главных вопросов: сумеем ли мы эффективно вести сельское хозяйство, освободимся ли от унизительной необходимости покупать зерно и мясо за рубежом? Поднять сельское хозяйство до уровня западных стран нам крайне необходимо, но сделать это очень и очень нелегко, если учесть, до какого плачевного состояния оно доведено. С особой остротой эта проблема стоит в Нечерноземной зоне РСФСР, где сильно запущено животноводство, очень низкие урожаи зерна, картофеля и льна. За 25 последних лет там «более шести миллионов гектаров заросло кустарником, а свыше трех миллионов гектаров орошаемых угодий практически выбыло из оборота» («Правда», 1989, 28 сентября). В Тверской области площадь сельскохозяйственных угодий за это время уменьшилась на 840 тысяч гектаров, а в Калужской — на 50 тысяч.

Один из читателей «АиФ» (1989, № 24) так высказался на страницах этой газеты: «Страшнее, чем у нас под Калугой в колхозах области, может быть только ядерная война». Сказано очень резко, но по сути верно. И не только о Калужской области. В моей родной тверской деревне Красненькое в 1940 году было около 50 дворов. У всех имелись коровы, овцы, у многих свиньи, был колхозный скот, все это кормилось, немало сдавали сена государству. Теперь в деревне нет ни одного работоспособного человека, живут восемь старушек, в хозяйствах осталась одна корова, несколько овец. Пашни и луга зарастают кустарником. Удручающее бездорожье. Деревня умирает на глазах, а она стояла свыше четырехсот лет. В нашей области сейчас свыше десяти тысяч заброшенных дворов. Только за последние 5 лет в Нечерноземном регионе перестали существовать 25 тысяч деревень (десятки тысяч хуторов были ликвидированы еще в 30-е годы). За это кто-то же должен нести суровую ответственность, и прежде всего, видимо, Т. Заславская. Вместо этого сия псевдоученая дама самодовольно расселась в парламенте, сея среди депутатов ложь и демагогию.

Немало писалось о том, что в результате сталинского произвола ряд народов был выслан из родных мест. Но разве не то же, по существу, случилось со многими миллионами русских из нечерноземных деревень, уничтоженных в результате бесчеловечной политики раскрестьянивания? Современное население Смоленской области, в которой во время войны погиб каждый третий житель, а всего — около 600 тысяч человек, составляет только пятьдесят процентов от довоенного. С 1926 года население Тверской области уменьшилось на миллион человек, в ней смертность превышает уровень рождаемости. Вряд ли намного лучше в других областях Нечерноземья. Сейчас число учеников общеобразовательных школ в РСФСР меньше, чем в 1940 году, а в Средней Азии оно выросло за это время более чем в три раза. Русское Нечерноземье, центр русской нации, подверглось такому опустошительному разорению, какого не было, пожалуй, за всю его историю. Разрушены, катастрофически обезлюдели корневые, исконно русские земли. Миллионы смоленских, псковских, новгородских, тверских, калужских жителей погибли на фронте, в фашистской оккупации, другие из-за страшной нужды, из-за того, что нечего было есть, нечего обуть и одеть, вынуждены были покинуть родные деревни и уехать туда, где жизнь была лучше — в Прибалтику, в Среднюю Азию. А вот теперь 320 жителей Клайпеды обратились в газету «Советская Россия» с призывом: «Просим Родину защитить нас». В этом городе, как я хорошо знаю, живут и бывшие тверяки, они восстанавливали его после войны, а теперь стали там людьми второго сорта, они умоляют помочь им, дать им квартиры в РСФСР.

Чтобы понять лучше, почему мы оказались в крайне тяжелом положении, если иметь в виду снабжение нашего населения сельскохозяйственными продуктами, надо оглянуться назад, хорошо учесть те уроки, какие преподнесла нам история в последнее столетие, необходимо понять, как мы дошли до такой жизни, что вот уже свыше 25 лет покупаем за границей хлеб, мясо и масло, а продаем по дешевке энергоносители. то, что не возобновляется, — нефть, газ, уголь, за что наши внуки и правнуки нас не похвалят. Неужели мы с нашими землями, с лучшим в мире черноземом, с замечательными лугами при хорошем хозяйствовании не сможем обеспечить себя продуктами питания? Неужели тверские земли хуже, чем в Финляндии? Там средняя урожайность примерно в два раза выше, чем в Тверской области. Производительность труда в нашем сельском хозяйстве в 5 раз ниже, чем в США. В Дании «145 тысяч человек (это примерно 6% общей численности трудящихся Дании), занятых в сельском хозяйстве, производят в 3 раза больше продовольствия, чем нужно, чтобы прокормить население численностью 5,1 миллиона человек» («Правда», 1987, 31 августа). В чем же дело?

Иногда истоки нашего отставания. недостатков советского общественного строя, бедственного состояния сельского хозяйства ищут в национальных особенностях русского народа. Утверждают, будто у русских, склонных к идеалистическим мечтаниям, нет должной практической сметки, привычки к дисциплине, что у них сильно проявлено анархическое и антигосударственное начало. Но как совместить такие домыслы с тем, что этот «самый

безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность» (Н. Бердяев)? Пишут о беспечности и необязательности русских, о том, что они вообще плохие работники. Но почему же русские инженеры высоко ценились на Западе, многие из них, уехавшие из России, внесли немалый вклад в развитие науки и промышленности США, Франции и ряда других стран. Если же говорить о сельском хозяйстве, то не стоит ли вспомнить, что в 1913 году Россия производила почти треть общемировой продукции зерновых культур, а сегодня только десятую часть, что тогда она давала 41 процент мирового экспорта сельскохозяйственной продукции? Реализация столыпинской реформы перед первой мировой войной была столь успешной, что в 1916 году депутатам Думы было сообщено, что в России «имеется до 900 миллионов пудов избытка главнейших хлебов» («Литературная Россия», 1989, 14 июля). Отметим и такой факт: после введения нэпа в 1923—1928 годах наша страна продавала зерно, мясо и масло в Европу.

Не стоит наши беды сваливать на плохой климат, почву, на нерадивых работников, а следует признать, что советские руководители бездарно вели сельское хозяйство все 70 с лишним лет. По негативным последствиям волюнтаристского стиля руководства деревней нас вряд ли кто способен превзойти. Зияющие просчеты в самих производственных отношениях, обезличка труда породили у сельских жителей безответственность, пассивность и безразличие к тому, что делается вокруг них: они зачастую равнодушно относятся к разительной бесхозяйственности, не волнуются, когда гибнет лен и картошка в поле, остаются некормлеными коровы, когда подчас годами не чистятся фермы. Сама история Советского государства воочию показала, что нельзя не считаться с объективными закономерностями сельской жизни, условиями работы крестьянина, нельзя им командовать, пренебрегать его личностью, мировосприятием и трудовыми навыками.

Эпоха Октябрьской революции и гражданской войны со всей очевидностью раскрыла силу и огромную значимость крестьянства для судьбы всего нашего государства. Трагический разлом нации в то время, страшное ожесточение классовой борьбы, унесшей миллионы жизней, в немалой степени были обусловлены роковыми ошибками Советского правительства, допущенными по отношению к крестьянству.

Сейчас многие писатели, публицисты стремятся лучше — глубже и полнее — понять суть коллективизации: что она дала нашему народу, как можно было избежать серьезных негативных последствий чрезмерного форсирования самого процесса объединения крестьян в коллективные хозяйства? Без полной, неприкрашенной правды о том времени мы не сможем извлечь нужные уроки.

Самый острый и сложный вопрос: был ли иной путь развития, при котором бы намного успешнее развивалось наше народное хозяйство? Сейчас, кажется, стала общепризнанной мысль о том, что альтернативой сталинской коллективизации была ленинская кооперация. В романе В. Белова «Кануны» бухгалтер ольховского отделения маслоартели Шустов недоумевает: «Зачем сворачивать кредитное дело? Для чего душить машинные товарищества и ТОЗы — этих младенцев, рано или поздно они б выросли в крепких здоровяков производственного кооперирования. Почему понадобились какие-то совсем новые колхозы? Ведь все и так вроде бы шло по Ленину». Анализируя бедственное положение современной русской деревни, В. Белов подчеркивал пагубность насильственной коллективизации для дальнейшего развития нашей страны и писал в статье «Возродить в крестьянстве крестьянское» («Правда», 1988, 15 апреля): «Если бы кооперативному движению не помешали «сверху», деревня легко, без натуги обеспечивала бы страну не только продовольствием и сырьем для легкой промышленности, но и трудовыми ресурсами. Совершенно безболезненно стали бы высвобождаться рабочие руки, необходимые для индустриализации». Ее подкрепили бы и те многие сотни тысяч, если не миллионы работников, которые умерли от голода в 1933 году.

Столкнувшись с немалыми трудностями в 1928—1929 годах, не желая использовать гибкие экономические средства, которые бы способствовали дальнейшему росту сельскохозяйственной продукции и не разрушали нормальных отношений с крестьянством, Сталин решил использовать при заготовке хлеба административный нажим, репрессии. В. И. Ленин на X съезде партии говорил: «Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, считают себя во всем учителями крестьян. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина. Задача сводится к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю, и не сметь командовать». Сталин и его окружение не посчитались с этими очень верными суждениями (хотя надо признать, первые колхозы появились еще в 1918 году), они решили, что лучше всего дело иметь с хозяйствами, которые можно легко поставить под государственный контроль и у которых проще всего забрать зерно подчистую для обеспечения хлебом города и продажи другим странам. Вот тогда-то и понадобились двадцатипятитысячники, субъективно честные люди, отдавшие свою жизнь делу партии. Но сейчас-то нам хорошо понятно, что они стали проводниками административно-волевого нажима на крестьян. Неужели при нормальном ходе не нашлось бы в деревне достаточного количества людей, знающих не понаслышке специфику деревенского труда и способных стать сельскими вожаками?

Конечно же, роман «Поднятая целина» М. Шолохова с большой художественной силой отразил то время, но его следует по-новому прочитать, дать более верную интерпретацию ряда показанных в нем героев и событий. Не стоит забывать, что, например, кулаком, с которым в 1930 году Н. Бухарин требовал разговаривать «языком свинца», чаще всего считали крепкого, умелого и трудолюбивого крестьянина. К тому же, если говорить о кулаках, на самом деле использовавших наемных работников, то и они действовали в тех пределах, которые были установлены тогдашним законодательством. Насколько же законным было то, что их лишали собственного имущества и ссылали с малыми детьми туда, где было слишком мало возможности выжить? Вспомним первый разговор Давыдова в сельском райкоме партии. Секретарь райкома, выполняя указание свыше, нацеливает его на стопроцентную коллективизацию, но вместе с тем предлагает действовать осторожно, в том числе и по отношению к кулаку. И это вызывает несогласие у Давыдова, он требует разъяснений и получает их: «...есть кулак, выполнивший задание по хлебозаготов-

кам, а есть упорно не выполняющий. Со вторым кулаком дело ясное — сто седьмую статью ему, и — крышка. А вот с первым сложнее. Как бы ты, примерно, с ним поступил?» Давыдов отвечает, что он бы дал кулаку новое задание. И не прав ли секретарь райкома: «Этак можно подорвать всякое доверие к нашим мероприятиям. А что скажет тогда середняк? Он скажет: «Вот она какая, советская власть! Туда-сюда мужиком крутит». Ленин нас учил серьезно учитывать настроение крестьянства, а ты говоришь «вторичное задание». Давыдов осуждает «терпимость веры» секретаря райкома, считает, что он хромает «на правую ножку». Нет слов, Давыдов — отважный, бескорыстный, совестливый коммунист, но в наше время стало особенно ясно, что в этом разговоре его политическая, юридическая и нравственная позиция уязвима. О его исторической функции справедливо заметил М. Лобанов в своей статье «Освобождение» («Волга», 1982, № 10): «Питерский рабочий, приезжающий в донскую станицу учить земледельческому труду в новых условиях исконных земледельцев, — это не просто герой-«двадцатипятитысячник», но и некий символ нового, волевого отношения к людям». В. Оскоцкий в статье «Литературные игралища или тотальный нигилизм» («Литературная Россия», 1983, 21 января) бездоказательно упрекал М. Лобанова в неисторичности, в ревизии советской литературы, в тотальном нигилизме, в беззаботности, порожденной «одержимой защитой «патриархального начала» деревенского бытия», что «зачастую оборачивается самоочевидными курьезами». Вплоть до осуждения питерского рабочего Давыдова, который явил якобы «символ нового, волевого отношения к людям». Но и теперь В. Оскоцкий не спешит признать ошибочность этих своих обвинений, являющихся — кто тут будет сейчас спорить? — «самоочевидными курьезами». Он патетически восклицает, обращаясь к литераторам, не разделяющим его позиции: «Но у меня вопрос: а где же были эти борцы за правду, когда на их глазах история фальсифицировалась при сталинизме» (см.: Перестройка: образ мыслей и действия. — «Советская культура», 1988, 5 мая). Но было ли моральное право у В. Оскоцкого задавать такой вопрос, если он сам, как мы наглядно убедились, был занят мыслями не о самой правде, а другим — как бы попасть в удобную струю жизни, как бы не пропустить возможности защитить групповые интересы, побольнее ударить по тому, кто не разделяет его недоброжелательного отношения к русской деревне. По верному определению Ст. Куняева, он по праву входит в «лакейский корпус, с успехом пристраивающийся к любой идеологической ситуации, которая сегодня на дворе,.. держащий нос по ветру и постоянно во все времена оглядывающийся на сильных мира сего...» («Московский литератор», 1990, 12 января).

Русская деревня столетия жила общинной жизнью, крестьяне совместно владели землей, в общине было самоуправление, руководителей выбирали, мирские и хозяйственные дела обсуждали и решали на сходе. Используя ставшее традиционным умение русских жить в коллективе, правительство 20-х годов, пустив в ход произвол и беззаконие, подняло во время коллективизации сельскую бедноту против зажиточных крестьян, против умелых мастеров земледельческого дела и нанесло огромный ущерб сельскому хозяйству, производительным силам страны. Как пишет В. Белов в указанной выше статье, в результате коллективизации была провалена первая пятилетка, «вскоре начался массовый голод. С тех пор и до сего дня мы испытываем нехватку продовольствия. И после войны, в 1946 году, люди у нас на Севере умирали от голода, от болезней, связанных с недоеданием». Могу подкрепить это ссылкой на нашу область: в ней было немало деревень, где в 30—40-е годы редко ели нормальный хлеб, обычно он был с мякиной и головней. Таковы горькие результаты борьбы с крестьянством, и хочется спросить, хорошо ли учитывались они, когда в 1972 году А. Н. Яковлев в статье «Против антиисторизма» отчитывал писателей-деревенщиков, утверждая, что «справный мужик» восставал «против человечности и свободы», и приходил к непоколебимому выводу о судьбе этого мужика: «И то, что его жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно... А «справного мужика» надо было порушить». Сейчас-то мы днем с огнем ищем этого «справного мужика», который бы помог накормить страну.

М. Алексеев в романе «Драчуны» (1981) коснулся некоторых болевых точек сельской жизни в 30-е годы, в нем есть немало берущих за душу картин. Как хорошо известно, в 1933 году разразился в нашей стране страшный голод, унесший много человеческих жизней. Слишком большими оказались издержки коллективизации, которая проводилась такими методами, что «за годы первой пятилетки поголовье скота в стране сократилось вдвое» («Советская Россия», 1987, 11 октября), валовые сборы зерна за вторую пятилетку были ниже, чем в первую («Правда», 1987, 9 августа). В статье «Уроки на завтра» («Литературная газета», 1987, 25 ноября) М. Алексеев писал, что в 33-м году голодали Западная Сибирь, Южный Урал, Северный Казахстан, нынешняя целина, Северный Кавказ, нынешняя Ставропольщина, все Поволжье и т. д. Вот его слова: «Сначала вывезли весь фураж, подохли лошади колхозные... Удивляет меня, что до сих пор ни в одном учебнике по нашей истории нет даже простого упоминания о 33-м годе, отмеченном страшнейшей трагедией. Люди умирали семьями. В нашем селе Монастырском из 600 дворов осталось 150, а ведь в те места тогда еще не докатилась ни одна из войн. Многие мои родные и школьные товарищи умерли у меня на глазах, многих из них закапывали в землю там, где их настигла голодная смерть».

Возмущает и то, что до сих пор нет убедительного ответа на вопрос: почему этот голод был? Кто и зачем его запрограммировал? Погибали миллионы людей, уничтожались производительные силы, так неужели это усиливало нашу страну перед войной? Не будет ошибкой оценить это как страшное преступление перед народом.

В опубликованных в последние годы романах В. Белова «Кануны», Б. Можаева «Мужики и бабы», Н. Скромного «Перелом», повестях А. Платонова «Котлован», С. Антонова «Овраги», в рассказах В. Тендрякова «Пара гнедых» и «Хлеб для собаки» во многом по-новому, очень остро ставится проблема исторической оправданности коллективизации.

Русская литература 50—80-х годов движется к более глубокому постижению подлинной правды о деревне. Серьезным этапом в художественном освоении важных проблем колхозной жизни стали «Районные будни» В. Овечкина (1952—1956). Новые штри-

хи в изображение деревни внесли сатирические рассказы Г. Троепольского, повесть С. Антонова «Дело было в Пенькове», романы С. Крутилина «Липяги», Д. Зорина «Русская земля».

В. Астафьев назвал откровением «Матренин двор» А. Солженицына, он даже полагает, что из этого рассказа вообще вышла наша деревенская проза. Солженицынская Матрена — настоящий художественный тип, с предельной наглядностью выражающий то, что свойственно было тысячам деревенских тружеников. Она любила самозабвенно работать, так работать, «чтобы звуку не было, только ой-ой-ойиньки, вот обед подкатил, вот вечер подступил». Работа для нее была смыслом жизни, «верным средством вернуть себе доброе расположение духа». Вместе с миллионами крестьян она давала стране хлеб, картошку, молоко, мясо, перенесла такое лихо, которое даже трудно представить людям, не знающим деревни военных и первых послевоенных лет. «Год за годом, многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля. Потому что пенсии ей не платили... А в колхозе она работала не за деньги — за палочки. За палочки трудодней в замусоленной книжке».

У Матрены одна трудная доля с теткой Дарьей из поэмы А. Твардовского «За далью — даль»:

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней,
И трудоднем пустопорожным,
И трудоночью — не полней;

...Со всей бедой —
Войной вчерашней
И тяжкой нынешней бедой.

Бесспорно, ни один художественный тип, даже такой широко обобщающий, каким является Василий Теркин, не может полностью воплотить в себе все черты русского национального характера. Не может и Матрена, даже вместе со своим ближайшим родственником по духу Иваном Денисовичем Шуховым, олицетворять собой все русское крестьянство того времени. По сравнению с Теркиным она более индивидуальный и менее собирательный персонаж. В ней типизированы только некоторые, но существенные черты — пассивно-страдательное терпение, внутреннее умиротворенное восприятие мира, аскетизм, уступчивость, незлобивость, доброта и исконная любовь к труду, — свойственные большей части русского крестьянства.

«Матренин двор» вызвал разноречивые толки в нашей критике. Г. Бровман выразил сомнение в необходимости изображать таких людей, как Матрена с ее «косным, страдальческим праведничеством», ибо не эти качества человека «составляют действительную моральную опору и села, и города, и всего нашего советского мира» («Литературная Россия», 1964, № 1). Л. Иванова обрушилась на Матрену: «Не такие «праведницы» восстанавливали колхозы и теперь работают, чтобы сделать их передовыми. Жизнь преобразуют сильные и активные люди, воодушевленные высокими гражданскими идеалами» («Литературная газета», 1963, 14 мая). Такие обкатанные формулировки прикрывали бездумность и незнание деревенской жизни, неумение и нежелание «индивидуализированно» подойти к конкретному социальному явлению. Бесспорно, нужно показывать, как формируются новые черты в характерах людей современной деревни. Но разве это обязательно для каждого произведения, для каждого рассказа? Нужно ли умалчивать о другом типе людей? Да, у Матрены нет социальной активности, она не борец. И не стоит посылать гневные филиппики в многострадальную Матрену, она всей своей трудовой жизнью заслужила от нас низкого земного поклона.

Думается, Солженицын в своем рассказе мечтает о создании таких условий, чтобы труд, доброту и терпение многих тысяч Матрен не могли использовать в своих целях нечестные люди. Яснее всего авторская позиция проступает в финале «Матренина двора»:

«Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая за других бесплатно, — она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша».

Чем дальше отдалялась война, тем больше выявлялся кризис советской политики в сельском хозяйстве, тем больше разрушалась философия праведничества с ее инертностью и терпением. Крестьяне, не получая справедливой оплаты за свой труд, хуже работали.

Классическим в этом смысле примером стала повесть В. Белова «Привычное дело», в которой главный герой Иван Африканыч тоже раскрывает важные черты русской души, не лишенной известных противоречий. Он стойкий, терпеливый, работающий день и ночь, честный, любящий глубоко и сильно свою жену, добрый, но вместе с тем есть у него и незадачливость, бездумность, безалаберность, есть и привычка не перечить начальству.

Включив в ядро современной русской прозы Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, Б. Можаева, Е. Носова, В. Солоухина, В. Тендрякова, В. Шукшина, А. Солженицын, раздумывая об уровне современной русской литературы, писал: «А вот: такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд; такой ненадуманной, органической образности, вырастающей из самого народного быта; такого поэтического и щедрого народного языка... — к такому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что — они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами. И сейчас читатели могут наслаждаться тончайшими страницами у этих авторов» («Кубань», 1989, № 4, с. 93).

В прошлом проявлялись разные — подчас противоположные — тенденции в изображении крестьянства. Писатели народнического толка приукрашивали его, другие видели в нем преимущественно темные стороны. В разное время по-разному относился к рус-

скому крестьянству М. Горький, но в первые годы советской власти он написал о нем много такого, что было далеко от истины. Он повторял мысль о том, что «город» и «деревня» обязательно столкнутся, «крестьянская Русь» возьмет верх в этой борьбе. Он говорил, что мужик не только «возьмет в свои руки власть», но и «продаст заморскому купцу всю Россию», и убеждал: «Всенепременно продаст. Для него Россия никогда не существовала как государство. Почему же не продать? Он знал свою деревню, пожалуй, свою волость, в наилучшем случае — свой уезд. Что такое для него Урал, Донец, Кавказ, Карелия, Сибирь? Пустые слова» (Федин К. Горький среди нас. М., 1967, с. 39).

Явно искаженно, очень плохо знал Горький настрой крестьянства, когда говорил о том, что оно продаст Россию заморскому купцу. В 1920 году Ленин привел слова нижегородского мужика о том, что «мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте», и решительно не согласился с теми, кто увидел в этих словах «не здоровые настроения, а патриотические чувства крепкого мелкобуржуазного слоя деревни». Ленин подчеркнул, что «патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это — настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 124). Иногда Горький приходил к таким весьма опрометчивым заключениям, как, например, в письме И. Вольнову: «А возвращаясь к деревне, скажу вам: да погибнет она так или эдак, не нужно ее никому, и сама она себе не нужна» («Литературное наследство», т. 70. М., 1963, с. 57). Жизнь показала, что мы смогли слишком «успешно» раскрестьянить страну и вот уже ряд десятилетий платим за это тяжкую позорную дань — покупаем хлеб, выращиваемый зарубежными фермерами.

Сейчас немаловажную роль в литературной борьбе играет то размежевание, которое обусловлено разным отношением к русскому крестьянству и его культуре и которое многое выявляет в особенностях отношений к важнейшим общественно-политическим, эстетическим и литературным проблемам. А. Макаров в статье «По поводу новых песен и старых афоризмов» («Советская культура», 1989, 12 августа), говоря о дореволюционном времени, писал о «вырождении русской деревни», той самой, в которой жило 85 процентов русского населения. Видно, не понимает сей автор, какое оскорбление он наносит своим беспочвенным утверждением всему русскому народу. Свой тезис он пытается доказать, используя демагогический прием: «Что же, выходит, лгал Антон Павлович Чехов, когда в таких своих рассказах, как «Мужики», «В овраге», «Дача», без народнических иллюзий и без дамской благотворительности показал свинцовую бесчеловечность деревенской жизни начала века?» Нет, Чехов не лгал, но разве в этих произведениях изображена вся правда о крестьянской жизни. Так ли полностью не прав А. Фадеев, посчитавший «колоссальным поражением» Чехова то, что он в своей прозе не показал, в частности, «ни одного незаурядного мужика с подлинно министерской головой и настоящим размахом»? Могу предположить, что для А. Макарова А. Фадеев недостаточно авторитетен. Тогда использую его хлесткую фразеологию и спрошу: так что же, выходит лгал Л. Толстой (ему-то, думаю, надо верить), когда он отрицательно оценил повесть А. Чехова «Мужики»: «Из ста двадцати миллионов русских мужиков Чехов взял одни только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать»?

После победы советской власти сторонники троцкистской политики по отношению к крестьянству создали общественный «запрос» на такие концепции, целью которых стало разрушение глубинных основ нашей нравственности и культуры. М. Лобанов верно заметил: «Главным в крестьянском быте была нравственная его основа, обнимавшая все стороны существования и деятельности человека. Недаром крестьянский труд издревле считался праведным, безгрешным по сути своей: земледелец, добывая пропитание собственным трудом, не имеет нужды обманывать других, прибегать к лжи, насилию». И вот против этого труда долгое время велась планомерная, хорошо сконцентрированная атака, цель ее — всячески скомпрометировать его в общественном сознании. М. Кузнецов в книге «Главная тема» (1964) открыто выступил против поэтизации земледельческого труда на том основании, что в советском обществе она «превращается в поэтизацию единоличного труда, противопоставленного труду колхозному, коллективному». Убедительно аргументировать эти свои странные суждения он не счел нужным. Г. Бердников в своей обширной монографии «А. П. Чехов» (1961) с похвалой отмечает, что Чехов «не идеализирует и не поэтизирует земледельческого труда», что «крестьянский труд в его оценках оказывается... трудом отнюдь не поэтическим, а тяжким, кровавым, не облагораживающим, а уродующим человека». Но здесь напрашивается важнейший вопрос: насколько плодотворно для развития нашей литературы такое отношение к земледельческому труду, хорошо ли оно помогает создавать верную систему нравственных ценностей в сознании современного читателя? Крестьянский труд не надо идеализировать, но вместе с тем нельзя не замечать присущего ему здорового поэтического начала, того, что наблюдали в жизни и показывали как высшую ценность в его нравственном содержании А. Кольцов и Н. Некрасов, а следом за ними М. Шолохов, Ф. Гладков, А. Твардовский, В. Солоухин, Е. Носов и другие писатели. В газете «Советская Россия» от 29 ноября 1987 года напечатано сообщение об обсуждении очерков И. Васильева, который сформировался как писатель на тверской земле. В чем же его упрекали оппоненты? Да в том, что «писателю не стоило бы излишне приукрашивать образцы самобытности прошлого уклада нашего крестьянства». Не раз писали в таком же духе о «Ладе» В. Белова. Как тут не вспомнить слова Ф. Абрамова: «Воспитанный в серьезных трудовых традициях, русский крестьянин являл собой пример честности, совестливости, делового доверия... А какое чувство красоты жило в народе! Какие сказочные вещи делал он из дерева, бересты! Старые дома на Севере — дворцы, недаром их называли хоромами, а теперь от Белого до Черного моря — стандарт. Задача наша в том, чтобы сохранить и приумножить ценности, которые накапливались на протяжении вековой истории».

Эти ценности не принимаются теми, кто не хочет понять, что корни нации, ее нравственности и культуры — в деревне, в отношениях с матушкой-землей, кто с удовольствием много рассуждает о темноте, невежестве, пассивности, жестокости русских

крестьян. В нашей стране давненько сложилось недоверчивое отношение к крестьянству, к его разуму и культуре. В связи с этим стоит остановиться на интересном споре К. Федина с М. Горьким в 1925 году. Оба писателя не знали изнутри русскую деревню. В первой половине 20-х годов Горького не покидали мысли об анархичности и антигосударственности крестьян, об их враждебном отношении к городу. К. Федин в сентябре 1925 года в письме к М. Горькому сообщил, что он прожил три месяца в смоленской глубинке, исходил сотни верст пешком, «пожил у доброго десятка мужиков — самых разных мастей», сделал немало для себя открытий и пришел к выводу, что Горький не вполне прав в своих суждениях о крестьянине, и написал: «Мне кажется, что будущая-то культура обопрется именно на крестьянина, а никак не на его понукальщиков. Ведь все упорство, с каким мужик держится за старое, — не от порочных качеств его, а оттого, что с нас — понукальщиков — н е ч е г о взять, и это он видит на деле. А время не ждет, и опыт сохи с бороной — опыт верный, надежный, круговорот хозяйства (по старинке!) не обманет, только поспешай поворачиваться. И мужик поворачивается! Поворачивается р о в н о н а с т о л ь к о, чтобы на третий год после гражданской войны и голода вся страна позабыла и о войне, и о голоде. Пресловутая крестьянская «темнота», «косность» и пр. — жалкие слова. Преимущество молотилки перед цепом мужику более очевидно, чем Наркомзему. Да дело-то тут кое в чем другом: мужик-то для нас — заграница, и понукание наше — простое незнанье грамоты, непониманье основ культуры, давно имеющейся и почти окостеневшей вследствие постоянного п р о т и в о д е й с т в и я понукальщикам. Дать возможность и в р е м я свободно развиваться этой культуре — значит сделать все, что требуется разумом» (Ф е д и н К. Горький среди нас. М., 1967, с. 240). Тут есть над чем подумать!

Неистовая борьба с крестьянским укладом жизни велась слишком долго. Показательно, что М. Кузнецов в названной выше книге увидел необычайно великую «гуманистическую заслугу» нашей литературы в том, что она «вела прямую атаку на собственническую идеологию, на все мировоззрение крестьянина-единоличника». В результате подобных атак, что подкреплялось соответствующими организационными мероприятиями, была разрушена самобытная крестьянская культура. Это хорошо показала К. Мяло в статье «Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция» («Новый мир», 1988, № 8). Как отметил Ст. Куняев, многих «крестьянских поэтов «затравили» (задолго до возвышения Сталина) Радек и Сосновский, Бескин и Лелевич, Авербах и Безыменский» («Наш современник», 1989, № 6, с. 158). Эти литераторы не терпели тех писателей, которые правдиво, с глубокой симпатией отражали мировосприятие крестьян, высоко ценили личную свободу, человеческое достоинство, любовь к земле, к России. В 1923 году Сергея Есенина вместе с поэтами С. Клычковым, П. Орешиным и А. Ганиным без всяких оснований обвинили в антисемитизме. Впрочем, и сейчас Есенину приписывают шовинизм и национализм. Немало сделал для его дискредитации в свое время и Н. Бухарин. В тюремных застенках погибли А. Ганин, Н. Клюев, С. Клычков, П. Васильев, В. Наседкин, П. Орешин, И. Касаткин, И. Приблудный. Активную роль в борьбе против крестьянской поэзии играл А. Безыменский, который на VI съезде Советов СССР объявил «жесточайшую войну Клюеву и Клычкову», «кулацким идеологам Расеюшки-Руси», для него это слово «растреклятое». Прошло не так уж много времени, и Отечественная война показала ретивым похоронщикам «Расеюшки-Руси», что без нее-то многим народам невозможно избежать гибели или рабства. Показательно, что К. Симонов в написанном во время войны стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги смоленщины» гордился тем, что его русская мать «на свет родила». Он признается в немаловажном для себя открытии:

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не забыли ли об этом страшной ценой оплаченном опыте те литераторы, которые и в последующие десятилетия продолжали нападать на писателей, правдиво изображающих деревенскую жизнь?

Холодно, отстраненно, а порой и оскорбительно изображены сибирские крестьяне в романе А. Рыбакова «Дети Арбата», об этом можно судить по ироническим интонациям, бегло брошенным авторским замечаниям. Например, в романе говорится: «Девушки и парни доходили до околицы, возвращались, снова шли, и так, пока не стемнеет, тогда расходились парами по гумнам и сеновалам. Если чем муж и попрекал жену, то именно тем, что оказалась целой. Значит, и в девках никому не понадобилась». До таких кощунственных утверждений не доходил ни один русский писатель. В. Распутин справедливо отверг утверждение Рыбакова о безнравственности сибирских крестьян, и это удивило и обеспокоило члена-корреспондента АН СССР Л. В. Калакуцкого, писавшего: «Тревожнее, когда серьезные люди из Сибири критикуют «Детей Арбата» А. Рыбакова за то, что в романе не теми-де красками нарисованы сибиряки» («Октябрь», 1989, № 1, с. 206). Да, становится очень тревожно, когда слишком «раскованные» нравственные нормы поведения арбатских мальчиков приписываются русским крестьянам, и это, как некоторые считают, мы обязаны молча проглотить. Но какой гам подняли бы в печати, если бы так, как изобразил русских крестьян Рыбаков, показали бы армян, грузин, евреев, азербайджанцев и др. Немало оскорблений было нанесено В. Белову только за то, что он недостаточно привлекательными красками нарисовал образ Бриша в романе «Все впереди». А вспомним письмо грузинских писателей в «Наш современник» по поводу рассказа В. Астафьева «Ловля пескарей в Грузии»...

Писатель В. Аксенов много лет прожил в США, но до сих пор очень сердит на бывшего ответственного работника ЦК КПСС А. Беляева, который, по его словам, «в течение долгих лет участвовал в искоренении так называемой «западнической» — городской литературы, внедряя «деревенскую» прозу. Этих он опекал» («Вечерняя Казань», 1989, 28 ноября). Хотелось бы заступиться за А. Беляева, нельзя же возводить на него такую несусветную напраслину. Неужели Аксенов забыл, как по указаниям А. Беляева прорабатывали «Наш современник», «Волгу», писателей В. Пикуля и В. Крупина, критика М. Лобанова и других литераторов

деревенской ориентации? Неужели он не помнит, как другой ответственный работник ЦК КПСС — А. Н. Яковлев опубликовал в «Литературной газете» от 15 ноября 1972 года статью «Против антиисторизма», где бичевались В. Кожинов, М. Лобанов, В. Петелин, В. Чалмаев и другие? В статье без всяких оговорок утверждалось, что «сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник...» Не хочет этого помнить Аксенов, которому в застойные годы охотно раскрывались двери в журналы и издательства, которому усилиями многих критиков и печатных изданий создали завидную рекламу. А в это время московские журналы отвергли повесть В. Белова «Привычное дело», она была опубликована в журнале «Север». То же самое случилось и с первым романом Ф. Абрамова «Братья и сестры», по словам автора, только случай помог ему напечатать это произведение в Ленинграде. Долгое время не мог он опубликовать роман «Две зимы и три лета». И с каким удовольствием критиковали Абрамова и за этот роман, и за «Пути-перепутья», и за «Вокруг да около». А. Яшина били за рассказ «Рычаги» и очерк «Вологодская свадьба». Сколько же стоят слова В. Аксенова, когда он вопреки очевидным фактам утверждает: «Лучше всего сосуществовали с брежневским социализмом писатели-деревенщики» («Вопросы литературы», 1989, № 5, с. 24).

Это, может быть, В. Шукшин легко вписывался в брежневскую систему? Но сколько творческих задумок он так и не смог осуществить! Сколько нервов ему потрепали с одной только «Калиной красной»! Сколько раз ему возвращали его произведения — и не из-за художественного уровня. Как знать, не подорвало ли все это его здоровье, не сократило ли жизнь? В. Овечкин ходил со своими «Районными буднями» в один московский журнал за другим — и везде ему отказывали в публикации. На его и наше счастье, рукопись попала в руки А. Твардовского, только после этого она увидела свет. В 1954 году ругали на всех уровнях честную статью Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», в которой хорошо были показаны существенные изъяны в изображении сельской жизни в романах С. Бабаевского, Е. Мальцева, Г. Николаевой. Можно вспомнить и публицистическую деятельность Л. Иванова, уроженца тверских земель, которого некоторые руководители нашей области явно недолюбливали за его правдивые очерки. Корни подобного отношения административного аппарата к правдивой, честной литературе, к публицистике заключаются в сверхцентрализации, бюрократических привычках, в боязни правды, в нежелании прислушиваться к здравым суждениям, в недоверии к народной жизни, которую стремились изобразить в своих произведениях русские писатели.

Сейчас самая большая беда русского народа — в экономическом разорении деревни, разрушении традиционного, сформированного многими столетиями уклада сельской жизни, уничтожении народных истоков культуры, что очень губительно отразилось на нравственности, привело к распространению пьянства, разврата и преступности. Разрушена вера в идеалы, опорочены национальные особенности, обычаи, обряды, вытравливаются истинно народные представления о добре и зле, морали и совести.

Как ни горько это осознавать, но в Центральном Нечерноземье

не наступило пока серьезных перемен к лучшему. Одна из главных трудностей заключается в том, что очень мало здесь людей, кто хочет самостоятельно вести хозяйство. Слишком долго мы шли к вынужденному признанию высочайшей ценности их работы. В тверской деревне крайне остро не хватает рабочих рук. Молодежь не задерживается в селах. Основная причина — плохие жизненные условия, нет возможности развиваться духовно, удовлетворить свои культурные потребности. «На 182 центральных усадьбах нет восьмилетних школ, на 14 — начальных, 60 — не имеют детских садов» («Калининская правда», 1989, 10 октября). Значительно ниже нормы обеспеченность сельского населения больницами, детская смертность выше, чем в среднем по РСФСР. Сейчас в нашу область прибывают работники из других краев. Сотни семей приехали из Средней Азии. Приютили мы турок-месхетинцев, которые были поражены бедностью и неухоженностью наших деревень. Они говорят: «...мы никогда бы... никому не поверили, что Россия так бедно живет. Под Москвой — без дорог! Там не только до кишлака — почти до каждого дома асфальт... Как же так, получается, вы здесь хуже живете» («Калининская правда», 1989, 17 августа).

В первые годы советской власти высказывалась мысль о том, что «русские должны были поставить себя в неравное положение, более низкое сравнительно с другими» (Н. Бухарин). Русские по своей глубинной сути интернационалисты, они много помогали и помогают другим народам, но сейчас наступил такой период в жизни Центрального Нечерноземья, который воочию показал, что необходимо незамедлительно и решительно улучшить здесь обеспеченность жильем, школами, клубами, библиотеками и, конечно же, как можно быстрее ликвидировать ужасное бездорожье. Не одни нечерноземные области, а вся РСФСР продолжает несправедливо ущемляться в своих правах и материальных возможностях. Бывший Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов в «Известиях» (1989, № 245) отмечал, что «Россия в обмене с другими республиками недополучает национального дохода на 70 миллиардов рублей в пересчете на мировые цены». Не может, не должна теперь Россия оказывать такую огромную помощь другим республикам, пришло время спасать саму себя, ликвидировать запущенность в своем доме, принять все меры, чтобы остановить злокачественный процесс уничтожения русской деревни. Но спасти нашу страну можно только в том случае, если спасем землю и крестьянство.

11 июня 1990 года председатель Аграрного союза России В. Стародубцев сообщил в «Правде»: «В прошлом году 800 тысяч молодых людей России уехали в город. Такие области, как Калининская, Кировская, Вологодская, Тульская и многие другие, покидают «последние могикане». И не стоит этому удивляться: в России «сегодня две трети сельских населенных пунктов не имеют дневных общеобразовательных школ, три четверти — детских дошкольных учреждений, более половины — учреждений здравоохранения» («Советская Россия», 1990, 10 июня).

Все более ухудшается демографическая обстановка. Госкомстат обнародовал такие данные за первый квартал 1990 года: «На 27 территориях, где проживает 40 процентов всего населения России, число умерших превысило число родившихся (в первом квартале 1989 года таких территорий было 9)...При этом превышение чи-

сла умерших над числом родившихся в Новгородской, Калининской, Тамбовской областях составило 40 процентов, Псковской — 35 процентов, Ивановской, Московской, Ярославской, Горьковской, Воронежской, Курской областях и в Москве — от 25 до 20 процентов» («Лит. Россия», 1990, 22 июня).

Чтобы решительно поправить положение в сельском хозяйстве, необходимо коренным образом изменить отношение к деревне, окончательно расстаться с давно внедрявшейся в наше общественное сознание мыслью об «идиотизме сельской жизни», об ущербности крестьянского миросознания. Показательный факт: на XXVIII съезде КПСС А. Н. Яковлев сказал о крестьянстве в период коллективизации такое, чего раньше не говорил (наконец-то он перестроился): «Это было самое чудовищное преступление, когда сотни тысяч крестьянских семей изгонялись из деревень, не понимая, за что же выпала им такая судьба, погибель от власти, которую они сами установили. Никто не принес столь массовых и трагических жертв на алтарь сталинизма, как российское крестьянство» («Правда», 1990, 4 июля). Но есть еще у нас люди, которые относятся к деревне как к примитивному, ничего не понимающему донору, по божьей воле обязанному быть третьесортным дополнением к городу, снабжать его продуктами и не имеющему никакого права заявить о своих собственных интересах.

На весьма ответственных форумах было заявлено, что в последние годы, мол, слишком много было ухлопано средств на развитие сельского хозяйства, а должной отдачи нет, зачем же подкармливать нерадивых, не желающих продуктивно работать крестьян. В действительности же продолжается вопиющая дискриминация хлеборобов. Как писал 14 апреля 1990 года в «Правде» В. Белов, «доили мужика семьдесят лет, совсем выдоили, труд его оценивается далеко не так, как он того заслужил, и по своей недальновидности большую часть валютных поступлений мы попросту продаем, выручая американских и европейских фермеров». Не своих, а чужих! В самом деле, мы покупаем зерно за границей по 230 долларов за тонну, а своим хлеборобам платим за него намного меньше. Многолетнее занижение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию привело к тому, что сейчас образовался огромный долг деревне, размер его, по определению Госкомстата СССР, — 400 миллиардов рублей. В резолюции XXVIII съезда КПСС отмечено, что «во многих регионах страны деревня настолько ослабла, что сама по себе, без сильной поддержки со стороны государства не в состоянии подняться на уровень задач, выдвинутых перед ней обществом».

Сельское хозяйство требует незамедлительных крупных капиталовложений, надо вернуть долг деревне, без этого она не сможет накормить страну, опыт других государств показывает, что в деревне надо создать лучшие по сравнению с городом условия жизни. Совершенно прав В. Стародубцев, заявивший, что «пора бросить лозунг: «Спасайте крестьянство!» Надо наконец понять нам: не может нормально функционировать государство без процветающего крестьянства, без него у нашего народа не будет хорошего будущего.

г. Тверь

Александр КУРИЛОВ,
доктор филологических наук

ПЕРЕЛОМ РУССКОЙ МЫСЛИ

Виссарион Белинский вышел на поприще критики, понимая, что литература «не игра в фанты, не детская забава». Это область, где «соперничествуют *народными* славами», своими великими писателями, гордятся «изящными созданиями», в которых воспроизводится и выражается дух самого народа, его внутренняя жизнь «до сокровеннейших глубин и биений». Но именно т а к о й, считал Белинский, подлинно народной литературы в России тогда еще не было. При этом имелась в виду исключительно литература нового, послепетровского времени, ведущая свое начало от Ломоносова. «Изящные создания» древнерусских писателей из-за малочисленности открытых тогда памятников («Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Житие Александра Невского», «Сказание о Мамаевом побоище» и несколько других) многими критиками, в том числе и Белинским, в расчет просто не принимались. В этих произведениях видели не литературу, а лишь ее остатки, либо вообще случайные явления, нехарактерные для художественной жизни Древней Руси.

Конечно, грустно было признавать, что в начале XIX века у нас не имелось литературы как «выражения — символа внутренней жизни народа». Но это действительно было так.

Впервые печальный сей факт отмечен в 1825 году А. А. Бестужевым-Марлинским, выступавшим тогда еще под своей фамилией, а не под псевдонимом Марлинский. «...Мы, — писал он, — воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому... Но кроме пороков воспитания... нас одолела страсть к подражанию. Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадем в свою колею? когда будем писать прямо по-русски?»

Время шло, а положение в литературе не менялось. В 1830 году к этому вопросу снова приковано внимание. «Будем беспристрастны, — скажет И. В. Киреевский, — и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы». Затем тревога по этому поводу зазвучит в выступлениях Н. И. Надеждина, Н. А. Полевого и других критиков. А в начале 1834 года печальное состояние русской литературы осознается Кс. Полевым, как очевидная и бесспорная истина. «У нас нет литературы, — говорят многие, и кто не согласится, что это правда! — писал он. — У нас нет литературы, потому что книги русские не выражают вполне России».

Исключения составляли лишь некоторые произведения Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, которые, однако, как считала критика, погоды не делали. Литературы русской, выражающей «вполне Россию», внутреннюю жизнь народа «до сокровеннейших глубин и биений», у нас все еще не было.

В середине 20-х годов прозвучали и первые призывы изменить такое положение. Не довольно ли, заявлял В. К. Кюхельбекер, присваивать себе «сокровища иноплеменников: да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и и нравственном мире первою державою во вселенной!.. Станем надеяться, что наконец наши писатели... сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими». Такого рода призывы раздаются и в последующие годы. Не пропадая втуне — именно на их волне возник русский исторический роман, у истоков которого стояли М. Н. Загоскин, И. И. Лажечников, Н. А. Полевой, Ф. Булгарин, — призывы эти, однако, не привели к кардинальному изменению творческой ориентации отечественных писателей. Казалось, они никак не хотели становиться р у с с к и м и, заниматься прямым своим делом — х у д о ж е с т в е н н о в ы р а ж а т ь Р о с с и ю...

Когда Белинскому все это вдруг открылось, его охватила смертельная тоска, ощущение какой-то фатальной, непробиваемой глухоты отечественных творцов «изящного» к своему, родному. И он тут же захотел поделиться ею с другими в статье с характерным названием «Тоска». В какой момент, на каком этапе пессимизм и безысходность «Тоски» обернулись оптимизмом и просветленностью «Литературных мечтаний», сказать трудно. Одно ясно, случилось это, когда Белинский увидел ту дорогу, встав на которую литература наша естественно и неизбежно начнет выражать дух своего народа, его жизнь, сделается действительно русской.

Чтобы повернуть литературу нашу на новый путь, нужно было радикально изменить шкалу художественных ценностей, разменчать бытовавшие представления о сущности литературы и искусства, преодолеть инерцию художественного мышления, раскрыть новые горизонты и ориентиры для творчества, переломить общественное мнение и склонить его на свою сторону. Одним словом, совершить переворот и отечественном литературно-художественном сознании. Такое было под силу либо гениальному писателю, либо критике.

«Если новый гений, — писал Белинский, — открывает миру новую сферу и искусстве и оставляет за собою господствующую критику, нанося ей тем смертельный удар, то, в свою очередь, и движение мысли, совершающееся в критике, приготовляет новое искусство, опереживая и убивая старое». Окинув взором «ход нашей литературы от Ломоносова», Белинский приходит к выводу, что как раз настало время для «движения мысли» в критике. Только оно и сложившихся условиях способно «убить» искусство «старое» и приготовить почву для рождения искусства «нового». И он берет на себя смелость такое «движение» начать. И начинает «Литературными мечтаниями»...

«Мы, — замечает Белинский, — всегда были слишком неумеренны и раздаче лавровых венков гения, в похвалах корифеям нашей поэзии». Но если «прежде причиною этого было невинное

обольщение, происходившее из благородного источника — любви к родному», то теперь «решительно всё основано на корыстных расчетах». Общественное мнение создается у нас не критикой, а хвалитикой, «разменниванием комплиментами», величие писатели определяется не талантом, а количеством проданных книг, слава и известность приходят благодаря услужливости самих писателей, которые «называют друг друга гениями и кричат во всеуслышанье, чтобы поскорее покупали их книги». И воскликнет: «Где же критика, имеющая быть предметом образования вкуса, где истина, долженствующая быть дороже всех на свете авторитетов?..»

Сознавая себя особым «сосудом Божьим», «сосудом истины», ее апостолом, которому способность «принимать впечатления изящного» дана исключительно для того, чтобы познавать истину, выраженную художественно, быть ее сосудом, ее защитником и провозвестником, Белинский понимает, что именно он обречен стать голосом новой, истинной критики и должен свято нести выпавший на его долю тяжкий крест. Ему предназначено быть «органом нового общественного мнения». Он знает, что «это новое мнение найдет еще слишком много противников, но как бы то ни было, а истина, — неустанно повторяет он, — дороже всех на свете авторитетов», и готов ее защищать.

Во-первых, Белинский решил для себя вопрос: есть ли у нас литература? — и признал справедливым и истинным утверждение, что «у нас литературы нет». Не вообще, а только той, какая является «выражением — символом внутренней жизни народа». В соответствии с этим критерием, считает он, ближе всех к понятию «русская литература» подходили послания и сатиры Державина. «В них, — писал Белинский, — видна практическая философия ума *русского;* посему главное отличительное их свойство есть *народность,* народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но и сгибе ума русского, и русском образе взгляда на вещи». Этот взгляд отличал и басни Крылова, обязанные своим рождением «нашему народному духу, который страх любит побасенки и применения». Но даже творчество Пушкина, ставшее «выражением современного ему мира» — «мира русского», полностью не укладывалось в понятие «русская литература». Так, «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан». «Цыган», — замечает Белинский, — мог написать всякий европейский поэт, но «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» мог написать только поэт русский».

Во-вторых, он ответил на вопрос, что необходимо делать нашей литературе, чтобы стать художественным выражением России, воплощением «идеи русской жизни» как неотъемлемой, неповторимой, составной части «идеи жизни» вообще. Она просто должна «верно изображать картины русской жизни». В этом начало ее народности, залог ее будущего как литературы. Стремление к верному изображению «картин русской жизни» неизбежно приведет к познанию духовного мира народа, его внутренней жизни «до сокровеннейших глубин и биений», что естественно и неизбежно получит свое отражение и «изящных созданиях», выполняя главное условие формирования у нас действительно полнокровной национальной русской литературы.

В-третьих, он выделил главное, что вредило и вредит делу со-

здания такой литературы, ее самобытности, самостоятельности, оригинальности, — это *«литературное идолопоклонство»*. У нас, подчеркнет Белинский, «еще и по сию пору царствует в литературе какое-то жалкое, детское благоговение к авторитетам; мы и в литературе высоко чтим *табель о рангах* и боимся говорить вслух правду о *высоких персонах*... Дети, мы еще всё молимся и поклоняемся многочисленным богам нашего многолюдного Олимпа и нимало не заботимся о том, чтобы... узнать, точно ли небесного происхождения предметы нашего обожания». И горестно заметит: «Да — много, слишком много нужно у нас бескорыстной любви к истине и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетик, не только что авторитет...»

Первым из повергнутых им «идолов» стал А. Марлинский. Парадоксально, но именно этот писатель, одним из первых обратив внимание на «безнародность» нашей литературы и старавшийся своими повестями показать, как надо писать по-русски, пишет о Руси так, что она, по верному замечанию Белинского, «жестоко отзывается его заветною, любимою *Ливониею*». Отметив «литературный талант» Марлинского как «явление очень примечательное», а также то, что писатель «безусловно пользуется самым огромным авторитетом: теперь перед ним всё на коленах», Белинский полностью отказывает ему в праве быть представителем «русской литературы»: в повестях Марлинского не было «истины русской жизни», не было в них и народности...

Вторым становится Е. А. Баратынский, в «светской, паркетной музе» которого Белинский видит лишь «ум... литературную ловкость, уменье, навык, щегольскую отделку и больше ничего». Он отказывается понимать, как это поэт, живущий в России, может так равнодушно и холодно проходить мимо русской жизни. И находит только одно тому объяснение: Баратынский поэт не истинный...

Наибольшее впечатление на современников произвело низвержение В. Г. Бенедиктова — кумира офицерской и студенческой молодежи. Белинский не обнаруживает в его поэзии ничего — ни мыслей, ни чувств, ни воодушевления, одна лишь вычурность, «набор фраз», натянутая «изысканность выражений», что, по мнению критика, всегда служит «верным признаком отсутствия поэзии». Убийственно звучал вывод: у Бенедиктова «нельзя отнять таланта стихотворческого, но он не поэт».

Об эффекте, произведенном критикой Белинского, хорошо сказал в своих воспоминаниях И. С. Тургенев, который, по собственному признанию, «не хуже других упивался» стихотворениями Бенедиктова. Возмущенный поначалу, как и все, статьей Белинского, Тургенев в конце концов соглашается с «критиканом», находит его доводы «убедительными», «неотразимыми». «Прошло несколько времени, — и я, — замечает он, — уже не читал Бенедиктова... Под *этот* приговор подписалось потомство, как и под многие другие, произнесенные тем же судьей...»

Белинский до конца оставался непримиримым врагом «литературного идолопоклонства». «Я, — гордо заявлял он, — рожден, чтобы называть вещи их настоящими именами». И называл, ни разу не изменив однажды принятому правилу: «...я не уступаю никому моих мнений, справедливы или ложны они, хорошо или дурно изложены», преследуя «при каждом удобном случае... людей вредных для успехов образования нашего отечества...» И это высоко ценили современники. «Какая верность своим началам, — писал о Белинском А. И. Герцен, — какая неустрашимая последовательность... и какая смелость в нападках на литературную аристократию, на писателей первых трех классов, на статс-секретарей литературы, готовых всегда взять противника не мытьем — так катаньем, не антикритикой — так доносом! Белинский стегал их беспощадно... Как же они за то его и ненавидели!»

Белинский боролся не только против идолов, кумиров литературной и около литературной публики, но и против серости в отечественной литературе, «положивши себе за непременную обязанность преследовать литературным судом литературные штуки всякого рода, обличать шарлатанство и бездарность...»

Он резко выступал и против «детских понятий», что «строгий и резкий приговор может убить неразвившееся дарование», что «дело критика — гладить по головке всякого писаку в надежде, авось-либо выйдет из него гений или талант». Он убежден: «...как бы ни была злонамеренна критика, но она никогда не уронит хорошего сочинения...»

Он вышел на решительный бой за будущее нашей литературы, за истинное ее назначение — быть литературой русской по духу, по «образу взгляда на вещи». За писателей, которые перестанут жить чужим умом, озираться по сторонам и станут достойными «соперниками европейцев».

Критика Белинского пришлась ко времени. Она вдохнула новые силы в национальную литературно-критическую мысль, благодаря чему были развенчаны ложные кумиры, высмеяно «литературное идолопоклонство» и намечены истинные ориентиры творчества. Она помогла окончательному пробуждению национальной художественной мысли, заставила ее повернуться всем лицом к России, к жизни народа. «Герой нашего времени», «Мертвые души», очерки писателей «натуральной школы», «Бедные люди», «Кто виноват?», «Записки охотника», «Антон Горемыка» — вот далеко не полный перечень произведений, где уже при жизни Белинского началось последовательное художественное осознание России и русского народа. Вызрела целая плеяда русских писателей, родившихся в эпоху Белинского, которые уже не имели соперников, и не только среди европейцев — А. В. Кольцов, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, А. Н. Островский...

Пробудилась и русская философская мысль, вызвав к жизни славянофильство — движение во имя самобытного развития и русского общественно-государственного устройства. «...Явление славянофильства, — писал Белинский, — есть факт, замечательный до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии». Оценивая роль славянофилов, историческое их значение, Герцен отметил: «А место они заняли не шуточное в новом развитии России, они свою мысль далеко вдвинули в современный поток... С них начинается *перелом русской мысли*». И предварили этот «перелом» «Литературные мечтания» Белинского...

●

Леонид РЫЖКОВ

НЕ ОБРУБАТЬ КОРНИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Отзвучало эхо последних аккордов торжественной увертюры, венчавшей праздник Тысячелетия, исполнением которой с невиданной художественной силой и блестящим мастерством обессмертил свой талант Евгений Светланов. Прошли красочные юбилейные торжества, еще недавно немыслимые. Начавшись мощно с темы России, продолжают прокатываться по страницам печати христианские созвучия: «христиане и коммунизм», «христианство и культура», «милосердие и сострадание», «тысячелетие крещения», а в средствах массовой информации деятели церкви заняли столь заметное место, что уступают разве лишь импортным видеоклипам.

К тому же поток публикаций, посвященный роли христианизации в культурной истории и государственном становлении, подогреваемый читательским интересом, захватывает все новые издания.

Одна тревожная тенденция, просматривающаяся в этом потоке, не только не позволяет с удовлетворением относиться к этому процессу, но и вызывает необходимость поделиться с читателями обеспокоенностью. Дело в том, что, несмотря на многообразие оттенков, оркестровок, акцентов и интонаций звучания, статьи и монографии эти повторяют и пропагандируют очень близкие точки зрения, один спектр идей,— спектр, опирающийся на систему взглядов академика Д. С. Лихачева. А таковое единство, как мы стали недавно думать, может привести и к неотрадным последствиям.

Что же здесь плохого, в единстве, — возразят мне привычные оппоненты,— если эта точка зрения правильная? Что толку в разноголосице и обилии мнений, если истина всегда одна и конкретна? Ее-то и нужно найти, изучать и пропагандировать. Но в том-то и дело, что та точка зрения на крещение Руси, которая усилиями печати становится общепринятой, не только имеет существенные концептуальные изъяны, но и противоречит многим историческим фактам. Наиболее компактно и выпукло эта концепция выражена в статье Д. С. Лихачева в журнале «Новый мир» (№ 6—88), но с ней можно ознакомиться и по другим публикациям, которые, включая и болгарские, повторяют, тиражируют одни и те же положения и оценки.

Во все времена усиленная пропаганда одностороннего взгляда без возможности высказать в процессе формирования другие точки зрения являлась неизбежной формой идеологического насилия. Поэтому важно не только дать иную трактовку проблемы, но и указать на конкретные аналитические изъяны и исторические неточности в системе распространяемых взглядов на обстановку христианизации Русского государства и исторические вехи русской культуры.

Начнем с главного. С неприемлемости для русской истории, для славянской культурной древности положений Д. С. Лихачева о 988 годе как изначальной дате для всей русской и славянской культуры: «Сама по себе культура не имеет начальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты в глубь времен? Нужна ли нам дата двухтысячелетия или полутоaратысячелетия? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие. Остальное лишь предполагаемые ценности» («НМ», № 6, с. 257.).

Чтобы подкрепить столь переломный характер даты акта христианизации, далее рисуется картина устрашающей дохристианской славянской убогости:

«Между тем стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редконаселенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы заставляли людей искать объединения. Кругом были «немцы», т. е. люди, не говорившие на доступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь «из невести», а граничившая с Русью степная полоса — это «страна незнаемая...» (с. 249).

Сочетание этих двух взаимодополняющих положений — «мировые достижения в области всех видов искусств» — после акта 988 года — и ужасающая дикость и варварство дохристианского убожества — в дальнейшем тексте подчеркивается непрерывным противопоставлением «варварства» русов с «хаотическим ворохом» «всяческого рода культов и идолов» и «высокоорганизованной религии с высокой культурой». Это должно убедить читателя, что «юбилейная дата» враз «ввела Русь в семью европейских народов на совершенно равных основаниях» (с. 252), «оторвало Русь от магометанской и языческой Азии» (с. 257), «позволило Руси не начинать литературу, а продолжать ее», «появились у нас и высокая живопись, и высокое прикладное искусство», «государственность» и т. д.

Очень знакомый конгломерат идей. Не подобные ли тезисы громил М. В. Ломоносов, борясь с идеями о «внесении» государственности извне и варварстве славянском:

«Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то он бы Россию сделал толь бедным народом, каким ещё ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен («ИФП», с. 461). И далее: «Что словенский народ был в нынешних российских пределах еще п р е ж д е р о ж д е с т в а Х р и с т о в а, то неоспоримо доказать можно».

Насколько это не соответствует изложенным выше взглядам Д. С. Лихачева, можно судить по такой его фразе: «... в I веке восточных славян еще не существовало — они не оформились в единый народ».

Это неправда. Даже не касаясь протославянской общности III—
II тысячелетий до н. э., относящейся к той же территориальной
области от Одры до Дона и прибалтийской зоне, не рассматривая
вопросы формирования праславян в I тысячелетии до н. э. на
тех же землях, можно со всей определенностью сказать, что еди-
ный народ славянский в I веке был. причем еще не разделенный
на западных, восточных и южных, а единый этнос венедов-славян,
называвшихся так по культу Венеры-Лады и оставивших по всей
Европе топонимические следы от Лады до швейцарских «лади-
нов»: Вена, Венгрия, Венёв, Венеция, Вентспилс, Женева, Иена,
Генуя, Венерн, Венсенн, Венессен. Венло, Венето, Ладенбург, а в
русском языке остались корни: венец, венок, венчание, обряд «вено»,
венчик, жена, женщина. Именно под этим именем — «венеды»,
как раз в I веке упоминает римский историк Плиний славян,
не разделяя пока на западных — «венедов» и восточных славян
античности — «антов». Более того, Венера в Древнем Риме по-
читалась как прародительница римского народа, а Рим основал
троянец Эней, спасшийся после разгрома Трои. Слог Aen в латин-
ском написании Энея — Aenēa может быть прочитан как Ven
(Вен), и мы получим для Энея, сына Венеры. прочтение Ве-
ней, для энейцев — венеды (Aeneādae), а для поэмы Вергилия
«Энеида» — «Венеда». Аналогично «храм» прозвучит как — «ве-
дес» (aedes), «воздух» будет «веер» (aer), а знаменитый латин-
ский «эфир» (aether) окажется: «ветер», «оценить» — «вестимо»
и т. д. И теперь нас уже не будет удивлять, почему по-«древне-
римски» топор будет «секира» от глагола «сечь», а пастух будет
«пастор» от глагола «пасти», латинский «окулист» от слова «око»,
а «юстиция» — от слов «уста. устав». Станет понятным, почему
абсолютно по-русски звучат латинские глаголы: «вертеть», «во-
лить», «видеть», «орати» (пахать), «обитать». И не только слова.
Когда мы сопоставляем «архаичный ковровый узор» энеолита
протославян (V тысячелетие до н. э.) из превосходных и деликат-
ных трудов академика Б. Н. Рыбакова по нашему язычеству с
римским орнаментом, «чудесным в своей лаконичной выразитель-
ности», и видим их полную идентичность; или когда мы сопоста-
вляем римскую и славянскую традиции хранения урн с прахом
предков в святом углу дома и видим полную идентичность этого
обряда вплоть до ритуала почитания, у нас не вызывает сомне-
ния, что речь идет не о заимствовании у соседей, а о результате
глубокого этнического и культового единства происхождения двух
народов, что и должно быть осознано соответствующим образом
как основополагающий исток.

Так как же тогда расценивать «живяху в лесе», отнесенное
ко всем славянам? Неужели действительно мы после этого по-
верим, что нечего нам искать ранее 988 года, «оттягивать юби-
лейные даты в глубь времен»? И это сейчас, когда каждый, даже
самый неведомый народ ищет корни свои где-нибудь и завоевав-
шей его Римской империи или пытается производить свой язык
от латыни или санскрита? И в это время говорить про свой на-
род, который дал корневую основу, по-видимому, обоим языкам
древней культуры,— «не нужны нам даты двухтысячелетия или
полуторатысячелетия», отрезая за ненадобностью путь к позна-
нию древности, истоков своей культуры, лишая нас рязанских
ликов Афродиты (Венеры) Праксителя, лишая языка Вед и
Авесты (в которых французы «пябясця» переводят как «обла-

ка»), лишая нашей «индоевропейской седины», в которой имен-но славянская культура, по-видимому, играла роль связующего стержня? Такая позиция выглядит по меньшей мере реакционной. Да и зачем? Ради чего? Кому это нужно? Что может дать культуре самоотрицающая поза?

Ломоносов считал иначе: «... Не предосудительно ли славе российского народа будет, ежели его происхождение и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы чести и славы ищут», — и почитал важным это доказывать, оспаривая малейшую Миллерову историческую неточность, умень-шающую славу и достоинство россиян, доказывая русское происхождение наименований Днепровских порогов в древнегреческих источниках, проводя сложные лингвистические исследования от устья Немени-Русы до причерноморских россолан, показывая русский характер речи варягов-руси.

Основной особенностью славянского пантеона в целом является полная идентичность индоевропейскому, древнегреческому и древнеримскому *. Очевидны для исследователя преемственные линии Перун — Зевс — Юпитер — Торр и Венера — Лада — Афродита — Прайа. Однако есть замечание. Д. С. Лихачев причисляет Перуна к угро-финскому божеству. Это явная ошибка. Видимо, «и в наших летописях не без вымыслов меж правдою»,— как писал М. В. Ломоносов. Этнос угро-финнов (венгров, финнов, эстов) сложен. однако языковые особенности, выделяющие и их из семьи славяно-балтов, возникли у них в результате гуннских. хунгарских, джунгарских (т. е. западномонгольских) нашествий. Поэтому отличительные особенности от арийской мифологии и пантеона должны у этих народов совпадать с монгольскими. И действительно, мы находим в эпосе карелов и эстов вместо одного Перуна — д в у х божеств: Пикне — молнию и Эйке — гром. Такое разграничение характерно для монгольских представлений, тем более что второе название для Пикне — К Ы У Э созвучно монгольскому Хухэ — дей. А у литовцев, которым удалось частично сохранить древнюю славянскую лексику, Перкунас (Перун) был одним громовержцем и верховным богом, так же как и у варягов-руси. Верховенство Перуна насаждали у нас князья, а почему? Почему насаждать приходилось, если он в виде третьестепенного громовника уже б ы л в пантеоне русичей? Ведь если бы речь шла о «хаотической совокупности», воцарение Перуна прошло бы так же гладко, как в Великом Риме и Древней Греции Юпитера и Зевса? Это важный. переломный момент для понимания особенности славянского пантеона. И здесь мы должны согласиться с академиком Б. Рыбаковым, который, анализируя смену арийского (иранского) речения имени бога Семарьгла у русов на славянское имя Переплут (он же древнегреческий Плутос — бог бо-

* Большинство государств и империй древности были языческими Великий Рим. Древний Египет. Персия и т. д., в то время как принятие христианства сильной Моравской державой славян привело к ее распаду. К такому же результату привела иудаизация Хазарии. На Руси государственность сложилась на основе земледелия и монополизации торговли. И еще до христианизации Древний Рим с его синтетической из многих племен религией — яркий пример того, что «объединение», которое якобы «не могло быть осуществлено язычеством», — мысль ошибочная и иллюзорная. (Прим. авт.)

гатства и сельскохозяйственного изобилия, сын Деметры), писал:

«Новое обозначение не являлось неологизмом, т. к. это слово, по всей вероятности, восходит к очень давней энеолитической общности индоевропейских племен (еще не разделенных на позднейшие ветви)». Другими словами, у славян мог сохраниться более ранний индоевропейский пантеон с первичными космологическими связями, не обремененный обожествлением событий и собственных героев, где трон еще не захвачен громовержцами, как в Риме и Греции. И действительно, такие следы мы находим:

«По свидетельству летописей Прокопия Кесарийского... Гельмольда, биографа Оттона... древнейшие славяне верили в Единого бога, называя его Верховным, Небесным богом, богом богов. Из Нестора также видно, что славяне русские имели понятие о высшем существе, нарицаемом преимущественно богом, богом ВСЕДЕРЖИТЕЛЕМ и различали его от бога Перуна и других второстепенных божеств. Славяне чтили в нем Отца Природы и Господина Мира, которого воля правит его судьбами, которого промысел удерживает все, его почитали Владыкою неба, источником божественной силы и называли ВЕЛИКИМ богом, СТАРЫМ богом или ПРАБОГОМ. Другие боги были по верованию славян как от верховного бога происходящие существа. Его произведениями, властьми, от него зависящими между НИМ и МИРОМ, сильными ЕГО силою, и то не все одинаково святые. Из всего пересмотра баснословных существ славянских выходит, что славяне признавали единого бога «Вседержителя», Творца и Отца Творения, который своею премудрою, всетворною любовью (ЛАДОЮ) создал первоначальное бытие».

Далее в источнике сказано, что бытие это заключало в себе противоположность мужской и женской природы: «первое выражалось светлым (Духом), вторая — материей...» «Ближайшее к богу существо есть СВЕТЛО. Существо «СВЕТЛО» явилось на Землю и воплотилось в роде человеческом» («Очерк Старославянского Баснословия или Мифологии». Львов, 1860). Далее в источнике есть ссылка на Ипатьевскую летопись, дающая возможность наметить некоторые связи русского пантеона: «СВАРОГ — отец Света», его сын «ДАЖДЬБОГ — ежи нарицается Солнце», «почитаемый на Руси под именем Даждьбога, Хорса или Солнца», «Сварожич». По Ведам «Svar», «Suar» — это Солнце, то есть эти индоиранские речения восходят к IX—VI векам до н. э. Как раз те самые 1500 лет, которые нашей культуре, оказывается, не нужно искать! А почему? Чтобы сложную космологическую систему, не уступающую Древнему Египту, Греции, Риму, выдать за «хаотическое нагромождение культов и идолов»? Пантеон единобожия, в котором другие боги суть проявления высшего, почитая которые чтишь Верховного, представить как суеверия лесных папуасов, забившихся от страха, «боязни грозных явлений природы» в леса? Причем по сравнению с другими системами в Русском пантеоне воскрешается Дух Света как божья ипостась, встречающаяся лишь в первичных Ведах и в арийском Иране, возрождая Триединство: Бога-отца, Творца Вселенной, Сына и Духа Свята. Отсюда следует два вывода.

Первое. Праздник Тысячелетия христианства нужно рассматривать как более высокий культурный рубикон, как праздник возврата единобожия, частично утраченного в битвах, трагедиях и скитаниях. Как праздник возрождения триединства и но-

вой, возвращенной форме. Как обретение вновь Солнечной веры. «Мы, славяне, даждьбоговы внуки», то есть внуки Солнца. На древних иконах Христа мы видим: «Аз есмь свет». Миф и религия — это не только форма восприятия мироздания, но и самовыражение народа. И нет идей, более отвечающих духу славян, чем восприятие мира как борьбы двух начал — Добра и Зла, а Вселенной — как гармонического единства с человеком.

Второе. Русский пантеон содержит тех же богов, что и остальные индоевропейские системы: Греции, Рима, Ирана и Египта. В нем мы находим и Посейдона, и Деметру, и Ра, и Марса, и Варуну. Он не уступает по многосторонности и организованности наиболее совершенным системам языческих империй, отражая лучшие стороны Иранской, — двуединое познание Мира через борьбу Сил Света с Силами Зла, многоплановость проявления божественной сущности в Ведической системе и диалектичность древнеиндийской: дух и тело, небо и земля, свет и тьма и т. д. Разумеется, нельзя отрицать, что познание нашей системы еще далеко от ясности. Муки ее воскрешения можно проследить по «Язычеству древних славян» Б. Рыбакова с множественностью версий, прочтений и сопоставлений. Возможно, мы имеем дело с чертами доведической системы, особенно если иметь в виду единобожные черты, объединяющие божеств как проявления высшего, раздвоение сущностей и сложность связей, а также представление Лады не только как жены Солнечного Бога, но и как Любовь всевышнего к роду человеческому. Поэтому противопоставление христианства и русской древности искусственно и ошибочно. «Раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой»,— писал Энгельс, поэтому, когда мы читаем, что для создания Зора-Астризма, возрождения культов богов Добра и Света: Митры, Ормузда, Солнечной религии среди «ариев», населявших тогда Иран, понадобилось восстанавливать религиозные представления, то возникает вопрос о первичном источнике религии Вседержителя, Триединства и Борьбы Света и Тьмы, носителями которых столетия спустя в Иерусалимских пещерах станут Ессеи, а затем христиане, вооруженные этими идеями и пророчествами учителей, начнут борьбу за мировое сознание. Ясно, что ессейские апокрифы, не почитаемые пока за канонические тексты, в частности «Война сынов света и сынов тьмы», являются также частью тех же осколков первичной системы воззрений, и когда мы читаем: «Когда сыны Кривды будут ограждены, нечестие отдалится от лица праведности, как тьма отступает перед светом; и как рассеивается дым — и нет больше его, так исчезнет нечестие навеки, а праведность появится как Солнце, являющееся установленным порядком Мира...»,— мы узнаём в этом абзаце из Книги Тайн тот мостик, который связывает древние единобожные славянские воззрения, их Солнечный пантеон с системой христианских идей. В древнем мире христианство было подлинной революцией, восстанавливающей не просто единобожие, а совсем другого Бога — бога Добра, Света и Равенства.

Некоторые особенности Славянского пантеона позволяют по-новому взглянуть на историю человечества. Известно, что у славян богом войны был Перун, а не Марс (т. е. Морок), как у римлян.

Семантическим эквивалентом Марса является вавилонский Мардух, древнеиндийская богиня зла Мара, славянские Морок и Мороз, грузинское общее название бога — х'Мерц (предположительно), эстонский Марадус, оставившие в топонимике Европы и Азии значительные следы: Марсель, Мариуполь, Моравия, Марбург, Мерв, Моршанск, Маргиана, Марокко и Мары. В русском языке это тема смерти и тьмы: мор, мрак, смерть, смерд, марево, марать, морока, морщина, морда, морочить, мерзость, мразь, мертвый. В Древней Греции грозному Мору при расщеплении функций остался лишь сон: Мор-теос или Морфей — один из ста сыновей бога Гипноса, а его роль вершителя судеб, доли («мерос»), жребия, судьбы — перешла целому коллективу мойр («мойрос»), эстонский Марадус ближе к этой функции меры и судьбы был свой у каждого человека. В русском языке от этого понятия доли и меры остались от древности: мера, мерка, межа, «отмерено судьбой», мережка и т. д. Из этого спектра становится понятно, что Марс скорее был символом смерти и разрушения, в то время как для громовника разящего более характерен культ победы, которую приносит оружие, поражающее врага. Оружие небесных побед, отблеск которого сияет над людскими бранями. Это волшебная палица Индры и его лук-радуга (Ра-дуга, дуга солнца Ра и древнейшее название Волги — Ра, по А. Н. Афанасьеву). Это оружие солнечного бога Гора, поражающего бога темных и разрушительных сил Сета (Тифона), и оружие Аполлона, поражающее змея Пифона, и разящие стрелы-молнии Зевса, Юпитера, Перуна (что Перун — это Юпитер, отмечено в чешских глоссах еще 1202 г.). Для их культов характерна клятва на оружии: «А Ольга... по русскому закону кляшася оружьем своим и Перуном».

Интересно сопоставление солнечного победоносца тьмы Гора (Гороса, Ория) со славянским Хорсом и Георгием Победоносцем, поражающим Змея, — олицетворение сил Тьмы и Зла. Становится ясным, почему громовники Юпитер и Зевс, заняв верховный солнечный трон, передали свои «оружейные» функции Марсу и Аресу, а у славян этого не произошло, поскольку Перун не успел на верховном троне утвердиться, солнечные культуры жили еще долго, особенно Ярило (Varuna, Uran) с ежегодным праздником Яр-Морок (английское Year — год, немецкое Jahr — год). И Морок так и не стал у нас богом войны, как Марс в Риме. Ныне солнечный трон вернулся к солнечному Христу, минуя захват его громовержцами, оставшимися у нас второстепенными.

Не причисляю себя к сторонникам псевдомарксистской тенденции искать в мифологии отражение быта»*. Однако считаю, что

* Не разделяю, например, точку зрения О. М. Фрейденберг, считавшую, скажем, притчу о въезде Христа («Миф и литература древности», с. 503—511) в Иерусалим на осле иновыражением местного обряда совокупления женщины с ослом на священном камне. (Два примечания О. М. Фрейденберг: а) «У древних семитов осел был божеством неба, но одновременно и тотемом, т. е. божеством племени. Помимо Иуды и Иссахара ослами-племенами были Сехем, Хамар и другие». б) «Плутарх сообщает, что у древних египтян почиталось божество Тифон, или Сет; в нем олицетворялись самые темные и разрушительные силы природы. Этот Тифон имел свое культовое соответствие в Осле. И этот Тифон представлялся губителем и злым врагом своего брата Озириса, бога светлого и благостного» (с. 459). Во всех религиях функции мифа были глубже, сложнее, идеологичнее, чем отражение или закрепление особенностей материального быта. **(Прим. авт.)**

исследование загадочных крушений пантеонов, смены обрядности, революций и войн в небесной сфере помогут разобраться во многих исторических катаклизмах и этнологических явлениях.

Вот, например, что увидел В. Солоухин в христианской иконе Георгия-Победоносца: «Возмездие — одно из самых понятных и возбуждающих дух человека чувств. Чудовище всесильное, стоглавое, хищное и ненавистное. Каждый день оно сжирает по прекрасной девушке, губит по чистой человеческой душе. И вроде бы нет управы, нет избавленья, но появляется юноша в развевающемся красном плаще на ослепительном белом коне и подымает копье, которое неотразимо. Возмездие! Что может быть справедливее этого чувства!»

Уместно заметить, что англичане чтили Георгия как до, так и после принятия христианства. Это мститель богу Зла Сету проносит свой красный плащ и через Египет коптов, и через дохристианскую Болгарию, и образ этот — отражение как небесных, так и земных переворотов.

Из изложенного следует, что состояние славянского пантеона перед принятием христианства не допускало мысли о примитивной «хаотичности культов» типа «поклонения таинственным силам природы», или тотемичности вроде «матери моржихи» или «детей крокодила», а представляло форму общеевропейской системы с акцентом на верховенство солнечных богов, сходной с древней индо-иранской космогонией и, судя по некоторым признакам, быть может, даже более первичной.

Перейдем теперь к исторической обстановке, предшествующей 988 году, поворотному в культурной истории России. Выше мы уже цитировали мрачную картину — лейтмотив концепции «цивилизаторской роли», «приобщения к Европе» и т. д. В этой картине неправдой является почти каждое положение, поэтому опровергать ее придется подетально, опираясь на конкретные факты, а не «утверждаясь только на одних догадках», как писал Михайло Васильевич, «которые весьма неосторожны и предосудительны».

Начнем с исторического окружения и соседей. Цитирую: «Кругом были «немцы», то есть люди, говорившие на недоступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь «из невести», а граничившая с Русью степная полоса — это «страна незнаемая» (с. 249). Это пишется об эпохе, когда вплоть до границ нынешней Франции разливалось славянское море. Море единого этноса, говорившего почти на одном языке, не испорченное еще ни немецкими, ни монгольскими нашествиями. «...Славенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от какого другого не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде рождества христова» (Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. ГИПЛ, 1950, с. 468).

Лейпциг тогда назывался Липском и был центром славянской области лужичан, потомки которых живут там до сих пор. Дрезден был Дроздянами, Мейсен — Мишнами, Мерзебург — Межибором, а населяли все эти земли — нишане, мильчане, седличане, дечане и хутичи, а на севере знаменитый Бранденбург был Бранибором, центром обширных славянских княжеств, которые

были завоеваны немцами только в середине XII века. Это все в границах нынешней Германии, не говоря уже о Польше. Далее на юг, вплоть до Червоной (Красной) Руси, вошедшей в состав Государства Русь в 981 году, простиралась Великоморавская держава славян, объединенных Пражским княжеством. Еще южнее были земли угорских славян, которые до сих пор называются украинцами Угорщиной, а тогда на берегу Дуная стояли Вышеград и Новгород. Печи, которые потом стали Пештом. Эта область Венгрии вплоть до 1400—1600 годов называлась Новоградом. Хунгары (джунгары, уйгуры) завоевали и стали порабощать эту страну только в X веке. А еще южнее была Валахия и Болгарское царство. Даже Австрия (Острия) еще не подверглась к этому времени глубокой германизации, там еще были славянские князья, города Светла (Цветль), Ракоусы и др.

Но, быть может, русы тогда не знали, «в страхе покинутости» прячась за деревьями в результате «угнетающего воздействия одиночества», что вокруг братья-славяне, а не «немцы»? Или «боязнь грозных явлений природы» мешала им выйти из «редконаселенных лесов, болот и степей»? Нет! История свидетельствует, что картина была совсем иная, чем рисуют нам эти пугающие сказки:

«В лето 6477 (969 г.). Рече Святослав к матери своей и к боярам своим: (Внимание! До крещения Руси еще 20 лет. Что такое 20 лет, проще всего понять так: 1917 г. и 37-й или 37-й и 57-й.) «Не любо ми есть а Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грекъ злато, поволоки, вина и овощевыя разноличныя, из «Чехъ же, из Угоръ сребро и комони...» Это написано в «Повести временных лет», источнике доступном. Значит, знали в Русском государстве и о Великоморавской державе, и об Угорщине. Торговали и общались. Сказочка о «немцах» не проходит. Даже четыре века спустя, уже после углубления расслоения славянских языков, запорожцы, находясь под польско-литовской оккупацией, отправляли в Чехию воїсковые дружины на помощь гуситам в борьбе с закованным в броню рыцарством Европы.

Теперь о «незнаемой» «невести». В те времена в этой «граничащей с Русью степной полосе» дирижировали кочевниками две крупнейшие державы: Византия и Хазария. Это Хазария направила сюда орды печенегов, натравила их на перекочевавших в это район хунгар и вытеснила их в Европу. Арабы называли хунгар — badджгард, то есть башкирами, отсюда долго в литературе кочевала легенда о приуральском и приволжском происхождении угро-финских племен. Это Хазария сообщала Арабскому халифату, что защищает мусульманский мир от русов, и неоднократно насылала кочевые орды на русские города. Иосиф сообщал, что каганат контролирует речные пути — задерживает русов, «прибывающих на кораблях» по Волге.

По-видимому, разобравшись с этой «незнаемостью», пройдя через «невесть», в 965 году Святослав наносит смертельный удар по каганату: «В лето 6473. Иде Святославъ на козары: слышавше же козари, изидоша с княземъ своимъ Каганомъ и ссупишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаромъ и град нхъ и Белу Вежю взя».

И еще два факта. Первый поход русов на кораблях в Каспийское море зафиксирован источниками за сто лет до победы Святослава, а за двести лет до нее могучая Сасанидская империя персов не смогла взять Константинополь: не было у них **флота**! А в 913 году, по свидетельству Масуди, на 500 кораблях, через Керченский пролив, Дон и Волгу, русы, пройдя через все Каспийское море, напали на арабов, которые оккупировали тогда Азербайджан и Иран, кровью вытравляя там Солнечную религию и насаждая ислам. Поход этот, вначале очень успешный, окончился неудачно, так как на обратном пути мусульманская наемная гвардия Хазарского кагана вероломно напала на русов, и в трехдневном кровопролитном сражении русы потерпели поражение. Но сам факт похода настолько контрастирует с байками о дохристианском одичании и ограниченности географического кругозора, что можно только диву даваться, как все это может дружным хором исполняться нашей общественной печатью.

Стремясь сосредоточить внимание на главных вопросах становления русской культуры и государственности, мы сознательно вывели из круга рассматриваемых проблем такие темы, как «красота богослужения» *, а ведь, не разобравшись с этим, невозможно понять ни раскольников, ни духоборов, ни типично славянских лозунгов гуситов: «Бог в душе» и «Разум сильнее догмата». Не касаемся мы ни связи кириллицы с праславянским слоговым письмом, ни работ Ломоносова о преимуществах греческой азбуки перед латынью, хотя все это также нуждается в обсуждении. И все это сделано для того, чтобы, рассмотрев предысторию русского народа и государства перед принятием христианства, взвесить политические и культурные последствия этого шага. Да, именно государства, ибо была уже сложившаяся государственность к этому времени, да и сам акт этот тоже был государственным. Ведь именно с этих позиций и возрастает значение христианизации Руси как духовного праздника: возврат веры, соответствующей духовному миросозерцанию русского народа, проклятие своекорыстию и стяжательству, объявление этих свойств ущербных душ формой духовного преступления, караемого небесами, гимн братской общности в противовес духовной разобщенности и беззащитности, насаждаемой силами зла.

Да, отгремели салюты Тысячелетия, возрождающие интерес к истинной истории народа и его духовной жизни. Предстоит период осмысления и обсуждения исторических, культурных, нравственных аспектов, а также и «заблуждений, застрявших в общих курсах истории СССР и других полуофициальных изданиях», как правильно пишет академик Д. С. Лихачев. Только вот главное заблуждение, которое там застряло, — это его собственное положение о предхристианской дикости и «варварстве», повторяемое многоголосым литературным хором. Это и миф, противопоставляющий «просвещенную» уже Европу варварскому азиатству славян, это и сказки, что культура нам была внесена в готовой, совершенной форме, а не наоборот, что славянская культура положила фундамент всей европейской цивилизации, как это было на самом деле. И надо понимать, что такие положения унижают не только наш народ, но и христианскую церковь, как одну из форм его миросозерцания. Надеюсь, статья поможет читателям сориентироваться в поиске так необходимой сейчас нашему народу точки опоры на свое прошлое.

---

* Якобы прельстившая славян при выборе религии. (Прим. авт.)

ДЕПУТАТ-ДЕМОКРАТ-ГУМАНИСТ-ПЛЮРАЛИСТ-СИОНИСТ И Т. Д., ИЛИ ВОЙ ИЗ-ЗА БУГРА

Как-то поздним вечером, вращая ручку коротковолновой настройки своего приемника, я наткнулся на очень знакомый радиоголос. Прислушавшись, я узнал его: на волне неизвестной мне радиостанции выступал с жалобой на патриотический журнал наш известный депутат-стихотворец. Одно лишь смущало: его английский акцент. Странно, подумал я, неужели «поэт-интернационалист», не вылезая из-за границ, настолько обамериканился, что собственный язык стал для него чуть ли не иностранным? «Поэт-демократ» из-за кордона (видимо, для большей безопасности) обращался к редакции журнала «Молодая гвардия» со словом, как говорили раньше, «облитым горечью и злостью». Я не совсем уверен, что выступал лично поэт-депутат (хоть голос был очень похож, тем не менее смущал акцент...). Может, это был его американский двойник, или израильский родственник, или кто-то из международной команды его эпигонов. И все же я эту речь записал. Одно плохо: не с самого начала. Боюсь, что эта радиопередача прошла мимо работников Вашей редакции, и поэтому высылаю Вам текст услышанного мной воя из-за бугра.

«Я не читаю этот консервативный, антидемократический, перберско-вандейский журнал. Сын культурной киоскерши, обделенной званием «Заслуженный работник культуры», я в глубине души и внешне — американо-англо-израильский джентльмен. Моя пресса — «Playboy» и «Ogonyok», «Ierusalem-times» и «Literaturnaya gazeta». Я не читаю «Молодой гвардии», но почему-то ее читают широкие и отсталые слои населения. Анонимы из «Памяти» прислали мне № 1 журнала за этот год, где напечатана статья некоего Хатюшина, обозвавшего автора «Бабьего Яра» и гениального проекта о реформе Soviet Army — лжепоэтом.

Кто есть Хатюшин? Может, он вышел из хатюши-катюши? То есть — монархист и милитарист? О, это высокомерное русское имперское мышление!

Другой Ваш автор-критик — Бушин. В одно время он письменно назвал мистера Иуду более достойным, нежели я, кандидатом в парламент Soviet Imperiya. Я, всемирно известный поэт, депутат, почетный гражданин США и Израиля, — не позволю! Да я на Бушина самому Бушу донос напишу! Он, Бушин, пишет обо мне и о навозной куче в газете «Sovietskaya Rossia», более консервативной, чем «Times».

Я не нюхал настоящего навоза, я — сын культурной киоскерши, а не вонючего русского колхозника. Наконец я — депутат парламента Soviet Imperiya, что есть эквивалентно статусу lorda в цивилизованной стране. Навозом я называю этот ленивый русский народ — Бушиных, Хатюшиных, Леоновых, Шолоховых... O Russian coaly! O vandejtsy! Мой друг и украинец мистер Коротич не есть ленивый, а потому он — коммуникабельный и бизнес-сменный шеф «Ogonka».

Я известен и всему миру киноискусства. Меня приглашали на роли Христа, Сирано, Гитлера, Каттани и рабыни Изауры, но из-за идеологического пресса товарища Суслова я не смог реализовать эти лестные предложения. Сейчас я приглашен итальянцами для съемок в новом фильме «Империя и золоты». Мы будем делать много дублей и дублонов. Я буду целовать в роскошном иерусалимском саду бородатого консерватора из «Памяти», выступающего против бизнес-сменов. Гонорар — 30 000 сребрен... (excuse) dollarov в час. Я не против бизнеса. В заключение я хочу ответить Хатюшину и Бушину настоящей поэзией. Ибо я не просто поэт, а поэт-политик.

Идет белая манна,
в синий рот мой скользя.
Мне бы жить без обмана,
да, наверно, нельзя.

Настигнался я с ложью,
но изречь не боюсь:
быдлом и бездорожьем
мне смердит ваша Русь.

Псы, вандейцы, фашисты
с легионом коал,
в пику вам сионистов
я на помощь позвал.

За великий Израиль,
как баранов, они
бьют арабов без правил,
без газетной грызни.

Это ж вроде забавы —
попинать, пострелять.
Полетел я для славы
в Тель-Авив, вашу мать.

В сионистском мундире
звал бейтаровцев в бой.
Брящал что-то на лире
и гордился собой.

Никогда не забуду
синагоги, Восток.
Фарисеи, Иуды —
вызывают восторг.

Я с навозною кучей
в сверхпахучем ярме
пофехтую и круче
поизмажусь в дерьме.

Русским быдлом изранен,
но надежда моя —
если будет Израиль,
значит, буду и я».

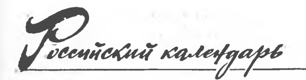
Уважаемая редакция! Может быть, я отстал от жизни и знаменитый на весь мир «поэт-политик» уже переслал вам свое обращение по почте или ответил вашему журналу через прессу? Хотелось бы знать: отреагировал он хоть как-то в печати на критику в его адрес, с которой не раз выступал ваш журнал? Ведь по правилам советской печати на конструктивную критику все обязаны отвечать в месячный срок... Очень прошу ответить мне со страниц своего издания, так как «демократической» прессы давно не читаю, а западным радиоголосам — не верю. Или, может, они опять обманули меня и многих других, кто их слушает, поддельным выступлением всемирно прославленного депутата-стихотворца?

В. СОРОКИН, преподаватель,
г. Киев

ОТ РЕДАКЦИИ.

Уважаемый товарищ Сорокин! Сообщаем, что нам действительно ничего не было известно о выступлении по западному радиовещанию «мирового» поэта в ответ на публикации в «МГ» о его политической, доносительской и стихотворческой деятельности. Спасибо за присланный текст его обращения к нам, а то ведь мы думали, что он то ли из страха, то ли из-за неимения аргументов сидит голой задницей на печи у себя на даче и, набрав в рот воды, отмалчивается, ждет, когда вода закипит. Теперь нам стало ясно: просто ни один «либеральный» орган печати не решился опубликовать то, что наговорил в эфире (из-за кордона!) этот во все времена гонимый, бесстрашный и почитаемый «демократами» всех времен и народов депутат-демократ-гуманист-плюралист-сионист и т. д.

●

МЕСЯЦ ИЮНЬ

1

1389: память благоверного князя Московского Дмитрия Донского (род. в 1350), показавшего подвиг праведной и благочестивой жизни. Рано постигнув науку московской политики, заключавшейся в сочетании силы и милосердия, великий князь Дмитрий Иванович решал и военные, и созидательные задачи. Память о великом князе жива всегда и особенно увеличивается в годы войн и опасностей. Именем Дмитрия Донского, например, была во время войны с фашистской Германией названа танковая колонна, созданная на средства верующих.

Канонизирован на поместном соборе в июне 1988 года.

1891: наследник цесаревич (будущий Николай II) своею рукой положил первое основание «делу мира и просветительной задачи России на Дальнем Востоке» (слова Александра III) — привез первую тачку на постройку Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути. Во Владивосток Николай Александрович прибыл на обратном пути после совершения кругосветного путешествия.

2

1431: обретение мощей св. Алексия, митрополита Московского и всея Руси. Им построен был в 1365 году Чудов монастырь в Москве. После разорения в 1812 году от неприятеля монастырь возобновлен в 1813 году.

1804: в селе Новоспасском Ельнинского уезда Смоленской губернии родился Михаил Иванович Глинка, создатель русской национальной оперы и родоначальник русской художественной музыкальной школы.

3

1521: празднество сретения Владимирской иконы Богоматери (в память спасения Москвы от нашествия крымского хана Шах-мат-Гирея).

4

1547: скончался митрополит Московский и всея Руси Даниил, «рязанец». В 1515 году братия Иосифо-Волоколамского монастыря избрала его из своей среды,

5

1164: обретение мощей Леонтия, епископа Ростовского, «третьего гражданина русского мира». Проповедовал в Ростове, среди язычников, которые хотели уже его убить, но преподобный вышел к ним, несмотря на отговоры, и тем посрамил их злые намерения. Скончался он в 1073 году. В 1609 году литовцы опустошили Ростов, похитили золотую раку святителя и драгоценную икону его. В 1800 году усердием ростовских жителей установлена серебряная рака.

В сей день — собор Ростово-Ярославских святых, святителей и чудотворцев.

1916: начало большого наступления генерала Брусилова от Припяти до границы Румынии («Брусиловский прорыв»).

Всемирный день окружающей среды.

Основную роль в охране природы России в конце XV — середине XIX века играла деятельность общин, исходящая из экономической целесообразности.

6

1186: преподобного Никиты Столпника, Переславльского чудотворца. Мощи его находятся под спудом Никитского монастыря в Переславле-Залесском, достойного примечания по древности своей и по огромности здания.

1571: в последний раз Москва сожжена крымскими татарами.

7

1762: учреждение государственного банка (Петром III), указы о свободной отправке хлеба за границу, о вольности дворянства, о секуляризации церковного имущества, о свободе вероисповедания. В 1988 году во время визита в Англию Р. М. Горбачевой ей подарили портрет Петра III (для Советского фонда культуры).

1798: в Санкт-Петербурге родился Алексей Федорович Львов, дирижер придворной певческой капеллы, автор музыки русского национального гимна. По поручению государя Николая I Львов сочиняет музыку на слова В. И. Жуковского «Боже, Царя храни, славному долги дни дай на земли». Мелодия должна была стать «годной для церкви, для войска, годной для народа от ученого до невежды». Первоначальное название Жуковского — «Молитва русского народа». 23 ноября 1833 года состоялось первое исполнение гимна (хором и двумя оркестрами) в присутствии Николая I. Прослушав гимн, царь сказал, обращаясь ко Львову: «Спасибо, ты совершенно понял меня». С 25 декабря 1833 года гимн стал официальным. До того исполнялась музыка английского национального гимна.

Львов был, по свидетельству Шумана, и скрипачом-виртуозом, и композитором — ему принадлежит до сорока музыкальных произведений, в том числе четыре концерта.

8

1857: скончался архиепископ херсонский Иннокентий Борисов, знаменитый богослов и проповедник. Им воссоздан в 1826 году журнал «Христианское чтение», в 1837 году основано «Воскресное чтение». Часть богословских лекций его, записанных слушателями, напечатана в 1869 году в Киеве. Ему же принадлежит мысль издания «Епархиальных Ведомостей». Полное собрание сочинений Иннокентия Борисова вышло в СПБ, в 1871—1877 годах в одиннадцати томах.

9

1554: обретение мощей преподобного Нила Селигерского.

Повсегодно в Ниловой пустыни в сей день бывает обнесение св. мощей преподобного Нила вокруг монастыря, установленное в 1756 году. А также крестный ход из всех церквей города Осташкова.

10

1283: память святого Игнатия, епископа Ростовского.

1723: указ о построении в Усольском уезде медных заводов.

11

1831: скончался Иван Иванович Дибич-Забалканский, генерал-фельдмаршал, герой русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Разбиты главные силы верховного визиря, покорена крепость Силистрия, перейдены Балканские горы, взяты крепости Бургасского залива и занят Адрианополь. Оттоманская Порта решительно просила пощады.

12

1672: родился Петр I... Несмотря на ночное время, царь Алексей Михайлович тотчас разослал гонцов ко всем знатным людям московским. Боярынь известили особые гонцы от царицы Натальи Кирилловны. В 5 утра отслужили молебен в Успенском соборе. Обойдя все кремлевские соборы и монастыри, царь наградил родственников царицы, и начались родинные и крестинные пиры. Особо выделялись на столах сахарные фигуры: Кремль с людьми конными и пешими, орлы по полтора пуда весом, лебедь в два пуда. Кто не мог быть на пиру, тем посылали гостинцы на дом.

1765: родился князь Петр Иванович Багратион, полководец, герой 1812 года.

14

XI в.: преподобного Агапита Печерского, врача безмездного.

1649: царский указ, лишающий англичан торговых привилегий.

15

1651: из города Албазина отправилась в Даурию частная экспедиция Ерофея Павловича Хабарова, снаряженная на личные средства. Огромные долги за снаряжение этой экспедиции висели на Хабарове почти до смерти.

16

1700: в якутской приказной избе записана первая «скаска» со слов Владимира Васильевича Атласова (ок. 1661—1711), выходца из устюжских крестьян, возглавившего в 1697—1699 годах первую экспедицию на Камчатку. В Сибири служил до того более 20 лет. Был инициатором похода, всю экспедицию снаряжал на свои средства. 10 февраля 1701 года в Москве в Сибирском приказе записана вторая «скаска». Атласов получил чин казачьего головы «за присоединение Камчатки к России».

18

1150: день перенесения св. мощей благоверного Киевского князя Игоря (преставился 19 сентября 1147) из Киева в Чернигов. Празднество игоревской иконы Божией Матери, ему принадлежавшей и перед которой схимник-князь молился в последние минуты жизни.

19

1671: казнь Степана Разина в Москве... Воевода Иван Милославский мужественно защитил Симбирск от разинских полчищ. Воевода князь Барятинский с 1500 ратными людьми разбил Разина наголову. Сам Разин был ранен. Видя, что дело плохо, он обманул толпы людей, приставших к нему, приказал им стоять под городом и дожидаться его, а сам бежал на Дон с донцами. Домовитые казаки во главе с атаманом Корнилом Яковлевым взяли его. Разин казнен. Только Астрахань сопротивлялась долго. Пыткам подвергался митрополит Иосиф, призывавший усовеститься разинцев, а затем сброшенный ими со стены. Вскоре воевода Милославский взял и Астрахань.

20

1427: память преподобного Кирилла, игумена Белозерского (им в 1397 году построен Кирилло-Белозерский монастырь), и Александра, игумена Куштского.

1653: возвращение в Москву из двухлетнего путешествия на Восток (Константинополь, Египет, Иерусалим) Арсения Суханова (умер в 1668) — русского церковного деятеля, дипломата и писателя, владевшего тремя языками, бывавшего на Афоне, ставшего келарем Троице-Сергиевского монастыря, а затем возглавившего Московский Печатный двор, автора многих сочинений.

21

1786: родился в селе Сутоки Духовицкого уезда Смоленской губернии Федор Николаевич Глинка, поэт, воин, публицист, археолог. Скончался на 94-м году в Твери, в 1880 году. Похоронен с воинскими почестями.

22

ПАМЯТЬ ВСЕХ СВЯТЫХ, В ЗЕМЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРОСИЯВШИХ

1941: вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР. Начало Великой Отечественной войны.

24

1613: венчание на царство Михаила Федоровича Романова. Пожарский получает звание боярина. Минин — думного дворянина.

25

1604: грамота Бориса Годунова о войне с самозванцем.

26

1395: кончина преподобного Андроника, ученика Сергия Радонежского. Трудами Андроника и иждивением св. Алексея-митрополита в 1360 году построен в Москве на берегу реки Яузы Андрониев монастырь, много разорения потерпевший в 1812 году, но в 1813 году исправленный тщанием архимандрита Феофана.

28

1461: с. Ионы митрополита Московского и всея Руси. В Успенском соборе, где мощи его почивают, — празднество.

1789: скончался Семен Ефимович Десницкий — «коллежский асессор, римских и российских прав доктор, бывший в Московском университете публичный ординарный профессор, юриспруденции в Императорской Российской академии член», праотец русской юридической профессуры.

29

Преподобного Тихона, епископа Амафунтского, Луховского. В Москве его имени церковь у Арбатских ворот (сов. в 1689 году в присутствии царевны Софьи Алексеевны патриархом Адрианом).

1865: штурм и взятие Ташкента русскими войсками.

30

1622: кончина преподобного Иринарха Соловецкого, чьи мощи почивают в Соловецком монастыре вместе с мощами св. Савватия, Зосимы и Германа.

Соловецкий монастырь Архангельской епархии первоначально основан со времен Новгородской республики преп. Савватием в 1429 году. Зосимою воздвигнута церковь во имя Преображения Господня и устроено общежительство. Монастырь был богато одарен и украшен царями и частными людьми; огражден каменной стеною с пушками и имел богатую ризницу, библиотеку, 5 церквей, в коих 11 престолов.

1698: разгром войсками Шеина и Гордона стрельцов под Воскресенским монастырем. Сентябрь — октябрь — массовые казни стрельцов Петром I, вернувшимся из заграничного путешествия.

Составил Игорь ДЬЯКОВ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читателей о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но без предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция необязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

По просьбе читателей, организаций, колхозов, совхозов, малых и совместных предприятий, кооперативов, желающих оказать финансовую помощь журналу «Молодая гвардия», сообщаем наши реквизиты: р/счет № 00060В075 г. Москва, Тихвинское отделение Мосбизнесбанка МФО 201553, код Д-9.

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 10.04.91. Подп. в печ. 14.05.91.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 424 000 экз. Заказ 2064. Цена 1 руб. 25 коп. по подписке, в розницу 3 р.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Наступил июнь — щедрый месяц для сбора лекарственных растений, целебных ягод, кореньев и грибов.

В этом месяце собирают цветы бузины черной, боярышника кроваво-красного, ромашки аптечной, зверобоя, душицы, ландыша, листа подорожника, мать-и-мачехи.

Не забывайте и о сборе земляники лесной, грибов—подберезовиков, подосиновиков, маслят, сыроежек.

Напоминаем, что надо быть внимательным и осторожным.

Перед выходом в лес непременно посоветуйтесь с работниками приемных пунктов потребительской кооперации, какие растения можно собирать в вашей местности. Очень важно, чтобы каждый сборщик знал и о растениях, занесенных в Красную книгу.

Мы все одинаково ответственны за то, чтобы дары природы служили челповеку долго и надежно. При сборе пекарственных растений ни в коем случае не нарушайте корневую систему!

Желаем успеха!